

63 3/2/622.5
Н 301

НАРОДНЫЕ ГЕРОИ

Издательство
политической
литературы

Борьба во вражеском тылу была суровым испытанием на прочность нашего духа. Там, за сотни километров от линии фронта, высокие понятия патриотизма и интернационализма, ленинской дружбы народов, преданности делу Ленина, делу Октября измерялись особой меркой. Как коммунист и гражданин я говорю сегодня с чистой совестью: партизаны и подпольщики до конца выполнили свой долг перед матерью-Родиной.

Дважды Герой Советского Союза
А. Ф. ФЕДОРОВ

66.61(2)272.2

Н30

Составитель Л. Ф. ТОРОПОВ

Н30 **Народные герои / Сост. Л. Ф. Торопов.— М.: Политиздат, 1983.— 303 с., ил.**

В книге рассказывается о секретарях подпольных партийных комитетов, которые в годы Великой Отечественной войны, находясь в тылу врага, возглавили борьбу партизан и подпольщиков против немецко-фашистских захватчиков. За мужество и героизм все они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Авторами выступают участники описываемых событий, писатели и журналисты. Книга рассчитана на массового читателя.

Н 0505030202—188 202—83
079(02)—83

66.61(2)272.2
ЗКП1—15

© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ ГЕРОЯХ

Предлагаемый читателю сборник очерков «Народные герои» посвящен секретарям подпольных крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, и сюжетно обращен к прошлому — к годам яростной борьбы нашего народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Но и сейчас, в условиях напряженной международной обстановки, вполне очевидна его актуальность. Помещенные в нем очерки со всей наглядной убедительностью напоминают о поучительных уроках истории всем тем, кто сегодня вновь угрожает миру и нашему мирному строительству.

В сборнике запечатлен в главных чертах образ нашего борющегося народа, его партии, плоть от плоти которых — герои данной книги. Их имена: И. И. Бакулин, Е. И. Барыкин, А. А. Борканюк, А. Д. Бородий, Ю. Т. Витас, А. Е. Клецев, И. П. Кожар, В. И. Козлов, Р. Н. Мачульский, О. П. Ошкалин, Н. Н. Попудренко, И. В. Сергиенко, С. И. Смирский, Н. И. Сташков, А. Ф. Федоров, В. З. Царюк, В. Е. Чернышев, Г. И. Шелушков.

Они предстают перед читателями во всей их духовной и идейной мощи, в ореоле мужественной борьбы, поднятой ими на временно оккупированной врагом территории, борьбы, составившей, по сути, второй фронт в тылу врага.

В условиях жесточайшего террора, насилия и истребления, пасаждаемых носителями «нового порядка», жил и боролся наш народ. Жила и боролась вместе с ним наша партия. Она направляла эту борьбу, сплачивала воедино все патриотические силы страны, представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, людей различных возрастов и национальностей.

Благодаря заранее предпринятым нашей партией, ее Центральным Комитетом мерам на территории, временно захваченной фашистами, с первых часов и дней войны в

подполье действовали все звенья партии — от ее групп до ЦК республики.

География сборника убедительно показывает это. Наряду с другими на Украине действовали Киевский, Харьковский, Житомирский, Черниговский, Днепропетровский, Чернигово-Волынский обкомы; в Белоруссии — Минский, Гомельский, Пинский, Брестский, Барановичский обкомы и Столбцовский межрайком; в Литве — Вильнюсский горком; в Латвии — Земгальский обком.

Члены этих подпольных организаций были подлинными полпредами партии и с беспримерным мужеством и самоотверженностью изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год выполняли свою труднейшую историческую миссию.

Не щадя жизни, а порой жертвуя ею, они на протяжении длительного времени решали все стороны деятельности подполья: налаживали связь с партизанами и формировали партизанские отряды и соединения, организовывали экономический саботаж и срыв военных мероприятий фашистских захватчиков — боевых и карательных операций, непосредственно руководили подрывными акциями на железнодорожных и водных стратегических магистралях, одновременно с этим искали и находили пути спасения советских военнопленных из гитлеровских концлагерей и тысяч советских людей от угона в фашистское рабство; вели огромную политico-воспитательную работу среди населения оккупированных районов по разоблачению несостоительности и фальши гитлеровской пропаганды, организовывали регулярную информацию тыла о происходящих событиях и т. д.

Особый размах все эти действия приобретали в момент рейдов партизанских соединений, в частности тех, которыми командовали прославленные партизанские вожаки А. Ф. Федоров, В. И. Козлов, И. П. Кохар и другие.

Становится очевидным, какую неоценимую лепту внесли они в исход решающих сражений Советской Армии с гитлеровскими полчищами под Москвой, Сталинградом, Курском, а затем и в окончательный разгром врага. Однако ясно и другое: для коммунистов, всех советских людей война никогда не была и не может быть самоцелью.

Освобождая от врага захваченные советские территории, полпреды партии восстанавливали в этих зонах мирную жизнь.

Люди знали: раз действует подпольный партийный комитет, значит, партия с ними, значит, непобедима Советская власть.

Незабываемый эпизод: секретарь Минского подпольного обкома партии, преодолевая смертельную усталость после бессонных ночей и бесчисленных боев с фашистскими катарелями, едет по освобожденным селам и поднимает людей на весеннюю посевную. Это более чем рачительность заботливого хозяина. Это жизненная позиция коммуниста, всех советских людей. Они верили:

— Не вечна война! Придет скоро то, чем прекрасна жизнь,— мир, а вместе с ним и созидание.

Этим пронизаны самые сокровенные глубины разума, души и сердца советского человека, и ради этого он готов идти на поступки, достойные самых высоких чувств человека, подобно сестрам Марии и Евдокии Тышкевич.

Щелкнул ключ в дверях фашистской тюрьмы:

— Мария Тышкевич! Выходи!

Сестры переглянулись — камера замерла. Но то, что произошло в следующую минуту, всех потрясло.

Дуся Тышкевич поднялась с места, подошла к сестре, обняла и шепотом сказала:

— Ты останешься. У тебя дети. Пойду я!

И пошла. Пошла на смерть. На смерть ради детей, ради спасения матери тех, кому будет сиять мирное солнце, кому они, погибающие в фашистских застенках, завещали свое великое дело — строительство коммунизма.

В сборнике «Народные герои» война не воспроизведена — она запечатлена в ее самых драматических моментах. Каждый очерк здесь — фрагмент ожесточенной и мужественной борьбы против тех, кто, исповедуя доктрину оголтелого разбойниччьего вандализма, сделал средством своего существования войну.

Советский народ выстоял и победил в годы Великой Отечественной войны прежде всего благодаря той исключительной роли, которую играет в его жизни ленинская партия и весь ее многомиллионный отряд коммунистов, главная цель жизни которых — отстоять и защитить мир на земле.

Призыв этот звучит мобилизующим девизом, под которым выходит настоящая книга и которым пронизаны все ее страницы — от первой до последней.

Н. ЕЛЬШИН

И. И. Бакулин

ВЕРЮ
БЕСПРЕДЕЛЬНО

Не успели гитлеровцы обосноваться в Харькове, как прогремели взрывы: в ноябре сорок первого года взлетел в воздух мост, соединявший район Холодной Горы с центром, чуть позже несколько мин взорвалось на аэродроме. Через 20 дней после прихода захватчиков два мощных взрыва потрясли город на рассвете. Первым была разрушена часть здания на площади Руднева, где размещались эсэсовские подразделения, вторым уничтожен особняк на улице Дзержинского, № 17, занятый под штаб 68-й немецкой дивизии.

Комендант товарной станции Харькова метался со своей командой по ее территории, разыскивая преступников, путавших «карты» захватчиков и вносявших сумятицу и неразбериху в работу транспорта. Неожиданно исчезали нужные надписи на вагонах, пропадали их паспорта и даже оборудование. Кто-то стирал название станций назначения и указывал мелом пункты, находившиеся в противоположной стороне. Из-за таких «мелочей» вагоны с важными грузами, подлежащие немедленной отправке, через сутки обнаруживали в тупиках, а пустые или полупустые, с несрочными грузами загромождали пути сортировочных горок, мешали маневру. Случалось, что паровозы, подготовленные к рейсу, загорались. Выходили из строя водокачки, стрелки на железнодорожных путях.

Гитлеровцы восстановили и подготовили к пуску турбины на Харьковском тракторном заводе. И вдруг — авария, после которой запустить их уже стало невозможно. Из-за поломки двигателя прекратилась подача воды по Кочетокскому водопроводу.

На паровозостроительном заводе, где оккупанты пытались наладить ремонт автомобилей, кто-то уничтожал дефицитные детали, сливал горючее, портил отремонтированные машины.

Горели и взрывались дома и казармы, занятые немец-

кими военными учреждениями и воинскими частями гитлеровцев.

Фашисты не чувствовали себя в безопасности не только в Харькове, но и на всей оккупированной территории области. В том же ноябре 1941 года рухнули в воду опоры моста через Донец. Не успели гитлеровцы восстановить мост, как партизаны Змиевского района снова разрушили его. Почти одновременно со взрывами на Харьковском аэродроме прогремели взрывы на аэродромах в Рогани и Чугуеве.

На пригородной станции Новая Бавария от мощного взрыва погибло много гитлеровцев, прекратилось движение поездов.

В Алексеевском районе было взорвано полотно на участке железной дороги между станцией Беспаловка и разъездом 113-й километр: вражеский эшелон пошел под откос, движение поездов на этом участке прервалось на несколько суток.

Это было сражение, в котором жители Харькова и области наносили противнику удар за ударом. Еще один советский город не хотел подчиниться насилию и оружию, не страшился кровавого террора, а жил и сопротивлялся, боролся с врагом всеми доступными средствами.

Руководил борьбой подпольный обком партии, который доверили возглавить секретарю партийной организации Харьковского сельскохозяйственного института доценту кафедры математики Ивану Ивановичу Бакулину. В состав обкома вошли А. М. Китаенко, И. П. Синицын, И. Ф. Гаркуша, А. И. Мотылевский и И. А. Корзин.

* * * *

Подпольным организациям на Харьковщине приходилось вести работу в исключительно трудных условиях. Пятьнадцать месяцев линия фронта проходила всего в 50 километрах от города, область была наводнена гитлеровскими войсками. Но ничто не могло остановить всенародного сопротивления врагу. Этому способствовала большая организаторская работа партийных и советских органов, проделанная заблаговременно, накануне оккупации.

В области было создано 37 подпольных райкомов партии. В тылу оставалось более 2600 коммунистов. Со многими И. И. Бакулин был знаком по партийным конференциям, других узнал во время обучения в специальной школе, где прошли подготовку более 2 тысяч будущих подпольщиков и партизан.

На случай оккупации Харьковской области предусматривалось создать четыре сельских куста — Богодуховский, Змиевский, Купянский и Петровский, объединявших по несколько районов. Сам же Харьков разбивался на четыре района — Нагорный, Заводской, Железнодорожный и Основянский. Подпольную работу в каждом из них должны были организовать райкомы партии, во главе с секретарями, которых в случае возможных осложнений могли заменить специально подготовленные для этого товарищи.

О том, почему Ивану Ивановичу Бакулину предложили стать секретарем подпольного обкома партии, рассказал начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР генерал армии А. А. Епишев, который в сорок первом году был первым секретарем Харьковского обкома:

«...Отбирая коммунистов для труднейшей и ответственнейшей работы во вражеском тылу, мы в обкоме не могли не остановиться на кандидатуре партийного секретаря сельскохозяйственного института. Многолетняя работа с людьми снискала ему большой авторитет. Его скромность, глубокие знания, подлинная интеллигентность вызывали уважение, располагали уже при первом знакомстве. Но главное, что определило наш выбор, — это глубочайшая преданность делу партии, в которой он состоял с ноября 1928 года. О ней свидетельствовала его работа в районной школе, техникуме, на рабочем и, наконец, в институте, где о доценте Бакулине говорили с особым уважением. В течение трех предвоенных лет подряд его единодушно избирали секретарем партийной организации института».

Высокое доверие радовало и немного тревожило Бакулина — у него, умудренного жизнью человека, не было ни малейшего опыта подпольной борьбы, но тем глубже он осознавал значимость ее и тем решительнее взялся за тщательную подготовку к этой трудной и полной опасностей работе.

Октябрьским утром его вызвали в обком. В кабинете А. А. Епишева находились Председатель Президиума Верховного Совета УССР М. С. Гречуха и член Военного совета 38-й армии Н. К. Попель.

Епишев обратился к Бакулину.

— Иван Иванович, нас интересует, как идет подготовка подполья.

— Явочные и конспиративные квартиры подобраны, — ответил Бакулин. — Оружие и продовольствие завезены на базы.

— Где будет ваша основная конспиративная квартира? — уточнил Гречуха.

— У профессора Михайловского.

— А он надежен?

— Причин для сомнений нет, — твердо ответил Бакулин.

Действительно, тогда, перед уходом наших войск из Харькова, казалось, что предусмотрено если не все, то по крайней мере многое. Но едва в город вошли гитлеровцы, стало ясно: работать придется в неизвестно трудных условиях. Свое водворение в древнем украинском городе захватчики отметили кровавым террором. В первый же день оккупации более ста патриотов были повешены на балконах зданий, деревьях и фонарях центральных улиц. Вскоре это число возросло до тысячи.

В декабре гитлеровцы расстреляли 16 тысяч человек. Разгул фашистов крайне усложнял обстановку в городе и деятельность подполья. Однако в том и состояла задача обкома и Бакулина лично, чтобы заставить врага отступить перед яростью всенародной борьбы, какие бы трудности на пути ни возникали. А они возникали иногда совершенно неожиданно.

Тогда, в кабинете Епишева, Бакулин, говоря о Михайловском, не кривил душой. Он действительно не сомневался в нем, хотя и знал, что профессор — человек с далеко не безупречным прошлым. По происхождению — дворянин. Октябрьской революции не понял и не принял. Воевал против Советской власти. И все-таки после окончания гражданской войны Советская власть, учитывая раскаяние и обещание честно трудиться, простила профессора Михайловского. И как казалось Бакулину, он старательно оправдывал это доверие.

При эвакуации института Михайловский заявил, что из-за болезни — а здоровьем он и в самом деле не мог похвастаться — уехать не в состоянии, и предложил в случае захвата немцами Харькова воспользоваться его квартирой — его-де прошлое будет служить своеобразной охранной грамотой. Более того, он настоял использовать свой профессорский дом в качестве базы продовольствия. Доводы выглядели убедительно, и Бакулин, поблагодарив коллегу, согласился. Вскоре на квартиру Михайловского привезли муку, сахар, концентраты, ценности.

Однако после прихода гитлеровцев состоялся неожиданный разговор, поразивший и поставивший Бакулина в тупик.

— Вы читали объявление о регистрации паспортов? — первоно спросил Михайловский.

— Читал. Ну и что?

— Как что? — округлил глаза Михайловский. — Ведь за отказ — расстрел!

— А я и не собираюсь отказываться, — спокойно произнес Бакулин. — У меня вполне надежный документ. Я Буркун Иван Иванович, преподаватель Основянской школы, беспартийный. Вам нужно только сказать в бургомистрате, что я ваш старый приятель, дом которого разрушен бомбой, и вы приютили меня.

— Никакого Буркуна я не знаю и знать не хочу! — выкрикнул Михайловский.

В глазах его были страх и растерянность.

— Но в чем все-таки дело? — стараясь быть спокойным, спросил Иван Иванович. — По-моему, вы сами предложили мне свою квартиру. Что изменилось?

— Обстоятельства изменились, батенька. Ни я, ни моя жена не желаем валяться с дыркой в черепе или болтаться на балконе в пеньковой петле...

Бакулин понял: спорить, взывать к совести было бессмысленно и небезопасно. Оставалось одно: уйти на другую квартиру. Но на какую?

Бакулин имел несколько паспортов. Самая надежная версия была разработана по паспорту Ивана Ивановича Буркуна. Беспартийный, из-за болезни в армии не служил. Работал учителем математики в провинции. Вызван в Харьков. Последнее место работы — школа в пригороде, на станции Основа. Проверке это не поддавалось, так как школа была разрушена прямым попаданием авиабомбы, школьные документы сгорели.

Паспорт, трудовая книжка, справки надежные. Но при одном условии: в паспорте должен стоять штамп бургомистрата. А для этого нужна квартира, хозяева которой согласились бы прописать его у себя. Адреса у Бакулина, конечно, были, но подыскивать квартиру нужно было только через связных.

Иван Иванович направился на Технологическую улицу (ныне улица Фрунзе), где жила оставленная в подполье обкомом Наташа Данышева.

Данышева была дома, и Бакулин сразу же попросил ее разыскать Евгению Бараповскую, работавшую до войны начальником цеха на заводе «Свет шахтера».

Несколько часов спустя Наташа привела худенькую женщину с тяжелой косой, уложенной вокруг головы. Это

и была Евгения Сильвестровна Барановская, или просто Женя. С того момента с помощью Жени и Наташи Бакулии начал восстанавливать нарушенные связи.

Первым на квартире Данышевой, где несколько дней жил Бакулин, появился Антон Макарович Китаенко — основной секретарь Железнодорожного подпольного райкома партии. Неутомимая Женя разыскала его на улице Котлова. Китаенко жил на квартире своей связной Полины Омельченко, выдавая себя за ее мужа.

Антон Макарович, мастер цеха кондитерской фабрики «Октябрь», не раз избирался секретарем парторганизации на своем предприятии, был человеком энергичным, деятельным. При первой же встрече он обстоятельно рассказал, как ему удалось связаться с большинством подпольщиков района и установить радиостанцию на Дальней Журавлевке, в погребе Анны Лукьяновны Омельченко — матери Полины. Сестра Полины, Мария, оставлена связной для тех, кто будет приходить из-за линии фронта. Она готова к работе и ждет указаний. Китаенко обрадовал Ивана Ивановича, сообщив, что налажен выпуск первых листовок.

В следующую встречу Иван Иванович в свою очередь порадовал Антона Макаровича — отыскались основной секретарь Основянского райкома партии Александр Иванович Мотылевский, территориальный секретарь по Змиевскому кусту Иван Алексеевич Корзин и запасной секретарь Заводского подпольного райкома Михаил Филиппович Дубенко.

Беспокоило Бакулина отсутствие связи с И. П. Синицыным. На него возлагались обязанности основного секретаря Нагорного райкома.

Ничего пока не дали и поиски основного секретаря Заводского райкома Ильи Федосеевича Гаркуши.

Когда собралось большинство членов обкома, Бакулин на первом же заседании со всей четкостью изложил первоочередную задачу — развернуть разъяснительную работу среди населения. Гитлеровцы во все горло кричали о «решающих победах германской армии», «разгроме армии Советов», «скором падении Москвы» и о многом другом, выдавая желаемое за действительное. Слово большевистской правды должно было нейтрализовать вражескую дезинформацию, развенчать ее беззастенчивую ложь.

— Мы должны помочь оказавшимся в оккупации людям разобраться, сориентироваться в обстановке, — говорил Бакулин.

Чтобы решить эту задачу, невероятно сложную в усло-

виях прифронтового города, забитого вражескими войсками, наряду с распространением листовок, изготовленных накануне оккупации (их было отпечатано свыше 5 миллионов экземпляров), подпольный обком партии развернул выпуск новых.

Среди активных помощников Бакулина в этом деле были братья Першины.

...Ночами, когда Харьков забывался тревожным сном и тишину Клочковской улицы нарушали только шаги патрулей да редкие выстрелы, Николай и Александр Першины спускались в погреб, где был спрятан радиоприемник.

Среди приказов, запестревших на стенах домов и заборах после захвата города гитлеровцами, был и приказ об обязательной сдаче радиоприемников. В случае невыполнения грозил расстрел. Но ребята не торопились выполнить приказ.

Коля и Саша слушали передачи из Москвы, записывали сводки Совинформбюро. Утром, как только заканчивался комендантский час, их мать, Татьяна Михайловна, относила исписанные листки на улицу Котлова, № 49, Антону Макаровичу Китаенко. Он составлял текст листовки, затем Татьяна Михайловна, стараясь не попадаться на глаза немцам и полицаям, возвращалась с ним домой. Сыновья от руки размножали его, и Татьяна Михайловна, положив пакет на дно и прикрыв чем-нибудь, снова спешила к Китаенко. Распространял листовки Антон Макарович с помощью надежных людей.

Часто И. И. Бакулин вместе с Антоном Макаровичем читали газеты, поступившие из-за линии фронта, обсуждали тексты очередных листовок и возваний.

Спустя некоторое время Китаенко удалось раздобыть пишущую машинку с избитым шрифтом. Ребята освоили ее и, конечно, приспособили для размножения листовок. И ничего, что выглядели они в их исполнении не очень аккуратно: читавшие их не обращали внимания на скособученные буквы, на кривые строчки. Главное — в них была правда, по которой люди давно истосковались.

И. И. Бакулин настойчиво добивался расширения подпольной организации за счет вовлечения в нелегальную работу преданных делу партии и Советской власти людей. И со временем они появились — добровольные и надежные, бесстрашно разносившие листовки по городу и близлежащим селам.

Самозабвенно отдались делу С. И. Буценко и его жена. Зоной действия они избрали несколько городских районов:

Ивановку, Лысую Гору, а также села Бабки, Константиновку, Боровую. Активно помогал им внук Володя.

Группа В. Т. Тищенко распространяла листовки в центре Харькова. Член партии с семнадцатого года, инвалид, потерявший ногу на гражданской войне, он спокойно разъезжал по центральным улицам на своей коляске, и всем было невдомек, что под сиденьем у него лежат пачки подпольной продукции.

Еще действенней, энергичней стал работать подпольный обком, когда Евгений Бараповской удалось наконец-то разыскать И. П. Синицына, а Бакулину — И. Ф. Гаркушу.

Илья Федосеевич Гаркуша долгое время работал на Харьковском электромеханическом заводе. Был секретарем парторганизации. Когда ему, старому коммунисту, участнику революции пятого года и гражданской войны, предложили остаться в подполье, он с готовностью согласился.

Поиски Ильи Федосеевича затянулись до декабря сорок первого года, хотя оба — и Бакулин, и Гаркуша — сделали для этого все, что они должны были сделать согласно инструкции, полученной перед оккупацией Харькова.

Выждав несколько дней после вступления немцев, Бакулин отправился на Полевую улицу для встречи с Гаркушем. Нашел нужный дом. Назвал хозяевам пароль — ему ничего не ответили. Повторил. Перед ним захлопнули калитку.

И Гаркуша побывал на Полевой, но тоже безрезультатно. Оказалось, хозяева эвакуировались, в доме жили другие люди.

В середине ноября полиция сгнала жителей на улицу Юмовскую засыпать противотанковый ров. Собрать удалось немногих. Тогда охранники стали хватать всех прохожих и совать им в руки лопаты. Так среди неспешно ковырявших землю людей оказался и Бакулин. Рядом с ним лениво бросал землю в ров пожилой мужчина с запорожскими усами.

Познакомились. Бакулин, пообещав хорошо заплатить, попросил Гаркушу помочь перенести уголь из подвала одного дома в другой. Через несколько дней они встретились в условленном месте на улице Чернышевского. Иван Иванович назвался Буркуном, преподавателем математики.

Гаркуша, подивился про себя: уголь носили из одного дома, ссыпали в подвал другого, а потом перенесли в подвал дома № 16 по улице Дзержинского, где его принимал истопник. Однако Илья Федосеевич не проронил ни слова, полагая, что в этом был какой-то смысл. И только потом,

когда в доме № 17 по улице Дзержинского прогремел страшный взрыв и под обломками кирпича оказались похороненными многие офицеры и солдаты штаба 68-й дивизии, командир которой генерал фон Браун исполнял одновременно и обязанности начальника гарнизона, Илья Федосеевич многое понял.

Дело в том, что перед уходом наших войск из Харькова под некоторыми зданиями были установлены радиоуправляемые мины, в том числе и под особняком на улице Дзержинского. Бакулину о существовании такой мины не было известно. Он решил уничтожить штаб по своей инициативе. К этому он и привлек Гаркушу и дворника-истопника, обслуживавшего дома № 16 и № 17, в подвал которого в одной из корзин истопник пронес мину.

К взрыву было все готово. Бакулин ждал удобного момента. Однако его опередил штаб Юго-Западного фронта: был подан сигнал с Воронежской радиостанции, и, как предполагал Гаркуша, «радиоуправляемая мина и наш заряд сработали одновременно».

Бакулин частенько заходил к новому знакомому. Говорили главным образом о положении на фронте и об оккупации. Поначалу оба осторожничали, прощупывая друг друга, потом стали смелее и откровеннее. Однако полностью открыться они не могли и еще долго условно оставались друг для друга один учителем, второй сапожником и печником.

Однажды в последних числах ноября Илья Федосеевич встретил на рынке Михаила Дубенко, который, как знал Гаркуша, тоже остался для подпольной работы. Он-то и устроил встречу с секретарем обкома... Иваном Ивановичем Буркуном. Илья Федосеевич назвал пароль (его он должен был произнести на Полевой улице), а в ответ услышал отзыв, которого некоторое время назад они тщетно оба добивались от хозяев дома.

* * *

*

Короткий январский день уже подернулся сумерками, когда Бакулин зашел к Гаркуше. Жена Ильи Федосеевича, Елизавета Григорьевна, хлопотала на кухне, готовя ужин из скучных припасов. Бакулин, пристроившись около Гаркуши, привычно снял один ботинок, чтобы выдать себя за клиента сапожника в случае, если появится посторонний.

Иван Иванович достал из кармана пальто газету «Нова

Україна», издававшуюся оккупантами в Харькове, и развернул ее, намереваясь «углубиться» в чтение.

— Стоит ли тратить время на брехню,— заметил Гаркуша.

— Что верно, то верно,— согласился Иван Иванович.— Только иногда можно тут о любопытных фактах прочитать, как, например, сегодня в статье «Борьба с экономическим саботажем». Послушайте, что пишут: «Несмотря на то что со дня ухода из Харькова большевиков прошло три месяца, предприятия, предназначенные к восстановлению, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии. Причина такого положения объясняется, нужно сказать откровенно, саботажем...» Обратите внимание, Илья Федосеевич: «сказать откровенно». Каково, а?

— Да-а-а,— усмехнулся Гаркуша,— прямо скажем, вынужденное признание!

Бакулин отложил газету, задумался и перевел разговор на другое:

— Да, истинное лицо человека до конца раскрывается в суровых условиях. Почтенный профессор Михайловский сегодня показал себя еще раз...

— Какие-нибудь новости?

— Игнат Павлович ходил сегодня к бывшему моему коллеге... Попытался хоть что-то получить из прежних запасов в его квартире. Не тут-то было! Пригрозил Синицыну гестапо...

— Жестоко ошиблись в человеке. А теперь приходится остерегаться. Ночуйте сегодня у нас, Иван Иванович. Нетровен час, пустит ищейку по свежему следу.

— Спасибо, Илья Федосеевич. Я, пожалуй, действительно у вас заночую: надо отдохнуть.

Спать улеглись рано. Иван Иванович долго лежал в темноте с открытыми глазами — сон не шел. Где-то внизу протрещал мотоцикл, потом послышался гул колонны машин. Бакулин чувствовал запах кожи, вара и еще какой-то очень знакомый, почти родной... Ах, вот в чем дело: наверное, Елизавета Григорьевна рановато закрыла печную заслонку, чувствуется горьковато-терпкий запах тлеющих углей — так пахло от парового утюга, когда Клава гладила. Как давно это было — еще там, в Зайцеве, когда они стали мужем и женой...

Сколько же лет прошло с той счастливой поры?.. Почти девятнадцать... Девятнадцать лет полного взаимопонимания, любви, доверия, общей интересной работы в те первые и последующие годы их совместной жизни...

Как самозабвенно относилась она к своей работе — и в школе, и в кружках ликбеза, и в группе самообразования... Только поздние вечера оставались ей для домашних дел, и нередко он засыпал, ощущая запах тлеющих углей в утюге, а она, его ненаглядная Клавонька, приводила в порядок их видавший виды гардероб. Директор школы и его молодая жена, учительница русского языка, вполне могли быть примером аккуратности и подтянутости...

Где-то она сейчас, его родная, его единственная?..

За несколько дней до вступления гитлеровцев в Харьков Иван Иванович в письмах жене писал:

«Дорогая моя, после твоего отъезда 22 сентября со всей остротой почувствовал одиночество... Безумно скучаю по тебе, но дело защиты Родины столь серьезно, что у коммуниста не должно быть на сей счет никаких колебаний.

Тебе приходится несладко далеко от родных мест... Но ничего, голубка моя, ты все же в родной Советской стране, и никто не даст тебе погибнуть от нужды... Чувствую безмерность твоего одиночества. Но Родина страдает бесконечно больше, чем отдельные люди, и потому я стараюсь заглушить сердечную боль и беспокойство о тебе... Хочется верить, что еще встретимся и будем жить вместе. Но если слушаю будет угодно нас разлучить навеки, сохрани, дорогая Клава, обо мне воспоминание как о человеке абсолютно честном по отношению к своему долгу перед Родиной, перед народом. Всегда и неизменно я был правдив и честен также и по отношению к тебе...»

* * *

*

Один из руководителей подавления партизанского движения на оккупированной советской территории — Оберлендер доносил в Берлин: «Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех».

Нельзя отказать Оберлендеру в здравом смысле его слов: в трудовом саботаже таилась опасность для оккупационных властей. Но он глубоко ошибался, называя саботаж «пассивным сопротивлением». Факты убеждали в обратном — саботаж был также активной формой всенародной борьбы в тылу врага.

Это признавала и городская управа в своем сообщении коменданту: в Харькове действовало всего 51 предприятие, на каждом из которых работало в среднем по 20—30 человек. Неутешительные сведения!

Враг упорно пытался превратить Харьковскую область в базу продовольственного снабжения своей армии, но его расчеты потерпели полнейший провал.

По призыву подпольного обкома партии жители сельских районов прятали зерно, срывали сроки сельскохозяйственных работ. Характерным в этом отношении был Боровский район. Там в сорок втором году хлеб был убран. Но молотить крестьяне отказались напрочь, и заставить их не смогли никакие угрозы. Под всяческими предлогами крестьяне саботировали посевную, и их ничем нельзя было заманить на созданные немцами «общинные дворы».

При организации саботажа И. И. Бакулин особо выделял срыв вербовки жителей Харькова на работы в Германию. Для этой цели он даже наладил специальную службу при обкоме. Действовавшая тут особая группа изготавливала фальшивые документы, справки и свидетельства о различных заболеваниях, благодаря им десятки людей были спасены от угона в рабство. С этой же целью подпольщики выпустили листовку, в которой призывали харьковчан давать о себе ложные сведения, скрывать свои истинные профессии. Ночью ее расклеивали на заборах, а днем незаметно распространяли у пунктов регистрации населения.

Была еще одна угроза, более страшная, чем угон в Германию,— неминуемая гибель за колючей проволокой концлагерей. В фашистских резервациях такого типа только в Харькове ежедневно от голода и болезней умирали сотни советских военнопленных. Особенно высокой была смертность в Холодногорском лагере. Разумеется, спасение военнопленных Иван Иванович считал своим святым долгом и мучительно искал решение этого вопроса. Перебирая все возможные и невозможные пути, он остановился на одном, самом простом и самом действенном: а что, если привлечь к спасению узников не успевших эвакуироваться харьковских медиков?!

Профессор А. И. Мещанинов, руководивший 9-й городской больницей, взялся за осуществление этой идеи подпольщиков и под эгидой Красного Креста немедленно начал действовать. Он отправился к коменданту лагеря, чтобы убедить его направлять в больницу тяжелобольных и раненых. Комендант согласился: в самом деле — от него требовали полноценную рабочую силу. Но как говорят: «Лиха беда начало». Развивая инициативу, Мещанинов организовал сбор продуктов для пленных и добился разрешения открыть госпиталь на 150 коек.

За несколько месяцев сорок второго года через госпиталь

прошло 550 человек. 9-я больница не охранялась, в лагере строгого учета пленных не велось. Поэтому до поры до времени раненые свободно переходили из госпиталя в больничные палаты, а оттуда выписывались на волю под покровительство жителей города и окрестных крестьян. Советские люди сочувственно и с пониманием отнеслись к этой инициативе и, как могли, поддерживали ее.

С риском для жизни врачи, медсестры и санитарки 1-й больницы и 6-й поликлиники спасали патриотов. Трудно перечислить фамилии всех, кто принимал участие в этом опасном деле.

Борьба ожесточалась и ширилась на всей оккупированной территории Харьковщины. Как потом, много позже, отмечалось в отчете о работе подпольной организации, утвержденном бюро Харьковского обкома КП(б)У в апреле сорок пятого года, Иван Иванович дважды, в ноябре и декабре сорок первого, пробирался в районы области, чтобы установить связи с новыми организациями и оживить борьбу подпольщиков.

Морозы сковали реки, пруды и озера. Порывистый ветер сметал с полей снег, заваливал им овраги и балки. Минуя их и петляя, держась поодаль от людных мест, с фальшивой справкой о разрешении выхода на «менку» (так называли тогда обмен вещей на продовольствие), с листовками, защищенными в подкладке пальто, Иван Иванович пробирался от села к селу. В основном ночью и пешком. В районных центрах он разыскивал подпольщиков, изучал обстановку и с учетом конкретных обязательств определял задачи или сам решал их, советовал, как лучше, успешнее вести борьбу с захватчиками. При этом во главу угла он ставил налаживание практической связи между подпольщиками и партизанами. По прежнему опыту Бакулин знал, что такой союз дает самые действенные результаты при любой крупной диверсии, затеянной против захватчиков.

* * *

2 января 1942 года начальник штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике: «В Харькове подготовлено восстание. 57-ю пехотную дивизию не выводить».

Относительно восстания гитлеровский генерал ошибался. Однако оснований для беспокойства у него было более чем достаточно. В городе и районах области набирала силу всенародная борьба, державшая гитлеровское командование в

постоянном напряжении. С огромными потерями враг отступал от Москвы, но перебросить из Харькова регулярные части, которые были так необходимы для того, чтобы остановить контрнаступление советских войск, он не решался.

В конце марта сорок второго года в Купянске, где обосновался Харьковский обком, состоялся пленум. С докладом на нем по вопросам хозяйственной жизни, снабжению армии продовольствием и, конечно, о задачах по руководству борьбой в тылу врага выступил первый секретарь А. А. Епишев. Понимая всю сложность и важность укрепления связей с подпольщиками и партизанами, пленум утвердил целый ряд мероприятий.

Через линию фронта в Харьков и районы области пробирались связные и разведчики. Они передавали директивы, распоряжения, листовки, а назад доставляли информацию о деятельности партизан и подпольщиков, сведения разведывательного характера.

Оккупированный Харьков по-прежнему оставался прифронтовым городом. Советскому командованию требовалось сведения о количестве вражеских войск, их дислокации, перемещении. Этую важнейшую миссию разведки брали на себя Бакулин и его товарищи.

Член подпольного обкома партии И. П. Синицын вспоминал потом: в конце января сорок второго года И. И. Бакулин поручил ему внимательно следить за расположенной неподалеку танковой частью и немедленно сообщать о любых ее действиях и маневрах. И Синицын регулярно докладывал о малейших переменах в расположении части. В одно утро он услышал рев танковых двигателей. Ему удалось проследить маршрут следования колонны — она направлялась на север, в сторону Белгорода, — и оперативно об этом доложить Бакулину. И как велика была его радость, когда на следующий день он узнал от Бакулина, что наша авиация обрушила на вражескую бронированную колонну мощный бомбовый удар.

Первая и, пожалуй, самая трудная военная зима была на исходе. Морозы держались только ночью, с рассветом же начинались оттепели. Солнце выглядывало чаще, грело сильнее. Но эти отрадные перемены в природе мало радовали харьковчан — в городе свирепствовал голод. Приходилось все чаще уходить на «менку» в села. А ведь и там тоже было не густо.

Зная это, обком партии дважды радиовал Бакулину и дважды направлял из Купянска самолеты с продуктами для подпольщиков. Но оба раза неудачно: первый раз помешала нештатная — летчик не увидел огней, в аэродром не подполь-

щики сами неправильно установили сигнальный факел. Теперь делалась третья попытка.

Получив очередную радиограмму о высыпке самолета, Бакулин, посоветовавшись с членами обкома, отправил в указанный квадрат между деревнями Березовка и Пересечное Богодуховского района трех подпольщиц — Наташу Данышеву, Полину Омельченко и Нелю Дубенко. На то были свои особые соображения: женщинам было легче пройти, их меньше, чем мужчин, проверяли патрули. Однако на другой день после их ухода неожиданно поступила еще одна радиограмма с новым сигналом о приеме самолета. И Бакулину пришлось вдогонку девчата снарядить радиостанцию Лиду.

С вечера подпольщицы разложили на поле кучи соломы, а сами устроились в скирде ждать. Когда мартовская ночь плотно окутала землю, послышался далекий гул. Девчата зажгли кучки соломы. Вспыхнули костры, обозначая границы площадки. Летчик резко «уронил» самолет, прошел над скирдой, покачал крыльями и улетел. На землю с глухим стуком упали тюки. Ставив их к скирде и замаскировав, девушки на рассвете пошли искать подводу.

Нашли быстро. Возница появился как-то сам собой, учаstливо помог погрузить тюки. Не знали девушки, не могли и подумать в ту минуту, что доверились предателю. Все случилось в последнюю минуту — возница вдруг круто завернул коня к комендатуре, девушки не успели даже опомниться, участь их была решена.

Человек дисциплинированный и аккуратный в жизни, Бакулин был еще более дисциплинирован и аккуратен в выполнении правил конспирации. Того же требовал он от других, прекрасно понимая, что провал одного может повлечь за собой новые аресты.

Узнав о провале девушек, он встревожился — надо было спасать остальных людей.

Первому об аресте он рассказал Синицыну и попросил его:

— Передайте Дубенко, чтобы он сам и его семья в городе пока не появлялись. А я предупрежу Гаркушу и Китаенко.

Иван Иванович направился на Юмовскую, к Гаркуше. Рассказывая о неудаче, он изо всех сил сдерживал волнение, и Илья Федосеевич видел, каких усилий это ему стоило. Глубоко спрятанные под бровями глаза поблескивали от первого напряжения.

— Неля ведь там, а она еще девочка! Не хотел, чтобы она шла, так Дубенко, сам отец, уговорил. Эх, Михаил Филиппович!

Гаркуша хорошо знал, как трудно спорить с Михаилом Дубенко. Человек честный, он был слишком горяч и упрям. Илья Федосеевич понимал: укоряя Дубенко, Бакулин прежде всего казнил себя за то, что уступил, поддался уговорам.

— Ну что ж,— вздохнул Бакулин,— сделанного не воротишь. Кое-какие контрмеры уже приняли. Многие предупреждены, чтобы на явки не выходили, на старые пароли не отзывались. Теперь надо думать о новых местах встреч.

После некоторых размышлений такие места наметили. Если же по каким-то причинам встреча не состоится, то на другой день следовало явиться на ближайший контрольный пункт. На несколько дней Бакулин ушел на конспиративную квартиру Барановской. Здесь он получил новые сведения: на время освободили Данышеву. Конечно, это была уловка гестаповцев — приманка. За ее квартирой установили слежку. Зная об этом, она все-таки смогла повидать Барановскую и рассказать ей все. Ничего не выловив на приманку, гестаповцы снова арестовали Наташу.

Потом последовал арест группы Полины Омельченко. Около месяца ее держали в подвале жандармерии на Сумской. Бакулин узнал об этом из записки, которую Полина передала через незнакомую женщину, выпущенную из тюрьмы. Записка была написана на обрывке газеты. В ней сообщалось: «Сумская, 100, подвал...»

Несмотря на строгие и срочные меры, принятые Бакулиным и членами подпольного обкома, вслед за арестом группы Полины Омельченко последовали новые.

В апреле жандармы дважды являлись в дом Анны Лукьяниной Омельченко на Дальней Журавлевке. Они перерыли весь флигель и обыскали погреб, да так тщательно, что нашли замурованную в нише рацию.

Анну Лукьянину, Марию и дочь Полины Омельченко Люду допросили сразу же.

— Не трогайте их,— попросила Мария,— они непричастны к тому, чем занимаюсь я.

Марию арестовали. Четыре жандарма остались почевать в комнате Анны Лукьяниной...

Арестовали и братьев Николая и Александра Першиных. При обыске у них обнаружили пишущую машинку.

Через несколько дней на допрос вызвали Анну Лукьянину и Люду. В здании гестапо они мельком увидели Китаенко и Барановскую: их куда-то провели конвоиры. Лица обоих были в ссадинах и кровоподтеках, одежда разорвана. Онишли медленно, с трудом переставляя ноги, ни на кого не обращая внимания.

Через несколько минут к ним вывели Китаенко. Бабушка и внучка пришли в ужас — так он был изувечен.

— Знаешь, кто это? — спросил гестаповец.

— Нет, никогда не видела, — твердо ответила Анна Лукьяновна.

— А если начнем пытать, то же самое говорить будешь?

— То же самое...

Их отпустили. Уходя, она поймала благодарный взгляд Антона Макаровича.

Мужественно держались в застенках гестапо Китаенко, Барановская, сестры Омельченко, радиостка Лида и все остальные. Среди арестованных оказался и М. Ф. Дубенко. В очередной раз, когда Люда и Анна Лукьяновна принесли передачу, дежурный гестаповец зло выкрикнул:

— Расстреляны! Так будет с каждым, кто пойдет против великой Германии.

Братьев Першиных поначалу держали как обычных арестованных: в причастности к подполью прямых доказательств не имелось. Обнаруженная пишущая машинка была настолько стара, что, по мнению самих же жандармов, не годилась для работы. Но условия вокруг них постепенно ужесточались. В создавшейся чрезвычайной обстановке правила конспирации требовали от секретаря подпольного обкома временно приглушить активную деятельность. Но бездействовать Иван Иванович Бакулин не мог. И поэтому, хоть и реже, чем раньше, уходил по делам дня на два, на три, заранее уславливаясь с Ильей Федосеевичем Гаркушой о месте встречи. Чтоб не подставить семью Гаркуши под удар, он никогда сразу не возвращался в его квартиру, не убедившись в том, что за ним не следят.

И на этот раз они договорились встретиться через два дня в сквере Театральной площади, у Сумской улицы.

В назначенный час Гаркуша пришел в сквер. Ни прохожие, ни немецкие патрули и наряды полиции, которых с середины мая стало намного больше, чем раньше, не обращали внимания на мужчину с вислыми запорожскими усами, уткнувшегося в газету. Казалось, он весь был поглощен чтением, даже губами шевелил. На самом же деле он цепко наблюдал за всем, что происходило вокруг. А мысли у него были невеселые. Пора бы уже появиться Бакулину, а его все нет.

Истекло положенное время, а Бакулина не было. Дальше оставаться нельзя. Гаркуша медленно пошел домой. Бакулин не пришел в сквер на Театральную площадь ни на второй день, ни на третий. Не появлялся он и на контрольном пункте. Через несколько дней в квартиру Гаркуши постучал

мальчик лет двенадцати, молча сунул в руку Ильи Федосеевича записку и исчез.

Записка была от Бакулина. Он писал, что арестован, вместе с другими разбирает завалы на Технологической улице.

Елизавета Григорьевна собрала, что было в доме, и поспешила к тюрьме.

Ей удалось еще несколько раз передать узелок с едой Ивану Ивановичу. Но вскоре ее предупредили: больше передач Буркуну не носить.

Супруги Гаркуши решили, что Ивана Ивановича нет в живых. И вдруг на квартиру пришла женщина, назвавшаяся Дусей, и сказала, что работает в 3-й поликлинике, превращенной гестаповцами в тюремную больницу. Она передала записку и сразу же молча ушла. Неожиданная весточка была от Бакулина.

Наутро Елизавета Григорьевна отправилась в неблизкий путь. Разыскав Дусю, попросила передать узелок с едой Ивану Ивановичу, шепнула ей, что она показала Бакулину шов в тряпице, куда можно вкладывать записки. Иван Иванович добросовестно использовал этот последний канал связи с подпольем и именно таким способом передал на волю последние очень важные сведения.

Когда Елизавета Григорьевна после очередного похода в 3-ю поликлинику возвращалась домой с запиской, знакомый дворник предупредил, что в доме обыск. Илья Федосеевич сунул свернутую трубочкой записку в стебель семенного лука, лежавшего в кухне. Однако гестаповцы каким-то чудом их квартиру обошли.

Обыска не было ни вечером, ни ночью. Утром Илья Федосеевич вынул записку и... оторопел. Едкий луковый сок, пропитав бумагу, местами размыл, а кое-где вовсе уничтожил текст, написанный химическим карандашом. И все же многое удалось прочитать.

Иван Иванович горестно сообщал, что Полина Омельченко и радиостанция Лида уже казнены, назвал и фамилии подпольщиков, которые будут расстреляны в ближайшие дни. Привел их имена: А. М. Китаенко, М. Ф. Дубенко, Е. С. Барановская, ее мать Я. В. Барановская, А. Е. и Н. Е. Першины...

В заключение Бакулин писал:

«Две предсмертные просьбы к вам, родные мои:

1) Когда придут наши, чему я верю беспредельно, расскажите им, что харьковская подпольная организация по...

Лично меня обокрала семья почтенного профессора Харьковского института... М. О. Михайловского, согласившегося

дать мне приют и бессовестно отказался при немцах регистрировать мой паспорт...

2) ...Есть нам ничего не дают, кроме водянистой баланды (половина ополовника один раз в сутки). Выживают те, кому носят передачи. Остальные истощаются до предела.

Просьба к вам: подкормите меня немного, если можете...

...осталось жить немного... хотелось пойти на расстрел не... трупом, а бодрым бойцом...»

Смерть не испугала коммуниста Бакулина. Не о ней он думал, когда писал эти строки. Он хотел, чтобы на воле узнали о тех, кто боролся до конца, чтобы пойти на казнь с гордо поднятой головой.

Раздумывая, как вызволить Ивана Ивановича, Гаркуша тщательно изучил весь распорядок работы больницы, обслуживающего персонала. И вскоре созрел простой и надежный план. Илья Федосеевич должен был через надежных людей передать Бакулину одежду, в которую облачали умерших. В этой одежде предполагалось вывезти его с территории больницы и передать подпольщикам.

Но все случилось иначе. 24 сентября 1942 года после зверского допроса Бакулина без чувств привезли из гестапо в больницу. Не приходя в сознание, он скончался.

Так погиб Иван Иванович Бакулин — беззаветный солдат партии. Погиб, как воин — в бою. Погиб, как герой-коммунист, непобежденным.

Память об И. И. Бакулине живет в сердцах людей.

В 1945 году Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил И. И. Бакулина орденом Ленина, а в 20-ю годовщину Победы над фашистской Германией ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа одна из улиц Харькова. На здании сельскохозяйственного института имени В. В. Докучаева, где работал И. И. Бакулин, установлена мемориальная доска. О деятельности подпольного обкома, руководимого им, рассказывают экспонаты Харьковского исторического музея.

Не забыт подвиг и других патриотов.

Думая о них теперь, через многие годы мирной жизни, завоеванной ими, невольно вспоминаешь слова национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика, отдавшего жизнь в борьбе с фашизмом: «И мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья — ведь мы вложили в него нашу жизнь».

Е. И. Барыкин

ПОЕЗДА —
ПОД ОТКОС!

Отряд облетела радостная новость: прибыли десантники из-за линии фронта.

— Рация есть? — едва увидев бойцов, сразу же спросил Емельян Игнатьевич Барыкин, секретарь Гомельского подпольного горкома. Нетерпение его понятно: вот уж скоро год, как действует партизанский отряд «Большевик», а связь с Москвой все еще не установлена.

— Нет радиста,— ответил командир группы лейтенант Борис Тульчинский.— Обещают забросить со следующей группой.

— Жаль,— разочарованно вздохнул Барыкин.— А тут что? — носком порыженого сапога ткнул огромный мешок из плотной темно-зеленой материи.

— Взрывчатка!

— Поделитесь?

— А почему бы нет? — вопросом на вопрос ответил лейтенант.— Дело-то у нас общее.

Вместе с десантниками уходили на «железку» и партизаны. Но если посланцы Большой земли пускали под откос эшелон за эшелоном (сказывалась спецподготовка!), то партизаны возвращались ни с чем. Суровый Федос — так партизаны окрестили командира отряда Илью Степановича Федосеенко — «пылил», устраивал «разносы».

— Зря шумишь, командир,— сказал ему Барыкин после очередного возвращения партизан.— Давай разберемся, почему срываются операции. Мириться, ведь сам понимаешь, с этим дальше нельзя: гитлеровцы развернули наступление на Сталинград. Наш партизанский долг — помочь Красной Армии, да так, чтобы это чувствовалось там, на Волге.— Он обвел взглядом созванных членов подпольного горкома.— Положение серьезное. Что делать будем, товарищи?

— Каждый из нас должен возглавить группу подрывников,— отозвался комсомольский секретарь Александр Исаченко,— и идти на «железку».

— Правильно, Саша! Я тоже об этом думал. Итак, идем на «железку». Все согласны? — спросил Барыкин. — Принято! Но хочу предупредить — одного согласия мало. Нужно еще умение. Умение воевать на стальных магистралях. А именно в отсутствии его, и только его, состоят наши неудачи. Это я вам говорю, как старый железнодорожник...

Емельян Игнатьевич еще в юные годы стал железнодорожником. В брянском депо, в рабочем коллективе он получил трудовую закалку.

В первые годы после Октябрьской революции Барыкин работает и учится, затем служит в Красной Армии, в железнодорожном полку. Поворотным в его судьбе стал 1928 год, когда его, рабочего парня, вчерашнего красноармейца, приняли в партию. Да, на железной дороге он начинал свою трудовую жизнь и вновь на нее вернулся. Емельян Игнатьевич работает инструктором политотдела Белорусской железной дороги, затем секретарем парткома ее управления. В сороковом году его избрали первым секретарем Железнодорожного райкома партии Гомеля, а в сорок первом он стал секретарем Гомельского горкома партии.

Войну встретил, находясь на сборах командиров запаса. Просился добровольцем на фронт, но его отзовали в распоряжение обкома партии.

Жаркие дни военного лета. Беспрерывные бомбежки. Город горит. Враг все ближе. Барыкин руководит эвакуацией населения, заводов и фабрик. Эшелоны направляются на восток...

Мужественно противостоят врагу защитники Гомеля, прикрывая собой северный фланг Юго-Западного фронта. Но силы неравны. Над Гомелем нависает угроза захвата. И тогда коммунисты готовятся к борьбе в тылу врага. Всей этой сложной работой непосредственно руководит Центральный Комитет Компартии Белоруссии, находящийся в городе над Сожем. Принято решение создать широкую сеть партийного подполья. Формируется подпольный обком КП(б)Б. В его состав включен и Барыкин. Ему поручают возглавить подпольный горком партии...

Кого оставить в тылу врага? Кто не подведет, выдержит все испытания? Непростые вопросы! Барыкин кропотливо подбирает кандидатуры будущих подпольщиков, вызывает людей, беседует, расспрашивает...

Вместе с Барыкиным в тылу врага останутся секретарь горкома С. Ф. Антонов, А. М. Болховитин, заменивший Емельяна Игнатьевича на посту первого секретаря Железнодорожного райкома партии, секретарь Центрального рай-

кома партии Е. И. Рамбаев и секретарь Новобелицкого райкома партии С. И. Касьянов. В состав подпольного горкома по рекомендации ЦК КП(б)Б включен секретарь обкома партии Андрей Аверьянович Кудак. В Гомеле остаются также Роман Илларионович Тимофеенко, лектор политотдела железной дороги, и Тимофей Степанович Бородин, инженер-полиграфист. Кроме них в ряды будущих подпольщиков вступают еще десятки других коммунистов, комсомольцев, беспартийных патриотов.

По просьбе Гомельского обкома партии ЦК КП(б)Б открывает специальную школу, где еще вчера сугубо мирные, гражданские люди изучают способы ведения подпольной борьбы с врагом. Затем создается городской партизанский отряд «Большевик».

...В ночь на 19 августа Барыкин и его товарищи покидают город. Переход был не дальним — партизаны обосновались в Щекотовском лесу, в окрестностях Гомеля. Отсюда отряд наносит свои первые удары по оккупантам. Горят вражеские машины, подожженные из партизанских засад, взлетают на воздух мосты, обрываются линии связи, бесследно исчезают небольшие группы фашистских солдат, рискнувших появиться на лесных дорогах.

В этих первых стычках отряд мужал, закалялся, набирался боевого опыта. И Барыкин радовался каждой удачно проведенной операции. Он был уверен: что бы там ни было, какие бы трудности ни пришлось преодолеть, отряд «Большевик» будет жить и бороться.

Вместе с тем Барыкина неотступно преследовала мысль: город! Как там подполье? Надо во что бы то ни стало установить контакт с ним. Он посыпает в Гомель связного, который встречается с Тимофеенко и передает задание секретаря подпольного горкома: Тимофею Бородину внедриться в штаб частично восстановленной оккупантами фабрики «Полеспечать» и ждать дальнейших указаний.

Вскоре Барыкин получил сообщение, что подпольщики города не сложили оружия и ряды их пополнились. Новым членом организации стал энергичный, знающий дело бывший командир Красной Армии Иван Шилов, оказавшийся на оккупированной территории.

Шилов владел немецким языком. Подпольщики решили воспользоваться этим. Раздобыли документы на имя оберлейтенанта Фридриха Генке, немецкую офицерскую форму, и Иван Шилов переоделся в нее.

Памятуя о мерах предосторожности, он вышел из дома. Прошелся сначала по окраинам, затем, осмотревшись и осме-

лев, направился в центр. Никто не обратил на него внимания: мало ли офицеров-фронтовиков каждый день прибывает в город! Однако дальнейшие походы требовали от подпольщика еще большей отваги и собранности. Вживившись в образ Фридриха Генке, он уже толкался на вокзале, прислушиваясь к разговорам, иногда даже заходил в офицерский ресторан, открытый в центре города, и знакомился с его посетителями. Из разговоров с ними — какая удача! — узнал, что на одном из заводов гитлеровцы открыли мастерскую по ремонту танков. Эта новость была не только информацией к размышлению, но и указанием к действию. Пробравшись на завод ночью, Бородин, Шилов и Железняков подложили заряды, а затем взорвали мастерскую. Несколько позже подпольщики совершили еще одну диверсию — подожгли склад горючего в Новобелице.

В очередной «визит» в офицерский ресторан Шилов узнал, что в конце октября оккупанты намереваются устроить здесь большой банкет по случаю... «взятия Москвы». Фашисты явно спешили, принимая желаемое за действительное. Сам собою появился удобный случай сбить с оккупантов спесь и превратить торжество в тризну. Кроме того, выполнение задания диктовалось еще одним важным соображением — его успех должен вселить веру в каждого, кому непавистен «новый порядок», и поднять на борьбу с оккупантами. Проведение новой диверсии опять было возложено на отважного подпольщика. Поздно вечером, когда банкет был в разгаре, а его участники основательно подвыпили, «обер-лейтенант» Иван Шилов зашел в ресторан и оставил там портфель с миной замедленного действия. В 11 часов вечера раздался взрыв. Под развалинами здания остались десятки фашистских вояк. Этот взрыв в Гомеле был далеким салютом, которым подпольщики города приветствовали 24-ю годовщину Октябрьской революции.

У оккупантов не осталось сомнения: в городе кто-то руководит борьбой, как, впрочем, и участвовавшимися налетами партизан.

...7 ноября Барыкин и его товарищи скромно отмечали октябрьский праздник на своей базе. И вдруг на опушке леса послышались выстрелы. Это был ответный налет гитлеровцев. Пронюхав, где находится лесной лагерь партизан, они, не мешкая, напали на него. Перестрелка грозила перерасти в бой, но партизаны проявили упорство и дали достойный отпор. Обстановка резко изменилась: оставаться дальше в окрестностях Гомеля означало бы погубить отряд.

Требовались экстренные меры. Горком обсудил создавшую-

юся ситуацию. Было принято решение — увести отряд на север Гомельщины, в Чечерские леса.

И опять вставала проблема судьбы подполья. У него должно быть надежное руководство. Через день Барыкин вызвал в лесную сторожку Тимофея Бородина.

— Ну вот что, Тима, — так дружески называл его Емельян Игнатьевич, — отряд уходит. Горком решил создать оперативный подпольный центр. В него включены ты, Тимофеенко и Шилов. Ваша задача — руководить от имени горкома борьбой в городе. Надо создавать новые подпольные группы и продолжать борьбу, не давать врагу покоя.

Емельян Игнатьевич просил особое внимание уделять железнодорожному узлу, паровозовагоноремонтному заводу. Там есть свои люди.

— На тебя у меня вся надежда, — сказал, прощаясь, Барыкин.

— Сделаем все, Емельян Игнатьевич, — ответил, смутившись от столь высокого доверия, Бородин.

Это была их последняя встреча...

Переход в Чечерские леса оказался невероятно трудным, как, впрочем, и вся дальнейшая зимовка. Однако Емельян Игнатьевич продолжал делать главное — идти снежными тропами день и ночь от села к селу, от деревни к деревне и поднимать народ на борьбу.

Партизаны громили фашистские гарнизоны, полицейские участки, уничтожали предателей. В тех зимних ожесточенных боях закалялся, мужал отряд, зрел военный опыт его командиров.

Наступила весна, и отряд предпринял рейд в прежний район боевых действий. Но во время похода маршрут пришлось резко изменить. Партизанские разведчики донесли, что Щекотовский лес, куда шел отряд «Большевик», гитлеровцы держат под прицелом и в любую минуту готовы на грянуть туда. Партизаны начали спускаться на юг, в междуречье Сожа и Днепра, в Лоевский район.

— Нет худа без добра! — воскликнул Барыкин и оказался прав.

На новом месте его ждала волнующая встреча с секретарем подпольного обкома Кожаром. Да, это был подарок судьбы в один из труднейших моментов жизни отряда. Барыкин радовался от души: обком в сборе! Можно, по крайней мере, сориентироваться в общей обстановке, уточнить границы партизанской зоны и выработать накопец единый план в

предстоящих боях. К тому же партизанам было теперь где развернуться. По местам дислокации отряда тянулись железнодорожные линии на Гомель и Чернигов, Бахмач, Мозырь и Добруш. И если Кожар даст «добро», дело останется за малым — готовить план диверсий и штурмовать «железку». Поэтому Барыкин заранее запросил городское подполье, надеясь получить график отправки вражеских эшелонов и грузов к линии фронта, а также сведения об их характере и количестве охраны. Однако на сей раз, как Барыкин ни бил-ся, связь не срабатывала: молчал Бородин, не подавал признаков жизни Тимофеенко.

Охваченный тревогой, Барыкин послал в город новых связных. Только через несколько дней пришла страшная весть: Бородин, Шилов и еще несколько товарищей внезапно арестованы, брошены в тюрьму, их допрашивают, пытают.

— Как же это случилось? — строил мучительные догадки Барыкин.— Кто их выдал?

...С помощью товарищей Шилов устроился на электростанцию дежурным машинистом, подготовил себе надежных помощников. Но не дремал и враг: в ряды организации проник провокатор. Не один день и не одну ночь он неотступно шел по пятам подпольщиков, искусно маскируясь, а в канун проведения операции по взрыву электростанции выдал их. Бородина и Шилова схватили, жестоко истязали, мучили изнурительными допросами и лишали сна. Гестаповцам нужны были ответы: где подпольный горком?! Где Барыкин?! Пароли?! Явки?! Подпольщиковсыпали ударами и обещаниями сохранить жизнь в случае признания, но... молчал Бородин, все отрицал Шилов. Свой последний фронт они непоколебимо держали и под нечеловеческими пытками. В июне 1942 года фашисты их расстреляли.

Недолго оставалось находиться на свободе и Тимофеенко. Прибыв на конспиративную квартиру, он попал в засаду, пытался уйти, отстреливался. Двоих из преследователей сразил наповал, но погиб и сам.

Подполью был нанесен жестокий удар.

Нельзя было упускать руководство подпольем ни на час, ни на минуту. Емельян Игнатьевич восстанавливал нарушенные связи, восполнял поредевшие ряды организации, главным образом из числа железнодорожников. Рабочий класс составлял по-прежнему прочную основу всех его действий, на него он опирался, организуя борьбу в паровозном депо, где вот уже длительное время нелегкий поединок с оккупантами вел Александр Брикс. В депо тогда почти одновременно были внедрены три подпольщика: Брикс — дежурным кочегаром,

сюда же слесарем устроился его брат Николай, а несколько позже пришел работать сменным кочегаром Евгений Емельянов.

В свете фонарей и костров, задуваемых ветром, сменная бригада ремонтников с рвением принималась за работу: раздавались металлический стук молотков, грохот цепляемых буферов. Под эту громовую музыку подпольщики сыпали в буфы вагонов песок, рвали дышла паровозов, перерезали артерии водопровода или маскировали под уголь взрывчатку, незаметно подбрасывая ее в тендера паровозов. Взрывы проходили, когда составы находились в пути.

Чтобы постоянно быть в курсе дел и оперативно руководить подпольем, Барыкин обзавелся еще одним опорным пунктом на железной дороге — явочной квартирой на окраине Гомеля, в Новиковской роще. Он ее использовал только в особых, крайних случаях. Тут в доме № 29 по улице Смольной жил тихий, мало чем приметный человек — Федор Степанович Воронин.

До войны Воронин работал железнодорожным дезинфектором. Им же остался и теперь. Оккупанты панически боялись инфекционных заболеваний, и больше всего тифа. По долгу службы Федор Степанович свободно ходил по вагонам, появляясь частенько в тех местах, где скапливались офицеры и солдаты, обильно поливал карболкой углы и стены, щедро сыпал вокруг едкую хлорку. Бывая тут и там, он многое видел, слышал, запоминал, а затем передавал в подпольный горком. От него Барыкин получал особо важные сведения о времени отправки вражеских эшелонов к линии фронта.

А от связных Барыкина Федор Степанович передавал подпольщикам указания горкома. Нередко подпольщики получали от него взрывчатку, магнитные мины. Однажды, улучив момент, Воронин сам взорвал на Лещинской ветке четыре цистерны с горючим. В диверсиях ему активно помогали его жена Мария Адамовна и сын Петр, работавший машинистом. Связь с Федором Степановичем по поручению Барыкина поддерживала связная Анна Кирикова.

Семья патриотов Ворониных активно боролась с оккупантами. И Барыкину доставило огромное удовлетворение собственноручно подписать в мае сорок пятого года наградной лист на Воронина-старшего. Он был награжден орденом Отечественной войны.

Борьба не приостанавливалась ни на один час. Взрывы, диверсии на железнодорожном узле продолжались. Местная гитлеровская администрация вынуждена была доносить в генеральную железнодорожную дирекцию в Варшаве: «Посз

да, следующие в сторону фронта, вынуждены в Гомеле задерживаться в среднем на сорок — пятьдесят часов, и почти половина паровозов возвращается обратно, не достигая станции назначения».

Городское подполье боролось героически, но ударным кулаком по-прежнему оставались партизанские отряды. Барыкин понимал, что гораздо больший урон наносят все-таки удары по вражеским коммуникациям. Но прежде нужно было научиться воевать на железных дорогах. Нашли укромную лесную полянку, оборудовали учебный полигон и начали систематические занятия. По просьбе Емельяна Игнатьевича проводил их с будущими подрывниками командир десантников Борис Тульчинский. Учились снимать патруль, часовых, ставить минные заряды, маскировать их. И сам Емельян Игнатьевич, сдирая кожу на руках и коленях, показывая, как надо быть незамеченным, не раз и не два полз к учебной «железке».

Наконец наступило время экзаменов. «Ученики» выдержали их успешно. Можно и группу посыпать. Однако кто поведет?

— Я! — вызвался Барыкин.

— Ни в коем случае! — резко возразил командир отряда Федосеенко.

Но Емельян Игнатьевич не сдавался.

— Пойми, прежде чем посыпать людей, я должен все испытать сам, — горячился Барыкин. Однако Суровый Федос ничего и слышать не хотел. Более того, его поддержали и другие члены горкома. Пришлось послать за секретарем подпольного обкома партии Кожаром.

— О чем спор, товарищи? — спросил Илья Павлович, входя в круг расступившихся партизан. Но, едва взглянув на разгоряченное спором лицо Барыкина, Кожар понял все: поход на «железку» нужен не столько отряду, сколько самому Барыкину. И он прав: надо самому идти, чтобы испытать свои силы и получить моральное право требовать от других. Да и попробуй-ка не пусты, удержи! Ведь все равно — это Илья Павлович хорошо знал еще по довоенной совместной работе — Барыкин сделает по-своему, а если точнее — как велит совесть, партийный долг, подсказывает обстановка.

— Очень тебе, Игнатьич, хочется понюхать паровозного дымку? — спросил Кожар.

— Есть немного! — чистосердечно признался Емельян Игнатьевич.

— Что ж вы не пускаете своего секретаря? — хмурясь, спросил Кожар. — Как мы решили? Каждый член горкома

возглавит группу подрывников. А свои решения надо выполнять. Партийная дисциплина для всех одна! Но ты смотри, не увлекайся... — как друга просил Барыкина Илья Павлович. — А то я тебя знаю. Понапрасну не рискуй. Взорвешь эшелон и — назад! Потом опытом поделишься.

Из донесения разведки следовало: по линии Гомель — Чернигов один за другим к фронту следуют немецкие эшелоны. Медлить было нельзя. Усевшись под тенистым дубом, Барыкин, Федосеенко и комиссар отряда Антонов обдумали план выхода на магистраль.

На операцию Барыкин отобрал добровольцев — девять расторопных партизан, уже имевших боевой опыт.

Заканчивая инструктаж и вложив карту в планшетку, посмотрел на часы:

— Через два часа выходим, — сказал он. От его высокой, ладной фигуры, загорелого лица, обрамленного густой, окладистой бородой, веяло решительностью и уверенностью.

...Коротки июньские ночи. Едва догорит вечерняя заря, как на смену ей спешит утренняя. Барыкин вел группу партизан к железной дороге Гомель — Чернигов. Здесь, возле станции Терюха, полотно, как помнил Барыкин еще с давнего времени, идет по болотистой пойме, а там насыпь. Вот где лучше всего ставить мину: поезд сразу пойдет под откос. К тому же рядом лес — можно укрыться, уйти от преследователей.

К железной дороге подошли на исходе вторых суток под покровом июньской ночи. Двигались осторожно. Залегли, осмотрелись. Влево и вправо Барыкин послал дозоры — в случае отхода прикроют. Приготовили мину, взрыватель.

— За мной, — негромко произнес Барыкин и пополз к полотну. Никогда не думал Емельян Игнатьевич, что насыпь полотна окажется такой трудной, неподатливой, твердой, как бетон. Кинжалом, руками рыл яму под рельсом, между спальми, чтобы наконец засунуть туда мину.

— Давай! — прошептал Барыкин. Ему подали мину. Он опустил ее в яму. Поставил взрыватель, верхняя его точка уперлась в подошву рельса. Проверил еще раз, а потом осторожно, бережно, словно хоронил драгоценный клад, засыпал мину.

Оглашая притихшую округу, зазвучал паровозный гудок, из низкой трубы вырвался пышный хвост дыма.

«Хорошо идет! Скорость — километров под пятьдесят», — на слух определил Барыкин. И когда до мины осталось мет-

ров пять, перед паровозом вдруг неожиданно вырос ярко-оранжевый, огненный куст.

Состав, будто неосторожный черный жук, с ходу влетел в огонь. Грохот чудовищной силы разбудил тишину июньской ночи и гулким, протяжным эхом отозвался в окрестных лесах. Взрывная волна, опалив жаром, пронеслась над головами Барыкина и его затаившихся боевых товарищей. Такую картину им пришлось наблюдать впервые. Рассыпая снопы искр, паровоз полетел под откос, вагоны с грохотом, наползая друг на друга, покатились с насыпи.

Утром насчитали 15 разбитых вагонов. Из-под обломков виднелись искореженные автомобили, пушки, трупы солдат... Секретарь обкома Кожар поздравил Емельяна Игнатьевича с первым эшелоном.

Следующими на «железку» уходят член горкома партии Семен Федорович Антонов и с ним Касьянов, Зубарев, Болховитин.

Группа сменяет группу, среди них есть комсомольско-молодежные. Их формирует секретарь подпольного горкома комсомола Александр Исаченко. Не отстают ребята от старших наставников. Грозой вражеских поездов слынет уже комсомолец Федор Котченко, а за ним встает целая группа отважных, смелых подрывников; их командиры — Ф. Кечко, А. Нестерович, Л. Кротов, А. Зубарев, В. Бурый.

И все, кажется, хорошо и ладно, но вот кончилась взрывчатка. Подрывники остались «безработными», и сознание этого гложет сердце и совесть — по железной дороге один за другим проносятся фашистские эшелоны. И все на восток. Там, в донских степях, уже развернулось небывалое сражение.

И вдруг — эврика! Способ добывания взрывчатки найден. Героем дня стал Саша Исаченко. Вернувшись с очередного задания, он разыскал Барыкина и, отозвав с таинственным видом, показал ему небольшой, величиной с квадрат туалетного мыла, желто-коричневый брускок. Неприятный, характерный запах ударили в нос, однако Барыкину он показался сейчас лучше аромата самых дорогих духов.

— Тол! — воскликнул он. — Где взял?

— Выплавил! — просиял Исаченко. И он рассказал, как на лесной тропе встретил бобруйских партизан и они ознакомили его с «секретом технологии» выплавки тола из неразорвавшихся вражеских снарядов и бомб.

— Очень просто, — возбужденно говорил Саша. — Ведро с водой ставишь на костер. Туда — снаряд, конечно вывернув взрыватель. Когда снаряд нагреется, тол начинает плавиться.

Бери и разливай. Мину можно сделать любой формы. Лишь бы были снаряды. Ну, как? — Саша с мальчишеским задором посмотрел на Барыкина.

— Молодец! — похвалил его Емельян Игнатьевич.

Конечно, работа смертельно опасная. Исаченко и Котченко через какие-то два-три дня приступили к «поточной» выплавке тола. В лесу нашли склад снарядов, и партизанская «фабрика» заработала. В одном из писем тех дней Барыкин сообщал на Большую землю: из снарядов, авиабомб выплавлено ни много ни мало — 6 тонн взрывчатки!

Засады на железных дорогах, диверсии были значительны и ощущимы. О некоторых из них читаем в партизанском дневнике секретаря подпольного горкома.

«...Возвратился Саша Исаченко со Жлобинской дороги. Свалили два поезда.

...Группа в составе Юдина, Морякова, Иванова, Хабибулина, Артюхина на перегоне Голевицы — Нахов сбросила под откос поезд — 11 вагонов с гитлеровцами и 24 — с боеприпасами. Выведено из строя 39 вагонов и паровоз.

...Группа в составе Антонова, Зорина, Зубарева, Колодочкина взорвала и пустила под откос на большой скорости поезд с танками и автомашинами.

...Цветков, Кечко, Котченко пустили под откос на полном ходу поезд на перегоне Салтановка — Буда — Кошелево. Состав поезда — 11 вагонов с фашистами и 9 — с продовольствием».

В отряд «Большевик» прибыли долгожданные гости: представители ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). С ними из Москвы был передан приказ, предписывавший создать на базе местных отрядов крупное партизанское соединение. Тем же приказом Илья Павлович Кожар назначался уполномоченным ЦК Компартии Белоруссии по партизанскому движению в Гомельской области, а Емельян Игнатьевич — его помощником. Кожар становился также командиром соединения, начальником штаба — Барыкин.

Зимой сорок второго — сорок третьего годов гитлеровцы предприняли крупную карательную экспедицию против партизан — они решили взять отряды в кольцо и задушить их. Но это для них оказалось непосильным, партизаны прорвались, ушли на северо-запад, в сопредельную Полесскую область. Отдохнув здесь, подкрепив силы и получив с Большой земли по воздуху оружие и боеприпасы, отправив самолета-

ми тяжелораненых и больных в тыл, соединение возвратилось в район прежних боевых действий... Все помыслы со средоточились на одном: что предпринять, чтобы ударить по врагу еще сильней.

14 марта 1943 года по соединению отдается приказ за номером шесть.

«Двадцать дней четыре отряда дислоцируются вблизи железной дороги,— говорилось в нем.— Отряды имеют все необходимое, чтобы подрывать эшелоны противника и тем самым если не прервать, то затормозить переброску на фронт техники и живой силы противника...»

Приказом предписывалось:

«1. Командованию отряда имени Ворошилова к 12.00 19 марта представить обединенному штабу подробную дислокацию и систему охраны железной дороги на участке Калинковичи — Речица, выяснив при этом слабые места охраны.

2. Установить отрядам следующие задания по подрыву вражеских эшелонов на вторую половину марта: а) отряду имени Ворошилова — два эшелона; б) «Большевику» — два; в) Чапаева и Щорса — по одному».

Приказ требовал также установить постоянное дежурство групп подрывников, регулярно посыпать их на железную дорогу, наносить удары в любое время суток, действовать на самых разных участках.

Последний параграф приказа гласил: «Командирам и комиссарам отрядов просмотреть вновь состав диверсионных групп, обеспечить их партийно-комсомольским влиянием, выделяя в диверсионные группы наиболее смелых, инициативных, предприимчивых товарищей». Приказ подписали Кожар и Барыкин.

Партизанская разведка держала под наблюдением все важнейшие узлы и магистрали противника. Командир вновь созданного при штабе соединения спецотряда имени Кирова Виктор Шитман доложил: по железной дороге в восточном направлении следует эшелон, груженный... тюками сена. Барыкин насторожился: зачем гитлеровцам сено, да в таком количестве? Решали кавалерию применить? И он спросил:

— А лошади... где?

— Лошадей... нет.

— Тогда «опрокиньте» этот эшелон!

«Опрокинули». Словно детские кубики, летели подброшенные взрывом тюки прессованного, тугу увязанного проволокой сена. А из-под них падали под откос танки, самоходки какой-то необычной конструкции. Оказалось, гитлеровское командование отправляло на фронт новые танки — «тигры»

и «пантеры», самоходные орудия «Фердинанд», чтобы взять реванш за поражение под Сталинградом, и принимало меры к тому, чтобы оснастить войска для готовящегося сражения на Курской дуге. Сведения о танках и самоходках, сброшенных под откос, в тот же день передали по радио в Москву.

Операция «Сено» надолго запомнилась партизанам. На войне не может быть мелочей, из каждого факта, события, а тем более операции нужно уметь делать правильные выводы. Выводы, сделанные штабом в его мартовском приказе по соединению об усилении диверсий на железных дорогах, стали краеугольными в боевой деятельности партизан. Битва на рельсах разгоралась.

Барыкин записывает в дневнике: «В апреле хорошо, активно работали отряды на железной дороге, сброшено тридцать поездов. От Центрального штаба мы уже получили благодарность и одобрение за активную диверсионную работу».

В мае на участке Василевичи — Речица подрывники соединения спустили под откос один за другим четыре эшелона, а Барыкин все с той же присущей ему пунктуальностью отметил в дневнике: «Наши хлопцы и в этом месяце хорошо поезда валяют. На 15 мая уже есть около тридцати штук. Фашисты бесятся».

И далее он приводит такую «статистику»: «Большевик» в апреле взорвал 10 поездов, за первую половину мая — 13. Отряд имени Ворошилова в апреле — семь, в мае — шесть. Имени Чапаева — пять и пять. Но были, как говорил Емельян Игнатьевич, и отстающие. Отряды «За Родину» и «Мститель» за два месяца пустили под откос всего только четыре эшелона. Имени Железняка в апреле — три, имени Щорса — столько же. Свой анализ Барыкин заканчивал так:

«Всеми силами стараемся сейчас привить вкус к диверсионной работе всем отрядам. Но это не просто так дается. Нужны система и усилие. Однако, — делает закономерный вывод Барыкин, — будут гомельцы больше всех валить поездов».

Как бы в ответ на это Москва радиирует: «Товарищу Кожару. Партизанским отрядом «Большевик» с 1 по 29 мая 1943 года пущено под откос четырнадцать вражеских эшелонов. За выполнение боевого задания, активные действия по коммуникациям врага пропу всему личному составу объявить благодарность. Командиру и комиссару отряда выявить отличившихся партизан и представить к государственным наградам». Подписал радиограмму начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин.

По поручению Кожара Барыкин отправился в отряд «Большевик» и на общем собрании зачитал радиограмму. Читал, волнуясь. И волнение это отозвалось в сердцах собравшихся гордостью — за боевыми действиями партизан наблюдала вся страна, партия. Это было накануне битвы на Курской дуге, куда противник стягивал большие силы. Москва знала об этом и приказывала партизанам оседлать железные дороги, идущие по территории области, продолжать сокрушительную «рельсовую войну».

Походы на «железку» складывались по-разному.

Однажды группа подрывников вышла к полотну вблизи одной из станций Речицкой железной дороги и замерла от неожиданности — на насыпи работала немецкая ремонтная бригада. За последнее время партизаны не давали им никакого покоя. Мимо засады проходила вереница ремонтников с рельсами на плечах, за ней другая — со шпалами. Повреждение было новое.

Что делать? Уйти? Нельзя! Любой ценой надо выполнить задание!

Отпрянули, отошли подальше и тоже принялись за «свое дело» — начали ставить мину. Окончив работы, укрылись в ближнем лесочке, решив понаблюдать за тем, что произойдет.

Между тем раздался гудок паровоза. Немецкие ремонтники поспешили освободили полотно. Обер-мастер высоко поднял тугу свернутый желтый флаг — путь свободен! Машинист поддал пару, увеличил скорость. Замелькали вагоны, застучали по рельсам колеса. И тут — взрыв!

Из уцелевшего вагона донесся крик, из него, как горох, посыпались обезумевшие охранники. Офицер подбежал к перепуганному обер-мастеру, схватил его за грудки и кулаком стал по-боксерски бить в лицо. Зрелище было омерзительное. Подрывники снялись из засады и, никем не замеченные, углубились по тропе в лес.

У Барыкина сложилось особое отношение к подрывникам. Да и они видели в нем умного советчика. С ним подробно обсуждали детали проведенных операций, намечали новые. И он охотно отдавал им свое время. Иногда приходили с жалобами: поезд идет с малой скоростью — немцы применяли этот способ как своего рода предостережение от аварий. Как поступать дальше? Опять стали думать. Коллективный ум всегда рождал правильное решение. Так было и на этот раз — соображение рискованное, но попробовать нужно.

На одном из перегонов заложили мину. А когда вдали показался поезд на полотне, в нескольких сотнях метров от мины «неожиданно» возник стройный, белокурый немец в шинели, со «шмайсером» на груди. Сняв пилотку, он приветливо помахал машинисту и стал делать круговые движения рукой, как бы подгоняя состав вперед. Успокоенный машинист — путь охраняется! — поднял пары, поезд набрал скорость, а через несколько минут полетел под откос. Так и не суждено было машинисту догадаться, что белокурый сигнальщик был партизаном, переодетым в немецкую форму.

«За май соединением подорвано шестьдесят пять поездов, — записал в своем дневнике Барыкин. — Это рекордная цифра за все время. Два отряда, «давшие» наибольшее количество поездов (имени Чапаева — семь, «Большевик» — восемнадцать), получили благодарность от Центрального штаба. Но из-за позднего представления сведений не учтен отряд имени Ворошилова, у которого тоже восемнадцать поездов. Хорошо работают хлопцы».

В июне боевой счет соединения увеличился еще на 64 эшелона. Успех этот был добыт храбростью партизан и их руководителя Емельяна Игнатьевича. Он был причастен прямо и непосредственно к самым крупным партизанским операциям на железных дорогах в тылу врага. Подрывники Гомельского партизанского соединения пустили под откос более 750 вражеских эшелонов.

В истории соединения останется жить еще одно деяние гомельчан — их боевое содружество с партизанами Брянской и Орловской областей, братской Украины. Немало операций они провели вместе с партизанами соединений С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова.

За их разработкой, бок о бок с прославленными вожаками, провел не один час и Емельян Игнатьевич. Но в дневнике той поры он оставил только скромную запись:

«Восхищаемся силой большой и мощью оружия, особенно автоматического, — исповедуется Барыкин после встречи с ковпаковцами. — А ведь выросли они из маленьких групп. После этого бледной кажется вся наша работа, и хочется вырасти хотя бы до половины этой мощи, чтобы столько же полезного делать, как и они, для Родины. Такую цель мы себе и поставили...»

Уже к весне сорок третьего года Гомельское партизанское соединение стало одним из крупнейших в Белоруссии. При участии Барыкина начали создаваться бригады. Его органи-

заторский талант вполне соответствовал такому масштабу партизанских формирований. (Не случайно Кожару присвоили звание генерал-майора, а Барыкину — полковника и наградили орденом Красного Знамени.) Он блестательно продемонстрировал свои способности еще раз в момент успешного взаимодействия своего соединения с авангардными частями Красной Армии, вступившими в пределы Белоруссии. 26 ноября над Гомелем взвился победный красный флаг.

Первого января сорок четвертого года исполнилось 25 лет Белорусской ССР. Из Москвы в Гомель переехали ЦК Компартии республики, Президиум Верховного Совета БССР, правительство. Барыкин — первый секретарь горкома партии.

В тот праздничный день хлопоты предстояли немалые — готовили торжественное собрание, посвященное юбилею республики. Встав рано утром, Емельян Игнатьевич включил радио. Передавали последние известия. Диктор зачитал приветствие ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР трудящимся республики по случаю 25-летия Белорусской ССР. Затем начали передавать Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе белорусских партизан. И тут Емельян Игнатьевич услыхал свою фамилию. Были названы Илья Павлович Кожар, Федор Петрович Котченко. Александру Лаврентьевичу Исаченко высокое звание Родины присвоили посмертно.

8 мая 1965 года, в канун праздника — Дня Победы, звания Героя Советского Союза посмертно был удостоен и Тимофей Степанович Бородин.

Все свои силы, знания и опыт Емельян Игнатьевич отдавал восстановлению родного города. Одновременно заочно учился в Высшей партийной школе в Москве и успешно закончил ее. Ответственные поручения выполнял и как депутат Верховного Совета БССР. Вскоре к боевым наградам Героя прибавилась еще одна — орден Трудового Красного Знамени — за успехи в восстановлении народного хозяйства.

Столько было задумано, намечено, столько всего предстояло сделать! Однако трудности и лишения, перенесенные в годы войны, не остались бесследными, подорвали, казалось бы, железное здоровье Барыкина. 25 марта 1951 года в возрасте 49 лет он скончался от тяжелой болезни. Его похоронили в Гомеле, в центре города, на площади Труда. Над его могилой и могилами других героев пылает Вечный огонь.

А. СТАСЬ

А. А. Борканюк

ТОВАРИЩ
ОЛЕКСА

Ранним утром 3 октября 1942 года во внутренний двор будапештской тюрьмы Маргит Керут жандармы вывели не высокого худощавого человека. Он был спокоен. В серых глазах не отражались ни страх, ни отчаяние, когда заключенный, окинув двор взглядом, в глубине его увидел столб с перекладиной и петлей. Заключенному оставалось сделать полторы сотни шагов до стены. Это было все, что отделяло его от смерти. Он оглянулся, чувствуя, что за ним наблюдают из зарешеченных окон. Прощаясь, помахал рукой. Поднял голову. Над каменной громадой здания плыли свинцовые облака.

Узники, соседи по камере, с которыми он провел не один день в фашистском застенке, называли его Лексой. О нем им было известно немного, так же как и ему о них. Камеры Маргит Керут были не тем местом, где ведут расспросы и открывают друг другу душу. Слова о себе там не имели значения. Отношение к человеку определялось по тому, как он вел себя, оказавшись лицом к лицу со сворой тюремщиков.

Лексу водили на допросы почти ежедневно, к нему применяли весь комплекс изощренных методов воздействия, на что в специалистах в хортистской охранке недостатка не было. Все пытки Лекса переносил молча. Первое время им занималась контрразведка венгерских фашистов, затем по его делу из Германии прибыли высокопоставленные чины гестапо.

То было время, когда во всех странах Европы, оккупированных гитлеровцами, интенсивно работали десятки радиопередатчиков, настроенных на московскую волну. Этот поток шифрограмм, посыпаемых в эфир неуловимыми корреспондентами, нацисты называли «красным оркестром». Гестаповцы требовали от Лексы сведений о тайных радиостанциях и о том, кто из видных деятелей коммунистического движения находится в подполье на территории Венгрии и Закарпатья. Но ни допросы «с пристрастием», ни заискива-

ние перед заключенным не дали никаких результатов. Лекса не назвал ни фамилий, ни адресов, ни явок.

О его личности в тюрьме ходили разные слухи. Одни полагали, что он — пленный советский генерал, другие говорили о нем как о русском разведчике, арестованном едва ли не в резиденции самого Хорти. Толки были разные, но сходились узники в одном: кто бы ни был этот человек, воля у него железная, выдержка необыкновенная, товарищ он верный, на такого можно положиться всегда. Наверное, только один среди заключенных, секретарь ЦК Венгерской Компартии Золтан Шенгерц, хорошо знал, кто такой Лекса в действительности и почему столько «внимания» ему уделяют тюремщики. Но Шенгерц сам был за решеткой и ничем не мог помочь товарищу.

...Лекса шел в свой последний путь.

Если бы одному из узников не посчастливилось впоследствии вырваться из Маргит Керут и дожить до наших дней, могло случиться, что и поныне мы бы ничего не знали о последних минутах Алексея Алексеевича Борканюка, секретаря Закарпатского краевого комитета Компартии Чехословакии, кандидата в члены Политбюро ЦК КПЧ, депутата чехословацкого парламента тридцатых годов.

В селе Лазищина, что на Раховщине, в кабинете директора школы В. С. Молдавчука хранится объемистая папка с документами. В ней собраны письма, авторы которых обращаются друг к другу только на «ты», по старой партийной привычке. Коммунисты из Венгрии, Сербии, Черногории, Украины вели длительную переписку, чтобы выяснить, кто же был заточен в Маргит Керут вместе с товарищем Лексой, кто может рассказать о нем, о его последних днях перед казнью. Даже мертвые принимали участие в «перекличке». «Дьердь Голдман, скульптор, которого потом убили в тюрьме, очень тепло отзывался о Борканюке», — говорится в одном из писем.

В папке есть копия приговора, вынесенного А. А. Борканюку: «смерть через повешение». Приговор скреплен подписью начальника генштаба венгерско-фашистской армии. Этот документ обнаружили в архивах и прислали венгерские товарищи. Есть среди бумаг много других, повествующих о трагических судьбах людей, о мужестве и стойкости антифашистов. Но среди них мертвых было больше, чем оставшихся в живых, и поиск осложнялся. Наконец коммунисту Иштвану Тули из Будапешта бывшие узники Маргит Керут из Югославии прислали адрес Здравко Ишиянова, жителя города Нови Сад. Через Ишиянова удалось

разыскать еще одного югославского коммуниста, Вуйцу Гайновича. И он записал свои воспоминания на магнитофонную ленту.

«Лексу я знал очень хорошо, мы с ним подружились в тюрьме. Нам помогал общаться один унтер-офицер из охраны, его фашисты потом тоже кинули за решетку... Мне довелось встретиться с Лексой и беседовать в ночь перед казнью. Видел я из окна камеры и саму казнь. Меня потрясло мужество этого человека перед смертью...»

И еще один документ. Последнее слово Олексы к дочери и к жене. Четкий ровный почерк. Письмо, дошедшее до нас каким-то чудом через годы после того, как перестало биться сердце Борканюка.

«Моя любимая, дорогая Цико, моя дорогая доченька Оленька!

...Эти строки пишу за несколько минут перед смертью. Чувствую себя здоровым, полным энергии, безграничного желания жить. И нет спасения. Вынужден умирать. Но я иду на смерть смело, мужественно, так, как положено людям нашего склада. Прожил я 41 год, из которых 20 лет посвятил делу бедного народа. Всю жизнь был честным, преданным, неутомимым борцом без личной корысти. И таким умираю, ибо знаю, что наше дело справедливое и победа будет наша. Народ меня не забудет, когда наступит лучшее время. Когда-то история расскажет правду и обо мне...»

Когда трое тюремщиков вошли в камеру, чтобы увести Борканюка на казнь, он протянул им листки исписанной бумаги. Его еще раньше предупредили, что он имеет право последнего желания. Вот он и воспользовался этим «правом». В письме был указан адрес его сестры Доси в Закарпатье.

Много уже сказано и написано о том, что чувствуют сильные духом в свой предсмертный час. Говорят, все, что человеком изведано, проидено, прожито, всыхивает вдруг в сознании мгновенной и яркой картиной. Кто знает... Но если это так, если и перед Алексеем Борканюком в последние минуты прошла его жизнь, то это было видение чистое и светлое, как весеннее небо над горными вершинами — над его родной землей.

* *
*

Земля закарпатская...

Все было у нее: люди, чьи руки издавна знали, что такое мозоли, умели сплавлять лес, строить из дерева, без единого гвоздя, дома и храмы, любовно выращивать сады и виноград-

ники, резцом создавать ажурную вязь узоров, выпасывать овечьи отары; была у нее прелесть синих гор, пьянящий аромат полонин, многоцветье радуг над шумным клекотом быстрых рек и дивные песни. Всем была богата издревле украинская земля за Карпатами. Всем, кроме счастья. Оно обходило ее стороной, словно злые духи ущелий надолго отпугнули его.

Старые гуцульские сказания о духах и заплутавшем счастье маленький Олекса слушал вечерами, при свете луны. Сказки ушли вместе с детством. И оказалось, что не он, Олекса, хлопчик из гуцульского села Ясinya, не его отец, лесоруб, не сосед, не другие трудари-гуцулы распоряжаются своей землей. Она во власти богачей, помещиков, графов да баронов. Прибрали они к рукам все: горы, леса, даже родной язык Олексы, на котором мать напевала ему еще колыбельную, паны объявили запретным. Остались у верховинцев лишь убогие клочки землицы, что разбросаны по крутым горным склонам. Да еще топоры остались, с которыми спали в обнимку в курных колыбах-землянках, валяясь с ног от усталости после каторжных дней на лесоразработках, где цена труду гуцула — копейка. Проливные дожди смывали землю со склонов вместе с урожаем, лесные колыбы все чаще оставались пустые — вырубки сокращались, работы не было.

Отец Олексы был неграмотным. С тремя взрослыми сыновьями, дочерью и женой он трудился до седьмого пота. Спал в задымленной землянке, пахал, сеял, случалось, и плоты гонял по быстрине, сутками мок в холодной купели. И все же старшим детям — Василию, Дмитрию, Степану и дочери Досе — не смог дать образования. Втайне он мечтал: «Хотя бы самого младшего вывести в люди». Олекса один год учился в церковноприходской школе, затем отцу как-то удалось устроить его в школу государственную, а при австро-венгерских порядках¹ для гуцула это значило очень много!

Горная глупь, отрезанная от всего мира, безземелье, бедность, неграмотность. Такой столетиями была Верховина. И в этом «медвежьем углу» Закарпатья появляется вдруг свой же гуцул, в солдатской шинели, собирает народ и рассказывает: в России трудовой народ панов разогнал, у помещиков отобрал землю, у капиталистов — заводы и фабрики, стал народ сам себе хозяин. Сохранилась старая фотография. Стоит статный, крепкий гуцул, с лицом, словно из дуба мореного, молодой, суровый. Таким был Василий Алексеевич Борканюк, старший брат Олексы. В Россию его за-

¹ Тогда Закарпатье входило в Австро-Венгрию, в 1919 году оно попало под власть буржуазной Чехословакии.

кинула империалистическая война. Там военнопленный солдат австро-венгерской армии переходит на сторону революции, становится красноармейцем, борется за Советскую власть, вступает в партию большевиков.

Возвратившись в 1921 году из России, Василий Борканюк создал в своем селе коммунистическую ячейку. Кроме него в ячейку вошли Андрей Билусяк, Иван Верещак, Василий Капчук, Иван Спасюк, Василий Манивчук и Степан Пальчук. Потом к ним присоединилось еще 14 бедняков.

Ясинянские коммунисты организовали забастовку лесорубов в урочище Довжна, уверенно и решительно возглавив их борьбу за свои права. В селе торжественно отметили годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, отпраздновали Первомай.

В работу коммунистической организации с головой окунулся и младший Борканюк. Он выполнял всевозможные поручения брата и его товарищей. В 1924 году Олекса вступил в комсомол, через год стал членом Коммунистической партии Чехословакии, а осенью 1926 года вместе с группой закарпатских коммунистов нелегально уехал на учебу в Советский Союз.

* * *

*

В Харькове, в столице Украины тех лет, Олекса Борканюк три года учился в Коммунистическом университете имени Артема. В 1929 году он нелегально возвратился на родину.

Через несколько дней после возвращения Борканюк отправился в Прагу. Здесь встретился с Клементом Готвальдом, Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии.

Беседа началась с неожиданного вопроса Готвальда. Он спросил Олеску, сколько ему лет. Услышав, что 28, секретарь ЦК улыбнулся:

— Хороший возраст, прямо-таки отличный возраст! — промолвил он. — Итак, вы один из первых закарпатских коммунистов, закончивших в Советском Союзе учебу. У вас есть способности, кое-что пишете. Что же дальше собираетесь делать, какие ваши планы?

— До учебы в Харькове я был агитатором крайкома. Хотелось бы поработать у себя на Верховине. Я вырос там, знаю многих людей.

Готвальд, сдвинув брови, в упор посмотрел на собеседника.

— Это не ответ. Речь идет о мере вашей полезности для дела. Вы меня понимаете?

Прямота его слов Олексу не обидела. Он понимал, что коммунист сам должен решать, на что способен, что ему по плечу. Если бы перед Олексой сидели его товарищи, с которыми он вместе работал и был на равных, и они спросили бы его: «Ты сможешь сделать это или не сможешь?» — он ответил бы сразу же. Но Генеральный секретарь ЦК КПЧ задал ему более сложный вопрос. И Олекса чистосердечно признался, что боится переоценить свои возможности.

Готвальд снял телефонную трубку. Попросил кого-то, чтобы соединили с редакцией журнала «Творба»¹. Затем сказал, что хочет поговорить с товарищем Фучиком. Но Фучика на месте не оказалось.

— Уехал в Брно,— проговорил Готвальд, обращаясь к Олексе.— Вот возвратится в Прагу, и я попрошу его съездить в Мукачево, где вы обосновались. Фучик вам поможет кое в чем...

Выйдя из-за стола, Готвальд сел на диван, жестом пригласил Олексу рядом сесть.

— На Верховину, говорите? — И секретарь ЦК улыбнулся.— Там дом. Там свои, гуцулы... Друг мой Олекса! Если бы одна была у нас, Верховина! Но ведь кроме нее еще целый край Закарпатский. Вот товарищи и решили ввести вас в состав крайкома партии. Правильно решили. Работать, конечно, придется и днем и ночью. Давайте поговорим об этом подробнее...

Готвальд выполнил свое обещание. Редактор «Творбы» приехал к Борканюку в Мукачево и помог наладить выпуск краевой комсомольской газеты. В те дни началась дружба Олексы Борканюка и Юлиуса Фучика.

В Ужгородском партийном архиве хранятся номера газеты «Рабочая молодежь», которую редактировал Олекса Борканюк, одновременно он возглавлял краевой комитет комсомола. На страницах этой газеты опубликованы боевые репортажи журналиста Юлиуса Фучика, написанные после его четырехмесячного путешествия в Советском Союзе по Средней Азии и Донбассу, и другие материалы, из которых юноши и девушки за далекими Карпатами узнавали правду о жизни Страны Советов.

По инициативе Борканюка проводились слеты трудового юношества в Ужгороде, Мукачеве, в Хусте, Сваляве, Рахове.

¹ «Творба» — прогрессивный еженедельник, пользовавшийся большой популярностью среди трудящихся Чехословакии. Его редактором в то время был Юлиус Фучик.

Между округами развернулось соревнование за вовлечение хлопцев и девчат в революционные, прогрессивные организации. На спортивных состязаниях, на собраниях крестьянской молодежи, в общежитиях студентов, у гимназистов — везде успевал побывать Олекса. Там, где он появлялся, всякий раз начинался серьезный и порой нелегкий разговор о месте молодых в борьбе за свободу, за интернациональное единство, за лучшее будущее.

В 1932 году Коммунистический союз молодежи в буржуазной Чехословакии был запрещен. Но работа продолжалась в подполье. Краевой комитет комсомола создал десятки подпольных коммунистических молодежных организаций.

И в трудных условиях подполья Олекса продолжал работать так же увлеченно и с вдохновением.

В 1933 году вышла из печати его брошюра «Как бороться с голодом, фашизмом и войной». В докладе «референтов», оправдывавшихся перед высшими властями, говорилось, что это издание представляет «большую опасность своим содержанием» и очень трудно поддается конфискации, так как брошюру, отпечатанную подпольно, на тонкой бумаге, люди передают друг другу, прячут, а многие «берут с собой, отправляясь на работу».

В это время партия поручила Олесе Борканюку редактировать газету «Карпатская правда» — орган коммунистов, завоевавший огромную популярность в народе. Газета стала выходить с подзаголовком: «К бою, за труд, хлеб, землю и волю!» В каждом ее номере печаталось обращение: «Прочитав, не прячь! Дай прочесть и своим знакомым! Распространяй свою революционную газету. Она является твоим оружием в борьбе за социализм!»

Крайком издавал «Карпатскую правду» нелегально. Лишь несколько товарищей знали, где находится «кабинет» редактора и типография. Газета печаталась то на ротаторе, то на стеклографе. Из предосторожности Борканюк часто менял место работы, сбивал с толку шпионов.

Газету вывозили из подпольной типографии ночью. Перед рассветом во двор въезжала телега мусорщика. Пачки газет клади на дно, сверху забрасывали разным хламом. Мусорщик уезжал и передавал ценный груз товарищам на одной из конспиративных квартир. Оттуда связные-распространители переправляли «Карпатскую правду» в города, села, на заводы, лесоразработки...

* * *

*

На выборах в чехословацкий парламент в 1935 году коммунисты получили вдвое больше голосов, чем на предыдущих выборах. Стал депутатом парламента и Олекса Борканюк. В то время он возглавлял уже краевой комитет Компартии Чехословакии в Закарпатье.

В октябре 1935 года в парламенте Чехословакии обсуждался проект закона «О защите республики». Цель нового закона была — потуже «завинтить гайки», еще больше урезать права трудящихся, запретить компартию, разогнать прогрессивные организации.

На второй день дебатов в парламенте выступил Олекса Борканюк. Обращаясь непосредственно к министру иностранных дел Бенешу, ратовавшему за принятие законопроекта, он заявил, что предлагаемый закон — это предательский удар в спину народа, в час, когда над Европой сгущаются коричневые тучи фашизма. Ущемление трудящихся в их политических, гражданских правах, сказал депутат-коммунист, является одним из звеньев той антидемократической реакционной цепи, которой правящие круги Чехословакии пытаются опутать страну, потакая фашизму и всячески ему способствуя.

В речи Борканюка звучала тревога за судьбу Чехословацкой республики, за будущее Закарпатья. Над этим пограничным краем, говорил он, угроза гитлеровской агрессии нависает в первую очередь. Потому что Закарпатье является «морально выгодным и географически удобным коридором, через который, при определенной ситуации, через Румынию, может быть открыт путь Красной Армии, которая станет самой важной опорой трудящихся народов Чехословакии на случай отражения атаки со стороны Гитлера — Хорти... Это понимают заправилы фашизма и учитывают в своих захватнических планах. Чтобы Закарпатье, а затем вся Чехословакия не пали жертвой фашистской экспансии, необходимы решительные меры, нужно укреплять единый Народный фронт, следует преградить путь нацизму в самом начале».

Газеты с речью А. Борканюка, произнесенной в парламенте, шли нарасхват. На многолюдных митингах в закарпатских городах рабочие горячо одобряли выступление коммунистического депутата. Это был голос не чужого им пана-парламентария, а голос простого человека, выразителя и защитника интересов трудового народа, верховинцы любовно называли его «наш Олекса».

Свои мысли об особом положении Закарпатья, соображен-

ния о роли партийных организаций в создании и укреплении антифашистского Народного фронта Олекса Борканюк высказывал еще на VII конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1935 года. Тогда он приехал в Москву и выступал на конгрессе под псевдонимом Сырова. Его выступление вызвало живой интерес. В перерыве между заседаниями Клемента Готвальда спросили:

— Говорят, товарищ Сырова — доктор права?

— Очень близко к истине, — улыбнулся Готвальд. — С небольшим уточнением: он усваивал пролетарское право в землянках закарпатских лесорубов.

Готвальд познакомил Олеску Борканюка с Бела Куном, Вильгельмом Пиком, Дмитрием Мануильским. Встречи и обмен мнениями в Москве с представителями коммунистических и рабочих партий многих стран, как говорил потом Борканюк своим товарищам-закарпатцам, явились проверкой его собственных размышлений о надвигавшихся международных событиях.

В Москве, после окончания работы конгресса Коминтерна, Борканюк провел несколько часов вместе с Юлиусом Фучиком, в то время корреспондентом газеты «Руде право». Было у них много общего. Их роднили общие интересы, общие взгляды, работа в партии. У обоих было страстное и честное перо. Оба всем сердцем любили Советский Союз...

Впоследствии Олеса Борканюк встречался с Юлиусом Фучиком еще дважды: в Закарпатье накануне краевой партийной конференции, затем на VII съезде КПЧ, где Борканюк был избран в состав Политбюро ЦК Коммунистической партии Чехословакии.

* * *
*

В сентябре 1938 года в мюнхенском доме Гитлера Невилл Чемберлен, Бенито Муссолини, Эдуард Даладье и сам «фюрер» договорились о расчленении Чехословакии. Заговорщики нанесли удар по Закарпатью — кроме Судетских районов. Гитлер потребовал удовлетворить «территориальные претензии» своих сообщников-хортистов.

В ноябре по указке Берлина в Закарпатье было создано «автономное» профашистское правительство националистов. Затем венгерско-фашистские войска заняли Ужгород, Мукачево, Берегово. «Автономных» марионеток переселили в новую «столицу» — Хуст.

В марте 1939 года хортисты захватили всю территорию Закарпатья. Немецкие дивизии вторглись в Чехословакию.

Самые худшие опасения Алексея Борканюка сбывались. Чешские, словацкие и украинские коммунисты ушли в глубокое подполье.

Положение Олексы Борканюка было сложным. Он являлся депутатом чехословацкого парламента, и формально «автоно-мисты» обязаны были считаться с его депутатской неприкос-новенностью. Но в его депутатской карточке существовала графа: «От какой партии избран». Попадись этот документ в руки националистов... В кармане Олексы лежало свидетель-ство на другое имя...

В марте 1939 года в Хуст, в дом старого сапожника, где скрывался секретарь Закарпатского крайкома, прибыл связной из Праги и передал Борканюку указание ЦК КПЧ: в случае крайне угрожающей обстановки в Закарпатье он должен выехать за границу. Передав руководство коммунисти-ческим подпольем члену крайкома Иосифу Гавелке, Олекса Борканюк выполнил указание ЦК...

* * *

*

Морозной январской ночью 1942 года над Карпатами про-роткал самолет. Шесть куполов парашютов соскользнули с неба и слились со снежным покровом Яблонецкого перевала.

Той же ночью по следам парашютистов были брошены сол-даты 3-го батальона 8-го венгерского корпуса, несшего поли-цейскую службу на Верховине. Пять десантников — бывший боец-интербригадовец в Испании Йожеф Декань, рабочий-металлист, в прошлом боец венгерской Красной армии Дюла Кеваго, коммунисты-закарпатьцы Михайло Можарович и Самуил Габерман, а также радиостанционист группы Виталий Розов-ский — вступили в неравный бой. Шестой парашютист при-землился незамеченным в нескольких километрах от това-рищей. Это был Олекса Борканюк. Двое суток он ждал в ус-ловленном месте десантников, на третью ночь его заметили, но ему удалось, отстреливаясь, оторваться от преследователей. Под утро он добрался до родного села Ясина, постучал в окно к брату Василю. Они молча обнялись в сенях.

— Спрячь автомат, он без патронов,— сказал Олекса,— и вынеси какую-нибудь одежонку, я весь мокрый, через речку шел. В хату заходить не буду.

— Да ты что?..

— Нет! — твердо сказал Олекса.— Тут у вас все перероют. Договоримся, где и когда нам встретиться.

Василь схватил брата за руку.

— Далеко тебе не уйти... Вот что. Я проведу тебя к Явдохе, она теперь одна с детьми. Там мы что-нибудь придумаем.

— Одна? А Дмитро?

— Его уже нет на свете, Олекса. Умер наш Дмитро еще осенью.

Так они и встретились снова, братья Борканюки, младший Олекса и шестидесятилетний Василь. Они не виделись с того времени, как Олекса по указанию ЦК КПЧ в тридцать девятом году ушел через Румынию в Советский Союз.

Дом покойного брата Дмитрия стоял на отшибе, в горах. Они сидели в подвале, куда привела их, плача и ни о чем не расспрашивая, овдовевшая Явдоха. На перевернутой бочке коптила лучина. Олекса все пил, не мог напиться принесенным Явдохой кипятком. И рассказывал Василю, как жил, что делал эти годы в Советском Союзе. Сначала работал в Москве вместе с Готвальдом и другими товарищами из ЦК КПЧ. Все они были вызваны Коминтерном в Советскую страну. Потом — война. Фронт. Политработа в армии. Затем вызов в Москву. Беседа с коминтерновцами. Формирование десантной группы из закарпатцев, которых разыскал в СССР Олекса. И вот полет к Карпатам для организации подпольной и партизанской борьбы против фашизма на родине...

Василь помнил, как в тридцать девятом, после ухода Олессы, его жене Сирене с трудом удалось выехать за границу. Он спросил брата о судьбе жены.

— Она с дочерью на Волге.

— У вас есть дочка?

— Совсем маленькая. Мы ее назвали Ольгой.

Василь тяжело вздохнул.

— Да, далековато немец зашел... Как же так, Олесса, почему?

— «Почему»... Это я уже слышу не от тебя первого... И я отвечаю: почему вы все, спрашивающие, забываете, какая тяжесть свалилась на советских людей? Думаешь, так просто и легко сдерживать эту многомиллионную свору, что вооружилась за счет всего европейского арсенала. Ведь у нее все оружие и техника Австрии, Франции, Чехословакии, Румынии, Финляндии, Дании, Бельгии... Не считая самой Германии. Все это у Гитлера. Весь транспорт, все танки, все самолеты, все бомбы... Да ни одна страна в мире не выдержала бы такого... Разве гитлеровская Германия воюет с Советским Союзом один на один? Солдаты — итальянские, финские, румынские, венгерские, словацкие... — хотят они воевать или не хотят, их не спрашивают, для этого у гитлеровцев есть эсэсовцы, они заставляют идти в атаку... Да, на востоке идет

тяжелая война. Но в Советском Союзе Гитлер найдет себе могилу. Я видел, как сражаются красноармейцы, как дерутся женщины, даже дети. А у вас тут фашисты, наверно, кричали о том, что Москва взята, конец Москве?

— Верно, болтали много.

— А под Москвой Красная Армия уложила в землю отборные армии гитлеровцев... Трудно советским людям, что и говорить. Но фашизм будет раздавлен. Жаль только, прольются еще моря крови. Не верь никому, не верь, братику. Никогда Германии не одолеть Советский Союз. Ты меня знаешь, мы всегда друг другу говорили только правду, и я тебя не утешаю, скажу то, что видел и знаю твердо. Никогда! Если б было иначе, зачем же тогда жить?

— Спасибо за доброе слово. Хоть немного на сердце полегчало. Мы тут теперь как медведи в берлоге живем, к нам, как на тот свет, голоса людские не доходят. Тоже врать не стану, плохо у нас тут. Очень плохо, Олекса... Все расскажу, по порядку. Но сначала... я вот что думаю. Ненадежное это место, подвал. Полагаю, ты домой не на день и не на два прилетел. И надо тебе устроиться получше...

Каждый день Василь отправлялся на разведку. Вести приносили одну другой хуже. С той стороны перевала, от немцев, венгерские жандармы привезли для опознания трупы трех десантников, убитых в ночь высадки. На четвертый день еще двух обессилевших, полузамерзших парашютистов фашистам удалось взять живыми. По слухам, их до смерти забили на допросах. Пограничная стража обнаружила в лесу шесть парашютов. Хортисты ищут шестого десантника. В Ясине и вокруг в селах идут обыски, на дорогах бродят усиленные патрули, леса прочесывают солдаты венгерского охранно-полицейского корпуса и пограничники. Всех, кто вызывает малейшее подозрение, задерживают, выясняют личность каждого. О том, чтобы Олексе отправляться в путь, не могло быть и речи. Нужно выждать, пока каратели прекратят облавы и снимут засады.

Ночью Василь оборудовал в хате за печью небольшой тайник. Тесный закуток служил Олексе укрытием на дневное время. А когда над горами стущалась темень, он осторожно выходил во двор подышать свежим воздухом.

Василь рассказал Олексе о жизни и борьбе своих земляков за последние два трудных года. Венгерские фашисты жестоко расправлялись с коммунистами Верховины. Многие рабочие и крестьянские вожаки были схвачены, расстреляны, погибли в жандармских карцерах, в военных казармах. Всех, кто был связан с коммунистическим движением и примыкавшими к

нему прогрессивными организациями, жандармерия время от времени подвергала допросам, запрещала менять место жительства, обязала через день отмечаться в жандармских участках.

И все же оккупанты не смогли потушить все подпольные коммунистические очаги. Василь Борканюк знал адреса оставшихся на свободе товарищей в Рахове, в Великом Бычкове, в Хусте. Борканюк-старший, много в жизни испытавший и издавна привыкший к осмотрительности, даже находясь под надзором, ухитрялся поддерживать связь с надежными людьми. Его преклонный возраст в какой-то мере усыпал бдительность жандармов. Но младшему, Олексе, открыто появляться среди людей было нельзя. Его знали в лицо сотни друзей, враги тоже знали. Ему пришлось бы все время укрываться от фашистских ищек. У него был один выход — создать партизанский отряд, маневренный, располагающий обширными связями, и из отряда налаживать руководство партийным подпольем.

Олекса Борканюк с помощью Василя стал подбирать людей, с тем чтобы к весне уйти с ними в горы. На жандармской станции, куда вынужден был ходить отмечаться Василь, он виделся со старыми друзьями, договаривался с ними о месте встреч. Он безошибочно знал, с кем можно быть откровенным, и вскоре сообщил брату имена тех, кто готов взяться за оружие.

Старший сын Явдохи, Иван, тоже подключился к делу. Племянник работал на лесоучастке. Хортисты пытались угрозами принудить молодых лесорубов вступить в свою военизированную организацию «Леванте», но хлопцы предпочитали отсидеть за решеткой, чем примкнуть к фашистам. Однако впереди их ждало еще худшее — насильственный призыв в армию оккупантов. Они об этом узнали, и не один втайне подумывал о том, чтобы скрыться в лесах. Переговорив с парнями, Иван убедился, что многие пойдут в партизаны, только позови. Вокруг Ивана Борканюка организовалась группа молодежи. Василь решил побеседовать с хлопцами, с каждым отдельно. Иван рассказал, что у некоторых припрятано кое-что из оружия — несколько пистолетов, гранаты, два-три карабина. Этого конечно же было очень мало. С двумя карабинами много не навоюешь.

Энергичный и не робкого десятка, Иван взялся разведать подступы к казармам, где располагались подразделения венгерской охранной службы. Вскоре он сообщил, что оружием завладеть можно, для такой операции достаточно человек шесть смельчаков. Но операцию осуществить не успели. Че-

рез три недели после ночной выброски парашютистов штаб жандармского корпуса в Кошице вновь поднял по тревоге свои части на Верховине. Немецкая служба СД на той стороне перевала, видимо, получила новые сведения. Шестой парашютист теперь уже был известен венгерской охранке. В селах расклеили приказ о выдаче властям «известного коммунистического руководителя, бывшего депутата чехословацкого парламента, агента московского Коминтерна русина Олексы Борканюка». За его голову фашисты обещали вознаграждение, за укрывательство — смерть через повешение с конфискацией всего имущества.

Две ночи Василь не приходил к Олексе. Не пришел он и в третью ночь. Утром в Ясиню отправилась Явдоха и вскоре прибежала в слезах.

— Беда, Олекса! Василя второй день пытают жандармы. Боже, что в селе творится!

Василя Борканюка истязали шесть суток подряд. Мучили на глазах у многих яснянцев, требуя сказать, где скрывается его брат. Василь, окровавленный, еле живой, твердил одно: «Я его два года не видел. Откуда ему здесь взяться? Брехня все это!»

Его обливали водой, приводили в чувство, и все начиналось спачала. Но не таков был вожак красной Ясини, чтобы сдаться, сломиться под пыткой.

Агенты политической полиции, должно быть, обратили внимание на то, что Василь Борканюк последнее время чаще обычного навещал семью покойного брата Дмитрия. Возможно, жандармы решили исправить свою же оплошность — ведь до этого им не пришло в голову обыскать затерявшийся в лесу домик.

...Ночью, услышав скрип снега во дворе, Явдоха в окно увидела двух человек, одетых просто, по-гутульски. Подумав, что это пришли товарищи Василя к Олексе, она открыла засов. В хату ворвались переодетые жандармы. За ними вошли два офицера. Ганнусю, пятнадцатилетнего Юрка и девятнадцатилетнего Василька жандармы стали избивать. Дети в ужасе закричали. Явдоха кинулась к ним, ее повалили на пол, топча ногами.

Олекса не мог дальние оставаться в тайнике за печью. Он не мог слышать душераздирающего детского крика.

— Прекратите это зверство! — сказал он, появляясь из тайника. — Дети ничего не знали...

Сзади по голове его ударили прикладом. Он упал. Лежал без сознания, когда на него надевали наручники.

Племянника Ивана схватили на лесоразработках утром.

Василя, Явдоху и ее детей в тот же день увезли из Ясини под конвоем. Неделю спустя Иван был убит в Рахове во время допроса. Только двое из рода Борканюков, младшие сыновья Явдохи — Юрко и Василько, через семь месяцев вернулись в село. Оба измученные, искалеченные, они умерли вскоре один за другим. Взрослые домой не возвратились.

Олексу Борканюка, закованного в наручники, жестоко пытали в тюрьмах Рахова, Ужгорода, Мукачева. Почекневшего от побоев и пыток, его видели арестованные товарищи-коммунисты, с которыми он был связан годами совместной борьбы. Под усиленной охраной Олексу переправили в Будапешт и заточили в Маргит Керут, где томились узники-коммунисты из разных стран Европы...

* * *

Осенью 1944 года советские воины полностью освободили Закарпатье от фашистских захватчиков. 26 ноября того же года I съезд Народных комитетов принял манифест о воссоединении края с Советской Украиной.

В мае 1945 года трудящиеся Раховщины обратились к Народной раде края с предложением провозгласить Борканюка народным героям Закарпатья.

Останки казненного коммуниста были перевезены из Будапешта в Ужгород. Мимо урны с прахом Борканюка, мимо улыбающегося с портрета Олексы, отдавая ему последний долг, нескончаемым потоком шли люди.

Его похоронили на родной Верховине. Яркое солнце встает из-за гор, и золотом вспыхивают на постаменте памятника слова: «Герой Советского Союза А. А. Борканюк».

А. Д. Бородий

Г. И. Шелушков

Г. ДЕНИСЕНКО

ПО ВЕЛЕНИЮ
ДОЛГА

В трех километрах от Житомира, недалеко от Новоград-Волынского шоссе, в лесу близ села Довжик, сооружен обелиск. Он возвышается над могилой павших героев. Здесь в сорок третьем году гитлеровские палачи расстреляли секретаря Житомирского подпольного обкома партии Алексея Демьяновича Бородия и Григория Ивановича Шелушкова, членов подпольного обкома Григория Михайловича Буржимского и Григория Семеновича Протасевича, подпольщиков Василия Кирилловича Василенко, Сергея Иосифовича Першина, Марию Михайловну и Евдокию Михайловну Тышкевич, Татьяну Петровну Демирскую и еще многих верных сынов и дочерей Советской Родины.

А на юго-западной окраине Житомира, на горе, сооружен мемориал Вечной славы — круглая колонна, облицованная лабрадоритом. С трех сторон ее окружают бронзовые фигуры воина, партизана и женщины. Подножие выложено мрамором. На колонне золотыми буквами написаны названия частей и соединений Советской Армии, освободивших Житомирскую область от немецко-фашистских захватчиков, и имена героев-подпольщиков А. Д. Бородия и Г. И. Шелушкова. В городе есть улицы Алексея Бородия (бывшая Промышленная) и Григория Шелушкова (бывшая Крошенская).

Слава героев достойно венчает их жизнь, беззаветно отданную Родине, народу, партии. А она поистине была у них героической.

* * *

*

В июле 1941 года гитлеровские захватчики вторглись на территорию Житомирской области и с первых дней начали устанавливать свой «новый порядок», что означало прежде всего порабощение и уничтожение советских людей. Уже в конце июля, через месяц после начала войны, в Житомире

разыгралась кровавая трагедия. Ее цинично описал в своем донесении бывший командир 528-го немецкого пехотного полка майор Реслер. «...Когда мы наконец взобрались на насыпь, нашим глазам представилась отвратительная по своей жестокости картина, потрясавшая и ужасавшая неподготовленного человека. Там была вырыта яма около 7—8 м длиной и примерно 4 м шириной, на одном краю которой лежала куча вынутой из нее земли. Этот холм и прилегающая к нему стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Сама яма была заполнена множеством трупов мужчин и женщин разного возраста, общее число которых трудно определить, как и глубину ямы... Подойдя вплотную к яме, я увидел картину, которой до сих пор не могу забыть. Среди других в этой яме лежал старик с седой окладистой бородой, сжимавший в левой руке трость. Так как он еще был жив и прерывисто дышал, я велел одному из полицейских добить его, на что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже вогнал 7 пуль в живот, он теперь сам должен подохнуть». Расстрелянных в могиле не складывали, и они лежали вповалку так, как падали сверху в яму. Все люди были убиты выстрелом в затылок, а раненые добивались в яме из пистолетов».

Гитлеровский офицер, как он сам писал, не страдал «превозглашенной чувствительностью», но чем бы ни руководствовался Реслер, свидетельство его потрясает.

Подобных фактов было множество. Массовый террор и его изуверские способы были будничным делом фашистских оккупантов. В Малине гитлеровцы арестовали 129 жителей, среди которых было 30 женщин с детьми. Продержав арестованных несколько дней под открытым небом, фашисты расстреляли взрослых, а детей бросили на трупы расстрелянных и закопали живыми. В селе Емильчино оккупанты загнали в избу 68 человек и нагло забили окна и двери. Все находившиеся в избе погибли от удушья. В селе Юзефовка гитлеровцы раздели догола арестованных ими мужчин и женщин, привязали их к деревьям, избили палками, некоторым вывернули руки в суставах, поломали ноги и только после этого расстреляли.

Гитлеровские оккупанты грабили дома, лишая советских людей самых необходимых средств существования, и прежде всего продуктов питания. «...В Житомире,— показал взятый в плен ефрейтор 218-го полка Гафиер,— наши части жили припеваючи, забирали у гражданского населения все продукты питания, так что население вынуждено было голодать: у него не оставалось продуктов, так как немцы все поедали».

Однако ни массовый кровавый террор, ни изуверские спо-

собы истязания и подавления сопротивления — ничто не могло сломить советских людей. Патриоты Житомирщины встутили на путь борьбы с захватчиками в первые же дни оккупации.

Ворвавшись в Радомышль, гитлеровцы согнали население на митинг, посвященный «освобождению». Пришел на него и рабочий-коммунист А. Т. Гончаренко. Не успел фашистский оратор начать свою речь, как в группу гитлеровских офицеров, стоявших около трибуны, полетели две гранаты. Отважный патриот погиб, но десятью врагами стало меньше. После этого случая участились нападения на гитлеровских солдат и офицеров на улицах.

18 декабря сорок первого года житомирский генерал-комиссар издал приказ, которым ввел систему заложничества: за каждый выстрел в рейхснемца уничтожению подлежали 100 мужчин и женщин местного населения. Впоследствии такими угрозами — «будет расстрелян», «встретит смерть», «будет уничтожен» — пестрели почти все без исключения приказы оккупантов, и они неукоснительно следовали им — расстреливали, уничтожали, мучили.

* * *

Волнение нахлынуло не от боязни остаться в тылу врага. Неизвестность, невозможность заглянуть вперед, предугадать, что ожидает, с чем придется встретиться, какие возникнут неожиданности и сложности, — вот вопросы, которые вставали вновь и вновь перед Григорием Ивановичем Шелушковым, едва он вышел из здания обкома. Задуматься было о чем — его назначили руководителем житомирского подполья.

В ушах звучала последняя фраза, сказанная им членам бюро:

— Где нужно, там и останусь. Я — коммунист!

Собственно, это был его девиз на протяжении всей трудовой жизни, ибо он всегда оставался настоящим бойцом партии. Уже в 18 лет Григорий Шелушков сражался на фронтах гражданской войны. Бился с колчаковцами, деникинцами, врангелевцами. Был ранен, а когда отгромели бои, его направили на работу в село. Но и там ему не раз приходилось слышать свист пуль из кулацких обрезов.

Но судьбе было угодно подвергнуть его еще одному серьезному экзамену — он стал секретарем Житомирского подпольного обкома партии.

3 июля 1941 года секретаря Коростышевского райкома партии Григория Ивановича Шелушкина вызвали в Житомир.

— Мы решили рекомендовать тебя, Григорий Иванович,— сказал первый секретарь обкома М. А. Сыромятников,— на работу в тылу врага, секретарем подпольного обкома партии... Сам понимаешь, дело это рискованное, опасное. На такое, безусловно, идут только добровольно. Так что ты еще можешь...

Секретарь помолчал, затем, посмотрев в глаза Шелушкову, спросил:

— Как думаешь?

— Я согласен,— ответил Шелушков.

Григорий Иванович волновался, и секретарь заметил это, но в ответ только приветливо улыбнулся и крепко пожал руку.

Жизненного и боевого опыта Шелушкову не занимать. Но здесь требовалось кое-что иное — искусство конспирации, исключительная собранность и хладнокровие. А были ли они у него? Он не знал. Зато отчетливо сознавал другое, что времени на тщательный подбор людей, на организацию явок, конспиративных квартир, материальной базы было в обрез и впереди предстояло много хлопот, забот и неизбежных отсюда огрохов, обнаружить которые, конечно, удастся не сразу, а это само по себе означало, что надо всегда быть начеку.

Правда, никто, в том числе и Шелушков, не думал и не ожидал, что события развернутся столь быстро. Уже 9 июля фашисты ворвались в Житомир. Потому-то Шелушкову и не удалось еще раз встретиться с необходимыми людьми и основательнее познакомиться со всей подготовительной работой, проведенной обкомом партии, который к тому времени успел сформировать 36 подпольных горкомов и райкомов партии, 210 подпольных партийных организаций и 9 партизанских отрядов...

Предвидения его начали сбываться очень скоро. С того, что исчез А. Е. Хоменко, секретарь подпольного горкома партии. Он должен был явиться к Шелушкову на связь, но не пришел. Как выяснилось позже, в паспорте Хоменко было указано местожительство по улице, которой в городе не существовало вообще. Хоменко задержала полиция. К счастью, ему удалось бежать. Тем не менее оставаться на Житомирщине он уже не мог и подался в Киевскую область.

Как теперь упрекал себя Шелушков за этот непростительный поступок. Между тем следом выявились и другие педоработки. Среди наспех подобранных подпольщиков оказались люди недостаточно проверенные, слабые духом, идеально неустойчивые, каким, в частности, показал себя хозяин

конспиративной квартиры Сечкин. А ведь это было запасное убежище для самого Григория Ивановича.

Накануне оккупации города Шелушков успел наспех заглянуть сюда и в общем остался доволен: небольшой домик на окраине города, два выхода, причем один из них вел на огород, вокруг которого рос густой кустарник, а за ним — подлесок. В случае опасности можно незаметно выйти и укрыться. И хозяин — одна любезность: «Проходите, проходите, будьте как дома».

Тогда Шелушков здесь не задержался, но, когда титлеровцы оккупировали город и Григорий Иванович пришел на конспиративную квартиру, Сечкина словно подменили.

— Уходи! Я тебя и знать не знаю! — грубо заявил он.

Пришлось уйти. Вот уж не ожидал, что доверенное лицо окажется таким гнусным существом. А ведь каким приветливым прикинулся при первом посещении! «Ну, ничего,— думал Григорий Иванович,— как аукнется, так и отклиknется», — и даже не предполагал, что произойдет в дальнейшем. А случилось вот что. Однажды к Сечкину нагрянули полицай. Сделали обыск и обнаружили запасы продуктов, одедды, заготовленные в свое время для нужд подпольщиков. Сечкина увели и расстреляли за укрывательство от оккупантов добра и провизии.

Произошло это позднее. А тогда Григорий Иванович уходил от Сечкина с тяжелой болью в душе. Собственно говоря, ему и уходить-то было некуда.

И все-таки где-то надо было пристроиться. Он шел и перебирал в памяти адреса друзей и знакомых. И вдруг обнадеживающая мысль: а что, если к Тышкевичу? Вместе с ним Шелушков воевал еще в гражданскую против Деникина, оба были ранены в одном бою, в одной палате лежали в госпитале. Незадолго до войны они снова случайно встретились. Тогда и побывал Григорий Иванович у Тышкевича в Обозном переулке. «Этот надежный, только бы застать дома», — размышлял Шелушков, круто свернув к Обозному переулку.

Во дворе дома он увидел самого Тышкевича, тот как раз вышел на крыльцо с ведрами.

— Каким ветром? — искренне изумился Тышкевич.

— Попутным, — в тон ему ответил Шелушков.

— Ну, проходи, проходи, Григорий Иванович.

— Боюсь, что у тебя и своим тесновато.

— В тесноте — не в обиде. Найдется и для тебя место.

Мотя, — радостно позвал Михаил Герасимович жену. — Смотри, какой гость к нам пришел.

Хозяева не стали расспрашивать его, почему остался в

городе, а он был рад, что ему не надо ничего придумывать и объяснять.

Гостеприимство и душевная теплота хозяев согрели его, а скромный ужин утолил давний голод. Было приятно оказаться в кругу большой дружной семьи (в ней кроме взрослых было шестеро детей и двое внуков) и с отрадой сознавать, что таких советских людей — миллионы, а жалких, трусливых сечкиных — единицы.

Но как ни приятно и ни приветливо было неожиданное пристанище, заботы и тревоги не выпускали его из своего плена. Первым делом надо было найти способ «легализовать себя», то есть «установить» свое «служение на благо нового порядка». Помог ему в этом Тышкевич. На углу улиц Ленина и Горького, в самом центре города, недалеко от здания, в котором только что разместилась городская уголовная полиция, в глубине двора он подыскал похожий на сарай пустовавший домик с подслеповатыми маленькими окнами. Здесь и поселился под видом дворника Шелушков. В немолодом блюстителе чистоты и порядка, с опущенными по-старчески плечами, густо, по самые глаза, заросшем бородой, трудно было узнать Шелушкова. Да и по документам он был теперь не Шелушковым, а Шумаковым. Впрочем, никто не называл его по фамилии, предпочитали обращаться по имени — дядя Гриша.

Ошибки многому научили руководителя житомирского подполья. Он стал предельно осторожен, тщательно обдумывал каждый шаг и каждое слово. Со своими «коллегами» — дворниками — разговаривал мало, долго раскуривал цигарку, стараясь по возможности отмолчаться. Не в пример многим дворникам Шелушков день и ночь орудовал метлой и совком, тщательно убирал свой двор и участок улицы.

Из окна его квартиры она хорошо просматривалась, и дядя Гриша не раз был свидетелем, как по ней с грохотом проползали танки с черными крестами на броне, самоходные орудия и грузовики с гитлеровской пехотой.

В центре города почти все каменные дома были разрушены, в уцелевших разместились гитлеровские учреждения и разные частные и акционерные компании, занимавшиеся главным образом отправкой в Германию ценностей, и гитлеровцы посему усиленно наводили порядок.

С самого раннего утра сгоняли сюда сотни истощенных военнопленных и под усиленной охраной полиции и фашистских солдат заставляли их расчищать завалы. То и дело раздавались свистки полицейских и выстрелы, что означало, что еще один пленник рискул бежать...

Тяжело было видеть все это секретарю подпольного обкома партии и еще труднее бездействовать, когда где-то там далеко, на фронте, идут кровопролитные бои за жизнь и спасение Родины, а здесь оккупанты проводят массовые аресты и ежечасно расстреливают советских людей. Мириться с этим он, человек, облеченный доверием партии, не мог!

Наконец первый проблеск: однажды с улицы Ленина к базару свернула повозка, груженная мешками и корзинами. За повозкой неторопливо шагал Адам Иосифович Цендровский. Шелушков узнал его сразу, в душе шевельнулась надежда: Цендровский — коммунист, долгое время работал председателем сельсовета. Он и его братья были известны на всю Житомирскую область, на них всегда можно положиться.

Цендровский прошел мимо, не проронив ни слова. Но внимательный взгляд настороженных глаз пришельца сказал дяде Грише, что и Цендровский узнал его.

Сердце гулко заколотилось, но Шелушков как ни в чем не бывало продолжал мести улицу. Минуты через три Цендровский снова появился.

— Грибов не купите? — громко сказал он. И тут же шепотом: — Можно вас повидать? В другом месте...

— Грибки? Что ж... Пожалуй, возьму, коли в цене сойдемся...

Григорий Иванович скосил глаза на проходившего мимо полицейского.

— Много червивых? — И чуть слышно: — Где? Когда?

— Пойдемте, дорогой, посмотрим! — улыбнулся Цендровский. — Грибы у меня в подвале!

Через несколько дней в домике Григория Ивановича на улице Ленина, № 46, собрались подпольщики. «Нас было трое: Григорий Иванович, Шиманский и я, — пишет в своих воспоминаниях А. И. Цендровский, — но чувствовали мы себя так, словно нас было не трое, а вдесятеро больше, хотя выглядели мы неважко. Григорий Иванович похудел, лицо осунулось, под глазами темные дуги, выросла большая борода, черная, густая. Его трудно было узнати даже человеку, который много раз встречался с ним. Только говорил он по-прежнему: ясно и убедительно».

Встрече этой Шелушков обрадовался несказанно. Кончилось невольное бездействие. С ним были товарищи, коммунисты, которые не сложили оружия и готовы ринуться в смертельный бой.

Петр Иванович Шиманский с самого начала войны переехал в Житомир, где установил связь с надежными людьми,

а затем стал руководить одной из подпольных групп. Одновременно он активно проявил себя и в работе Коростышевского подпольного комитета партии. В марте 1942 года по предложению Г. И. Шелушкова П. И. Шиманский был введен в состав обкома.

Коростышевский подпольный районный комитет партии на Житомирщине по праву считался наиболее активным. Среди его членов в начале войны в подполье особо выделились Н. В. Шклярук, работавший заведующим военным отделом райкома партии, и включившийся в борьбу уже во время оккупации И. П. Музыка.

Деятельность Коростышевского подпольного комитета была широкой и многообразной. Его люди проникли и успешно работали в типографии, в районной полиции и в других оккупационных учреждениях. Через них вовремя узнавали обо всех намечаемых мероприятиях карателей, вплоть до операций против партизанского отряда А. И. Цендровского.

Когда подпольщики впервые собрались на квартире Шелушкова, он обо всем этом еще ничего не знал. Давно ему не было так хорошо, как сейчас, в этой маленькой комнате на конспиративном совещании. И поэтому слова «дорогие товарищи» срывались у него с языка чаще обычного.

— С приходом гитлеровцев, — говорил Шелушков, — население дезинформировано. Люди, дорогие товарищи, не знают действительного положения на фронте. А фашистская пропаганда брешет о небывалых победах немецкого оружия, предсказывает, что скоро Красная Армия будет разбита. В фашистских газетах ряд заметок «очевидцев» оповещает, ориентируясь прежде всего на легковерных, о выезде нашего правительства в Монголию, о «вымершем городе» Ленинграде. Значит, слова правды об истинном положении на фронтах и о жизни нашего народа по ту сторону были бы большой моральной поддержкой для тех, кто сейчас находится на оккупированной территории.

— А мы кое-что уже придумали, — сказал Шиманский.

— Что именно?

— Достали приемник, установили его в надежном месте, теперь слушаем передачи из Москвы и при случае говорим людям, как все на самом деле.

— Молодцы! — улыбнулся Шелушков. — Нужно хорошенько подумать о выпуске листовок со сводками Совинформбюро. А вы, Адам Иосифович, займитесь организацией партизанской базы. Ее надо оборудовать в лесу возле Рудни Грабовской. Народ там хороший, нас поддержат. К весне достанем и оружие.

— Верно! — отозвался Цендрровский.— Чем лучше подготовимся, тем больше фашистов отправим к праотцам.

— Дорогие товарищи, нужны нам отряды! Партизанские отряды,— сказал Шелушков.— Прежде всего для того, чтобы поднять дух наших людей, убить страх перед оккупантами! Пусть оккупанты дрожат и знают: народ не сломлен духом, продолжает борьбу!

* * *

Через несколько дней после совещания в городе появились листовки. Они были напечатаны на пишущей машинке и разбросаны на базаре. Это была работа Шиманского.

Дворник дядя Гриша радовался, глядя, как люди украдкой поднимали листовки и, пряча на ходу, уносили с собой. Среди них он заметил Марию Тышкевич. Эта молодая женщина жила по соседству с Шелушковым. Оглянувшись вокруг, она быстро схватила листовку и сунула в рукав.

Шелушков давно присматривался к этой женщине. Осторожно расспросил о ней знакомых, навел необходимые справки. В результате создавалось впечатление, что Мария—человек надежный.

«Что ж, надо рискнуть»,— решил Шелушков. Скоро раздались свистки. Немцы окружили базар. Началась давка. Воспользовавшись суматохой, Шелушков протиснулся за ограду и спокойно зашагал домой. Впереди мелькнул белый платок Марии Тышкевич. Он поравнялся с ней и осторожно взял за руку.

— Разрешите к вам заглянуть на минутку?

Мария вздрогнула и с недоумением посмотрела на дворника. Но глубокий, пристальный взгляд дяди Гриши удержал ее от резких слов.

— А зачем? — притворно спросила она.

— Очень нужно, на минутку.

— Что ж, заходите...

— Шумаков,— отрекомендовался он и, повинувшись приглашению Марии сесть, сел.— А соседи,— продолжал он,— называют меня дядя Гриша. Дворник, одним словом. А вы как оказались в Житомире, если не секрет?

Теперь Мария не сомневалась: дядя Гриша пришел неспроста. И она откликнулась на его участие и рассказала о себе по возможности все подробно и без утайки.

Два ее брата ушли на фронт. Она работала в Городницкой школе учительницей. А когда началась война, вместе с Евдокией — младшей сестрой — эвакуировалась. Но в пути

их нагнали пемцы. Вот и пришлось вернуться к родным, в Житомир, в Обозный переулок. Жаль, родительский домик мал. Пришлось с сестрой поселиться здесь, в этой тесной покинутой комнатушке. С каждой новой подробностью рассказа Марии он все больше убеждался в том, что перед ним дочь его давнего фронтового товарища Михаила Герасимовича Тышкевича. И как она похожа на свою мать. Григорий Иванович едва сдержался, но умолчал, что хорошо знает ее отца и даже помнит ее, когда она была девочкой.

— Мучаюсь здесь,— вздохнула Мария.— Жду наших... Что вокруг делается — сами знаете...

Григорий Иванович слушал, внимательно вглядываясь в лицо собеседницы, будто решая для себя главный вопрос: открыться или нет.

— Но ведь можно не ждать,— осторожно прощупывал он,— а помочь нашим людям!

— А как? — растерялась от неожиданного предложения Мария.

— Выполнять наши задания,— твердо сказал Шелушков.

— Давайте любое,— встрепенулась Мария.

Григорий Иванович снова помолчал, выбирая подходящее для испытания задание.

— Вот и хорошо,— произнес он, стараясь сохранить выдержку.— На улице Котовского живет один полицай. У него руки в крови по локоть... Его нужно уничтожить.

— Как?

Шелушков встал, подошел к окну.

— Полицай живет в собственном домике. Форточка в окне часто бывает открыта. Выберешь удобный момент... и гранатой...

Мария растерялась. Она приносila домой больных птиц, чтобы лечить их. А здесь... Представила, что ей предстоит, и ужас пронизал все ее существо.

— Я не смогу,— дрожащим голосом произнесла она.

— А как же вы, дорогой товарищ, собираетесь выполнять задания? Этот полицай не человек — зверь! На днях похвалился: «Вот поработали у хутора Довжик! Аж кровь набрал через голенища!»

Григорий Иванович в упор смотрел на Марию. А ей вспомнилось, как она бросала гранаты, когда сдавала нормы на значок ГТО. Вспомнилась убитая гитлеровцами девочка. Открытые остекленевшие глаза, большие и неподвижные. И красное пятно на груди...

— Хорошо, я согласна,— в голосе Марии послышались смелость и твердость.

— А ты, Мария, дорогой товарищ, все учла? Для тебя это встреча со смертью. Неверный шаг — и ты в застенках гестапо. Там не посмотрят, что ты женщина...

— Давайте гранату, дядя Гриша!

Дядя Гриша помолчал. Усмехнулся.

— Ладно. Вижу, решилась. Но задание будет другое. Люди к нам скоро начнут прибывать, а жить им негде. Нужно, дорогой товарищ, найти надежные квартиры. Такие, чтоб их хозяева согласились укрывать и прятать беглецов. И хозяев нужно обязательно предупредить: они рискуют не только своей жизнью, но и жизнью своих близких. Настоящий советский человек не испугается. Сможешь найти верных людей?

— Постараюсь, думаю, что смогу, дядя Гриша!

Шелушков поверил и не ошибся. Мария не только нашла надежные конспиративные квартиры, но и достала одежду и продукты, чтобы было во что переодеть и чем накормить беглецов. В помощь себе подобрала группу патриотов, которые вскоре тоже стали активными подпольщицами. Немного позже вместе с сестрой Мария занялась подделкой немецких документов, да так квалифицированно, что ни один обладатель такого «мандата» не был задержан оккупантами.

Пользовались ими преимущественно, чтобы «вывести» из концентрационного лагеря пленных. Бланки документов доставали настоящие, но они были новенькими, и их надлежало предварительно как следует обработать, чтобы придать вид давно находящихся в обращении, приставить штампы, вписать все, что следует, подделать подписи. Только после такой обработки документы вручали пленным. Для этого к лагерю с утра приходили женщины и, присмотревшись к пленным, бросали записку с адресом. Но это было лишь полдела, предстояло еще с помощью взяток уломать коменданта отпустить домой «брата», «мужа» или «отца».

Гитлеровцы, однако, вскоре спохватились, разгадали тактику подпольщиц, и многие из них поплатились жизнью. Были схвачены и сестры Тышкевич. Сейчас трудно сказать, что именно послужило причиной их ареста. Выдал ли их предатель, сами ли они допустили какую-нибудь оплошность? Весьма возможно, что после одного из многочисленных поручений, выполнявшихся сестрами по связи с районными подпольными организациями, их выследили. По одной из версий, это могло случиться, когда Мария Тышкевич ездила в Малин на связь с руководителями подполья П. А. Тараскиным и Н. И. Сосниной.

Гестаповцы нагрянули к сестрам Тышкевич на квартиру

и при обыске нашли незаполненные бланки паспортов. Этого было достаточно. Сестер пытали, но палачам не удалось вырвать у них ни одного имени, ни одного явочного адреса. О последних часах жизни Евдокии Тышкевич рассказала учительница Липковской школы Попельнянского района Мария Викторовна Сергейчук:

«За месяц моего пребывания в тюрьме СД заключенных дважды вывозили на расстрел. Я никогда не забуду тех минут. Ночь. Тихо в коридоре. Тихо в камере. Слышно, как стучит сердце. Никто не спит. Обреченные посматривают друг на друга, словно спрашивая — кого повезут сегодня? И вдруг — гулкие шаги по цементному полу. Щелкнул ключ в дверях:

— Мария Тышкевич! Выходи!

Сестры переглянулись — камера замерла. Но то, что произошло в следующую минуту, всех потрясло.

Дуся Тышкевич поднялась с места, подошла к сестре, обняла ее и шепотом сказала:

— Ты останешься. У тебя дети. Пойду я!

И пошла. Пошла на смерть. На смерть ради детей, отец которых был убит на войне...»

Через некоторое время гестаповцы замучили и Марью Тышкевич. Гибель сестер Григорий Иванович переживал тяжело. Ему казалось, что в этом более всего виноват он: во время не предостерег, чего-то не предусмотрел... Но шла тяжелая борьба, и жертвы были неминуемы.

В мае — июне 1942 года гитлеровцы усилили репрессии. В Житомире к этому времени была оборудована полевая штаб-квартира Гиммлера. В связи с приездом главного палача фашистского рейха гитлеровцы бросили все силы на разгром подполья, и им удалось нанести ему серьезный урон. Генерал-комиссар Житомира сообщал своему начальству, что только в мае 1942 года расстреляно 300 коммунистов и партизан. Хотя в этом же самом документе палач признавался, что «партизанское движение активизируется».

Действительно, на место погибших вставали новые люди и продолжали борьбу с еще большей яростью. Враг физически уничтожал патриотов, но и у умиравших он не мог отнять самого сильного оружия — безграничной любви к своей Родине и Коммунистической партии. Ряды патриотов росли.

* * *

*

Как-то, подметая улицу, Григорий Иванович нашел листовку. Она явно была напечатана в подпольной типографии.

Значит, в городе действуют группы подпольщиков, о которых ему пока ничего не известно. Кто они? Где их искать?

Однако подпольщики объявились сами: к Григорию Ивановичу под видом стекольщика пришел В. П. Диденко. Встреча обрадовала обоих: человек всегда рад неожиданной встрече с хорошим другом. Впрочем, каждый из них знал: осторожность нужна даже в минуты радости. Поэтому Диденко задержался у Шелушкова ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы вставить оконное стекло...

Василий Петрович Диденко, уроженец Житомира, не успел эвакуироваться: он был инвалидом — потерял ногу еще в финскую кампанию. Но, оставшись в Житомире и осмотревшись, недолго думая, связался с подпольной группой А. Д. Бородия...

Выйдя от Шелушкова, Диденко направился по улице Горького к себе домой. В пути через несколько минут его нагнал Шелушков.

Вечерело. На углах и переходах торчали фигуры полицейских. Гулко стучали коваными сапогами по мостовой немецкие солдаты. Некоторое время друзья шли молча.

— Война, дорогой товарищ, устроила трудный экзамен всем, — заговорил наконец Шелушков. — И некоторые этого экзамена не выдержали... Кто ж он такой, этот Бородий?

— Григорий Иванович, Бородий — наш человек. Комиссар батальона. Попал в окружение, жена в Киеве, был подпольщиком. А потом пришлось бежать в Житомир. Но и здесь, понимаешь, не сидит сложа руки. Словом, я ручаюсь за него. Шутка ли: проявил инициативу — создал городской подпольный комитет, установил связь с некоторыми подпольными комитетами в районах области.

И Диденко рассказал Шелушкову все, что он знал о подпольной работе А. Д. Бородия.

— Вам обязательно нужно встретиться, — настаивал он.

— Хорошо, я приду, — согласился Шелушков.

Кроме подпольного комитета, созданного А. Д. Бородилем, в Житомире действовали и другие аналогичные группы и организации. Одну из них возглавлял Г. М. Буржимский — агроном по образованию. Он был оставлен для работы в тылу в Борзнянском районе Черниговской области, где его знали. Поэтому гестаповцам вскоре удалось напасть на след подпольщика. Буржимскому пришлось срочно перебраться в Житомир, где жила его сестра. Здесь-то он и объединил вокруг себя большую группу патриотов.

Еще одну такую организацию возглавил Г. С. Протасе-

вич, официально занимавший должность директора областного аптечного управления.

Григорий Семенович Протасевич жил в Житомире с 1938 года, работал провизором, но к началу войны стал заведовать главным складом аптечного управления. Семья Протасевича не успела эвакуироваться, и Григория Семеновича оставили на подпольной работе. Когда в Житомире немцы организовали «местное самоуправление», ему удалось устроиться директором аптечного управления. Разумеется, никто не знал, что он коммунист и оставлен на подпольной работе.

Пользуясь своим официальным положением, он мог часто выезжать в районы, куда его сопровождали надежные товарищи из числа аптечных служащих, и снабжать местные организации подпольщиков и партизан всеми необходимыми медикаментами, а порой даже направлять в партизанские отряды врачей. И он сам и его товарищи выполняли многие боевые задания обкома. В подвале аптечного управления с их помощью был установлен радиоприемник, и они поочередно записывали сводки Совинформбюро. На квартире сестры Протасевича, где уже давно была освоена пишущая машинка, установили еще один приемник, и теперь сводки сразу записывались на бумагу с голоса диктора московского радио.

Не менее активно действовала группа на радиоузле под руководством В. В. Забрамского. Мало того, что через них шла почти вся радиоинформация в Житомире и в районах области, они систематически передавали подпольщикам радиоприемники, электропитание и запасные части к ним.

* * *

*

Как и обещал Шелушков, он пришел на встречу с Бородицем. И пока Григорий Иванович вешал пальто, расчесывал тронутые первой сединой волосы, Алексей Демьянович успел присмотреться к пришедшему. Во всех движениях гостя чувствовалась уверенность.

Шелушкова же поразили спокойная решимость и определенность, чувствовавшиеся в каждом слове, в каждом жесте Алексея Демьяновича. Он мало спрашивал, а на задаваемые вопросы отвечал кратко. Поэтому вначале Шелушкову показалось, что Бородий — человек замкнутый. Но это было лишь первое впечатление. На самом деле он относился к числу людей, которые скрупульно рассказывают о себе, но о

которых больше говорят их собственные поступки. И чем больше Григорий Иванович узнавал его, тем отчетливее видел, что причина этой замкнутости коренилась в скромности и застенчивости, которые, как ни странно, очень шли ему и делали поразительно привлекательным...

Алексей Демьянович Бородий родился и вырос в Житомире в семье рабочего. В 18 лет в партизанском отряде сражался на территории Волыни против белополяков. После гражданской войны служил в Красной Армии. Тогда, в 1923 году, вступил в ряды Коммунистической партии и с тех пор до самого начала Великой Отечественной войны активно трудился на партийной и хозяйственной работе в Житомирской и Киевской областях.

В начале войны ушел добровольцем на фронт, по под городом Лохвица попал в окружение, вырвался из него и пробрался в Киев — увы! — к пустому очагу: жену расстреляли немцы. Малолетний сын уцелел и жил у деда. Разыскал его и переехал в Житомир. Чтобы легализоваться, надо было устроиться на работу. Помог все тот же Василий Петрович Диденко — Бородия приняли заготовителем в райпотребсоюз.

— Вот и вся моя биография, — заключил Бородий и, сощурив глаза, пристально посмотрел на Шелушкова, — ничего необыкновенного, ничего героического не совершил.

Конечно, Алексей Демьянович не упомянул даже вскользь, что у него накануне войны была броня и ему не так-то просто было уйти в армию. Когда полк возле Новоград-Волынского попал в окружение, комиссару батальона Бородию пришлось возглавить одну из групп бойцов, которая первой вырвалась из окружения и помогла своим боевым товарищам прорвать вражеское кольцо. Не рассказывал Алексей Демьянович и о том, что лично расклеивал в городе подпольные листовки, холодными, промозглыми ночами ходил на связь, что сознание долга подавляло чувство страха, а мысль об опасности отступала перед одним неукротимым желанием — как можно больше сделать для победы.

Григорий Иванович не скрывал своего удовлетворения и удовольствия от нового знакомства. Перед ним сидел человек, несомненно, достойный уважения. Он не только точно ориентировался в обстановке, что было чрезвычайно важно для подпольной работы, но и многое успел сделать за небольшой срок: создал городской подпольный комитет, привлек к работе более 100 подпольщиков, выпускал листовки, наладил связи с патриотами во всех звеньях окку-

пационного аппарата. Даже в резиденции генерал- комиссара у Бородия были свои люди — это особенно обрадовало Шелушкова. Наконец-то осуществляется его мечта о связях с подпольным центром Киева. А там, глядишь, и с Большой землей (ведь Бородий уже послал несколько человек с заданием перейти линию фронта).

Гораздо охотнее Бородий говорил о своем намерении отправить в партизанские отряды группы подготовленных товарищей и о размещении имеющихся складов оружия. Не было никакого сомнения, Бородий не только единомышленник, но и боец-подпольщик, организатор, которому под силу любое оперативное задание.

Конечно, в разговоре коснулись и деятельности подпольной организации аптекарей во главе с Протасевичем, говорили об их самоотверженности и о том, как лучше организовать помочь партизанам.

— Придет весна, — задумчиво произнес Шелушков, — нам потребуется много лекарств для партизан...

— Мы тоже так думаем. В скором времени наладим отправку лекарств и в другие районы, — поддержал его Бородий.

— Алексей Демьянович, а кто еще работает в генерал- комиссариате? — поинтересовался Шелушков.

— Лекарем местного населения работает Сергей Иосифович Першин.

— А кто он такой? Как оказался в Житомире?

Бородий рассказал, что Першин — сын земского врача. После окончания гимназии пошел добровольцем в Красную Армию, участвовал в гражданской войне. Коммунист с девятнадцатого года. Потом закончил медицинский институт, перед войной работал главным врачом курортного управления Нальчика. В войну добровольцем ушел в армию. В конце июля 1941 года Сергей Иосифович возглавил медико-санитарный батальон, который входил в одно из соединений 6-й армии.

В районе Умани часть войск, в том числе и медсанбат, оказались в окружении. Першин попал в плен. Находился в Гниваньском концлагере под Винницей. Голод, тиф, цинга, дизентерия и другие болезни уносили ежедневно сотни жизней узников. Чем помочь страждущим? Лекарств нет, на бинты порвано все белье. Единственный выход — ласковое, сочувственное слово. И так день за днем: боль раненого — боль Першина. В скором времени болезнь свалила и самого Сергея Иосифовича. Но винницкие подпольщики вырвали его из концлагеря и помогли трудоустроиться на должность за-

местителя главного врача. В сорок втором оккупанты перевели Першина в Житомир и назначили врачом при генерал- комиссариате. Такому стремительному возвышению способствовало и то обстоятельство, что Сергей Иосифович свободно владел немецким языком.

В Житомире Першин стал искать связи с подпольем. Через Протасевича познакомился с Бородилем, который предварительно перепроверил достоверность рассказа Першина.

— Сергей Иосифович сразу мне понравился, — говорил Бородий. — Было в этом человеке что-то притягивающее, особенно глаза, острые и удивительно чистые, которые, казалось, видят насквозь. Я заметил ему: «Что и говорить — несладко вам: нужно большое самообладание, чтобы делать на лице приятную мину, когда хочется своими руками задушить врача». Першин смущился, а потом твердо ответил:

— Спасибо вам! Спасибо за сочувствие и доверие. Знаете, мне этих слов действительно не хватало. Как-то легче стало на душе...

Под видом выполнения служебных обязанностей Першин свободно ездил по районам области, непременно посещая концентрационные лагеря для военнопленных и бывая в «гросслазарете» в Славуте. Поездки эти в одном случае помогали устанавливать полезные и надежные связи, в другом — освобождению пленных из лагерей. Врач Михаил Иванович Елисеев писал: «После нашего побега в марте сорок второго года нам дали адрес Першина, и мы направились к нему в Житомир. Сергея Иосифовича нашли в больнице, он ждал нас. Познакомившись с документами об освобождении из плена, Першин предложил поехать в Барышевский район Киевской области и там связаться с местными партизанами».

Старания Сергея Иосифовича не ограничивались только освобождением военнопленных и трудоустройством медицинских работников, он добывал также чистые бланки гитлеровских документов, которые затем заполнялись на машинке с немецким шрифтом и удостоверялись поддельной печатью. Такие документы ограждали подпольщиков от опасности, когда нужно было провезти оружие, людей, медикаменты или любые другие грузы из города к партизанам.

Шелушков внимательно слушал рассказ Алексея Демьяновича, а потом сказал:

— Правильно, согласен, действуйте, товарищ Бородий. Чем больше будет наших людей на предприятиях, железной дороге и особенно в учреждениях, которые входят в состав администрации оккупантов, тем легче будет нам рас-

крыть планы и намерения врага, тем больше ударов мы ему нанесем.

Последующие встречи Бородия с Шелушковым проходили обычно с глазу на глаз. К тому же Бородий взял за правило каждое важное дело обсуждать заблаговременно. Поэтому на встречах в своей группе он неизменно и откровенно предупреждал: решение может еще измениться. Окончательно утвердили лишь после того, как посоветуемся с Григорием Ивановичем.

По предложению Шелушкова в подпольный обком партии были введены: А. Д. Бородий, Г. С. Протасевич, Г. М. Буржимский. Несколько позднее, после ареста П. И. Шиманского, к работе были привлечены П. И. Кондратюк и другие активные подпольщики.

С увеличением состава обкома стала более масштабной и целенаправленной и вся работа.

Подпольщикам города Чуднова удалось похитить в районной типографии шрифт, бумагу и краски. Все это они привезли в село Сербиновку и в подвале одного из домов наладили выпуск листовок. Распространение их стало постоянным.

В Новоград-Волынском в городскую типографию на работу был устроен член подпольного комитета К. Мякишев. Он набирал тексты, уносил с собой набор, а затем печатал в потайном месте. Позже, когда Мякишев попал под подозрение полиции и должен был замести следы, подпольщики нашли выход. Они раскопали развалины здания, в котором до войны помещалась типография, извлекли из-под камней шрифт и старенький печатный станок и наладили подпольную типографию на чердаке дома.

Как ни трудно было создавать подпольные типографии, с работой этой успешно справлялись подпольщики в Новоград-Волынском, Барановке, Коростышеве, Чуднове, Радомышле и в самом Житомире.

Особое внимание подпольный обком партии, и в первую очередь Шелушков и Бородий, уделяли подготовке партизанских отрядов и расширению их боевой деятельности.

В 1942 году в Житомирской области начали действовать небольшие партизанские отряды под командованием А. И. Цендровского — в районе Коростышева, А. И. Вишневского — в Тригурских лесах. В Ружинском районе активно боролся с оккупантами отряд Ф. А. Шуляки, в Ярунском — отряд Н. П. Гордеева, а во Вчерайшанском районе в боевые действия вступила диверсионная группа И. Д. Богорада.

Партизаны пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой противника, взрывали мосты, поджигали склады.

Бесследно исчезали жандармы, гитлеровские офицеры, полицаи. Генерал-комиссар Житомира в своем докладе с третьей волны сообщал, что с 1 июля по 20 августа 1942 года партизаны произвели 391 нападение, из них 32 — на железной дороге...

* * *

*

Уже к концу сорок второго года сложилась четкая структура подполья: обком, горком, районные комитеты, подпольные организации и группы. В Житомирской области действовало 119 подпольных организаций и групп. В районах были созданы подпольные комитеты.

В активную борьбу с захватчиками включились новые силы. Этому в немалой степени способствовало усиление политической работы всех партийных звеньев подполья.

Когда советские войска начали разгром гитлеровских войск под Сталинградом, Житомирский подпольный обком партии выпустил листовку: «Дорогие братья и сестры! — говорилось в ней. — Красная Армия перешла в сокрушительное наступление. Обескровленная гитлеровская грабьармия отступает, бросая тысячи танков, минометов, пулеметов, покрывая поля тысячами трупов солдат и офицеров. Товарищи! Бейте гитлеровских бандитов всеми средствами. Не давайте немцам хлеба. Идите в партизаны!»

В Радомышле в начале февраля сорок третьего года стала выходить подпольная газета «За Радянську Україну!». Ее первый номер полностью посвящался победе советских войск под Сталинградом. В марте радомышльские подпольщики выпустили листовку «Хай живе Радянська Україна!». Газета и листовки распространялись в Радомышльском, Потиевском, Брусиловском районах, а выпускали их чудновская, коростышевская, новоград-волынская, барановская подпольные типографии. Вследствие этого эффективность боевой деятельности подпольщиков и партизан Житомирщины заметно возросла. За первые три месяца сорок третьего года партизаны пустили под откос 31 вражеский эшелон, вывели из строя 31 паровоз и 635 вагонов.

Подпольный обком партии не раз обсуждал действия партизанских отрядов, направлял их боевую работу. 10 апреля он провел в Житомире буквально под боком у гитлеровцев областную партийную конференцию. Она проходила в центре города, в конторе потребкоопа, где работали А. Д. Бородий и В. П. Диденко. В ней приняли участие 19 посланцев из Житомира, Трояновского, Чудновского, Дзержинского,

Новоград-Волынского районных подпольных комитетов. Г. И. Шелушков, А. Д. Бородий, В. П. Диденко, Н. А. Бондарчук, С. И. Першин, Г. М. Буржимский, В. К. Василенко, Г. С. Протасевич, Н. В. Тынныи представляли подполье Житомира. Участники конференции образовали новый состав подпольного обкома партии. Секретарями его единодушно избрали Г. И. Шелушкова и А. Д. Бородия. Было решено усилить работу подпольных организаций по добыче оружия и отбору людей для партизанских отрядов. К этому времени подпольный обком установил связь с партизанскими соединениями А. Н. Сабурова, И. И. Шитова и С. Ф. Маликова. В эти соединения уже были отправлены сотни патриотов, оружие, медикаменты. Туда же готовились уйти новые группы подготовленных в подполье людей, среди которых было немало бывших военнопленных.

Областная партийная конференция сыграла большую роль в активизации деятельности подпольных групп и партизанских отрядов. Энергично развернул свою работу Коростышевский подпольный райком партии во главе с И. П. Музыкой. В нем насчитывалось уже 230 человек, объединенных в 24 организации и группы, семь из которых специализировались на диверсиях. Коростышевцы пустили под откос 10 вражеских эшелонов, уничтожили семь мостов, подорвали семь автомашин, направили в партизанские отряды 870 человек, для которых достали 500 винтовок, 40 автоматов, 29 пулеметов и много боеприпасов.

В Новоград-Волынском подпольщики освободили свыше 200 заключенных и военнопленных, переправили в партизанское соединение под командованием С. Ф. Маликова 297 патриотов, передали партизанам 21 пулемет, 23 винтовки и автомата, 300 ручных гранат, 45 тысяч патронов и много медикаментов. Подпольщикам города Малина удалось устроить своих людей в полицию, наладить связь с антифашистски настроенными солдатами и офицерами словацкой и венгерской частей. И это сыграло важную роль в борьбе: словацкие и венгры снабжали их информацией о противнике, сообщали о подготовке карательных экспедиций. Добытые через них данные подпольщики передавали в партизанские отряды. Единение тех и другихширилось и крепло в смелых боевых операциях.

Особый переполох среди оккупантов вызвала совместная операция по взрыву здания гебитскомиссариата в Овруче. Операцию осуществляли командир диверсионной группы отряда А. В. Батыян, партизаны И. Федосеенко, А. Т. Чумак, связные партизанского отряда — жители села Малая Черни-

говка супруги Г. В. и М. К. Дьяченко, Е. И. Роговский, подпольщики Овруч супруги Я. З. и М. И. Каплюк. Бойцы группы перенесли взрывчатку и подрывной механизм из Ситовецких лесов в село Малая Черниговка к супругам Дьяченко. В свою очередь они переправили все это в Овруч, на квартиру Каплюка, работавшего истопником в гебитскомисариате. С помощью жены и детей, которые носили ему обеды на работу, он по частям переправил взрывчатку с подрывным механизмом в котельную. В ночь на 14 сентября сорок третьего года прозвучал мощный взрыв. Он разрушил всю центральную часть четырехэтажного здания и погреб под своими обломками гебитскомиссара, начальника гестапо Овруч и несколько десятков фашистов.

* * *
*

И Шелушков и Бородий настойчиво добивались установления связи с киевскими подпольщиками. Бородий послал в Киев С. М. Верещак, хорошо знавшую город, снабдив ее адресами. Киевские подпольщики вели себя с ней предельно осторожно. Они устно передали Верещак, что для установления контактов требуется личный приезд Бородия. Можно было предположить и иное: они, видимо, усомнились в правильности переданных сведений от Бородия, более того, в том, что Бородий жив вообще.

Так или иначе, Бородий отважился ехать в Киев сам. Через Протасевича договорились о машине с верным человеком, был установлен пароль, по которому шофер должен был вызвать Бородия с работы.

В понедельник, 10 мая сорок третьего года, в комнату, где работал Бородий, вошел незнакомый человек. Он не спеша оглядел всех и спросил:

— Машина идет в Киев. Кто поедет?

— Сейчас решим,— ответил Бородий, услышав пароль. Ничего не подозревая, он поднялся и шагнул через порог. В следующее мгновение его схватили, надели наручники. Железо больно врезалось в запястья. Александра Демьяновича потащили вниз по лестнице, втолкнули в крытую машину. Все произошло мгновенно. «По-видимому, нас высledили,— подумал Алексей Демьянович.— Мы где-то допустили промах».

Не пропло и получаса, как па копирайтивную квартиру прибежала сотрудница Бородия и со слезами на глазах рассказала о произшедшем. В то же время на улице был схвачен Г. С. Протасевич. А несколько позже арестовали Г. М.

Буржимского, В. К. Василенко, Н. И. Рогалевича, С. И. Першина, Т. П. Стеценко и Р. Е. Мороза. Спустя две недели, 22 мая, арестовали и Шелушкова. Гестаповцы зверствами и пытками добивались сведений о житомирском подполье. Оставшиеся в живых очевидцы, бывшие в то время в тюрьме, рассказывают, что после допросов потерявшего сознание Бородия волокли в одиночную камеру, подолгу отливали водой и снова тащили на допрос. Но ни пытками, ни лестью гитлеровцы не смогли добиться от секретаря подпольного обкома ни единого слова признания.

В записке, которую Шелушков сумел передать на волю, есть такая строчка:

«Была очная ставка с Алексеем. Мы друг от друга отка-
зались...»

Руководители подполья были расстреляны фашистскими палачами 30 мая 1943 года.

Гибель героев не сломила оставшихся в живых, подполье продолжало действовать, как хорошо налаженный механизм, и число его членов многократно увеличилось. В Житомире продолжали активно бороться с гитлеровцами подпольные группы Ф. Ф. Мозгового, Н. Н. Феоктистова, Т. Н. Литвиненко и других. Не прекратили борьбы и десятки других подпольных организаций в районах. Они сражались по велению сердца, по зову совести.

Народ никогда не забудет тех, кто пошел на смертельный бой с фашизмом и высоко пронес знамя партии и Советской Родины. Их дух и волю не сломили ни зверства фашистского гестапо, ни мученическая смерть. Среди этих героев — Бородий Алексей Демьянович и Шелушков Григорий Иванович, посмертно удостоенные звания Героя Советского Союза.

Г. НЕКРАСОВ

Ю. Т. Витас

ПРАВО НА
БЕССМЕРТИЕ

Ранней весной сорок третьего года Юозас Витас снова пробрался в Вильнюс. Добирался пешком, на велосипеде, на попутных машинах. Несколько раз его задерживали патрули, но он уходил из их рук — выручали смелость, недюжинная сила и пистолет.

Он вернулся в Вильнюс с твердым намерением создать подпольный горком Компартии Литвы — руководящий центр борьбы с гитлеровскими захватчиками на юго-востоке республики. Год и девять месяцев, прожитые в глубоком тылу врага, не пропали даром. Он побывал во многих городах и мелких поселках, создавал подпольные группы и партизанские отряды, разоблачал предательскую роль буржуазных националистов. В Вильнюсе у него уже были подобранные надежные конспиративные квартиры и было достаточно людей-единомышленников.

Победа под Сталинградом придала новые силы участникам подпольной и партизанской борьбы. А оккупанты и их пособники стали прибегать к крайним мерам. По всей Литве проводились кровавые расправы.

«Настало время шире развернуть борьбу с оккупантами», — думал Витас, спускаясь по каменистой тропе.

На небольшом пригорке он остановился, стал всматриваться в город, раскинувшийся по обоим берегам реки Нярис.

Витас любил свою древнюю столицу — за ее сложную и трудную историю, за революционные традиции народа, за эту немаловажную роль, которую сыграл Вильнюс не только в судьбах Литвы, но и всей Восточной Европы. И в жизни Витаса многое славных дней было связано с этим городом.

Витас надел темные очки, ниже натянул широкополую шляпу, по узенькому переулку вышел на одну из главных улиц. Город был похож на огромный военный лагерь — всюду танки, орудия, походные кухни... Витас знал: все это скопление людей и военной техники вот-вот двинется на восток, готовится новое наступление.

Краем глаза, мельком взглянув на газетные витрины и броские плакаты, взывающие всех на борьбу с большевизмом, Витас заторопился к дому, в котором жила известная актриса Галина Яцкевичюте. В августе сорок первого года она дала Витасу запасной ключ от своей квартиры, и теперь он был как нельзя кстати. Убедившись, что слежки нет, он вошел в дом.

Очнувшись в уютной квартире, Витас разделся, принял душ, сигнал холодной водой усталость и сразу почувствовал бодрость и облегчение. Широкоплечий, с виду грузный, легко и бесшумно зашагал по комнате, обдумывая, как действовать дальше. Успехи советских войск под Сталинградом его особенно радовали, ибо битва на Волге делала крутой поворот в ходе войны, но он отлично понимал и то, что у фашистской Германии и ее сателлитов еще есть силы и впереди прольется много крови.

Вспомнился первый день войны. Для отправки семьи в тыл ему была выделена машина. Вместе с семьей Витас мог уехать на восток. Вместо этого он занялся срочной эвакуацией государственных ценностей, да так и не воспользовался представившейся возможностью. Не думал, не допускал мысли, что все так обернется, и надолго.

На второй день немецкие танки прорвались к Вильнюсу, прекратилось движение на железной дороге, город был окружен. Витас с женой и тремя детьми едва добрались пешком до предместья Турнишкес. И тогда он еще мог воспользоваться «последним шансом» — примкнуть к советским войскам, выходившим из окружения, но не сделал этого, а пошел на запад, в центральные районы республики.

Пробираясь от хутора к хутору, задерживаясь у старых друзей и дальних родственников, Витас жадно вникал в дохodившие до него вести и сопоставлял их с «живыми» фактами, следил за развитием событий, все более убеждаясь в правильности своего решения. В пути ему удалось услышать по радио изложение директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня. Партия призывала всех советских людей осознать серьезность сложившегося положения, самоотверженно и мужественно бороться с фашистскими захватчиками. Он воспринял эти слова как призыв к чувству долга патриота, как программу действий для себя. Партия возлагала надежды на него, коммуниста, члена бюро Вильнюсского горкома, делегата V съезда Компартии Литвы. И сознание этого наполняло решимостью. Витас был уверен в том, что ЦК Компартии рес-

публики не преминёт оставить в тылу и других опытных коммунистов, а если не успеет, то пришлёт их из-за линии фронта, и с ними Витас обязательно встретится, а пока... он не должен бездействовать.

Витас вовсе не строил иллюзий и, трезво оценивая обстановку, приходил к одному-единственному выводу — время не ждёт. После победы социалистической революции и восстановления Советской власти в Литве прошёл неполный год. За это время трудовой народ разрушил старую государственную машину, отобрал у эксплуататоров фабрики, землю, банки, но сами владельцы — капиталисты и бывшие чиновники, полицейские, реакционные офицеры — не исчезли, остались. Бежавшие же в Германию столпы фашистского режима во главе с президентом Сметоной сразу стали готовиться к реваншу. В Берлине была создана фашистская организация «Фронт литовских активистов» и даже сформировано литовское буржуазное «правительство».

В первые же дни войны в Литве появились вооруженные банды добровольцев из числа членов «Фронта литовских активистов». Они уничтожали всех, кто хоть в малой степени активно проявил себя за время Советской власти. Буржуазные националисты безжалостно мстили народу, лишившему их привилегий в сороковом году. Разгорелась ожесточенная классовая борьба.

Обстановка сложилась очень напряженной. Часть населения растерялась, стала сомневаться: устоит ли Советский Союз против грозных сил фашистского рейха и его сателлитов.

По опыту гражданской войны в России Витас знал, что жестокость неизбежно порождает ненависть, а следом и возмездие, народ скажет свое слово, но его нужно организовать, создать партизанские отряды, подпольные партийные организации. Для этого он поначалу пробрался в Каунас, где значительной была рабочая и партийная прослойка.

Неделю прожил в доме известного композитора Никодемаса Мартинониса. Они были друзьями еще по Москве с двадцать второго года, когда Витас учился в комвузе, а Мартинонис там же преподавал музыку, дирижировал хором.

Через Мартинониса и его жену Элену Витас установил связь с бывшим сослуживцем по энергоуправлению инженером Ионасом Сушисом, а вскоре узнал еще одну новость — в город тайно вернулся прежний управляющий трестом коммунального хозяйства Юозас Мозелис. Сообщение это особенно обрадовало Витаса. Он хорошо знал Мозелиса. Человек образованный, в тридцатых годах состоял в прогрессив-

ной молодежной организации, он был связан с коммунистами-подпольщиками, не один раз подвергался арестам.

— Мозелис ранен,— продолжал Мартинонис,— в Даугавпилсе попал под бомбёжку. Положили в больницу, но там гестаповцы стали искать коммунистов. Пришлось ее покинуть и скрыться. Теперь его лечит профессор Кузма. Этот поднимет на ноги.

— Замечательный вы разведчик,— обнял Мартинониса Витас.— Еще раз сходите к профессору Кузме, мне надо повидать Мозелиса, как только он поправится.

Мартинонис обещал.

— А теперь, дорогой Никодемас, посоветуйте, как мне быть с семьей? — обратился Витас к Мартинонису.— Сейчас жена и дети живут в предместье Вильнюса у знакомого инженера Римкуса. Страшно подумать — вдруг гестаповцы узнают? Ведь если схватят — не пощадят.

— У вас же родственники в Алитусе. Почему бы не перевезти семью туда? Берите мой велосипед — и скорее в дорогу. Устроите семью, на сердце спокойнее станет.

На другой день Витас добрался до Алитуса, где жил старший брат Игнас.

— Откуда ты взялся? — удивленно спросил Игнас.

— Мать навестила. Теперь вот к тебе,— ответил Витас.

— Смотри, брат,— покачал головой Игнас,— полиция на против. Меня уж спрашивали о тебе.

— Что же ты им ответил?

— Уехал, говорю, в Россию. Да я и сам так думал.

— Дело к тебе есть, Игнас. Помоги жену с детишками из Вильнюса привезти.

— Это, знаешь... — завозился Игнас на скамье,— полиция рядом...

— Испугался. Все вы тут...

— Не сердись, брат. Сто верст не так уж и много, конь у меня добрый, сбруя справная, да ведь пропуск нужен. Мало ли что...

— По лесным дорогам? Детей ведь повезешь, не оружие.

— Ладно. Поеду... У тебя документы есть?

— Советский паспорт, да и тот спрятать пришлось,— ответил Витас.

— Возьми мой сметоновский. Мы похожи, только ты в плечах пошире, да брови уж больно густые.

— У тебя усы,— сказал Витас, рассматривая паспорт.

— Не брейся, и у тебя вырастут.

...Игнас выполнил просьбу брата. Через несколько дней семья Витаса переехала в Алитус,

В Алитусе Витас встретился со школьным сторожем Антанасом Стражницкасом. Узнав его, старик не стал таиться и тут же позвал своего сына. Никому другому он в жизни не доверил бы своего секрета — Ромас был комсомольцем и скрывался от полиции у отца, — но порядочность Витаса он знал и ценил всегда. Через Ромаса удалось установить связь с другими надежными людьми — Андрюсом Акромасом и Альфонсасом Ундерисом. И вскоре в Алитусе возникла подпольная организация. Витас разъяснил товарищам их задачи, поделился своими мыслями на будущее, но сделанное былоничтожно малой толикой того, что ему предстояло впереди. Цель же его была определенной и ясной — выйти к партизанам и активизировать их действия. Но прежде он должен увидеть все своими глазами. С помощью друзей он пробрался в партизанский отряд Алексаса Ражанаускаса.

Командир будто ждал его прибытия. Беседовали горячо и долго: о положении в республике и на фронтах, о методах борьбы с оккупантами и их пособниками, о боевых делах алитусского отряда. У них было о чем поговорить и что вспомнить.

С Алексасом Ражанаускасом Витас был знаком раньше: оба избрались делегатами V съезда Компартии Литвы в феврале 1941 года. Алексас перед войной работал председателем Алитусского уездного исполнкома. По указанию ЦК в первый же день войны организовал активистов для борьбы с диверсантами и десантниками. Так возник алитусский отряд, а Ражанаускас стал его командиром.

Появление Витаса оживило действия партизан: они совершили несколько дерзких налетов на полицейские посты, отбили три обоза с продуктами, дважды нарушили связь между станциями на линии Варена — Матуйзос. Более того, в те же дни пополнили запасы оружия и боеприпасов, создали в лесах резервные склады. Ражанаускас предложил Юозасу остаться в отряде комиссаром, но тот отказался. В ответ на доверие предложил немедленно помочь в организации лесной типографии, чтобы издавать газету и печатать листовки и постановления уездного исполнкома, в которых призывать крестьян не сдавать продукты и лошадей оккупантам, препятствовать вывозу людей в Германию.

Конечно, Витас мог бы остаться в отряде среди храбрых, надежных людей и находиться в большей безопасности, чем в его нынешнем положении, но его планы были шире: они предусматривали развертывание активной борьбы с оккупантами на всей территории Литвы.

Анализируя уже в пути свое пребывание в отряде, Витас припомнил разговор с Ражанаускасом.

— Коммунистов у вас много,— сказал как-то ему Витас,— а партийной организации нет. Как же так?

— Теперь главное — научиться бить фашистов,— ответил командир.

— Согласен, но одно другому не помеха, как раз наоборот: партийная организация всегда была и будет главной организующей и сплачивающей силой. Надо выяснить, сколько членов укома осталось в тылу, и создать уездный комитет, а в волостях — волостные. Вот тогда и гитлеровцев легче будет бить.

— Это верно,— согласился Ражанаускас,— мы как-то не подумали.

Тогда же они сразу взялись за осуществление этой идеи: побывали в местечках Нямунайтис, Вежёнис, встретились с местными патриотами и создали пять партийных групп, а это означало, что под контролем партизан и подпольщиков была целая зона.

* * *

И эти люди, и лес, и земля были родными ему с детства, и Юозас сам был их частицей.

...Йонас Валунас (такими были его имя и фамилия до 1921 года) родился 8 января 1899 года в большой бедной семье на хуторе Варанаускас, в 15 километрах от Алитуса. Отец Юозаса не раз говорил, что бог его детьми не обидел — семеро сыновей и две дочки, а вот с землей явно поскучился. Все его помыслы, все желания сводились к тому, чтобы прикупить земли да вывести детей в люди.

Но не сбылась мечта отца, он умер от туберкулеза, когда Йонукасу не исполнилось еще и семи лет. На семью обрушилась нищета. Пришлось мальчионке идти в пастухи. Быстро промелькнули безрадостное детство и юность.

17 лет Йонаса забрали в армию.

Февральскую революцию Йонас Валунас встретил в окопах. Всколыхнулись, загудели солдатские массы, многие решили, что войне пришел конец, но Временное правительство продолжало бессмысленную бойню.

Йонас ходил на митинги, жадно вслушивался в речи ораторов. И только коммунисты, после того как он сблизился с ними, указали ему, где правда и против кого надо поворачивать штык.

Великая Октябрьская социалистическая революция воз-

востила на всю планету о рождении первого в мире государства рабочих и крестьян. Но враги не сдались, гражданская война полыхала по всей России.

Йонас Валунас сражается в рядах Красной Армии против интервентов, белогвардейских генералов и гайдамаков на Украине.

Узнав, что в Литве провозглашена Советская власть, он переводится на Западный фронт. В январе девятнадцатого года приезжает в Вильнюс, вступает в партию коммунистов. Он продолжает сражаться с отрядами литовского буржуазного правительства и немецкими оккупационными войсками. Но в августе 1919 года объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции Советская власть в Литве была подавлена. Тяжело переживал Йонас это событие, но оно не сломило молодого коммуниста. Он уходит в подполье.

В начале двадцатого года Йонас перебрался в Каунас и установил связь с коммунистами-подпольщиками, которые вели активную работу, в том числе и в солдатских казармах.

Йонасу Валунасу было поручено вести работу среди солдат. Он идет на регистрационный пункт, его зачисляют в 7-й пехотный полк, расквартированный в городе Укмерге, в 70 километрах северо-западнее Вильнюса. Там он организует партийную ячейку в пулеметной роте. Вскоре его избирают в состав полкового комитета; устанавливается связь с местными коммунистами, проводятся совещания и встречи с представителями ЦК Компартии Литвы. Йонас охотно несет патрульную службу, не раз выручает арестованных подпольщиков Укмерге.

Как будто все было продумано, работали с осторожностью, но случился провал. Йонаса Валунаса арестовали. Ему грозил военно-полевой суд. Но солдаты-единомышленники помогли ему бежать...

Осенью 1921 года с мандатом на имя Юозаса Витаса, подписанным секретарем ЦК Компартии Литвы Каролисом Пожелой, Йонас переходит Советскую границу. В Смоленске он встретился с членом ЦК Компартии Литвы — секретарем Западничного бюро Зигмасом Ангаретисом...

Началась новая страница жизни Юозаса Витаса. В апреле 1922 года он был зачислен слушателем Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, а в 1925 году успешно закончил комвуз. Около трех лет находился на партийной и хозяйственной работе, затем снова учился. В мае 1932 года Витас с отличием защищает диплом инже-

пере-электрика. В Советской стране Юозас нашел и личное счастье — русская девушка Александра Чистякова стала его женой.

В июне 1940 года в странах Прибалтики началась социалистическая революция, к власти пришли народные правительства, в июле была восстановлена Советская власть. Литва, Латвия и Эстония вступили в братскую семью народов СССР.

Осенью 1940 года Юозас Витас вернулся на родину. Его назначили председателем Вильнюсского городского Совета, в мае 1941 года Витас добивается перевода на должность главного инженера управления энергетики Наркомхоза Литовской ССР. Теперь он может отдать все силы делу электрификации Литвы. Но война перечеркнула планы Юозаса.

* * *

...Воспоминания Витаса прервали шаги в коридоре. Яцкевичью не удивилась появлению гостя, он всегда приходил без предупреждения и так же внезапно исчезал.

— Устала, все надоело, — сказала она, снимая плащ, — днем репетиции, вечером спектакли. Новые хозяева требуют зрелищ, вот только в феврале отдохнули три дня, — с усмешкой добавила Галина, — когда Гитлер объявил траур по Сталинграду. Запрещалось петь, танцевать и даже улыбаться.

— Это — цветочки, мой друг, — в тон ей ответил Витас. — Скоро им придется объявить не один траур...

По просьбе Витаса Галина подбирала газеты и печатные распоряжения оккупантов, знакомила его с людьми своего круга, кто мог быть полезным в антифашистской борьбе. Она познакомила Витаса с Андрюсом Булотой, человеком смелым, инициативным, а главное — надежным.

В недавнем прошлом, будучи членом антифашистской студенческой организации Каунаса, Андрюс участвовал в покушении на бывшего премьер-министра Вольдемараса, по ареста избежал, ему удалось эмигрировать. Потом он сражался на стороне республиканской Испании, был интернирован во Франции, но летом 1940 года бежал из лагеря. В Литву вернулся только после восстановления Советской власти, работал в Наркомате иностранных дел. Он свободно говорил по-немецки, хорошо знал русский, польский и неплохо объяснялся на испанском. За годы испытаний он превратился в настоящего борца.

Учитывая это, Витас поручил Булоте два важных задания — организовать выпуск листовок на немецком языке и установить связь с иностранными солдатами, находящимися

в войсках оккупантов. С головой Булота окунулся в работу.

Уходя, Галина позвонила в оптическую мастерскую, где временно работал Булота. И через час он был уже в ее квартире.

— Есть новости, — сказал Булота, здороваясь с Витасом, — недавно был налет советских самолетов. Точными попаданиями угодили в Игнатовские казармы, где в это время проходили какие-то торжества гитлеровцев. Немцы засекли, что кто-то с земли подавал сигналы светящимися пульами. Решили, что это советские разведчики или кто-нибудь из местных подпольщиков. Начались облавы и розыски. К тому же из Субочюсского концлагеря сбежала группа жен советских офицеров. Фашисты обыскали все вокруг, но никого не нашли — люди словно сквозь землю провалились. Начальник охранной полиции Ишкусас издал приказ: «Беглянок поймать, всех, кто помог им бежать и укрыться, строго наказать». А тут еще недавно из реки Вильняле вытащили труп полицейского. Думали, по пьянике свалился, но в кармане нашли записку: «Получил по заслугам».

— Чего бы мы стоили, если бы всего этого не было, — спокойно отозвался Витас.

А Булота продолжал:

— В городе распространяются антифашистские листовки на польском языке. Ходят упорные слухи, что с востока прибыли посланцы ЦК, но где они, с кем связаны, установить пока не удалось.

Это был хороший сигнал...

Еще в первые месяцы оккупации Прибалтики Центральный Комитет Компартии Литвы, находившийся в Москве, разработал план организации партийного подполья, согласно которому вся республика была разбита на десять межуездных районов. Подпольную и партизанскую борьбу должны были возглавить межуездные комитеты партии.

В августе сорок первого года ЦК КП(б) Литвы направил в Каунас коммунистов Альфонсаса Вилимаса, Альбертаса Слапшиса, Адомаса Годляускаса, Александраса Навицкаса. Они провели совещание антифашистов, обсудили директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР, постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», сформировали первый отряд в Каунасе под командованием Пядраса Сименаса.

Подпольные организации и партизанские отряды возникли в Шяуляй, Укмерге, Утене, Мариямполе (ныне Капсукас).

Смельчаки развернули боевые действия. Они нападали

на транспорты, отбивали и возвращали крестьянам отобранные оккупантами хлеб и скот, нарушили связь на железной дороге, нанося все более ощутимые удары по живой силе и технике врага.

Но не дремал и враг. С помощью предателей и провокаторов гестаповцам удалось напастить на след и разгромить несколько патриотических организаций. В рядах карателей папили пристанище агенты бывшей сметоновской охранки (жвальгибы). Они выдавали патриотов, с которыми беспощадно расправлялись фашисты. Так погибли Сименас и Годляускас. 13 декабря 1941 года в Каунасе были публично повешены первые организаторы подполья — Вилимас, Слапшис, Баронас. Возникшая в городе подпольная организация под руководством Повиласа Малинаускаса и Пранаса Зибертаса тоже понесла большие потери. Были расстреляны 42 коммуниста-подпольщика, сотни патриотов брошены в тюрьмы, вывезены в Германию на каторжные работы. В Мариямполе в неравном бою погиб руководитель подпольной организации Каролис Петрикас. И все-таки кровавые дни террора не убили духа борцов. На смену павшим поднималась новая смена.

Несмотря на сложные и тяжелые условия борьбы, в подпольщиков вселяли веру и надежду радостные вести, переданные в декабре по радио. Под Москвой Красная Армия разгромила передовые отборные немецкие дивизии. «План Барбаросса» рухнул. В Каунас стали прибывать эшелоны с тяжелоранеными и обмороженными. Оккупанты несли большие потери; началось экстренное оборудование госпиталей. Местные власти получили приказ готовить разборные домики, шить теплую одежду. Теперь все разговоры, где бы они ни возникали, сводились к одному — разгрому фашистов под Москвой. Более осведомленные же утверждали, что гитлеровцы отброшены на дальние исходные рубежи, и называли цифру — 240 километров.

Разъяренные неудачей под Москвой, гитлеровцы усилили террор, беспощадно расправляясь с советскими людьми. Учитывая изменение в обстановке, ЦК республики продолжал централизацию руководства партизанским движением и подпольной борьбой. С этой целью в марте 1942 года во вражеский тыл были переброшены на самолетах две группы партийных работников во главе с секретарем ЦК КП Литвы И. Мескупасом-Адомасом. Однако этим группам, действовавшим в южной и северной частях республики, не суждено было долго продержаться. Обе они погибли в неравной схватке с врагом.

Анализируя события этого периода оккупации, Витас при-

ходит к выводу: создание крупных подпольных организаций и вооруженных групп в городах связано с большим риском и жертвами — и настоятельно предлагает тактику повсеместного внедрения антифашистских организаций, во главе которых должны стоять два-три хорошо законспирированных коммуниста, основная же масса подпольщиков, сосредоточенная на предприятиях, стройках и в рабочих пригородах, должна объединяться в пятерки.

Для борьбы с провокаторами и защиты подпольных организаций от полицейских и гестаповцев, по мысли Юозаса, в городах следовало организовать боевые тройки, в то время как основной ударной силой по-прежнему должны оставаться партизанские отряды в лесах, с которыми подпольщикам надлежало поддерживать активную связь, помогать оружием, посыпать туда людей и создавать резервы.

В конце 1942 года в Каунасе возникает патриотическая организация «Союз борьбы против фашизма». Во главе «Союза» встали коммунист Владас Чибилис, бухгалтер Ольга Вайвадене, художник Юозас Лауринкус, отметившие начало своей деятельности созданием антифашистской газеты «Кова» («Борьба»). Вскоре сформировался партизанский отряд. Его командиром стал вышедший из окружения советский офицер Георгий Дваладзе. Отряд начал действовать западнее Каунаса, в бассейне реки Дубисы — будущей территории боевых действий отряда.

Но Витас не ограничился этим. Он продолжал расширять сеть подполья. 24 февраля 1943 года в Вильнюсе была создана организация республиканского значения — Антифашистский комитет Литвы. Кроме Витаса (руководителя), Мозелиса и Булоты в состав Комитета вошел Вацловас Казлаускас, опытный журналист, член партии, ставший с первых дней оккупации ближайшим соратником Витаса. Достойным своих товарищей был пятый член Комитета Винцас Лабанаускас. Он долго служил в литовской армии, но за участие в работе антиправительственной военной организации в 1939 году был арестован, затем уволен без права на пенсию. Теперь все свои силы он посвящал благородному делу.

На какое-то время влияние Комитета распространилось на большинство городов Литвы, но через два месяца новые обстоятельства заставили Витаса провести его реорганизацию. Некоторые считали, что задача Антифашистского комитета должна ограничиваться только борьбой с немецкими оккупантами и не касаться буржуазных националистов. Нашлись даже своего рода толмачи, дельцы от политики, которые спо-ва-тали проповедовать классовый мир.

Антифашистский комитет преобразуется в «Союз освобождения Литвы» и ставит своей целью освобождение республики не только от немецких захватчиков, но и от их прихвостней — литовских буржуазных националистов, борется за объединение всего народа и восстановление Советской власти.

...Явочной квартирой Витас избрал домик Виктора Стражницкого, брата одного из алитусских подпольщиков, на улице Райтининку, № 37. Он становится основным пунктом связи с Алитусом и партизанами Руднинской пущи. Проводились здесь встречи руководителей подполья и прослушивание по радио сводок Совинформбюро. Через Стражницкого Витас вышел на связь с наиболее активными участниками подполья — Макаром Корабликовым, Александром Мажуцем и руководителем организации польских патриотов Яном Пшевальским.

На первой же встрече Витас и Пшевальский договорились объединить все антифашистские силы города, создать подпольный горком.

Совещание коммунистов — представителей антифашистских организаций Вильнюса — состоялось 8 мая 1943 года на улице Субочюс, в квартире Пядраса Тамошюонаса. От «Союза освобождения Литвы» присутствовали Юозас Витас и Вацловас Казлаускас, от «Союза польских патриотов» — Ян Пшевальский, Макар Корабликов, Александр Мажуц, от коммунистов гетто — Борис Шершневский и Соня Мадейскер.

— Товарищи! — торжественно начал Витас. — Мы собрались, чтобы объединить силы, создать партийный орган. Мы принимаем на себя очень ответственное обязательство — беспощадно бороться с фашизмом, и от каждого из нас требуется немалая смелость и решительность. Так будем же достойны этой высокой задачи и отдадим все наши силы, весь разум и огонь сердец наших борьбе за честь и свободу нашей Родины.

Первым секретарем Вильнюсского подпольного горкома на этом совещании был избран Юозас Витас. Он же утвержден редактором газеты «Тевинес фронтас» («Отечественный Фронт»). Вторым секретарем и ответственным за пропаганду, а также редактором газеты «Штандар вольносци» («Знамя свободы») стал Ян Пшевальский. Остальные обязанности распределялись так: Вацловас Казлаускас, Макар Корабликов, Александр Мажуц, Борис Шершневский — члены гор-

кома. Казначеем и ответственным за помочь семьям погибших была утверждена Юзефа Пшевальская.

По предложению Пшевальского командиром сводного отряда боевых сил города был назначен Макар Корабликов, комиссаром — Александр Мажуц.

На том же совещании Соне Мадейскер, комсомолке-подпольщице еще с тридцатых годов, было поручено собрать разрозненные группы молодежи и организовать подпольный горком комсомола.

Когда гитлеровцы начали массовое уничтожение людей в гетто Вильнюса, Каунаса и Шяуляй, горком партии обязал руководителей антифашистской организации в гетто Витенберга и Шершневского заняться немедленной подготовкой массовых побегов, а также предварительным проведением диверсий на предприятиях, где работали узники концлагерей. Корабликову и Мажуцу было поручено выделить связных и боевиков для защиты и сопровождения людей из гетто к партизанам.

Руководство всей сложной работой взял на себя Юозас Витас. Ему до всего было дело, он всюду хотел поспеть, заранее зная, кому что доверить, с кого спросить. У него были деятельные помощники: Юозас Мозелис и Вацловас Казлаускас, Андрюс Булота и Винцас Лабанаускас, Ян Пшевальский и Макар Корабликов, Александр Мажуц и Соня Мадейскер, Владас Чибилис, Ольга Вайвадене и многие другие. Все они составляли единый боевой штаб, способный поднять на борьбу с фашистами и их пособниками самые широкие народные массы.

Создание подпольного горкома партии внесло в эту борьбу организованность, объединило силы патриотов разных национальностей, укрепило в людях веру в победу.

Считая по-прежнему сильнейшим оружием подполья печать, Витас и Пшевальский в предельно малые сроки организовали на улице Пилес, № 17 (ныне улица Горького), в квартире Юозаса Симанавичюса, впоследствии командира партизанского отряда, небольшую типографию. Малогабаритную плоскопечатную машину и шрифт для нее достали антифашисты гетто (нашли в подвалах бывшей частной типографии). Витас торопил наладчиков — он спешил приобщить людей, вселить в них надежду. В передовой статье газеты «Тевинес фронтас», озаглавленной «Наши цели», он писал:

«До сих пор у литовцев не было такой организации, которая на деле боролась бы с немецкой оккупацией. Сама жизнь потребовала создать такое боевое соединение. Этим соеди-

пением является Союз освобождения Литвы. Его орган «Теви-пес фронтас»... Мы призываем всех граждан Литвы объединяться в боевые отряды, чтобы можно было активно встать на борьбу с оккупантами...

Некоторые литовцы все еще думают, что в этой войне поражение потерпят Германия и Советский Союз. Победителями будут Соединенные Штаты Америки и Англия. Они помогут нам восстановить независимость. Такое мнение ошибочно... Освобождение может прийти только со стороны Советского Союза, со стороны Красной Армии».

Под руководством горкома партии и «Союза освобождения Литвы» газеты и листовки превратились в своего рода интернациональную трибуну антифашистов. В первом номере газеты «Штандар вольносци», издаваемой на польском языке, Ян Пшевальский выступил с разоблачением предательских устремлений польских буржуазных националистов, пытающихся привлечь народ на борьбу за возрождение панской Польши и поддерживающих связь с эмигрантским правительством в Лондоне. Он призывал всех честных поляков Виленщины объединиться с народами Советского Союза для совместной борьбы с фашизмом. Газеты и листовки информировали население о разгроме немецких гарнизонов и по-лицейских постов партизанами Литвы и соседней Белоруссии.

Создание подпольного горкома, выпуск двух газет и листовок на литовском, польском и немецком языках явились серьезной предпосылкой для организации на многих предприятиях подпольных интернациональных групп. Все чаще теперь патриоты переносили свои действия на железную дорогу. Они стали осваивать под руководством Пшевальского, Мажуца, Корабликова тактику «рельсовой войны», и не без успеха. На перегоне Вильнюс — Новая Вильня был взорван воинский эшелон, следовавший на восток под усиленной охраной. Нередки диверсии были в самом депо. Горячие котлы локомотивов заполнялись холодной водой и взрывались или лопались, и паровозы выходили из строя, все чаще на перегонах загорались буксы.

В это же время усилились действия подпольных групп: Виктора Стражницкого — на мебельной фабрике, Юозаса Симанавичюса — на фанерном заводе, Владимира Дубовича — на кожевенных заводах, Василия Гришкевича — на ватной фабрике, Изидора Шляхтича и Павла Грачева — среди строителей.

Подпольная борьба под руководством Витаса набирала силу. В самом центре города была взорвана трансформатор-

ная подстанция. Большая авария «случилась» на единственной городской электростанции. Кварталы, заселенные гестаповцами и высшими чиновниками, на целых три дня погрузились во мрак. На местных жителях это никак не отразилось: они не получали электроэнергии с первых дней оккупации.

По разработанной горкомом тактике боевики подполья были разбиты на тройки, утверждены их командиры, операции проводились организованно и с таким расчетом, чтобы не подвергать опасности районы расположения типографий и конспиративных квартир. Успех был несомненен. После каждой их удачной вылазки люди вновь обретали веру в патриотические силы, противоборствующие фашизму. Тех же, кто упорно сопротивлялся таким силам, рано или поздно настигало возмездие.

Однажды командир боевой «тройки» Борис пришел в дом редактора профашистской газеты «Белорусский голос» Александровича. Зачитал смертный приговор, вынесенный ему за провокационные выступления и клевету на советский народ, и тут же привел его в исполнение. Произошло это всего в ста метрах от здания гестапо. Немногим раньше польские патриоты «убрали» Анцеревича, редактора другой профашистской газеты, издаваемой на польском языке, — «Гонец щодзинский».

За короткий срок подпольный горком объединил около 500 патриотов, в том числе 120 коммунистов.

Оккупационные власти подняли на ноги гестапо, полицию, всю агентуру, усилили охрану, проверку документов, но напасть на след организаторов подполья им долго не удавалось. В Вильнюс вызвали особую команду, уже поработавшую в Польше, Югославии, Западной Украине. В городе появилось много провокаторов. Большинство из них выдавали себя за пленных. Надо раскрыть наконец «красных вдохновителей» и положить сопротивлению непокорных предел, думали фашисты.

Витас хорошо знал законы конспирации, сам был осторожен и учил бдительности других, но все-таки произошел провал.

22 июня гестаповцы и полицейские ворвались в квартиру Лабанаускаса, арестовали его жену, дочь Бируте и дочь Витаса Альбину, находившуюся в ту пору в Вильнюсе.

В ряды подпольщиков проник провокатор. Имя его — Игнас Вайткявичюс. Завербованный гестаповцами, он попреременно жил у своих земляков — то у Тамошюнаса, то у

Чижаса. От них-то и узнал адреса многих конспиративных квартир.

С тяжелым сердцем добрался Витас до Пшевальского и рассказал о провале.

— Лучше всего,— волнуясь, говорил Пшевальский,— временно приостановить боевые операции и задержать выпуск листовок и газет.

Витас строго взглянул на него.

— Нет,— резко ответил он.— Отступать не будем. Надо предупредить всех товарищей: борьбу продолжать с еще большим напряжением. Провокаторов найдем и уничтожим.

Тогда Ян стал советовать Витасу на время уйти из Вильнюса, хотя бы на несколько дней,— подполье не могло рисковать его жизнью. Но тот отказался наотрез. Под впечатлением случившегося, видимо, и он забыл, что для подпольщика недооценить обстановку порой означает потерять бдительность, какие бы при этом высокие мотивы целесообразности поступков он ни выдвигал в свое оправдание.

На сей раз интуиция изменила ему.

Это случилось 29 июня. Витас и представитель антифашистской организации из Кедайнай Йонас Тарашкявичюс переходили улицу Пылимо, как вдруг перед ними остановились два черных лимузина. Из них выскочили гестаповцы, схватили обоих, втолкнули в машины, надели наручники. Витас даже не успел выхватить пистолет. Теперь он, более всего любивший свободу и ненавидевший фашизм, был обречен на самое страшное — бездействие.

В гестапо в первые же минуты допроса он узнал, что за ним охотились почти два года. Ему предложили выступить в печати и по радио и в обмен на жизнь признать, что он агент Москвы и раскаивается в своих заблуждениях. Витас не пошел на предательство.

— Вы говорите по-немецки? — спросил полковник с дубовым венком в петлице.

Витас вытянул руки, позванивая наручниками.

— Снять! Отсюда еще никто не убегал! Так на каком языке вы предпочитаете?.. — снова спросил он, когда наручники были сняты.

— На русском, и только со сталинградским акцентом,— сказал Витас.

— Вы не лишены юмора,— надменно улыбнулся полковник.— Таким я вас и представлял. С вами был ваш коллега?

— Нет, я его не знаю.

— Вы же вместе шли по улице и разговаривали.

— Он спросил, что это за костел, я ответил — лютеранская кирха. В этот момент нас арестовали.

— Я прикажу его допросить и отпустить, если он невиновен. Мы напрасно никого не задерживаем. Садитесь, — полковник протянул сигареты.

Витас сел.

— Не курите? Вот мы и вдвоем. Давайте побеседуем. Очень уважаю смелых людей. В моей многолетней практике это редкий случай: бывший большевистский бургомистр разгуливает по городу.

— Ваши люди что-то напутали.

— Не будем играть в прятки... Люблю честную игру и требую от вас того же. Ваша жизнь вот здесь, — он протянул руку ладонью вверх и резко сжал кулак.

... Витас прекрасно понимал, что выхода у него нет, но ему хотелось выиграть время. Он знал, что над ним будут издеваться, пытать, возможно, устроят очную ставку с искалеченными и истерзанными Лабанаускасом, Бируте, Альбиной... Все отчетливее созревало решение: выбрать удобный момент, схватить полковника за горло, размозжить ему голову о стенку и погибнуть самому. Когда фашистский полковник, встав из-за стола, подошел к Витасу, Юозас понял, что наступил удобный момент. Он осуществил задуманное...

* * *

*

В апреле 1943 года на одном из партизанских аэродромов Белоруссии приземлилась оперативная группа во главе с Мотеюсом Шумаускасом и Генрикасом Зиманасом. Посланная действовать в глубоком тылу от имени Центрального Комитета Компартии Литвы, группа прошла с боями 300 километров и закрепилась на берегу озера Нарочь. После гибели Витаса Ян Пшевальский пробрался на базу и встретился с Г. Зиманасом. Об обстановке радиорвали в Москву.

10 августа 1943 года Вильнюсский подпольный горком был восстановлен. Его первым секретарем был утвержден Марионас Мицейка, прибывший в составе оперативной группы. Вторым секретарем — Ян Пшевальский, членами горкома — Макар Корабликов и Александр Мажуц. Помимо них в его состав были введены верные сподвижники Витаса — Соня Мадейскер и Пятрас Сушинскас. Горкому надлежало продолжать и развивать борьбу, начатую под руководством Витаса.

Вскоре в Рудникскую пущу перебазировалась оперативная группа Генрикаса Зиманаса и был создан южный

подпольный обком партии. Начался выпуск газеты «Кова» («Борьба»).

Вильнюсский горком партии развернул активную деятельность. На 12 крупных предприятиях города были восстановлены профсоюзные организации. Подпольная типография наладила выпуск нелегальной газеты «Звенковец» («Профсоюзник»).

В 20 уездах действовали подпольные комитеты партии. В «рельсовой войне» теперь участвовали 38 партизанских отрядов из 56, действовавших в то время в Литве. Борьба стала поистине всенародной.

За светлое будущее любимой Родины, за победу Ю. Витас и его верные товарищи — Я. Пшевальский, Ю. Мозелис, А. Мажуц, М. Корабликов, В. Чибилис, С. Мадейскер, О. Вайвадене и другие мужественные патриоты отдали самое дорогое — жизнь. Они героически приняли смерть.

Юозас Витас не раз говорил при жизни, что в этой войне не должно быть нейтральных. Родина каждого будет ценить по тому, какое участие он принял в борьбе с фашизмом, а тот, кто погибнет, получит высшую оценку — право на бессмертие. Он был глубоко прав.

Юозас Витас остался среди легендарных. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Правительство Польской Народной Республики наградило его за совместную борьбу с польскими патриотами против немецко-фашистских захватчиков и преданность делу пролетарского интернационализма боевым орденом — крестом Грюнвальда.

В столице Литвы — Вильнюсе, который так любил герой, вы пройдете по улице Юозаса Витаса и прочтете его имя крупными буквами на неоновой рекламе промышленно-производственного мехового объединения.

Земляки героя из колхоза «Сантайка» оборудовали в его родном хуторе мемориальный музей, у развязки дорог разбили сквер, возле которого на большом камне высекли слова: «Юозас Витас». Пионеры из дружины имени Юозаса Витаса ухаживают за цветником, летом там растут красные гвоздики — любимые цветы Витаса.

Образ борца, отдавшего жизнь за честь и свободу нашей Родины в борьбе с фашизмом, запечатлен в граните на центральной площади Алитуса как живое напоминание о немеркнущем подвиге коммуниста.

А. Е. Клещев

ПО ЗАДАНИЮ
ТОВАРИЩА КЛИМА

В конце августа сорок второго года Алексей Ефимович Клещев приехал с фронта в Москву и сразу же позвонил в приемную ЦК КП(б)Б (в ту пору ЦК Компартии Белоруссии временно размещался в Москве), попросил записать его на прием к первому секретарю. Пантелеимон Кондратьевич Пономаренко принял Клещева на другой день. Принял приветливо, с душевным радушием боевого товарища.

— Алексей Ефимович, — секретарь ЦК незаметно переходил к делу, — я внимательно прочел ваш отчет и особо отметил выдвинутые в нем предложения о развитии партизанского движения и партийного подполья на Пинщине. Мы обсудили их и полностью согласны с вами.

— Я обдумывал эти предложения не один раз и считаю, что резон в них есть.

— Вот и хорошо. Порадую вас еще: вчера принято постановление о восстановлении Пинского подпольного обкома партии. Вы направляйтесь на Пинщину в качестве уполномоченного ЦК партии республики и члена подпольного обкома.

— Спасибо за доверие, Пантелеимон Кондратьевич, — с удовлетворением ответил Клещев.

— Ваше подпольное имя отныне Клим. К вашему приезду мы наметили и согласовали конкретные мероприятия и предлагаем развернуть борьбу с оккупантами на базе партизанского отряда, организатором и командиром которого с первых дней войны является Василий Захарович Корж. Он тоже введен в состав подпольного обкома. У него боевой опыт еще с Испании. ЦК уполномочивает вас и Коржа принимать на месте все необходимые меры к осуществлению руководства деятельностью партизанских отрядов, диверсионных групп, подпольных партийных и комсомольских организаций, действующих на территории Пинской области.

Пономаренко пригласил Клещева подойти к противоположной стене, на которой висела оперативная карта. На ней

красными кружками были обозначены места партизанской борьбы.

— Вот картина и масштабы партизанской войны в Пинской области сегодня,— сказал секретарь.— Разобщенность налицо, а отсюда большие потери...

В последнее время Алексей Ефимович находился в составе оперативной группы штаба Западного фронта, которая осуществляла связь с партизанами, и остро понимал свою первую задачу — скорее вернуться и постараться объединить действующие отряды в более крупные, наладить оперативную связь и управление ими. И, будто угадывая его мысли, Пономаренко заключил:

— Только соединив действия партизан и подпольщиков, вы превратите их борьбу во всенародную и окажете Красной Армии помощь в разгроме врага.

— Я понял вас, Пантелеймон Кондратьевич,— отозвался Клещев.

— Да, вот еще что. Скажите, Алексей Ефимович, вы прыгали когда-либо с парашютом?

Клещева смущил такой вопрос, но он без утайки ответил:

— Нет. Я и на самолете еще ни разу не летал.— Заметив удивление на лице Пономаренко, добавил: — Но, если обстановка требует, я готов и лететь, и прыгать.

В ответ Пономаренко улыбнулся, как бы соглашаясь с мыслью, что обстановка действительно требует риска...

* * *

*

Беседа эта происходила 25 августа, а через две недели, в ночь на 7 сентября 1942 года, Алексей Клещев с группой товарищей вылетел за линию фронта, в район, где действовали партизаны отряда Василия Коржа.

Сидя у кабинки экипажа, Клещев тревожно поглядывал в иллюминатор самолета, совершившего ночной рейс в родное Полесье. Там, под Калинковичами, в 1905 году родился Алексей Клещев, там прошло его детство и юность.

Свою жизнь он прочно связал с сельским хозяйством: работал председателем сельсовета, участвовал в коллективизации, был организатором колхозов, а позже совхозов, руководил МТС. В Пинске застала его война и произошло боевое крещение.

Его волновала предстоящая встреча с Коржем, которого он знал еще до войны. Оба работали в Пинске. Василий Захарович заведовал финхозсектором обкома партии, Алексей Ефимович возглавлял областной земельный отдел. По-

жалуй, тогда, общаясь с ним, Клещев открыл и оценил главную черту в характере Василия Коржа — не отделять себя от товарищей, делить с ними радости и невзгоды, успехи и неудачи.

Пинск стал для них обоих боевой колыбелью. Отсюда они, как по договору, ринулись в смертельную схватку с врагом. Корж сформировал партизанский отряд и сразу повел его в бой. Вместе с частями Красной Армии на защиту города встали и другие местные добровольческие группы. Одной из них командовал Клещев. Сопротивляясь натиску гитлеровцев, эта группа задержалась в городе и оказалась в окружении. Жаркий бой она приняла на привокзальной площади, но исход боя складывался не в ее пользу. Чтобы вырваться из вражеского кольца, нужно было добраться до моста через Пину. Клещев, маневрируя и отстреливаясь, сквозь огонь повел к нему своих бойцов, успел захватить мост раньше гитлеровцев и заминировать, а перейдя его, взорвать. Это было 4 июля 1941 года.

Потом были еще бои. Особенно запомнился бой 30 сентября. Тогда вместе с секретарем Пинского обкома П. Г. Шаповаловым Клещев находился в Столинском партизанском отряде, которым командовал член обкома, председатель райисполкома И. Л. Масленников.

Во время рейда на ночном привале (это было в Ельском районе) на отряд внезапно напали гитлеровцы. Бой завязался не на жизнь, а на смерть. Отряд отчаянно сопротивлялся, но под натиском превосходящих сил фашистов стал отходить. Среди оторвавшихся от преследования партизан ни Шаповалова, ни Масленникова не оказалось. В течение двух дней Клещев вместе с другими коммунистами находились в условленном месте сбора, ожидая их появления, но тщетно!

После этого член обкома Клещев вместе с оставшимися бойцами направился на соединение с частями Красной Армии и в октябре сорок первого года перешел линию фронта...

Почти год прошел с тех пор. Алексей Ефимович выполнял разные поручения ЦК, связанные с разъездами: часто выезжал на фронт, работал в оперативной группе при штабе Западного фронта, не раз просил снова направить его в тыл врага. И вот наконец просьбу его удовлетворили...

Размышления Алексея Ефимовича прервал голос летчика. По переговорному устройству он сообщил:

— Подлетаем к переднему краю!

Приглушив моторы, самолет стал бесшумно снижаться, пересекая линию фронта.

Вдруг по его корпусу скользнул луч прожектора. Зара-

ботали вражеские зенитки. Снова взревели моторы, и самолет, набирая высоту и скорость, стал производить противозенитный маневр. За бортом рвались снаряды. Машину резко подбрасывало вверх. Однако бывалый летчик не растерялся и продолжал вести самолет по заданному курсу...

Опасность была уже далеко позади, а среди партизан еще долго царило напряженное молчание. Но вот открылась дверь кабинки летчика, и бортмеханик крикнул, указывая вниз:

— Приготовиться к прыжку!..

Клещев прыгал последним.

«Падал я, как камень, — вспоминал он потом. — Казалось, чувство страха пытается угнаться за моим падением и задушить меня... И вдруг неведомая сила выхватила меня из бездонной пропасти, ремни парашюта плотно обхватили тело, и я завис над землей, над родной Белоруссией. Посмотрел вниз и, увидев сигнальные костры, понял, что все идет нормально...»

Рассвет застал группу Клещева на опушке леса. Лежавшая перед ним в густом тумане долина казалась озером, а прилепившаяся к нему деревушка Загалье — скоплением потрепанных лодочонок. Едва они успели загасить парашюты, оглядеться и привести себя в порядок, как со стороны деревни показались вооруженные люди. Это были партизаны Минского соединения, высланные штабом навстречу десанту. Встреча не затянулась. Торопливую беседу подкрепил скромный завтрак. Заручившись необходимой информацией и мерами безопасности, Клещев со своей группой направились в район, где находился отряд В. З. Коржа.

К концу следующего дня Василий Захарович, похудевший, с усталым, осунувшимся лицом, радостно обнимал посланцев Большой земли.

У штабной землянки стали собираться партизаны. Многих Клещев узнавал, и от этого сердце билось учащеннее. Гавриил Степиц — перед войной был председателем колхоза «Красный пограничник», Иван Жевнов — редактором Старобинской районной газеты, Федор Куньков — работником Пинского облисполкома. Полились негромкие задушевные беседы...

Небольшая лесная поляна превратилась в некий остров землячества. Корж не мешал разговорам, а Клещев испытывал удовольствие от сознания, что в его десанте тут нуждались. По всему было видно, что партизаны давно не получали свежих вестей. Задавали много разных вопросов — от наивных, бытовых, до острых, политических.

— Это наша лесная болезнь,— пояснил, хмурясь, Корж. Один молодой партизан, рыжебородый, коренастый, преодолев застенчивость, неожиданно спросил:

— Скажите, почему до сих пор партизанский штаб не разъяснил нам, как бороться с врагом, находясь в полном окружении, да еще с таким сильным врагом.

Наступило молчание. Чувствовалось, что вопрос беспокоит не одного молодого бородача.

Кольнуло в сердце. «Неужели кто-то внушает партизанам страх окружения?» — подумал Клещев.

— Друзья, обстоятельную беседу о текущем моменте мы проведем в ближайшее время. Что же касается вопроса об «окружении», то, по-моему, вопрос не совсем правильно поставлен. Подумайте сами,— продолжал Алексей Ефимович,— посмотрите на оккупантов, засевших в гарнизонах и спрятавшихся за оборонительными сооружениями. Это они окружены нашим народом: у них горит под ногами земля, в то время как всех нас поддерживает население... Нам сейчас важно другое: жить дружно, душа в душу и, объединив все усилия, выкуривать врага с нашей земли. Нам предстоит с вами в самые короткие сроки изменить положение так, чтобы подобные вопросы больше ни у кого не возникали, а народ, видно по всему, вы геройский...

— Прошу извинить,— прервал Клещева командир отряда и обратился к собравшимся:

— Товарищи, дайте же, черт побери, людям отдохнуть, ведь они вчера только прилетели с Большой земли, да больше суток до нас добирались. Не железные же. А для бесед у нас еще будет время.

Отдав распоряжение разместить и накормить прибывших, Корж пригласил Клещева в штабную землянку. Тот примостился на углу топчана с хвойным настилом, достал блокнот и записал: «На собраниях и в ходе бесед обстоятельно разъяснять смысл слова «окружение», используя его для активизации партизанского движения».

— Не успел приехать и уже директивы строчишь?! — с усмешкой произнес Корж.

— Я все еще думаю над вопросом рыжебородого.

— А,— отозвался Корж, присаживаясь,— что ж тут греха таить, обстановка окружения, пусть даже местного, прямо скажем, неприятная, на него все время пыткаешься. Но это со временем пройдет. Теперь отдыхай. Но прежде, Алексей Ефимович, расскажи, хоть вкратце, что там, на Большой земле, говорят о нас.

В полуутягие землянки загорелое, обветренное лицо Кор-

жа как будто бронзовое, а голос звучит простуженно, пад-
садно, отчего вся его фигура кажется загадочной.

— Расскажу, конечно, и не вкратце,— ответил Клещев,
подвигаясь ближе к Коржу.

— Я был на приеме у первого секретаря ЦК Компартии
Белоруссии, разговор состоялся основательный. Привез тебе
постановление.— Подробно рассказав о беседе с П. К. Пономаренко, Клещев спросил: — Решение ЦК о переводе отряда
на Пинщину штабу известно?

— Нет, штаб об этом не информирован.

— Но медлить нельзя,— это указание, надо полагать, и
ЦК и Ставки Верховного Главнокомандования.

Корж сдвинул брови.

— Я понимаю: поставлена задача на ближайшее время.
Очень трудно там сейчас, Алексей Ефимович, люди гибнут,
многих фашисты расстреливают, еще больше угнают в Гер-
манию, на запад.

Корж подробно рассказал, в каких неимоверно тяжелых
условиях борются против оккупантов советские люди на
Пинщине с конца сорок первого года, какие большие потери
понесли. Клещев впервые услышал о трагической гибели
Шаповалова и Масленникова, которых так и не дождался
после того, как их отряд был рассеян в бою 30 сентября сорок
первого года. Огромная тяжесть навалилась на него, сда-
вила голову и сердце железным обручем. А Корж продолжал
перечислять фамилии погибших. Нет в живых секретаря
Лунинецкого райкома партии В. И. Анисимова, секретаря
Телеханского райкома В. И. Квинто и многих других ком-
мунистов, самых активных организаторов подполья и парти-
занской борьбы.

Алексей Ефимович, однако, не дал волю чувствам и твер-
до сказал:

— Да, обстановку на родной Пинщине ты, Василий За-
харович, нарисовал невеселую и трудную, но где сейчас лег-
ко? Поэтому, дорогой командир, мы должны с тобой спешить
туда. Именно туда!

Корж внимательно вслушивался в слова Клещева.

— Василий Захарович, партия доверяет нам восстановить
Пинский подпольный обком. Ты введен в состав обкома. Мы
обязаны возглавить борьбу на всей территории Пинской об-
ласти. Ядром в этом деле станет твой отряд.

— Что же,— оживился Корж.— Решение, конечно, пра-
вильное. Соберем людей, подыметем их и двинем на Пинщину,
в свои родные края.

— Тогда, Василий Захарович,— отозвался Клещев,— па

завтра и назначим заседание подпольного обкома. Вопрос — передислокация...

Так, направляясь в Пинскую область, Клещев и Корж начали действовать как члены Пинского подпольного обкома партии.

* * *

*

Прошло немного времени, и из отряда Коржа по заданию товарища Клима на Пинщину стали уходить первые посланцы подпольного обкома партии. В Пинский, Жабчицкий, Ивановский и Дрогичинский районы направилась группа в составе девяти человек во главе с Ф. С. Куньковым (в конце 1942 года он стал секретарем Ивановского подпольного райкома партии). Вторая группа пошла в сторону Брестской области, третья — в Давид-Городокский и Столинский районы.

Перед всеми группами была поставлена задача — устанавливать связи с другими партизанскими отрядами и диверсионными подпольными группами для соединения их действий с отрядом Коржа, ставшим основным ядром пинских партизан, создавать новые отряды, шире развертывать партизанское движение в районах. Посланцы действовали тайно, в открытый бой с подразделениями оккупантов старались не вступать — таково было требование обкома, поддерживали постоянную оперативную связь с Клещевым и Коржем. И вот с помощью этих групп к концу 1942 года подпольному обкому удалось объединить и координировать действия около 10 партизанских отрядов на Пинщине.

Партизанские отряды и группы охотно присоединялись к отряду Коржа. Так было, например, с отрядом имени Николая Шиша, которым командовал Михаил Герасимов. Партизаны этого отряда встретились с партизанами отряда Коржа около небольшой речушки. Отдых на привале продолжался тогда дольше обычного: бойцы знакомились, обменивались кисетами, трофеинным оружием, делились сухарями. А Клещев, Корж и Герасимов в эти часы решали, как лучше использовать силы двух отрядов в борьбе против оккупантов.

Совместные боевые действия отрядов и групп оказались скоро. Выйдя на территорию Ленинского района Пинской области, партизаны разгромили вражеские гарнизоны в Тимошевичах, Гричиновичах, Хоростове, Пузичах, Ясковичах и других населенных пунктах. В несколько дней территория Ленинского района, за исключением узенькой полоски зем-

ли вдоль железной дороги, которую удерживали гитлеровцы, перешла в руки партизан.

Обосновавшись в этом районе, подпольный обком развернул политическую работу среди населения, а в отрядах начали готовить группы разведчиков и диверсантов. Являясь уполномоченным ЦК КП(б) Белоруссии по Пинской области, Клещев создал для руководства партизанскими отрядами областной штаб. В него вошли А. Е. Клещев, В. З. Корж и П. П. Томилов.

* * *

*

Осенью сорок второго года пинские партизаны боролись под девизом «Сражение за Сталинград». Они взрывали мосты, пускали под откос вражеские эшелоны и тем самым оказывали немалую помощь нашим войскам в грандиозной битве на Волге. Наиболее крупной и успешной в то время была операция по разгрому гарнизона на станции Синкевичи и взрыву железнодорожного моста длиной 54 метра через реку Лань на линии Брест — Гомель. План этой операции разрабатывался под руководством подпольного обкома партии, а осуществляли его отряды М. И. Герасимова и А. П. Савицкого. Вот как это было.

В ночь на 1 ноября отряды подошли к станции. На ее северо-восточной окраине расположился командный пункт. Здесь были Клещев, Корж, Стешиц и другие командиры Пинского партизанского соединения. Все с волнением глядели на часы, ожидая сигнала от ушедших к мосту разведчиков. Наконец из первой группы Удовикова прибежал связной, сообщил, что разведчики бесшумно сняли часовых у моста, а подрывники подогнали на плотах ящики с взрывчаткой, засекли их под секциями и готовы произвести взрыв, да вот от главной группы, ушедшей в направлении казармы, еще не поступило сигнала...

— Ракета! — крикнул обрадованный Савицкий, и в ту же минуту тишину нарушили взрывы гранат, трескотня пулеметных и автоматных очередей, дружное «Ура!» атакующих партизан.

Бойцы Попов и Темкин первыми ворвались в казарму гитлеровцев. Короткими очередями зажигательных пуль они подожгли караульное помещение. Неожиданный налет партизан поднял среди фашистов переполох. Полуодетые, они выскакивали из окон. Между фашистами и группами партизан Машница, Кубасова и Барсукова завязалась перестрелка, в разгар которой со стороны реки донесся мощный взрыв.

С командного пункта было видно, как взлетевший в воздух мост рухнул.

В результате синкевичского боя партизаны уничтожили 74 гитлеровца, а стоявший на станции эшелон с боеприпасами — 49 вагонов — полностью сгорел. Дорога Брест — Гомель была выведена из строя на 16 дней. Десятки вражеских эшелонов с вооружением и живой силой, направлявшихся к Сталинграду, были задержаны, таким образом, пинскими партизанами.

Восход солнца застал колонну партизан в чаще леса. Небо над головами румянилось багрянцем, гасли последние звезды. В такие минуты настроение у всех становилось радостно-светлым, но впереди всех еще ждали грозные испытания.

Через несколько дней подпольщики сообщили Клещеву, что разгром станции Синкевичи и взрыв моста через реку Лань серьезно всполошили гитлеровцев.

Срочно в Пинскую область были переброшены новые подкрепления фашистов. Появились и так называемые «добровольческие казачьи» полки. Их расположили вдоль железной дороги Брест — Гомель и Лунинец — Барановичи — Вильнюс.

Клещев и раньше слышал об этих полках: что они из себя представляли, из кого создавались. Об этом в свое время Центральный Комитет Компартии Белоруссии подробно информировал подпольные обкомы.

Гитлеровское командование сколачивало эти полки из советских военнопленных. Путем шантажа, обмана и лживой пропаганды, а чаще под угрозой расстрела и голодной смерти фашисты заставляли людей становиться под ружье. Многие «казаки» мечтали при удобном случае перейти на сторону сражающейся Красной Армии.

Во главе «казачьих» полков ставились, как правило, давнишние враги Советской власти. Однако попадались и такие командиры-атаманы, которые считали службу у фашистов позорной и выжидали. На них Центральный Комитет Компартии Белоруссии и рекомендовал подпольным обкомам обратить внимание в первую очередь.

Из сообщений подпольщиков следовало, что «казачьи» полки немцы использовали в основном для охраны различных военных объектов. Разумеется, за ними неослабно наблюдала гитлеровская контрразведка. Надзор еще более усилился, когда участились случаи перехода «добровольцев» на сторону партизан.

Закончив читать донесения подпольщиков, Клещев

решил: «Надо познакомиться с этими полками. В нашей области их два. Одним командует некто Сысоев. Другим... Гм... фамилию не разобрать... Впрочем, почему они называются казачьими? Может быть, потому, что состоят из сотен?...»

Операция по разложению «казачьих» сотен проводилась осторожно. Началось с малого. Однажды, будто невзначай, на лесной просеке с «казаками» встретились жители местных деревень — Александр Свитцов, Борис Тельпук, Александр Бушило. По их внешнему виду едва ли можно было догадаться, что все трое заранее подготовленные и хорошо проинструктированные обкомом подпольщики. Завязалось знакомство. А вскоре в деревнях стали устраиваться вечеринки, и на них непременно приглашались «казаки».

Незаметно посланцы обкома «обросли» сочувствующими, а затем и доверенными из числа «казаков». Завербованные же активисты в свою очередь развернули агитацию в «казачьих» подразделениях.

Вся работа велась в строжайшей тайне. Свитцов, Тельпук, Бушило продолжали выполнять задание Клима. Связь с «казаками» осуществлялась под его прямым и неусыпным контролем. ...Как-то на исходе ноябрьского дня на центральную базу партизанского соединения прискакали конные. Это были подпольщики, связные секретаря подпольного обкома. Клещев только что закончил беседу с секретарями парторганизаций отрядов. Он пригласил подпольщиков в землянку. Борис Тельпук доложил, что «атаман» Сысоев просил узнать, когда и где он может встретиться с товарищем Клином.

Тут же, посоветовавшись с командиром соединения Коржем, Алексей Ефимович назвал день и место встречи. В декабре Сысоев прибыл в условленное место на переговоры.

Алексей Ефимович подошел к спешившемуся «атаману», окинул его острым, проницательным взглядом и сразу же заговорил о деле. Он интересовался всем: распорядком дня полка, разводами караулов, настроением сотников. Главное же, что старался уяснить Клещев, — назрел ли момент для решительного шага?

— Можете рассчитывать на меня без риска, — сказал «атаман».

Обстановка требовала немедленных действий, и подпольщики были к ним готовы: Клещев приказал Сысоеву: «Со-средоточиться в урочище Красная Воля и Дребске, что в районе восточнее Любичей и юго-восточнее Черебасово, и ждать дальнейших распоряжений».

— А теперь пора, — заключил он, — а то немцы заподозрят неладное и потеряют в вас веру.

— О, первое страшнее, чем второе. Ведь фашисты и с нами не церемонятся.

Вечером следующего дня предводимые Сысоевым «казачьи» сотни двигались по указанному маршруту.

Операция была необычной, да и не все зависело от одного Сысоева. С часу на час гитлеровцы могли спохватиться и броситься в погоню. Сумеют ли «казаки» отразить ее.

— Не допустили ли мы в чем-нибудь опрометчивости? — спросил Клещев стоявшего рядом Коржа.

Корж еще раз сравнил по карте маршрут «казаков» со свежими донесениями о передвижении партизанских групп прикрытия, высланных на всякий случай на маршрут движения «казаков».

— Рассчитали мы, Алексей Ефимович, верно. Но для большей гарантии можно выслать дополнительную разведку.

— Именно об этом я и хотел просить тебя, Василий Захарович.

Часа через полтора разведчики, обогнув лесистое взгорье и несколько витков дороги, находились уже в районе хутора близ деревни Новина. Через местных подпольщиков вскоре выяснили, что уход охранников гитлеровцы заметили и на дороге возник переполох. Всех, кто не успел во время покинуть боевые позиции, разоружают и арестовывают. В погоню за беглецами брошен отряд эсэсовцев.

Полученные сведения тотчас были переданы в штаб соединения.

— Думаю, до боя не дойдет, но рисковать не будем, пошли на подмогу небольшой отряд, — высказал мысль Корж.

— Верно, — отозвался Клещев.

Перед рассветом 21 декабря сорок второго года партизаны центральной базы с любопытством рассматривали своих вчерашних врагов — «казачьи» сотни и их «атамана» Сысоева, устало шагавших вперемежку с партизанами к подготовленным для них землянкам. Гитлеровцы не успели настичь «казаков».

Бескровная операция закончилась.

Крепло, ширилось партизанское движение на Пинщине. Руководимые подпольным обкомом и штабом соединения, отряды партизан наносили одновременно скоординированные удары в нескольких местах. В их составе действовали и бывшие «казачьи» сотни.

* * *

*

Наступил сорок третий год. Однажды, возвратившись поздно вечером с партийного собрания, состоявшегося в одном из отрядов, Клещев пригласил Коржа в свою землянку, и всю ночь в ней горел тусклый свет. Руководители подпольного обкома и штаба соединения писали отчет о своей работе в Центральный Комитет партии республики. Они подробно рассказывали, как выполняют указания ЦК КП(б)Б о развитии партизанской и подпольной борьбы на Пинщине, как происходит процесс соединения мелких партизанских отрядов и групп с отрядом В. З. Коржа и о том, какую большую роль во всем этом играют подпольные райкомы партии.

К концу сорок второго года Пинский подпольный обком партии создал четыре подпольных райкома — Ганцевичский (секретарь М. М. Бондаренко), Ивановский (секретарь Ф. С. Куньков), Ленинский (секретарь А. И. Домбровский), Лунинецкий (секретарь Ф. И. Лисович).

Секретарями подпольных райкомов партии подобраны боевые, не раз проверенные в боях коммунисты. В партизанских зонах созданы сельские Советы, партийные и комсомольские организации, боевые резервные группы самообороны — все, что нужно для защиты мирного населения и нанесения ударов по гарнизонам врага и его коммуникациям.

Клещев и Корж старались не упустить в отчете ничего существенного.

...Секретарь подпольного райкома Федор Семенович Куньков установил связь с подпольщиками города Пинска и наладил обеспечение партизан продуктами, медикаментами и оружием.

Подпольной группе, возглавляемой И. А. Голомазовой, по заданию Кунькова удалось освободить и отправить к партизанам большую группу военнопленных, работавших на оружейных складах оккупантов. 46 военнопленных на автомашине в сопровождении переодетого в немецкую форму командира партизанского отряда Н. И. Горбачевского и подпольщика П. И. Симоненко выехали из Пинска и благополучно прибыли в расположение партизан. Они сдали в отряд три ручных пулемета, 41 винтовку, три мешка гранат, мешок с толом и бикфордовым шнуром. Бывшие военнопленные были зачислены в отряд и активно участвуют в боевых операциях и вылазках диверсионных групп. Успешные боевые действия партизан и подпольщиков, говорилось в отчете,

вызывают у населения большой патриотический подъем и поднимают боевой дух. Советские патриоты сообщают партизанам о провокаторах, о подготовке оккупантов к карательным акциям, принимают активное участие в борьбе с врагом. Все действия подпольного обкома и областного штаба население поддерживает и видит в нас своих защитников.

Приводился такой эпизод. Однажды ночью (это было еще в сентябре сорок второго года) в дверь землянки Клещева постучали.

— Заходите, — отозвался он.

Вошли часовой и пожилой крестьянин.

— Что случилось? — спросил Клещев, узнав в крестьянине Иосифа Призбу — партизанского связного из деревни Долгое.

— Фашисты грабят деревню, Алексей Ефимович, грозят спалить.

— Пойдем к Василию Захаровичу...

На другой день вечером командиры партизанских групп Иван Черняк, Даниил Хамицевич, Владимир Квасов докладывали в штабе о разгроме фашистов, напавших на деревню Долгое. Особенно бойко говорил Квасов. Его группа действительно отличилась в бою больше других. Друзья поздравляли его. Но Алексей Ефимович не торопился, молчал, наслушившись. Когда поздравления кончились, он спросил Квасова:

— Чем еще вы там занимались?

— Ничем.

— А откуда свиньи появились на партизанской базе?

— Да это наш, так сказать, трофей, Алексей Ефимович! Отбили у бандюг.

— Вот как?! Значит, трофей... Хорошо. Ну, а бандиты где их взяли?

Наступила неловкая пауза. Люди догадывались о поступке Квасова. Молчание нарушил Клещев:

— Мне все понятно. Свиньи принадлежат крестьянам деревни Долгое, и их надо немедленно вернуть. И не только вернуть, но и извиниться. И сделаете это вы, товарищ Квасов.

— Алексей Ефимович! — взмолился командир группы. — Мне же стыдно...

— Стыдно?! — воскликнул Клещев. — Стыдно не возвратить свиней крестьянам, братьям своим! Вот это стыдно! — Помолчав немножко, добавил: — Война разгорается всенародная, и мы, партизаны, защитники народа, его сыны, а не обидчики. Именно поэтому наши люди и поддерживают нас,

дают питание и многое другое. Понятно это вам, Квасов? — в голосе Клещева слышалось заметное возмущение.

— Все понял, Алексей Ефимович, сделаю, как вы сказали.

Все отобранное у фашистов было возвращено жителям деревни Долгое¹.

С гордостью рассказывали Клещев и Корж в своем отчете ЦК КП(б)Б о людях, о мужественных и отважных партизанских командирах, осуществлявших на Пинщине важнейшие боевые операции: о Владимире Антоновиче, Гаврииле Стешице, Павле Котовиче, Павле Томилове, Федоре Ширине...

Письмо в ЦК КПб)Б было закончено, когда в оконце землянки заглянуло утро.

* * *

*

Это было в начале февраля сорок третьего года. Ознакомившись с последними донесениями, Алексей Ефимович задумался. Подпольщики сообщали о зверствах оккупантов. За малейшее неповиновение или попытку сопротивления катарили вешают советских людей, а подозреваемых сгнояют в сараи и сжигают. Это их ответ за поражение под Сталинградом. На днях радио сообщало, что там наши войска добивают окруженнную более чем трехсоттысячную группировку гитлеровцев. Свой вклад в этот разгром внесли и пинские партизаны и подпольщики. Немало вражеских эшелонов, направлявшихся к Волге, пустили они под откос. С гордостью вспомнив это, Клещев тут же стал думать о предстоящих боях. Для этого надо обеспечить партизан питанием и оружием. Скоро весна. Надо позаботиться и о том, чтобы помочь населению партизанской зоны подготовиться к полевым работам, продумать, как охранять крестьян во время посевной в случае нападения фашистов...

С такими мыслями Алексей Ефимович и уснул, склонившись над столом в своей землянке. А на рассвете сильный стук в дверь разбудил его. Прибежал дежурный с радостным известием: группировка гитлеровских войск на Волге ликвидирована, фельдмаршал Паулюс взят в плен.

...Митинг, посвященный нашей победе под Сталинградом, прошел бурно: в лесу гремело дружное «Ура!», взлетали в воздух обгоревшие у партизанских костров шапки. Ничто не могло омрачить этой картины ликования.

¹ Из записок А. Е. Клещева в его личном архиве.

Поздно вечером Клещев собрал экстренное заседание подпольного обкома.

— Разгром сталинградской группировки гитлеровцев завершен, — сказал Алексей Ефимович, — но великая победа наших войск еще не окончательная, а лишь поворот к ней. Час решающей победы можно приблизить только новыми, сокрушительными ударами по гитлеровским захватчикам. К этому призывает нас Центральный Комитет нашей партии. Есть предложение: кроме «рельсовой» диверсионной войны, активизировать «шлюзовую» войну.

И Алексей Ефимович стал знакомить боевых товарищей с замыслом новой операции. Прежде всего, говорил он, надо прекратить нападение на одиночные суда и транспорты Днепровско-Бугского канала. Пусть гитлеровцы успокоятся, а мы тем временем подготовим новый удар. Пинские шлюзы — это сонные артерии гитлеровского речного флота, питающего фашистские армии смертоносным грузом, а нацистскую Германию — награбленным советским добром. Взорвать шлюзы — значит лишить врага важнейшей речной магистрали.

Лесными тропами днем и ночью, в ясную погоду и в мельть шли к шлюзам Днепровско-Бугского канала партизаны и подпольщики, коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины окрестных деревень из Жабицкого, Пинского, Ивановского и Дрогичинского районов. Подпольный обком готовил для них документы, Клещев инструктировал, напутствовал.

В конце февраля 1943 года пинские партизаны неожиданным ударом захватили Овзический шлюз и, уничтожив гарнизон охранников, взорвали его.

Гитлеровцы срочно усилили гарнизоны у других шлюзов, но это их не спасло. Посланцы обкома действовали без промашки. В марте партизаны взорвали шлюзы Ляховичский и Радогощский, а затем — Дубовой и Переяруб, разгромив гарнизоны, охранявшие их. Гитлеровцы бросили против партизан у шлюзов новые силы, попробовали оттеснить их и восстановить судоходство. Шлюзы переходили из рук в руки. По ночам партизаны выкуривали фашистов, днем на помощь гарнизонам и охране прибывали новые части и при поддержке авиации отбивали их у партизан.

Оставалось одно — активизировать удары в других районах области и тем самым отвлечь силы врага от канала. Замысел был приведен в действие и принес незамедлительный успех: над несколькими шлюзами взвилось Красное знамя.

В апреле сорок третьего года ЦК КП(б)Б дополнил состав Пинского подпольного обкома партии, утвердив его в количестве четырех человек: А. Е. Клещев (первый секретарь), С. Г. Войцехович (второй секретарь), В. З. Корж, Ф. И. Положенцев (члены обкома). До октября сорок третьего года подпольный обком образовал подпольные райкомы партии во всех районах области.

Трудными и славными победами отмечен был в жизни Алексея Ефимовича сорок третий год. В апреле В. З. Корж был отозван на Большую землю, и первому секретарю подпольного обкома пришлось также командовать многотысячным соединением пинских партизан и поддерживать в боевой готовности резервные отряды и группы самообороны в населенных пунктах. Положение усложнялось еще тем, что весной 1943 года подпольный обком должен был принимать меры к спасению мирных жителей от угона в фашистское рабство. Ночами партизаны снимали целые хутора и деревни и эвакуировали в специальные лесные поселения, обеспечивали продуктами питания, домашней утварью и всем, что крестьянину необходимо для сносного существования и ведения немудреного хозяйства в партизанской зоне. Алексей Ефимович сам часто ездил в эти зоны и участвовал в строительстве жилья для поселенцев.

Оккупанты направляли в эти поселения карательные экспедиции. Но едва каратели вступали на проселочный тракт, как партизаны обстреливали их из укрытий. Стоило фашистам сунуться в лес, как их тотчас встречали мощным ружейным и пулеметным огнем и забрасывали гранатами из партизанских засад.

На Пинщине сложилась своеобразная обстановка: если в сорок втором году население давало партизанам все, что нужно для поддержания боеспособности,— пищу, одежду, гужевой транспорт, фураж, а порой и оружие, то теперь, наоборот, партизаны, выполняя решения подпольного обкома партии, сами снабжали население сожженных деревень необходимым для жизни.

В свободное от боевых операций время партизаны помогали крестьянам обрабатывать землю, засевать поля, заготавливать сено, убирать урожай, а главное же — обороныть возделанные земли и лесные поселения от фашистских карателей, стремившихся уничтожить урожай и людей.

В мае сорок третьего года Алексей Ефимович сообщил в ЦК Компартии Белоруссии и штаб партизанского движения:

«Взорваны все важнейшие шлюзы и плотины Днепро-Бугского канала, уровень воды в нем на протяжении

120 километров снизился до 60 сантиметров. 129 военных судов фашистской речной флотилии «засушены» в Пинском порту...»

Анализируя обстановку и обдумывая планы действий, секретарь подпольного обкома учитывал еще одно обстоятельство: Белоруссия перестала быть глубоким тылом фашистских войск. Советские воины вышли с боями на ее территорию. Не за горами было время, когда партизаны соединятся с Красной Армией. Это обязывало подпольный обком предпринимать меры для активизации боевых действий партизан и укрепления оборонительных рубежей вокруг партизанских зон, хуторов и деревень, а также создания надежных запасов продовольствия и фуражка. И в этом деле огромную роль мог сыграть комсомол.

По указанию подпольного обкома партии из партизанских отрядов в населенные пункты для строительства домов, надворных построек, мельниц, бань и других помещений, а главное, для строительства тайных зернохранилищ и продовольственных складов направлялись молодежные группы и бригады. Комсомольцы обучали сельских добровольцев обращению с оружием, чтобы этим оружием защищать от карателей урожай и продовольственные запасы. Люди оживали и работали, не жалея сил. Мечта о скором возвращении к мирной жизни крепла.

Боевое комсомольское подполье на Пинщине разрасталось и участвовало в борьбе с оккупантами все более активно. В записной книжке Клещева, которая хранилась у него в потайном кармане, есть такая запись: в сорок втором году в отряде В. З. Коржа было всего пять комсомольцев, а к середине сорок третьего года в соединении их насчитывалось уже 462, да в подпольных организациях 211 человек¹.

Алексей Ефимович давно уже думал о том, что необходимо укрепить областное комсомольское руководство. Эту мысль он высказал секретарям Центрального Комитета комсомола Белоруссии Михаилу Васильевичу Зимянину и Кириллу Трофимовичу Мазурову, находившимся в то время в штабе соединения. Убедившись, что оба они думают так же, как он, Клещев стал торопить Зимянина на Большую землю.

Летом сорок третьего года при помощи населения окрестных деревень был построен партизанский аэродром, способный принимать тяжелые транспортные самолеты для пин-

¹ Личный архив А. Е. Клещева.

ских, брестских, баравичских и украинских партизан. Он находился в глубоком лесу и не подвергался опасности. Для большей надежности в укрытиях вокруг него были установлены зенитные орудия. Устойчивая авиационная связь с Большой землей давала возможность не только получать оперативную информацию, но и решать продовольственную проблему.

Первый самолет на этот аэродром прилетел в конце августа. Пока командир экипажа Николай Таран рассматривал новый аэродром, партизаны спешно перегружали на подводы оружие, боеприпасы, газеты, журналы, почтовые посылки и письма, типографское оборудование. А в сопровождении медиков к самолету потянулись повозки с больными и ранеными. Это особенно радовало начальника санслужбы соединения Н. И. Вороновича.

Вся лесная поляна аэродрома купалась в лучах солнца. Алексей Ефимович наблюдал отрадную суету у самолета и думал: «Теперь наш партизанский край станет еще сильнее, и ему не страшны самые коварные атаки врага...»

В это время он услышал приветливый голос:

— Здравствуйте, Алексей Ефимович.

Клещев обернулся в сторону говорившего. Тот представился.

— Мне поручено передать вам письмо с Большой земли...

Письмо было написано знакомым почерком. Алексей Ефимович отошел в сторонку и стал читать:

«30.VII.43

Привет, Алексей Ефимович!

Оsmелюсь доложить, — писал М. В. Зимянин, — что все Ваши просьбы и поручения — как умел — выполнил.

Далее. В целях укрепления Пинского областного комсомольского руководства мы утвердили:

1. Первым секретарем ОК — т. Бирюкова.

Всесторонне проверен и оправдал себя многолетней работой в комсомоле. Вопрос о введении его в состав обкома партии, о чем я просил бы Вас, — дело вашей инициативы.

2. Секретарем ОК по военной работе — тов. Емельянцева, подателя сего письма. Также проверен. Прошу любить и жаловать комсомольских секретарей. Нордмана и других т. т., выдвинувшихся в ходе дел, следует утвердить ответорганизаторами ОК, растить их дальше, создавая таким образом боеспособный аппарат обкома...

Вас. Захаров. — здесь, был у семьи — живет и здравствует. За последнее время редко его вижу. Думаю, и он скоро будет дома.

Наилучшие Вам и всем товарищам пожелания.

Привет т. Войцеховичу. Ваш Мих. Зимянин¹.

— Ну, что ж, товарищ Емельянцев, очень рад,— сказал Алексей Ефимович,— приветствую вас, завтра, во второй половине дня, приходите со своими товарищами на заседание обкома партии. Там и разрешим все оргвопросы.

Через несколько дней секретари подпольного обкома комсомола разъехались по партизанским бригадам и отрядам...

В октябре Алексей Ефимович вылетел на Большую землю. Ему поручили руководить оперативной группой штаба 61-й армии по координации действий пинских партизан и наступавших частей Советской Армии. В Пинской области вместо него остались второй секретарь обкома партии С. Г. Войцехович и член обкома В. З. Корж.

* * *

*

Весной сорок четвертого года два действующих фронта — партизанский и армейский — установили между собой непосредственный боевой контакт и стали наносить по отступающим гитлеровцам совместные удары.

14 июля 1944 года Пинск был полностью освобожден от фашистских оккупантов, а 18 июля отряды и соединения пинских партизан вместе с частями Советской Армии и подразделениями Днепровской флотилии торжественно прошли во время парада мимо трибуны на площади Ленина.

Загремели литавры сводного оркестра, когда на центральную площадь вступила колонна прославленных партизан, во главе которой в генеральских мундирах шагали Герои Советского Союза Алексей Ефимович Клещев и Василий Захарович Корж. Рядом с ними шли другие прославленные партизанские командиры и подпольщики.

За три года партизаны Пинщины уничтожили тысячи гитлеровцев, разгромили 59 вражеских гарнизонов, подбили и сожгли сотни автомашин и танков, взорвали десятки железнодорожных мостов, перерезали 519 километров телефонно-телеграфных линий связи, пустили под откос 468 железнодорожных эшелонов, подорвали 685 паровозов, 4587 вагонов, платформ и цистерн с горючим, вывели из строя Днепровско-Бугский и Огинский каналы...

¹ Личный архив А. Е. Клещева.

Возможно, тогда, на том самом первом параде, предвестнике скорой победы над гитлеровцами, в голове Клещева складывались строки его будущей статьи о ратных делах пинских партизан и подпольщиков: «Эти успехи были одержаны партизанами в неравной борьбе с хвалеными фашистскими вояками... За сухими и лаконичными цифрами боевых итогов скрываются колоссальные трудности...

Партизаны Пинщины выстояли в неравной борьбе и вышли победителями, потому что их справедливая борьба была частицей общей борьбы всего советского народа, они опиравались на могучие силы страны, победы Красной Армии...»¹

* * * *

После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов А. Е. Клещев возглавлял Пинскую, Полоцкую областные организации Компартии Белоруссии, а с 1948 по 1955 год был Председателем Совета Министров Белорусской ССР. С началом освоения целины он направляется туда в качестве уполномоченного ЦК КПСС по организации новых совхозов. С 1955 по 1960 год работает первым секретарем Коцюбинского обкома партии.

В последние годы жизни (Алексей Ефимович умер 13 декабря 1968 года) он собирал материалы для будущей книги о боевых друзьях-подпольщиках и партизанах Пинщины. Работал до последнего дыхания.

¹ Статья А. Е. Клещева была опубликована в книге «Непокоренная Белоруссия». М., 1963.

А. СУСЛОВ

И. П. Кожар

ВСЮ ЖИЗНЬ —
БЕЗ ОСТАТКА

Утро выдалось ясное, солнечное. Кожар собирался подарить выходной день детям: побродить с ними по лесу, подышать ароматом хвои, медовым настоем трав.

И вдруг телефонный звонок из обкома партии:

— Выезжайте немедленно. Первый уже ждет вас. Машину выслали.

— Что случилось? — попробовал выяснить Илья Павлович.

— Узнаете на месте, — ответил дежурный.

Кожар не стал будить жену, написал записку: «Милая Дина! Срочно меня вызвал Жиженков. Отдыхай с ребятами. Не скучайте. Целую — Илья».

Он любил краткость. Жена поймет: если уехал, значит, работа, командировка...

Познакомились они в Коханове. Чернявая садовод-огородница, прибывшая на работу в район из Жиздринского сельхозтехникума, приглянулась каеглазому крепышу Илье Кожару, который работал в то время секретарем райисполкома. В Малом Гольцеве, где прошло его босоногое, пастушье детство, отгуляли скромную свадьбу.

Пятнадцать лет минуло с той поры. Трех детей подарила ему за эти годы Дина — Евдокия Ивановна. Галочке уже двенадцать, Игорю — десять, а самому меньшему — Валерке — всего три года.

Круглое, Брагин, Ветка, Лоев... В сороковом году перевели в Гомель, утвердили редактором областной газеты «Гомельская правда», а в начале 1941 года избрали секретарем обкома партии по пропаганде. Работа беспокойная, кропотливая, вся идеология на его плечах: газеты, кино, радио, партийная учеба, театр, избы-читальни. Илья Павлович постоянно находился в разъездах.

Кто знает, как он, бывший избач, потянул бы этот участок, если бы не упорная, настойчивая, повседневная учеба. Читал много. Ленин, Маркс, Энгельс... Луначарский, Черны-

шевский, Писарев... Читал жадно. Впитывал в себя знания, как губка воду.

Но выходные дни он неизменно отдавал семье. Мог часами возиться с ребятами: бродил по лесу, собирая грибы и ягоды, читал Валерке сказки, строил вместе с ним из кубиков дома, башни, Кремль.

Наблюдая с улыбкой, как почти сорокалетний мужчина превращается в мальчишку, Евдокия Ивановна старалась не мешать этому целебному его возвращению в детство, потому что понимала, чувствовала, какой заряд бодрости и душевного спокойствия черпает он в семье...

Члены бюро обкома партии собрались в кабинете первого секретаря обкома Флавиана Васильевича Жиженкова. Заметно волнуясь, он сказал:

— Ровно в четыре поль-поль сегодня утром немцы напали на нас вдоль всей границы... Война, товарищи!

Известие это — и для тех, кто уже знал о нем, и для тех, кто услышал впервые, — отзывалось в сердце острой болью.

— Теперь наша задача, — продолжал Жиженков, — состоит в том, чтобы мобилизовать людей, все наши силы для отпора врагу, для победы над ним... А тебе, Илья Павлович, — обратился он к Кожару, — конкретное поручение: сядь за передовую для «Гомельской правды». Вложи в нее всю страсть любви к Родине-матери, к партии коммунистов, всю силу ненависти к фашизму.

...Двери в обком партии не закрывались ни днем ни ночью. Кожар, как и другие члены бюро, оказывал помощь партийным организациям в формировании истребительных отрядов и народного ополчения, в организации охраны учреждений, предприятий, транспорта и узлов связи, в развертывании госпиталей.

В июле в обкоме партии пришла директива ЦК КП(б)Б о создании подпольных организаций и партизанских отрядов в случае оккупации области фашистскими войсками.

— Что будем делать? — посоветовался Жиженков с Кожаром.

— Думаю, надо ехать в районы, — ответил Илья Павлович.

— Правильно. Борьбу против оккупантов должны возглавить коммунисты. А кому за что конкретно отвечать — решайте на месте.

Вопросов возникало множество. Где организовывать партизанские базы? Кто будет возглавлять подпольные райкомы партии и комсомола, партизанские отряды? Где лучше находиться руководителям подполья и партизанского движения —

на конспиративных квартирах или в партизанских отрядах? Как сохранить конспирацию?

Огненный вал фронта все ближе подступал к Гомелю. На восток уходили эшелоны с эвакуированными, с промышленным оборудованием, сырьем.

Проводил свою семью и Кожар.

На вокзале, прижавшись к мужу, Евдокия Ивановна заплакала: «Уходи на фронт. Не оставайся в немецком тылу. Тебя здесь все знают. О какой конспирации может идти речь?»

Илья Павлович, как мог, успокоил жену:

— Не волнуйся, родная. Куда пошлет партия — там и повоюем. Знай одно: все будет в порядке.

Илье Павловичу уже было ясно, что воевать ему с немцами придется не на фронте, а на оккупированной ими территории. Это вскоре подтвердил и Жиженков:

— Где вам дислоцироваться, как действовать — совета дать не могу, — задумчиво говорил он. — Будете руководствоваться конкретной обстановкой. В северных районах области все, кто должен остаться в тылу врага, уже ушли в лес. Не сегодня-завтра уйдут туда кошелевские, уваровичские, ветковские и добрушские товарищи. Пока не ясна обстановка в Жлобинском и Стрешинском районах. — Флавиан Васильевич помолчал немного, а потом вдруг добавил: — Думаю, вам с Куцаком, двум секретарям обкома партии, нецелесообразно находиться вместе, в одном отряде. Для пользы дела будет лучше, если пойдете в разные стороны: вы, Илья Павлович, — на юг, в Лоев, где в свое время секретарствовали, а Куцак в составе отряда «Большевик» — в северные районы: если что случится с одним — останется другой.

Расчетливая трезвость первого не понравилась Кожару:

— А я, Флавиан Васильевич, — пошутил он, — погибать не собираюсь.

— И правильно, — уже мягче ответил Жиженков. — Встретимся обязательно... после победы. Советую и с комсомольскими секретарями так же поступить: одного с собой забрать, другого с Куцаком оставить.

Кожар под Лоев отправился с Аркадием Рудаком. Ему нравился этот подвижный, энергичный молодой человек. Был он находчив и смел, во время организации комсомольского подполья в Гомеле и области действовал осмотрительно: самые ответственные задания доверял только тем, на кого мог положиться.

Невероятно тяжелой была первая военная осень. Не хва-

тало оружия, боеприпасов, да и тактика партизанской войны еще только вырабатывалась. Ограничивались пока тем, что устраивали засады, сжигали мосты, уничтожали волостные управы.

Одну из первых боевых операций возглавил сам Кожар. С группой в 12 человек он направился к шоссейной дороге Гомель — Чернигов.

— Открывает огонь Шакарашвили, — распорядился Илья Павлович. — Вслед за пулеметчиком — все.

На дороге показалась легковая машина, она уже поравнялась с засадой, а пулемет молчал.

— Огонь! — крикнул Кожар.

Случилось непредвиденное — осечка! Хорошо, что пулеметчик не растерялся и, выбросив испорченный патрон, вновь нажал на спусковой крючок.

Немцы не успели даже высокочить. Кроме шоффера были убиты два обер-лейтенанта. Партизаны захватили оружие и документы штаба кавалерийского полка СС.

Этот полк базировался в Речице. Эсэсовцы жестоко расправлялись с мирным населением. Коммунистов, советских работников расстреливали без суда и следствия. За связь с партизанами тоже карали смертной казнью. И все равно местные жители помогали партизанам продовольствием, проились в отряд.

— Слушай, Аркадий, — обратился однажды Кожар к Рудаку. — Пойдем-ка, поговорим наедине.

Они отошли от лагеря, уселись на сломанное бурей дерево.

— Да, брат, тяжелое время наступает, скоро зима, — вздохнул Илья Павлович. — Осталось много нерешенных задач. Зимние условия привяжут к лагерю, ограничат возможность маневрировать. Стоит ли принимать теперь людей в отряд? Главная задача, мне думается, в том, чтобы в эту первую зиму сохранить ядро партизанских отрядов, создать резервы для их пополнения.

— Вы правы, Илья Павлович, — согласился комсомольский секретарь. — Думаю, население нас не подведет. Связные в каждом хуторе есть. Побольше бы таких, как Федор Иванович Чучвага.

Колхозник Чучвага из поселка Подречицкое добывал партизанам ценные сведения. Он был знаком с бургомистром Лельчицкого района. Время от времени Федор Иванович навещал немецкого прихвостня и задабривал: привозил ему рыбешку, самогон, до которого тот был большим охотником. За стаканом самогона бургомистр выбалтывал планы немцев.

И... каратели, бывало, приходили в покинутый партизанами лагерь...

Потерпев несколько неудач, немцы заподозрили что-то неладное и стали осторожнее, перестали раскрывать свои замыслы даже перед районными властями.

3 февраля 1942 года жители Шаршиловки сообщили Рудаку, что в Лоев прибыла немецкая часть. Солдаты в разговор с населением не вступают, районная управа занята сбором подвод. Видимо, готовятся выступить против партизан.

Аркадий поспешил вернуться в отряд.

— Уходить поздно,— рассудил Кожар.— Надо, я думаю, принимать бой здесь.

Партизаны по тревоге заняли вырытые в снегу, обложеные поленьями и замаскированные ветками окопы. Когда гитлеровцы приблизились к лагерю, их встретил дружный ружейно-пулеметный огонь. Немцы отступили, а затем вернулись в Лоев.

Стояли сильные морозы. Обжитые землянки и шалаша оставлять не хотелось. Но Кожар настоял на том, чтобы уйти в Судковский лесной массив. Это было правильное и вовремя принятое решение. Когда через две недели партизаны вернулись назад, они увидели разгромленный лагерь. Враги побывали здесь. Оставаться на рассекреченном месте было нельзя.

— Давайте-ка новое жилье соорудим по соседству со старым,— посоветовал Илья Павлович командиру отряда Синякову.

Так и поступили. В молодом сосняке построили новые шалаша. Перебирались, приняв все меры предосторожности: сначала след в след вышли цепочкой на болото, где не было снега, через три километра сделали ложный след в противоположную от лагеря сторону, а уж потом направились на новое местожительство.

В начале марта каратели вновь заняли все деревни и поселки вокруг лагеря партизан.

Кожар собрал командный состав, предложил, чтобы днем в шалаши никто не оставался. Все должны находиться в своих секторах обороны и вести наблюдение. Партизанам были сообщены пути возможных отходов, место сбора. Каждый получил в неприкосновенный запас по куску мороженого мяса.

Совет Кожара оказался правильным. Враги, побывав еще раз в старом лагере, не стали прочесывать весь лес, но блокировали его еще две недели. Благодаря умелым тактиче-

ским действиям партизаны сохранили свои силы и смогли подготовиться к весенним боям с противником.

В мае 1942 года разведчики доложили Кожару, что в соседнем лесу, возле поселка Михайловское, появились вооруженные люди и ищут местных партизан.

«Может быть, кто-то из наших, из гомельских, объявился?» — подумал Илья Павлович и послал Рудака с группой разведчиков на встречу с неизвестными. Аркадий вернулся с секретарем Гомельского горкома комсомола Сашей Исаченко:

— Принимайте посланца из «Большевика».

Кожар обрадовался этой встрече несказанно.

— Ну, комсомолия, ведите меня скорее к своему начальству.

С гомельским отрядом «Большевик», которым руководил бывший директор авторемонтного завода И. С. Федосеенко, в южную часть области прибыли секретари Гомельского горкома партии Е. И. Барыкин и С. Ф. Антонов, секретари городских райкомов партии А. М. Болховитин, С. И. Касьянов, В. В. Юдин. А на севере области, в Чечерских лесах, остался для руководства подпольными райкомами партии и партизанскими отрядами секретарь обкома партии А. А. Кузак.

— Дела на севере идут неплохо, — рассказывал Барыкин Кожару. — Кроме Чечерского организован Кормянский партизанский отряд. Оба ведут успешные боевые действия.

Особый разговор состоялся о гомельском городском подполье. Илья Павлович знал, что в Гомеле действует группа Тимофея Степановича Бородина, которому удалось устроиться мастером на фабрику «Полеспечать».

— Как он там, что о нем слышно?

— О действиях его группы известно далеко, — ответил Барыкин и подробно рассказал Кожару о боевой деятельности гомельских подпольщиков.

— Ты, Емельян Игнатьевич, разузнай, что сейчас делается в городе, — попросил Барыкина секретарь обкома.

Новости оказались трагическими. В подпольную группу проник провокатор. Погибли руководители гомельского подполья: Бородин, Шилов, Тимофеенко.

Кожар и Барыкин долго сидели молча, подбрасывая сухие сучья в костер. Языки пламени освещали медные стволы сосен.

— Самое страшное, что гибнут и дети, — задумчиво произнес Барыкин. — Помнишь лесничего Карпова со Щекотовской дачи? Сыновей его, подростков Славу и Володю, немцы тоже расстреляли.

— Детей-то за что?

— Собирали оружие в лесу...

Тяжело переживал Кожар гибель каждого человека. Но он не переставал восхищаться стойкостью советских людей, их бесстрашием.

Близилась первая годовщина пребывания во вражеском тылу, а связь с Большой землей все еще не была налажена. Это тревожило Кожара.

Помощь из-за линии фронта пришла неожиданно. Партизаны из отряда «Большевик» встретились с группой военных десантников, которую возглавлял лейтенант Тульчинский. У них было около 100 килограммов тола, мины. Каждый из 12 десантников хорошо вооружен, а главное, превосходно подготовлен для диверсионной работы. Они имели задание штаба Западного фронта подрывать вражеские железнодорожные коммуникации.

Кожар поспешил на встречу.

— Вы можете оказать нам неоценимую помощь, связав нас с Москвой, — сказал он командиру группы.

Но радио у Тульчинского не было.

Илья Павлович расстроился.

— Что ж, раз так, — проговорил он, — тогда помогите нам подготовить минеров. Мы в свою очередь поможем вам быстрее выполнить ваше задание.

Тульчинский согласился.

Партизаны прошли курс обучения и стали искусными подрывниками.

Первым вызвался отправиться на «железку» Барыкин.

Поход оказался удачным, гитлеровцы недосчитались воинского эшелона. С легкой руки Барыкина на «железку» вышли С. Ф. Антонов, А. М. Болховитин и С. И. Касьянов. Под откос был спущен еще один вражеский эшелон.

Вслед за коммунистами подрывниками стали и многие комсомольцы. Их возглавил всегда веселый и общительный секретарь подпольного горкома комсомола Саша Исаченко. Он был бесстрашным человеком. После одной удачной диверсии Саша провел вторую, затем третью.

Но случилось непредвиденное: Исаченко трагически погиб при выплавке тола.

Его смерть тяжело переживали все. Кожар собрал командиров и комиссаров отрядов.

— Подрывать немецкие эшелоны мы будем и впредь. И тол придется выплавлять. Но объясните людям, что делать это надо с величайшей осторожностью. У нас каждый человек на счету.

Оставшись наедине с секретарем подпольного обкома комсомола, Кожар добавил:

— Поубавь прыти у своих ребят, Аркадий. Успехи надо добывать не любой ценой. Береги людей.

«Береги людей». Он не уставал повторять это каждый раз, когда узнавал о чьей-нибудь гибели.

Но себя-то не очень берег. Нет-нет да и разрешал «вольность»: то уходил на связь с другими партизанскими отрядами, то сам возглавлял боевую операцию.

Как-то разведчики доложили, что на баржах, буксируемых катерами, немцы перевозят по Сожу из глубинок Полесья продукты, отобранные у местного населения. Эх, хорошо бы добыть эти продукты, устроив засаду. Сообщая об этом Кожару, командир отряда «За Родину» Синяков посоветовал, что много партизан из его отряда ушло на очередное задание, и людей для такой операции явно не хватает.

— А мы попросим, чтобы из «Большевика» взвод дали. Как, Илья Степанович, не откажешь? — обратился Илья Павлович к Федосеенко. — А сводный отряд я возглавлю сам.

Аркадий Рудак через лоевских товарищев уточнил время прибытия транспорта. Место для засады выбрали такое, где фарватер был нешироким и лес близко подходил к реке.

Ждали долго, а транспорта все не было.

Наконец на другой день показался катер. Он с трудом тащил против течения большую баржу.

— Без команды не стрелять! — приказал Кожар.

Когда транспорт поравнялся с засадой, Илья Павлович передал по цепи: «Открыть огонь по капитанской рубке!» Залп был дружным. Неуправляемую баржу вынесло течением к берегу. Трофеи захватили богатые: шесть бочек масла, 70 тысяч штук яиц, 100 тонн картофеля. Катер партизаны утопили, баржу сожгли.

Эти и другие успешно проведенные операции показали Кожару, Барыкину и другим партийным руководителям, что давно настало время объединить отряды. Это диктовалось и тревожной обстановкой. Связные и подпольщики сообщили о готовящейся новой, на этот раз летней, карательной экспедиции немцев. Гитлеровцы перекрывали дороги, подтягивали свежие части, чтобы блокировать междуречье.

В который уж раз расстипал Кожар на столе карту. Треугольник, образуемый впадением Сожа в Днепр в районе Лоева, был своеобразным мешком. На восточном берегу Сожа — шоссейная и железная дорога Гомель — Чернигов. Западный берег Днепра — безлесный, вдоль него множество

населенных пунктов. На севере треугольник перерезан шоссейной и железной дорогами Гомель — Речица. Зимой можно было бы выскользнуть из «мешка» по льду, летом такая возможность исключалась. Блокада грозила полным уничтожением.

Секретарь обкома пригласил к себе членов бюро, командиров и комиссаров отрядов, высказал свои соображения и предложил перебазироваться в Омельковские леса под Хойники.

— Правда, мы отдаляемся от Гомеля, — с сожалением добавил он, — но не отдавать же себя на съедение гитлеровцам.

Первыми ушли за Днепр, в разведку, Кожар и Рудак.

Переправлял их через реку все тот же связной из поселка Подречицкое Ф. И. Чучвага. Аккуратно оттолкнув лодку от берега, он тихо начал гребти веслами.

— Осторожность никогда не помешает, — сказал, будто оправдываясь.

— А вам, Федор Иванович, не только нас перевозить придется, — заметил Кожар. — Друзей у нас много... Не побоитесь?

— А я не из пугливых, Илья Павлович, — спокойно ответил лодочник.

На западном берегу, в условленном месте, Кожара ждал со своими людьми секретарь Лоевского райкома партии Н. И. Анищенко.

— День проведем в Судковской даче, — предложил Николай Иванович, — а потом тронемся дальше на запад.

Лес возле деревни Буда-Петрицкая сливался с полесскими лесами. Лучших мест для партизанских баз и не придумаешь: в случае окружения какой-то части массива оставался простор для маневра.

Вслед за Кожаром сюда перебазировались партизаны отряда «Большевик», лоевского отряда «За Родину», десантники Бориса Тульчинского, группа гомельского сельского отряда. Вскоре прибыл и речицкий отряд имени Ворошилова.

А части 221-й охранной дивизии противника начали блокаду треугольника.

— Вовремя ушли мы оттуда, перехитрили немцев, — улыбнулся Кожар. — Вовремя! — он погладил ладонью ежик коротко стриженных волос, будто похвалил сам себя за находчивость и смекалку.

Внешне неторопливый, даже медлительный, Илья Павлович обладал гибким умом, а война как бы разбудила в нем дремавшие дотоле способности. Не имевший военного обра-

зования, никогда не служивший в армии, он теперь овладевает партизанской тактикой. Командиры отрядов оценили это и выполняли все его распоряжения.

Не возражали они и теперь, когда, прибыв на новое место дислокации, Кожар предложил создать сводную колонну из трех отрядов и провести рейд по разгрому нескольких гитлеровских гарнизонов. Рейд оказался удачным. Партизаны за короткое время уничтожили опорные пункты оккупантов в Борщевке, Ручеевке, в Узноже.

В конце октября 1942 года, израсходовав весь тол и мины, группа десантников Бориса Тульчинского ушла за линию фронта, а 1 ноября у деревни Белый Колодец Лоевского района приземлилась новая группа Виктора Шитмана. Ей поручалось продолжить диверсионную работу на железнодорожных путях. Группа имела рацию.

— Наконец-то, — обрадовался Илья Павлович. — Теперь не будем считать, сколько патронов на винтовку осталось. Связь с Большой землей установим.

В середине ноября из Центрального штаба партизанского движения от П. К. Пономаренко пришла радиограмма. Он просил сообщить, есть ли возможность подобрать место для выброски груза на парашютах.

Той же осенью на базе партизанского отряда «Большевик» было создано партизанское соединение. Кожар стал его командиром.

Зимний лагерь Гомельского соединения состоял из сотни землянок, окруженных глубокой траншееей. Его охраняли дозоры и заставы. Отсюда боевые группы уходили в дальние и ближние рейды. Были разгромлены вражеские гарнизоны в Холмече, Заспе, Макановичах.

23 ноября радисты приняли сообщение о переходе наших войск в контрнаступление под Сталинградом, об окружении трехсоттысячной группировки немецких войск.

Радости не было границ. Люди шутили, пели, целовались.

— Ну, теперь, хлопцы, наступил и на нашей улице праздник! — вместе со всеми ликовал Кожар. На заседании подпольного обкома партии он предложил всем коммунистам и комсомольцам постоянно сообщать населению деревень об успехах на фронте и призывать его к активной борьбе с фашистскими захватчиками. После возвращения с задания обязательно информировать командиров и комиссаров, кто и где выступил, какие вопросы волнуют людей.

В конце января 1943 года разведчики доложили Кожару, что фашисты заняли все населенные пункты вокруг Омельковских лесов. Партизан обстреливала вражеская артилле-

рия. В небе постоянно висели самолеты-разведчики — корректировали огонь, бомбили лес.

«Что предпринять? — думал Илья Павлович. — Положение критическое. Боеприпасов не больше чем на полчаса интенсивного боя. А в отряде полсотни раненых, многие из них не могут передвигаться».

— Уходить уже поздно, — высказал свое мнение командир отряда «За Родину» Синяков. — Гитлеровцы в любую минуту могут начать наступление. А здесь, в укрепленном лагере, мы сможем обороняться. Уложим сотню-другую, а потом пойдем на прорыв.

Мнения собравшихся разделились. Илья Павлович внимательно взвешивал все «за» и «против». В душе он был согласен с теми, кто предлагал немедленно перебазироваться, чтобы спасти людей. Но, возможно, Синяков прав... Возможно, уже поздно...

По указанию Кожара все подступы к лагерю были заминированы. Немецкая разведка не один раз пыталась продвинуться в лес, но, напоровшись на мины, возвращалась обратно. Озадаченный противник что-то выжидал.

«Хорошо бы узнать замысел немцев, — размышлял Кожар. — Нужен язык».

Разведчики ушли на задание и вскоре привели пленного словаца. Им оказался ветеринарный врач Ладислав Дында. Он рассказал все, что знал: наступление намечено на завтра или на послезавтра, не позже. Надо было, не теряя времени, уходить с обжитой зимней базы.

Кожар распорядился отпустить пленного. Но тот, видимо, не поверил.

— Не бойтесь, — успокоил его Кожар. — Хоть вы и состоите на службе у фашистов, врагом своим мы вас не считаем и стрелять в спину не станем.

— Нет, вы меня не поняли, — в свою очередь сказал Дында. — Словаки не хотят воевать против русских. Прошу принять меня в партизаны.

Морозной январской ночью партизанский лагерь под Омельковщиной опустел. Шли лесными дорогами, минуя населенные пункты. Шли по целине, по бездорожью, а специально оставленные боевые группы тревожили гитлеровцев то на одной, то на другой вражеской заставе, сбивая их с толку.

4 февраля 1943 года, разгромив на пути несколько гитлеровских гарнизонов, Гомельское соединение прибыло в Октябрьский район.

Илья Павлович Кожар в тот же день уехал в штаб мин-

ских партизан. К исходу дня в деревне Сосновка собралось все партийное руководство Гомельской области. Здесь же присутствовали уполномоченные ЦК КП(б)Б М. В. Зиминин и К. Т. Мазуров. Был обсужден план дальнейших действий.

А вскоре самолет доставил из Москвы письмо от П. К. Пономаренко, датированное 5 февраля 1943 года. В нем сообщалось, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии утвердил И. П. Кожара своим уполномоченным по руководству партизанским движением в Гомельской области. «Вам надо, конечно, возвращаться в свою область,— писал Пономаренко.— Никто, кроме Вас, там работать не будет».

...Штаб соединения обосновался в северо-западной части Речицкого района. Выполняя указания ЦК КП(б)Б и Центрального штаба партизанского движения, И. П. Кожар занялся передислокацией партизанских отрядов. Формировались и направлялись в свои районы новые отряды. Они готовились к усиленным летним операциям на коммуникациях врага.

С самолетов партизанам сбрасывались не только оружие и боеприпасы, но и газеты, листовки со сводками Совинформбюро. Распространялись среди населения и партизанские листовки, написанные от руки или отпечатанные на пишущей машинке. Но не хватало бумаги. «Запасы ее,— писал в те дни И. П. Кожар секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко,— давно исчерпаны, а фрицы сами часто пишут на обоях, так что и от них бумагой не очень разживешься».

Илья Павлович Кожар знал, что печатное слово может разить так же, как оружие. Он мечтал о выпуске в тылу врага «Гомельской правды». Просил прислать наборные шрифты, печатный станок. Эту просьбу Москва выполнила. Но кого назначить редактором? В одном из отрядов рядом с бойцом воевал Николай Ильич Пахомов. Перед войной он работал в редакции полесской областной газеты, потом редактором меховской районной газеты в Витебской области.

— Возьмись-ка ты, хлопче, за это дело,— предложил ему Илья Павлович.— Обещаю всяческую помощь.

1 мая 1943 года вышел первый номер подпольной «Гомельской правды».

— Небольшой листок, всего восьмушка формата «Правды»,— радовался Кожар,— а сколько в нем силы!

«Кто любит свою Родину, свободу и независимость,— говорилось в передовой статье «Праздник международной со-

лидарности трудящихся», написанной Кожаром,— кто любит свою мать, детей, кто жалеет свое имущество и не желает, чтобы оно было уничтожено фашистами, поднимайтесь на священную борьбу с гитлеровской бандой. Кто не хочет бесполезно погибнуть, бери оружие и бей немцев. Смерть немецким оккупантам!»

«Гомельская правда» выходила раз в неделю, по воскресеньям. Но в походной типографии печаталось еще шесть районных газет. Получалось так, что в соединении ежедневно издавалась газета. Кроме того, печатались листовки-обращения подпольного обкома партии и обкома комсомола к населению.

В партизанских газетах и листовках сообщалось о подвигах разведчиков, подрывников, пулеметчиков, связных. «Выше знамя партизанской борьбы! — призывала газета. — Еще больше активизируем боевую готовность каждого отряда, каждой боевой единицы, группы. За честь отряда, за боевую славу партизанскую!»

И. П. Кожар писал в Москву: «Дела наши идут в гору. Растет сила партизанская, а вместе с ней и наши боевые дела. Каждый месяц число партизан удваивается. Теперь в южной зоне 12 отрядов — 3800 человек...»

Но командир соединения понимал, что сила партизан не только в их количестве, но и в методах борьбы. Главное состояло в организации диверсионной работы на железных дорогах. И в этом деле должна помочь газета.

Как-то утром Илья Павлович встретился с Пахомовым возле штабной землянки. Пошли по лесной тропинке.

— Знаешь, Николай Ильич, посвяти-ка передовую статью боевым действиям партизан на коммуникациях врага. Нет сейчас более важной задачи. Ведь для того чтобы уничтожить батальон фашистов или колонну танков на фронте, Красной Армии нужно противопоставить столько же живой силы, техники, израсходовать большое количество боеприпасов. А мы можем уничтожить эту живую силу и технику врага действиями небольшой группы смельчаков, которая подорвет вражеский эшелон.

Передовая статья следующего номера газеты называлась «Крепче удар по вражеским коммуникациям».

«На дорогах Калиновичи — Гомель, — докладывал Кожар в Москву, — образовались настоящие кладбища из обломков паровозов, вагонов, платформ, танков, автомашин... Не слезаем также с дорог Гомель — Брянск — Бахмач, Гомель — Чернигов. На всех пяти дорогах немцы отказались от движения поездов ночью».

10 июня разведчики доложили Кожару, что в Речицу прибыло 1800 солдат и офицеров, на станцию Демехи — 300, в Бабичи — 800 и в Василевичи — 2800. Они располагали семью танками, девятью бронемашинами и двумя артиллерийскими батареями.

«Откуда враги готовят главный удар?» — спрашивал себя Илья Павлович.

Вскоре противник сам стал приоткрывать свои замыслы. Утром 12 июня фашисты на мотоциклах и автомашине появились в деревне Буда-Шибенка. Партизанская застава обратила их в бегство. Потом противник сделал несколько вылазок со стороны Речицы.

«Почему гитлеровцы при первом же столкновении отходят? Не хотят ли они связать нас боем в направлении Речицы, а тем временем со стороны Василевичей ударить в тыл, прижать к Березине и Днепру и там завершить разгром?» — строил догадки Илья Павлович.

В штабе соединения созвали совещание. Некоторые командиры предлагали снова уйти на запад. Но Кожар не согласился.

— Если нам навязнут бой, то будем его вести северо-западнее деревни Узноож, — приказал он. — Всем сняться и двигаться в этом направлении. Отряды расположить так, чтобы они прикрывали друг друга с флангов. Дороги, по которым возможно продвижение карателей, заминировать.

Рано утром пять десятков вражеских автомашин въехали в Узноож. Приняв боевой порядок, они двинулись к опушке леса. Партизаны подпустили гитлеровцев поближе и обрушили на них ливень свинца. Не ожидая такой встречи, они, кто бегом, кто ползком, бросились наутек.

Потом была вторая, третья, четвертая атаки. Партизаны отбили все эти попытки противника овладеть опушкой, а потом, когда враги все же ворвались в лес, выбили их оттуда. Ничего не получилось у фашистов и с планом ударить в тыл партизанам со стороны Осова.

Бой длился восемь часов. Вечером из штаба соединения поступил приказ отходить. Оставив прикрытие, партизаны ночью покинули свои позиции. Противник попытался преследовать их, но тут хлынул сильный дождь. Дороги развезло, и машины гитлеровцев застряли в грязи.

Партизаны вернулись назад. Подводя итоги этого боя, Кожар сообщил в Москву, что противник потерял до 300 солдат и офицеров убитыми и ранеными. Люто мстили гитлеровцы за свои неудачи. Звериные злобы каратели выменивали

на мирном населении. Они сожгли деревни Гарновку, Осов, Хутор, Шупейки, Шелковичи, Буду-Шибенку, Горваль, Святое, Сведское — всего 45 населенных пунктов. Тех, кто не успел скрыться в лесу, истребляли в огне пожаров, расстреливали из пулеметов, автоматов, взрывали колодцы, бросали туда детей.

Летом 1943 года сражение на стальных магистралях приняло новый размах. В ночь на 3 августа партизаны всей Белоруссии вышли на подрыв железнодорожных путей. Активное участие в «рельсовой войне» приняло и соединение И. П. Кожара. «Большой концерт» на железных дорогах повторился в сентябре. Это был мощный удар, который оказал огромную помощь Красной Армии.

Когда оккупантам ценою больших усилий и потерь удалось восстановить одноколейные пути, взрывы на них не прекращались ни днем ни ночью. Командиру соединения каждый день поступали боевые донесения:

«16.07.43 г. подрывной группой под старшинством т. Храмцова в 20.00 на перегоне Красный Берег — Жлобин подорван эшелон. Уничтожено: паровоз и 8 вагонов, из которых 3 — с живой силой, 4 — с боеприпасами и 1 платформа с автомашинами...

23.09.43 г. в 14.00 подрывная группа отряда № 116, возглавляемая Борисом Воликовым, на перегоне Красный Берег — Жлобин спустила под откос 2 воинских эшелона противника с живой силой (части СС), шедших на фронт. Эшелоны двигались один за другим. Когда взорвался первый, второй не успел затормозить и тоже пошел под откос... Убито 350 немецких солдат и офицеров. Движение задержано на 36 часов».

Получая эти донесения, Кожар гордился своими товарищами: все ощущимее становилась помошь партизан фронту. Ему и самому хотелось принять участие в диверсии на железной дороге, но приковал к постели жестокий радикулит — давали о себе знать почеки под открытым небом, на снегу, болотная сырость землянок.

В теплый сентябрьский день Илья Павлович выбрался на солнышко. Стоял у сосны, опираясь на самодельные костыли, думал о том, что вот скоро придет Красная Армия и надо будет приниматься за восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

— Илья Павлович, поздравляю! — вдруг услышал он голос спешившего на поляну чуть не бегом редактора газеты Пахомова. — Вам присвоено звание генерал-майора.

— Шутишь!

— Какие шутки,— возразил Пахомов.— Вчера вечером я был в бригаде имени Чапаева, слушал по радио последние известия. Так и передали: «За успехи в руководстве партизанским движением».

Илья Павлович недоверчиво глянул на Николая, потом на свою изрядно поношенную стеганую фуфайку, на старые брюки, на большие стоптанные сапоги. Вытер вспотевший вдруг лоб. Снял с головы помятый картуз, повертел его в руках, усмехнулся:

— Ну какой я генерал?

— Самый настоящий,— успокоил редактор.— Вот сошьют вам генеральскую форму, и, как говорится, будет полный порядок...

Близился час освобождения. Илья Павлович все чаще думал о будущих мирных днях. Многие деревни сожжены до тла, население уничтожено. Но он верил в неиссякаемый родник народной силы, знал, что страна поможет поднять из руин города и села, обязательно поможет...

После соединения партизан с частями Советской Армии И. П. Кожара вызвали в Москву для отчета. Он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Здесь ему были вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

«Эта величайшая оценка,— писал он жене,— наполнила меня таким потоком чувств и переживаний, от которых не так скоро приду в себя... Излишне писать (ибо это вытекает не столько от разума, а от сердца) о моей готовности отдать все — всю мою жизнь, все мои силы, все, что я имею, нашей великой Родине... Гале и Игорю скажи, что от них требуется такая учеба и такое поведение в среде товарищней, чтобы отец за них не краснел. Носа не задирать и не хвастать, не рассчитывать на скидки...»

...Наш рассказ об Илье Павловиче Кожаре будет неполным, если не скажем, что, вернувшись в Гомель, он работал вторым секретарем обкома партии, руководил лекторской группой ЦК КПБ, был ректором Минской высшей партийной школы, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета БССР, членом ЦК КПБ, а четыре последних года жизни возглавлял Ревизионную комиссию Компартии Белоруссии.

Всю жизнь без остатка Илья Павлович Кожар отдал делу партии и народа.

В. И. Козлов

СМЫСЛ
ЕГО ЖИЗНИ

Василий Иванович Козлов. В Белоруссии о нем знает и стар и млад. О нем рассказывают легенды.

Ни для кого из нас не кажется удивительным, что крестьянский сын стал генералом, Героем Советского Союза. Для нас, советских людей, не представляется сверхъестественным и то, что сын простого крестьянина стал видным государственным деятелем. Это обычное явление нашей социалистической действительности.

Мне посчастливилось не раз встречаться с Василием Ивановичем Козловым. Встречи эти были настоящими уроками жизни. Ведь бывает же так: поговоришь с человеком, послушаешь его и обогаешься знанием чего-то весьма важного, приобретаешь то, что называется жизненным опытом, чего в тебе самом не хватало.

«Верен до конца» — так назвал Василий Иванович книгу, в которой рассказал о себе.

Читаю и перечитываю ее. Страницы словно дышат тем временем, о котором он пишет. Они наполнены жизнью. В ней животрепещущие раздумья. И словно наяву видишь, чувствуешь неуемную энергию, непреклонную волю и беспредельную преданность делу, которому он служил, — делу партии, делу народа. И понимаешь, в чем видел он смысл своей жизни.

Мой рассказ лишь некоторые свидетельства того, каким человеком был В. И. Козлов, как раскрывался его талант народного вожака в суровой борьбе с фашистскими захватчиками, в напряженном труде для блага людей в дни созидания.

Был обычный день. Но Василию Ивановичу Козлову, в то время второму секретарю Минского обкома партии, он запомнился навсегда.

Это был день, обозначенный на календаре 21 июня 1941-го. Погода стояла прекрасная: не очень жарко и безветренно. С неделю перед этим прошли обильные теплые

дожди. И радовался хлебороб, что колос полноет, наливается, впитывая в себя земную влагу и силу. Радовался и Василий Иванович, обезжаая колхозы и совхозы южных районов области.

Но примешивалось какое-то чувство тревоги, беспокойства. Нет-нет да и ловил себя на мысли, что никак не может сосредоточиться на том, ради чего отправился в эту поездку.

С таким настроением и возвратился к вечеру в Минск. Еще шло бюро — в то время в обкоме нередко заседали допоздна. Козлов информировал членов бюро о том, что видел и слышал в поездке.

Домой приехал ночью. Долго не спалось, мешала все та же необъяснимая тревога, что не давала покоя последнее время. А потом, едва сомкнув глаза, услышал резкий телефонный звонок. В трубке знакомый голос:

— Василий Иванович! Говорит Авхимович, срочно притецкай в ЦК.

Хотел было спросить: «Николай Ефремович, а что случилось?» — но понял, что просто так среди ночи секретарь ЦК Компартии Белоруссии тревожить не будет.

От людей, собравшихся в Центральном Комитете, услышал то, о чем думал и сам, но во что не хотелось верить: «Война...»

Острой болью отозвалось в сердце это известие. Он готов был к борьбе, к самым трудным испытаниям.

Фашистские варвары рвались к Минску. Столица Белоруссии горела от беспрестанных бомбёжек. Василий Иванович был одним из тех, кто организовывал эвакуацию в советский тыл предприятий, людей, помогал налаживать оборону от налетов вражеской авиации, защиту города и населения от гитлеровских десантников и диверсантов.

В подобной ситуации слабый духом может не выдержать, спасовать, растеряться. Он знал это и старался быть хладнокровным, мобилизуя людей на то, чтобы как можно больше отправить на восток станков и оборудования, колхозного и совхозного скота, эвакуировать людей. И коммунистам многое удалось сделать.

Еще когда немецко-фашистские захватчики рвались к Минску, Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии принял ряд решений по борьбе с оккупантами в их тылу на случай, если территория республики будет оставлена Красной Армией.

А 1 июля ЦК КП(б)Б дал директиву партийным, советским и комсомольским организациям о развертывании партизанской войны в тылу врага.

«...Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную ожесточенную борьбу на уничтожение врага.

...В районах и селах создаются подпольные партийные и комсомольские ячейки, главная задача которых — мобилизация народа на беспощадную расправу с врагом. Для этой цели все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются на территории, занятой врагом.

...Задачи партизан: уничтожать всякую связь в тылу врага, взрывать и портить мосты, дороги, поджигать склады горючего и продовольствия, автомашины, самолеты, устраивать крушения поездов. Уничтожать врагов, не давать им покоя ни днем ни ночью... Объединить несколько партизанских отрядов, нападать неожиданно на отряды противника и уничтожать. Особенно важно напасть ночью на аэродромы, сжечь самолеты...

Нельзя ждать ни минуты, начинать действовать сейчас же, быстро и решительно».

По решению ЦК КП(б)Б Василий Иванович становится организатором партизанского движения в тылу врага, первым секретарем Минского подпольного обкома партии. Как пригодился Василию Ивановичу в этой непростой роли его жизненный опыт, знание людей и незаурядные организаторские способности.

Многие из тех, кто был в трудные дни рядом с Козловым, вспоминают, каким непререкаемым авторитетом он пользовался. В его характере, в стиле работы, в манере говорить и слушать было что-то такое, что вызывало к нему уважение. Василий Иванович всегда был внешне спокоен, не словоохотлив, но зато слова его были вескими, убедительными, решения он принимал не сразу, а тщательно взвесив все «за» и «против».

В созданный в соответствии с решением ЦК КП(б)Б от 7 июля 1941 года Минский подпольный обком партии вошли также И. А. Бельский, А. Ф. Брагин, И. Д. Варвашения, Р. Н. Мачульский, А. Г. Бондарь, А. И. Степанова. В таком составе и отправились члены подпольного обкома в зону Любанского, Старобинского, Стародорожского районов.

Шли глухими дорогами, стараясь обойти деревни, расположенные на большаках: здесь в любую минуту можно было нарваться на оккупантов. Люди, с которыми встречались, сообщали самые противоречивые сведения. И только встреча в Октябрьском районе с представителями Полесского обкома партии, секретарем Федором Михайловичем Языковичем не-

сколько прояснила обстановку: в районе организована самооборона и ведутся бои с фашистами. Истребительный батальон под руководством первого секретаря Октябрьского райкома партии Т. П. Бумажкова и заместителя председателя райисполкома Ф. И. Павловского не дает покоя захватчикам...

Начиналась трудная работа по созданию партийно-комсомольского подполья в тылу противника.

С чего начинать, на кого опереться в первую очередь, если основной актив ушел в ряды Красной Армии? Как проводить опаснейшую работу по сколачиванию подполья и первых боевых партизанских групп?

Всей этой науке члены обкома учились упорно и настойчиво. Учились на промахах и ошибках, подчас трагических. Работали самоотверженно, невзирая на опасности, усталость, неустроенность, забывая обо всех невзгодах. Обходя вражеские посты и дозоры, пробирались из деревни в деревню, из района в район, из города в город, встречались с надежными людьми, давали им задания, налаживали связь и явки.

Обком начал действовать на оккупированной территории во второй половине июля 1941 года.

На одном из первых совещаний руководителей обкома партии было решено воссоздать райкомы КП(б)Б. И начать эту работу предполагалось с создания подпольных партийных троек. Надежные люди в некоторых районах были оставлены, но связей с ними не было. В других же местах следовало еще и отыскать коммунистов, по тем или иным причинам оставшихся в тылу. Задача была не из легких.

— Однако, только создав райкомы партии в подполье, — говорил Козлов, — мы обретем силу, а опираясь на них, сумеем развернуть работу должным образом.

По предложению Василия Ивановича было проведено собрание коммунистов Любаничины: в лесу недалеко от городского поселка собралось несколько десятков человек. Сколько было радостных и неожиданных встреч!

Открыть собрание поручили А. С. Луферову, который до войны был председателем Любанского райисполкома.

— Никто не думал, не гадал, — сказал Андрей Степанович, — что нам придется проводить районное партийное собрание на этой глухой поляне... Ну что ж, суровое время настало, суровые условия. Но и в этих условиях, и даже во стократ более тяжелых мы не должны сгибаться. Здесь у нас присутствуют члены подпольного обкома партии. Собралось,

как видите, несколько десятков коммунистов. Я думаю, что в каждом районе соберется не меньше. Значит, мы живем, товарищи, несмотря ни на какие зверства врага, и будем жить! И не только жить будем, но и бороться до последней капли крови!

Луферов на минуту задумался, а потом твердо произнес:

— А теперь, товарищи, прошу показать свои партийные билеты.

Люди задвигались, начали распарывать подкладки, выворачивать шапки.

Андрей Степанович долго не отводил внимательного взгляда от поднятых над головами людей партийных билетов... Но вдруг обратился к молодой темноволосой девушке, которая сидела справа от стола и тоже держала в руке билет.

— Товарищ Кононова, а ты когда успела вступить в партию?

— Это у меня комсомольский билет,— звонко и взволнованно ответила девушка.— Я прошу разрешить мне присутствовать на этом собрании.

Луферов обратился к собранию:

— Как, товарищи, разрешим?

— Конечно, разрешим,— послышались голоса.

— Хорошо, Кононова, оставайся.

Собрание проходило по всем правилам: с избранием президиума, с выступлениями. Разговор шел в основном вокруг речи И. В. Сталина, с которой он выступал 3 июля. Василий Иванович прочел собравшимся эту речь.

Все сходилось на одном: для организации борьбы с оккупантами, развертывания массового партизанского движения необходимо крепкое руководящее ядро. В состав партийной тройки вошли наиболее активные и авторитетные коммунисты — А. С. Луферов, Е. Д. Горбачев, Н. Я. Ермакович. Коммунисту Адаму Майстренко и комсомолке Фене Кононовой было поручено создание подпольных комсомольских групп.

Примерно так же воссоздавалось руководящее районное звено и в других местах. Для этого в соседние районы были посланы члены обкома партии.

— Нам очень важно сейчас,— напутствовал их Василий Иванович,— окрепнуть организационно. Население должно видеть и знать, что борьба в тылу врага не прекращается ни на минуту и что возглавляют ее коммунисты. Это вселит в людей уверенность: к нам придут тысячи бойцов. Тогда враг почувствует силу наших ударов по-настоящему. Не будет ему покоя ни днем ни ночью...

В конце августа обком обосновался на Червонном озере, очень удобном месте для подпольной работы. Озеро находилось на стыке нескольких районов. Отсюда через Любань и Старобин можно было связаться с Минском, Бобруйском, Осиповичами, Слуцком, что значительно облегчало поиск нужных для подполья людей и развертывания партизанской борьбы.

Подполье росло и крепло. Этому значительно способствовало объединение боевых групп с отрядами, в особенности с отрядом В. З. Коржа.

Радостной была встреча Козлова с Василием Захаровичем. Этот мужественный человек обладал богатым опытом партизанской войны. В двадцатые годы он вместе с К. П. Орловским — впоследствии Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда, с будущим Героем Советского Союза С. А. Ваупшасовым и другими находился в Западной Белоруссии и вел подпольную борьбу с белополяками. Козлов знал Коржа по работе в Старобинском районе.

К моменту встречи в лесу у Коржа был довольно многочисленный и хорошо организованный отряд. Созданный в первые дни оккупации, он провел уже несколько боевых операций. И тезкам теперь было о чем потолковать. Они делились опытом, планами.

— Появление Коржа имело большое значение, — вспоминал В. И. Козлов. — У нас были смелые и инициативные партизаны, отважные люди, способные на самые героические дела, но им недоставало командира, имевшего опыт партизанской войны. Таким командиром мог стать Корж. Мы были уверены, что он сумеет придать более широкий размах партизанскому движению.

Как командир самого крупного отряда, Василий Захарович вошел в состав штаба по руководству партизанским движением в Минской и Полесской областях.

Боевая дружба с В. З. Коржем помогала В. И. Козлову овладевать тактикой партизанской войны, становиться настоящим командиром «лесных солдат».

Между тем приближалась 24-я годовщина Октября. Партизанский штаб и обком уже несколько дней разрабатывали план крупных операций в честь славного праздника революции — таково было желание партизан и всего населения.

Зона предполагаемых действий оказалась значительной — намечалось разгромить фашистские гарнизоны в Любани, Копаткевичах, Житковичах, Погосте, Красной Слободе и Копыле. Предусматривалось, кроме того, организовать крупные диверсии в городах.

Козлов с глубоким удовлетворением отмечал, как умело и своевременно действуют подпольщики, с которыми удалось наладить связь, и теперь можно было включить их силы и энергию в готовящуюся крупную операцию.

Первый удар намечалось нанести по любанскому гарнизону.

Операцию назначили на четыре утра 7 ноября. Партизаны действовали точно по детально разработанному плану.

Гитлеровцы, находившиеся в Любани, были внезапно атакованы. Оккупанты пробовали сопротивляться, но налет был таким неожиданным, что фашисты не сумели занять оборону. Бой продолжался около двух часов. Вражеский гарнизон был полностью разгромлен. Отряды захватили оружие, боеприпасы. Продукты и одежду раздали местному населению.

Утром, когда основные силы отошли от Любани и остановились в деревне Редковичи, Козлов получил донесение, что вражеских подкреплений на дорогах не видно. Партизаны ликовали: юбилей Октября они отметили достойно!

Солнце стояло над крышами, когда партизаны покидали деревню. Крестьяне провожали их до околицы. На углах хат, на воротах вывесили красные флаги. Редковичи приветствовали 24-ю годовщину Октября и победу партизан.

Но разгром любанского гарнизона не был в тот день единственной победой партизан. К концу следующего дня на остров начали поступать донесения из других районов. В землянку Козлова явился посыльный от Коржа: его отряд вместе с группой Меркуля при активной помощи колхозников уничтожили три вражеских гарнизона в деревнях Забродье, Червонное озеро и Осово.

Первая партизанская зима выдалась трудная. Но обком партии, несмотря на это, принял решение активизировать удары по врагу, провести рейд. Василий Иванович четко определил суть операции:

— Задачи рейда: разгром вражеских гарнизонов в деревнях и районных центрах, разрушение мостов, складов, нефтебаз, проведение широкой политico-массовой работы среди населения и вовлечение его во всенародную борьбу с врагом.

Никто не сомневался, что население всюду поддержит и обеспечит партизан всем необходимым. В свою очередь и партизаны собирались помочь населению. В гарнизонах было много складов с зерном, продуктами, одеждой — все это намечалось раздать людям. Это еще больше должно было поднять авторитет партизан и укрепить их связь с народом. Расчет был и на то, чтобы пополнить запасы оружия.

Таким образом, выходило: оставаться на зиму в лесу на одном месте — значит рисковать отрядами; идти же в рейд, в смелое и решительное наступление на врага — значит растя, крепнуть, закаляться в боях, расширять связи с населением, воспитывать в народе веру в великую жизненную силу Советской власти, в победу Красной Армии.

Население крепко помогло партизанам. Отряды имели в своем распоряжении около 600 саней и лошадей. Прибавилось и оружия, и людей. Создали крепкие боевые группы, обучили партизан, как незаметно и бесшумно подойти к исходным рубежам и внезапно обрушиться на гитлеровцев. После тщательной подготовки рейд начался.

Первый удар — по гарнизону на станции Постолы. Здесь партизаны уничтожили более 100 гитлеровцев, часть гарнизона сдалась в плен. Были захвачены солидные трофеи — оружие, одежда, зерно. Затем разгромили фашистские гарнизоны в деревне Долгое, в городском поселке Красная Слобода и некоторых других населенных пунктах.

Руководители отрядов, коммунисты и комсомольцы выступали перед населением, рассказывали людям о поражении фашистов под Москвой, раздавали им газеты, листовки. И всюду партизан встречали с радостью. Кренка, значит, партизанская армия, если от нее драпают гитлеровцы. А разгром фашистских орд под Москвой — это уже предвестие победы.

Путь участников рейда проходил не только по Минской, но и по соседним областям, где также был разгромлен не один вражеский гарнизон. Шли партизаны через Несвиж, Городею, мимо Столбцов, по Дзержинскому и Узденскому районам к Грэску. А оттуда разными путями возвращались отряды на свои базы.

Когда было принято решение возвращаться, не все командиры с ним согласились. А почему бы, говорили некоторые, не ударить по слуцкому гарнизону?

— А знаете ли вы, товарищи дорогие, сколько солдат, орудий, минометов и танков в Слуцке? — спрашивал Василий Иванович. — Много, очень много... Такую силищу в открытую нам пока разгромить не под силу. Пусть лучше они сунутся к нам в леса, по частям и разобьем их. А так людей только потеряем.

И все же одну дерзкую операцию секретарь обкома партии и командир соединения разрешил. Отряд, которым командовал Дунаев, незаметно подобрался к лагерю, перебил охрану и освободил большую группу военнопленных — наших солдат и офицеров.

В результате первого рейда, завершившегося в апреле

1942 года, целые районы стали партизанскими, в ряде мест полностью была восстановлена Советская власть.

Встревоженное вражеское командование направило против партизан Минщины дивизию эсэсовцев с танками и артиллерией. Самолеты бомбили поселки и деревни. Однако, когда гитлеровцы двинулись на партизан, они нарвались на засады. Застряли фашистские танки, подбитые связками гранат и подожженные бутылками с горючей смесью. Немало подорвалось их и на минах.

Гитлеровцы неоднократно ходили в атаку. Партизаны подпускали их на близкое расстояние и открывали прицельный огонь. Вражеские цепи залегали, отползали назад, но тут же снова нарвались на хорошо замаскированные засады. Гитлеровцам так и не удалось операция по разгрому партизан.

Во время рейда, а также до и после него партизаны проводили сбор советских денег, облигаций, драгоценностей и отправляли их на Большую землю. Они организовали в деревнях митинги, объяснили, какую помощь можно оказать фронту, и люди приносили все, что у них было. Говорили: «Пусть строятся на эти средства новые самолеты и танки, пусть быстрее возвращается с победой родная Красная Армия».

Добывали партизаны советские деньги, драгоценности и у самих оккупантов, забирая у них то, что по праву принадлежало советским людям. Так, с помощью подпольщиков успешно была проведена операция в Бобруйске, где из банка было изъято около миллиона рублей. Добрались партизаны и до «личной кассы» гебитскомиссара города Слуцка, в которой находились золото и другие драгоценные вещи, награбленные у населения.

Партизаны Минщины собрали более 3 миллионов рублей и облигаций и отправили в Москву, сопроводив письмом.

«Трудящиеся города Минска и Минской области, партизаны и партизанки,— говорилось в этом письме,— следуя благородному почину патриотов нашей Родины, полные жгучей ненависти к врагу и желая как можно скорее прогнать немецких захватчиков с родной земли, собрали на строительство самолетов денег и облигаций на сумму 3 075 827 рублей. Кроме того, собрали золотых монет царской чеканки 2810 рублей, золота бытового — один килограмм, серебра — 10 килограммов. Собранные деньги и ценности доставлены через линию фронта в советский тыл и сданы в Государственный банк. В сборе средств приняли активное участие рабочие, работницы, колхозники, колхозницы и интеллигенция времен-

но оккупированной Минской области. Сбор средств продолжается.

Просим вас дать распоряжение о строительстве на собранные нами средства самолетов для Красной Армии и присвоить им названия «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова».

Партизаны и партизанки города Минска и Минской области заверяют ЦК ВКП(б), что и впредь еще безжалостней и в большем количестве будут уничтожать ненавистных гитлеровских оккупантов до полного их уничтожения и оказывать всяческую помощь нашей доблестной Красной Армии».

В ответ пришла телеграмма:

«Секретарю Минского обкома КП(б) Белоруссии товарищу Козлову:

Передайте трудящимся города Минска и Минской области, партизанам и партизанкам, собравшим 3 075 827 рублей деньгами и облигациями, 2810 рублей золотыми монетами, золотые и серебряные вещи на строительство самолетов «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова», мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН».

О телеграмме быстро узнали в подполье и в партизанских отрядах, в городах и селах Минчины и других областей. Ее отпечатали в виде листовки. И в фонд обороны от населения временно оккупированной Белоруссии поступили еще миллионы рублей.

Размах партизанской войны требовал регулярного и надежного снабжения отрядов. Часть оружия и взрывчатки отбивали у врага. Однако этого явно не хватало. И вот кто-то подал идею: построить аэродром, чтобы можно было регулярно принимать самолеты с грузами с Большой земли — из Москвы. Василий Иванович загорелся этой идеей. Но для аэродрома нужно место. А это не так просто сделать в тылу врага. Выбор пал на островок Зыслав — как раз в центре партизанских баз. Обследовать его пошел почти весь руководящий состав обкома, а также летчик Павел Анисенко, прибывший к партизанам после ранения. Измерили поляну — мала для посадки и взлета транспортных самолетов. Надо раскорчевывать немалую площадь: километра полтора в длину и с километр в ширину. Как же быть? Ведь аэродром нужен, и побыстрее.

Некоторые уже начали сомневаться в успехе задуманного. Василий Иванович предложил побеседовать с жителями

ми деревень, объяснить им задачу и попросить помощи не только для раскорчевки поля и строительства аэродрома, но и для сооружения ложного аэродрома...

Дружно отзывались жители на просьбу партизан. Пришли сотни мужчин, женщин, подростков с подводами, лопатами, ломами. За несколько суток к острову проложили тревлю, по которой доставили транспорт, катки. Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Люди трудились самоотверженно. А партизанские ударные и диверсионные группы громили в это время гарнизоны, не давали оккупантам ни минуты покоя.

Не два месяца, как предполагал Павел Анисенко, а всего немногим более двух недель понадобилось для того, чтобы подготовить аэродромное поле. Его хорошо замаскировали. Построили землянки для обслуживающего персонала, раненых, которых нужно было переправлять за линию фронта.

Неподалеку от острова Зыслав сделали ложный аэродром. По почам там загорались партизанские костры, и фашистские стервятники не раз сбрасывали туда бомбы. А тем временем настоящий партизанский аэродром действовал. Партизаны регулярно получали грузы, а в советский тыл отправляли раненых, ученых, специалистов. Об аэродроме в Зыславе знали партизаны на Украине, в Литве, Латвии. Им несколько месяцев пользовалось партизанское соединение Ковпака.

С этого аэродрома в сентябре 1942 года улетел в Москву и Василий Иванович Козлов: он должен был отчитаться в Центральном штабе партизанского движения.

В столицу В. И. Козлов прибыл не с пустыми руками. Из его докладной в ЦК КП(б)Б, Центральный штаб партизанского движения видно, что партийные директивы о борьбе с врагом в его тылу минские партизаны выполняют успешно.

Подробно рассказав о первых шагах деятельности обкома, Василий Иванович доложил о боях, о полном разгроме фашистского гарнизона в районном центре Любань в ночь на 7 ноября 1941 года, о том первом славном рейде, о создании штаба по организации партизанского движения в борьбе с немецкими оккупантами на юге Минской и севере Полесской областей, о развертывании всенародной войны с врагом в центральных и северных районах Минской области. На 1 сентября 1942 года в этих двух областях насчитывалось 67 партизанских отрядов, объединивших более 10 тысяч человек, вооруженных винтовками, станковыми и ручными пулеметами, пушками и минометами. Партизаны, по неполным данным, уничтожили около 7 тысяч фашистов, совершили 144

крушение, разрушили 95 мостов, пустили под откос 58 эшелонов с техникой и военным имуществом.

Был уже у обкома солидный опыт партийно-политической работы во вражеском тылу. Созданы партийные и комсомольские организации в отрядах, в населенных пунктах Копыльского, Узденского, Стародорожского и других районов. 74 партийные организации объединяли 1973 члена и кандидата в члены партии, 96 комсомольских организаций насчитывали свыше 3 тысяч комсомольцев. Коммунисты и комсомольцы проводили собрания и митинги, выпускали листовки, рассказывали о положении на фронтах, активно вовлекали в борьбу с врагом население.

Дни в Москве были заполнены до отказа. В гостиницу к Василию Ивановичу приходили знакомые и незнакомые. Одни хотели узнать о том, как воюют партизаны, другие спрашивали о родных.

О некоторых подробностях тех дней Василий Иванович рассказал в своих воспоминаниях так:

«В конце беседы товарищ Пономаренко сказал нам, что Центральный Комитет Коммунистической партии ежедневно интересуется борьбой белорусских партизан и что в Кремле состоится встреча руководителей партии и правительства с представителями белорусских партизан.

Под вечер того же дня мы... приехали на прием к товарищу Ворошилову. Теплой и радостной была для нас эта встреча. С глубоким вниманием и интересом слушал Климент Ефремович рассказ о борьбе белорусского народа против гитлеровских захватчиков.

Особенно интересовался Климент Ефремович тактикой партизанской борьбы. Я доложил, как мы воюем теперь и как думаем воевать в дальнейшем. Коротко рассказал о наиболее важных и сложных операциях, проведенных партизанами в Минске и Борисове, о старобинской, октябрьской и любанской операциях, о нашем рейде, а также о боевых действиях в Слуцке, Красной Слободе и в деревне Клинок.

Я привел примеры героизма и самопожертвования трудащихся Белоруссии в борьбе с врагом, рассказал о бессмертных подвигах Фени Кононовой, Евстрата Горбачева и других отважных сынов и дочерей белорусского народа...

Выслушав нас, Климент Ефремович сказал, что белорусский народ всегда был закаленным и героическим народом. Сколько раз ему приходилось преодолевать тяжелые испытания с помощью великого русского народа и совместно с ним отражать нашествия врага! Белорусский народ всегда мужественно боролся за свободу и независимость своей Родины.

В конце беседы Климент Ефремович сердечно поблагодарил нас и сказал:

— Партизаны действительно несокрушимая сила. С помощью партизан Красная Армия и советский народ обязательно выйдут в этой войне победителями.

На следующий день в полдень, когда я собирался идти в штаб партизанского движения, зазвонил телефон. Я снял трубку. У телефона был товарищ Пономаренко. Из беседы я узнал, что Климент Ефремович после нашей встречи говорил с членами Политбюро ЦК ВКП(б). Все они очень интересовались нашими делами, подробно расспрашивали о белорусских партизанах, а потом было высказано пожелание принять меня в Кремле.

Трудно выразить радостное чувство, овладевшее мною. Во вражеском тылу, в тяжелые дни партизанских боев с пре-восходящими силами врага, в дни суровой подпольной работы мы всегда слышали могучий голос родной Коммунистической партии. Это придавало нам силу и уверенность в победе...

Сколько раз, собравшись вместе, мы говорили о том, каким счастьем было бы побывать в Кремле, в Центральном Комитете ВКП(б), рассказать о нашей жизни, борьбе, о безграничной любви народа к славной Коммунистической партии, к нашему Советскому правительству.

Все следующие дни у меня было какое-то особенно приподнятое, радостное настроение. Бесчисленное количество раз я пересматривал свои материалы для доклада. Старался представить себе, о чем будут говорить со мной члены Политбюро. Перед глазами вставали многие дни подполья. То, что порой на месте не замечалось, теперь ярко всплывало в памяти, становилось значительным и интересным.

Спустя несколько дней меня вызвали в Центральный штаб партизанского движения. Пономаренко уже ждал меня.

— Василий Иванович, — сказал он, — члены Политбюро приглашают вас к себе.

Сразу же отправляемся в Кремль. Входим в приемную товарища Сталина... Я вошел в кабинет Генерального секретаря.

Здесь уже были И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев и другие члены Политбюро. Товарищ Ворошилов представил меня и попросил рассказать, как действуют в тылу врага партизаны, как живет и борется белорусский народ.

Я начал докладывать. Члены Политбюро внимательно слушали и время от времени задавали вопросы. Они интересовались всеми деталями партизанского движения и жизни

народа на оккупированной фашистскими захватчиками территории.

Из беседы я вынес, что партизанскому движению придается огромное значение, как одному из важнейших факторов победы над врагом, что необходимо сделать все для того, чтобы партизанская борьба развернулась еще шире.

Говоря об очередных задачах партизанского движения, члены Политбюро отметили исключительную важность воспитания в народе непоколебимой веры в победу. Если у людей будет глубокая вера в несокрушимое могущество нашей державы, в непоколебимость ее политического строя, они не остановятся ни перед какими трудностями и будут творить чудеса. Была высказана мысль, что рядом с боевыми делами необходимо широко развернуть среди населения политическую работу, рассказывать людям правду о положении в Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели оккупантов, что нужно на фактах разоблачать лживую пропаганду, воспитывать в народе ненависть к фашистским захватчикам».

Многое дала эта беседа Козлову. Еще и еще раз переосмыслил он роль партизанского движения на фоне той титанической борьбы, которую вела вся страна против фашистского нашествия. И понял секретарь обкома, что войну в тылу врага необходимо развертывать еще шире, направляя в единое русло народный гнев против поработителей. То, что раньше казалось ему значительным, сейчас определилось в сознании как начало. И нужно наращивать и наращивать удары, чтобы действительно горела земля под ногами оккупантов.

Находясь в Москве, В. И. Козлов принял участие в совещании руководителей партийного подполья и партизанской борьбы. Итоговым документом совещания стал приказ И. В. Сталина «О задачах партизанского движения», напечатанный в изложении в «Правде» 14 ноября 1942 года. В нем глубоко и всесторонне были проанализированы первые итоги всенародной партизанской борьбы, поставлены конкретные задачи.

В Москве Василий Иванович пережил еще одно волнующее событие. Ему была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Он участвовал в Третьем Всеславянском митинге. Его речь от имени партизан Минчины не могла не тронуть присутствовавших. Вот что говорил прославленный командир партизанского соединения, секретарь подпольного обкома партии:

«Братья славяне!

Красная Армия громит гитлеровцев на огромном советско-германском фронте.

Мы, партизаны, должны дополнить эти удары по врагу мощными ударами с тыла. Будем бить и громить озверелые полчища врага до окончательного их разгрома, до полного освобождения всех славянских земель от фашистских кровавых разбойников».

В партизанское соединение Василий Иванович прилетел весной 1943 года. На трех самолетах были доставлены ценные грузы. Первым делом секретарь подпольного обкома вручил партизанам ордена и медали, которыми Президиум Верховного Совета СССР отметил их ратные подвиги.

И люди почувствовали, что о них помнит Москва, что их боевые дела по достоинству оцениваются.

За время отсутствия Козлова соединение провело ряд важных операций. Этим партизаны помогали героическим защитникам Сталинграда, срывали планы врага, отвлекали его силы, выводили из строя коммуникации, транспорт.

Одними из важных задач обкома партии, поставленными перед ним ЦК КП(б)Б, ЦШПД и БШПД, были распространение партийного влияния на северные районы Минской области, организация там всенародной партизанской борьбы, укрепление подполья в городах.

В деятельности Минского обкома партии, возглавляемого В. И. Козловым, особое место занимала политическая работа среди населения. Партизанские агитаторы и пропагандисты рассказывали о том, как трудятся наши люди в советском тылу, куют победу над врагом, доносили до народа слово большевистской правды, разоблачали коварные замыслы гитлеровцев, их «новый порядок», несший грабежи, насилие, рабство.

Еще в первые дни оккупации, налаживая агитацию среди населения, Минский обком партии подобрал специальных людей, которые дежурили у приемников, записывали последние известия. Затем эти записи размножались и рассылались в отряды, в подпольные группы и просто в населенные пункты.

К концу 1942 года радиоприемники были уже почти во всех районах, где активно действовало подполье, во многих партизанских отрядах. Слушали люди Москву, читали перепечатанные сводки Совинформбюро, понимали, какая трудная идет битва с заклятым и сильным врагом. И крепче становились удары партизан по ненавистным гитлеровцам, и все новые сотни и тысячи бойцов вливались в их отряды.

Постепенно в тылу врага налаживался выпуск газет. В Минске вышло несколько номеров газеты «Звязда» — органа подпольного горкома партии. Гитлеровцам удалось настичь на ее след, выявить руководителей Минского подполья. Многие из них были схвачены. Но выход газет продолжался.

С января 1944 года в партизанской зоне стала издаваться газета «Звязда» как орган ЦК КП(б)Б и Минского подпольного обкома партии, а еще раньше, с 1943 года — молодежная газета «Чырвоная змена» — орган ЦК ЛКСМ Белоруссии и Минского обкома комсомола.

Вслед за ними появились «районки». Всего на Минщине издавалось в тылу врага 34 газеты. Это была та пропагандистская и организующая сила, о которой мечтал Козлов. Нужное слово правды, призыв к активным действиям против любой акции врага быстро доходили не только до партизан и подпольщиков, но и почти до всего населения.

Хотя руководство печатью было поручено секретарю обкома Ивану Денисовичу Варвашене, Василий Иванович уделял ей особое внимание. Он помогал добывать бумагу и шрифты, привлекать как можно больше способных людей к работе в газетах. В них все чаще появлялись выступления известных белорусских поэтов, публицистов, карикатуристов, партийных работников, партизан и подпольщиков. В тыл врага все регулярнее стали доставляться «Правда», «Известия», «Комсомольская правда». И это тоже было делом обкома партии. «Правда» попадала в руки партизан на второй-третий день после выхода ее в свет. Специальные «курьеры», пешие и конные, доставляли газеты в нужные места.

Василий Иванович требовал, чтобы каждый коммунист стал агитатором, умел вселять веру в победу. И коммунисты несли в массы призывное слово партии, учили людей борьбе с фашистскими оккупантами. Сам Василий Иванович служил примером. Умел он найти подход к людям.

Как-то проезжали партизаны через деревню Загалье, что на Любанищине. Стояли погожие дни — как раз та пора, когда земледелец должен быть в поле. Остановились в деревне. Василия Ивановича сразу же узнали многие, окружили, стали расспрашивать о событиях на фронте.

Он рассказывал, не утаивая ничего. Трудно Красной Армии, очень трудно, но она сражается и, безусловно, победит врага. Надо только, чтобы каждый советский человек помогал бить фашистов. Крестьяне не догадывались, к чему клонит Козлов. А он вдруг говорит:

— Вы же хлеборобы. Почему никого в поле не видно? Ведь сеять надо, хлеб растить.

— Так мы же не хотим, чтобы фашисту хлеб достался,— зашумели мужики.

— А разве мы говорим, что для оккупантов сеять надо? — сказал, улыбаясь, Василий Иванович. — Надо свою армию, партизанскую, кормить. И ей, и вам хлеб нужен... Сюда оккупанты не придут, мы не пустим их.

И крестьяне выходили в поле. Партизаны помогали им, брались за плуг, добывали у врага семенное зерно. И выращенный хлеб действительно не доставался оккупантам. Если даже им и удавалось где-то ограбить деревню, то партизанские отряды настигали их и отбивали награбленное.

Так набирала силу всенародная партизанская борьба.

16 сентября 1943 года в Минский подпольный обком партии и в штаб партизанского соединения пришла специальная радиограмма из Москвы. В ней сообщалось, что Василию Ивановичу Козлову — секретарю обкома и командиру партизанского соединения — Совет Народных Комиссаров присвоил звание генерал-майора.

Эта весть всех обрадовала. Хотя и до того, как Козлов стал партизанским генералом, он уже был признанным воожаком, умелым организатором, героем-самородком.

Соединение минских партизан, которым руководил генерал Козлов, вело и скоротечные и затяжные бои, были рейды и походы, каждодневные вылазки партизанских подрывных групп на «железку» и большая «рельсовая война». Были радости побед, но случались минуты, когда захватчики, собрав силы, технику, обрушивались на партизан, блокировали все ходы и выходы из лесов, окружали деревни и прочесывали все вокруг.

Один из таких тяжелых дней был и в октябре 1943 года.

Оккупанты начали теснить партизанские бригады. Создалось угрожающее положение для штаба соединения, обкома партии.

— Пусть все уходят, — сказал Василий Иванович, определив место, куда должен был перебазироваться штаб. — А я останусь. Я должен быть вместе с бойцами.

И остался, сам руководил боем. Здесь же были и другие обкомовцы. Их мужество, боевой пример вдохновляли всех бойцов и командиров.

Партизаны выиграли тот бой, разорвали кольцо блокады, которое больше уже не сомкнулось: не хватило духу у захватчиков снова начать крупное наступление.

Василий Иванович и в трудных партизанских буднях быстро сходился с людьми. Было у него немало друзей среди командиров и среди рядовых партизан. И здесь умел он под-

держать человека в трудную минуту, помочь попавшему в беду. Но к трусам и паникерам был беспощаден. Не давал спуску и тому, кто относился к делу с прохладцей, не выполнял то, что ему поручалось. Все это было основой поистине железной дисциплины во всех звеньях партийного подполья, партизанских бригад и отрядов.

— Недисциплинированность, малодушие и неверие в свои силы граничат с изменой, — говорил он не раз, выступая перед бойцами. — Если ты и твой напарник сплоховали на своем посту, в засаде или в бою, — это нож в спину десяткам и сотням наших товарищ, целому отряду, бригаде... Если кто-то не в точности выполнил приказ командира — уже чрезвычайное происшествие, потому что от каждого из нас зависит общее дело. Так должно быть: один за всех, все за одного.

Приближалась 26-я годовщина Октябрьской революции. 6 ноября 1943 года Василий Иванович собрал членов обкома и командиров. Поздравив всех с праздником, Козлов зачитал радиограмму о том, что наши войска освободили столицу Советской Украины — Киев.

Велика была радость собравшихся. Долго не расходились, гадали, когда будет освобожден Минск, а захватчики изгнаны с нашей земли и вообще когда кончится война.

Некоторые предполагали, что скоро Красная Армия сильна, как никогда, и вот-вот может быть освобождена Белоруссия, нужен лишь один решительный удар. Выслушав всех, Василий Иванович заметил:

«Все правильно, товарищи. Сильна наша армия, бьет фашиста как надо. Только для этого вот, как вы говорите, решительного удара нужна солидная подготовка. Враг еще не только огрызается, но и дерется с упорством обреченного. И нам с вами многое еще надо сделать, чтобы приблизить освобождение Белоруссии и победу. У нас впереди немало трудностей, боев и походов. И надо быть готовыми, чтобы пройти через них».

И действительно, трудных боев и испытаний впереди было еще много.

В начале освобождения Белоруссии минские партизаны активно участвовали во втором этапе «рельсовой войны», который начался 19 сентября 1943 года под названием «Концерт», а с июня 1944 года — во время Белорусской операции — в третьем. Штаб гитлеровской группы армий «Центр» отмечал: «...начало разгрома армий «Центр» было положено действиями 240 тысяч партизан Белоруссии, которые за одну ночь (с 19 на 20 июня) взорвали железную дорогу в 10,5 тысячи мест и прервали всю транспортную систему».

Дни освобождения Белоруссии приближались. Василий Иванович готовился к мирному труду. И снова главной его заботой были кадры. Он понимал, что значительная часть коммунистов и бойцов подполья, основная масса партизан волются в ряды Красной Армии, чтобы продолжать сражаться с врагом. Но знал секретарь обкома партии и то, что для восстановления разрушенного оккупантами народного хозяйства области и республики нужны хорошие организаторы-партийцы. И он делал все, чтобы заранее сколотить ядро из таких людей, которым было бы под силу возродить жизнь на руинах и пепелищах.

Жарким июльским днем партизаны Миницины вместе с частями Советской Армии вступили в столицу республики. Еще вчера они участвовали в боях за свой родной Минск, помогая войскам громить оккупантов, пытавшихся вырваться из «котла».

Города, по существу, не было. Лишь кое-где среди дымящихся развалин, словно островки, виднелись дома, которые уцелели благодаря саперам, что ворвались в Минск вместе с передовыми частями и разминировали готовые вот-вот взлететь на воздух здания.

Трудно было дышать перенасыщенным гарью воздухом. Под ногами клубился грязно-серый пепел, оседая на обувь и одежду бойцов, на их руках и лицах...

Василий Иванович Козлов прибыл из Старых Дорог в Минск сразу же после освобождения города. Приехал на грузовике, раздобытом в штабе армии генерала Батова, вместе с некоторыми членами обкома и работниками штаба соединения. Многие партизанские роты и отряды вливались в армейские части. Но часть подразделений, хотя и была расформирована, поначалу находилась под Минском — в Лошице, где обосновался Белорусский штаб партизанского движения. Здесь шла мобилизация другого рода: подбирались кадры для работы в партийных и советских органах, для восстановления разоренного народного хозяйства, в общем, для работы теперь уже в советском тылу.

В штаб часто наведывался Василий Иванович, просил отпустить того или иного работника в распоряжение обкома партии. Нелегко было уговорить перейти на гражданскую службу бывших партизан. Все рвались в бой, чтобы гнать оккупантов до самого их логова, до Берлина, а потом возвратиться с победой.

Василий Иванович обычно с людьми беседовал сам.

— Вот ты толкуешь, что воевать еще можешь, — говорил он часто тому, кто во что бы то ни стало стремился на фронт. —

До правильно. И твое желание понятно. Только уразумей, брат, что здесь у нас тоже фронт, и совсем нелегкий — трудовой. Нам вон сколько восстановить надо, отстроить заново. Я тоже с тобой пошёл бы туда, на фронт. Но мне сказано, что я здесь должен жизнь возрождать. И ты тоже. Да, впрочем, что я агитирую, почитай-ка вот это.

И он давал своему собеседнику Обращение ЦК КП(б)Б, Президиума Верховного Совета и СНК БССР к белорусскому народу в связи с освобождением Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, в котором говорилось о задачах по восстановлению народного хозяйства республики...

Вскоре после освобождения Минска состоялся парад партизан. Вместе с руководителями Компартии Белоруссии и правительства республики, с некоторыми своими соратниками по партизанской борьбе Василий Иванович находился на трибуне. Мимо шли, стараясь тверже печатать шаг, партизаны — пожилые мужчины и совсем еще юные парни, женщины и девчата.

Многим из тех, кто участвовал в параде, сдавать оружие не пришлось: переобмундировавшись, они ушли на фронт. Но сотни партизан остались здесь, поменяв винтовки и автоматы на лопаты и кирки.

Партизаны, среди которых было немало бойцов из Минского соединения, на лесистой окраине столицы республики начали копать траншеи под фундаменты корпусов тракторного завода.

Козлов, как и в довоенные годы, не засиживался в кабинете. Час-полтора утром — на всякую текучку, а потом — на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы, к людям. Там нужны были оперативная помощь и толковый совет, там практически решалось все то, без чего не было бы таких стремительных темпов восстановления хозяйства. Заседали и совещались вечером. Решения, как правило, принимали короткие, по совершенно определенные: сделать то-то, к такому-то сроку, отвечает за это такой-то.

Он был весь в движении, вдохновляя своей одержимостью всех обкомовцев. Радовался каждому успеху, доброй инициативе, горячо поддерживая то, что способствовало достижению поставленной цели. Огорчался, когда случались неудачи и срывы, тяжело переживал, взрывался, если кто сплоховал по нерасторопности, проявил безразличие к делу. А уж если сам ошибался в чем-нибудь или в ком-нибудь, судил себя вдвойне строже.

В 1948 году Козлов был избран Председателем Президиума Верховного Совета Белорусской ССР.

Василий Иванович говорил товарищам, провожавшим его на новое место:

— Мы, коммунисты, всегда должны быть готовыми со всей самоотверженностью служить делу, на которое посыпает нас партия. Так вот и я: постараюсь оправдать высокое доверие, не жалея сил, буду трудиться на благо народа.

Было бы неправильно говорить, что, став Председателем Президиума Верховного Совета БССР, Козлов «поворнулся» деятельность высшего органа власти республики. Я знаю, что он лично был бы возмущен до крайности, если бы кто-то попытался утверждать, что с его приходом на этот пост все круто изменилось, как будто до тех пор «все стояло на нулевой отметке». Ему принадлежат слова, найденные мною в старой записной книжке:

«Из ничего ничто не получается. Читаясь иногда статейку в газете о том, что вот, дескать, новый работник чуть ли не в одночасье целый переворот в делах совершил. Как будто бы до него в том или ином месте ничего не делалось. Каждый человек продолжает кем-то начатое. Совсем иной вопрос, как продолжать то, что делалось, и вершить то, над чем надо трудиться...»

Не помню точно, не записал, по какому конкретно поводу говорил так Василий Иванович. Но мысль важна тем, что характеризует его позицию, его отношение к своему долгу, к своей деятельности, к самой жизни.

Однако ж никто не станет отрицать, что Козлов принес с собою на новое место нечто свое, присущее ему как работнику и человеку. Не было никакой «переоценки ценностей», но в работе Президиума обозначились чуточку большие, чем прежде, энергичность и активность в решении и жизненно важных для республики вопросов, проблем, и, так сказать, всяких текущих дел. Сам Козлов старался вникать во все детали той многогранной работы, которая велась аппаратом Президиума, и это давало соответствующий эффект в положительном смысле. Руководители отделов стали более инициативно выдвигать насущные вопросы в деятельности Советов, в хозяйственном и социально-культурном строительстве. Чуть более пристальное внимание к деятельности депутатов на местах тоже стало проявляться в повышении их активности. Исключительная пунктуальность и деловитость Василия Ивановича дисциплинировали всех. Стыдно было рядом с ним работать с прохладцей.

Козлов добивался, чтобы ни один документ, а тем более указ, постановление, закон, не вышел из Верховного Совета не отработанным с той скрупулезностью и точностью, на ка-

кую вообще способен человек. И порой не каждому это нравилось. Но Козлов был неумолим: все, изданное Советской властью, должно строжайшим образом соответствовать духу времени, букве Советской Конституции, всей своей сущностью служить интересам народа, нашего общества.

Он не мог, как это иногда бывает, чего-нибудь недоглядеть, а потом сослаться на спешку, суету.

Здесь, в Верховном Совете, раскрылись не только его незаурядные деловые, но и добрые человеческие качества. Он был действительно слугой своего народа, простым и вместе с тем скромным гражданином.

Добрый словом вспоминают его многие.

И не за какие-то особые заслуги перед этими людьми, а за внимательность к нуждам, к запросам избирателей. Давая ему тот или иной наказ, народ был уверен, что он сделает все от него зависящее.

Я нередко сопоставляю беседы с его соратниками в мирном труде, с членами его семьи, с теми людьми, которые вместе с ним воевали. Мне говорили, что он был мирным человеком. Добрый, заботливый семьянин, друг своих детей и многих, многих людей. Все помыслы его были о мирной жизни, о благе народа.

В том, наверное, и талант этого человека, что умел он быть именно таким, каким был: хорошим мужем и отцом, активным строителем мирной жизни и боевым солдатом войны, рядовым коммунистом и видным государственным деятелем.

Да, таким он человеком был, таким и остался в памяти народа, которая живет не только в людских сердцах. Его именем названы красивейшие улицы Минска и Солигорска, один из крупнейших в столице республики электротехнический завод, совхоз в Жлобинском районе, пионерская дружина солигорской школы № 5. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны открыт мемориальный зал В. И. Козлова. Его бюст установлен на могиле в Минске, памятник — в Солигорске, а на доме, где он жил в последние годы, — мемориальная доска.

А мне он видится всегда живым человеком — простым и душевным, щедрым, сильным духом, по-большевистски принципиальным и волевым коммунистом, смыслом жизни которого было служение народу.

Р. Н. Мачульский

ПРОЧНЕЕ
БРОНИ

Мачульский, сидя верхом на вороном коне, уже который раз бросал взгляд на бредущих зимним лесом людей, на то, как над ними струится белесый пар, подумал: «Уж не сбавлен ли темп, не терзает ли партизан голод?»

Он подтянул поводья, озябшими пальцами вынул из нагрудного кармана гимнастерки часы: половина шестого. Значит, пять с половиной часов отряды на марше. Более половины пути пройдено. Впереди Челющевичи — пограничная деревня партизанской зоны, а там — рукой подать — Копаткевичи, довоенный райцентр, где теперь обосновался большой гитлеровский гарнизон. Они минуют его — впереди предстоит более важная операция.

Усталым шагом шли бойцы, растянувшись серой лентой. Роману Наумовичу достаточно одного взгляда, чтобы определить, как на самом деле чувствует себя партизан, — стоит лишь посмотреть на ноги, на заляпанные грязью сапоги, на ботинки с приспущенными солдатскими обмотками. Устали не только люди. Худоребрые коняги еле тащат по разбитой лесной дороге тяжелые телеги, на которых «станкачи», минометы и прочее партизанское добро, щедро отпущенное обычно скучными начхозами по случаю небывалой операции.

Да, маxу дали в штабе. А он, Роман Наумович Мачульский, не заметил этого и должен теперь терзаться и казнить себя за этот промах. Как он мог не заметить его?! Простая арифметика подвела, потому что считали по-ученически: от Комаровичей до Птичи — 55 километров, выступать в двенадцать ноль-ноль. Выход на исходный рубеж — шесть ноль-ноль. Значит, в пути — 18 часов. 55 разделить на 18 — 3 километра 55 метров в час — такова скорость продвижения к цели. Пустяки для партизана, которому привычны и болотные топи, и снег, и грязь... Подсчитать-то подсчитали, но не учли одного — после такого марша с ходу в бой нельзя.

В оправдание Роман Наумович вспомнил слова Василия Ивановича Козлова — первого секретаря Минского подпэль-

ного обкома и командира партизанского соединения, который недавно вылетел по вызову Центра в Москву, а он, Мачульский, принял на себя его обязанности. Козлов однажды сказал: «В мире не так уж много людей, которые не совершали бы ошибок». Но всматриваясь в лица, в тяжелую поступь бойцов, Роман Наумович снова корил себя: ведь на эту операцию ЦК КП(б) Б и Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) возлагали большие надежды, да и партизаны готовились к ней тщательней обычного. Больше месяца ушло на подготовку. Разведчики с астрономической зоркостью изучали каждый кустик, каждый рукав и поворот полноводной Птичи перед железнодорожным мостом на участке Брест — Калинковичи. Длина моста — более 150 метров, у него пять опор, ферма полусферическая, из тавровых и двутавровых балок. Охрана — караул в 60 человек. В четырех дотах и траншеях — 20, остальные в казарме. В дотах пулеметы, в одном пушка малого калибра. Расстояние от моста до станции и поселка, где находится сильно укрепленный гарнизон, предназначенный для охраны моста, — около километра...

Получив эти данные, штаб приступил к разработке плана операции, а подрывники Казимир Пущин и Владимир Шимченок с группой опытных партизан — к составлению схемы и отработке приемов минирования моста.

В подготовке операции активно участвовали заместитель Мачульского по оперативной части И. М. Куликовский, секретарь обкома партии И. А. Бельский, а также прибывший сюда из-за линии фронта секретарь ЦК ЛКСМБ К. Т. Мазуров. Для проведения операции штаб соединения выделил 11 партизанских отрядов — 1300 человек.

Когда оперативный план был готов, Роман Наумович решил поехать на рекогносцировку. Взял с собой и Казимира Пущина, умен и смекалист, да кроме того, от подрывников зависит добрая половина дела.

Рано утром они были на опушке березовой рощи. Впереди лежала огромная пойма, вся в зарослях лозы, изрезанная рукавами и старицами. Сама Птичья широкой лентой петляла среди кустарника и, круто повернув на юг, уходила под высокие ажурные сплетения моста. Издали он казался чудовищной громадиной. Роман Наумович достал бинокль, поднес к глазам — и мост будто надвинулся на самую опушку. Двое часовых с автоматами на груди шли навстречу друг другу. Тонкие столбики, переплетенные колючей проволокой, опоясывали берега, поднимаясь по крутой насыпи, охватывали доты... Мачульский повел биноклем вправо — и перед глазами поплыли постройки станции, чуть в стороне чернел

крышами поселок. На главном пути у выходных стрелок стоял паровоз, отдуваясь паром. У вагонов суетились солдаты, на платформах стояли тягачи и пушки.

«Тянут к Сталинграду!» — подумал Мачульский и передал бинокль Пущину:

— На, разгляди поближе, с чем будешь иметь дело.

Да-а, крепкий орешек достался... Хотя почему — «достался»? Сами напросились — радиорвали в Москву, спрашивали разрешения, сами выбрали этот, говоря военным языком, «важный стратегический объект». И какое может быть теперь «почему»... Подорвать воинский эшелон — неплохо, конечно. Но у гитлеровцев на такой случай — отработанный прием: подгоняют восстановительный поезд, сбрасывают изуродованные вагоны под откос, и через пять-шесть часов на участке снова открывается движение... А подорви-ка вот этот мост — и из строя надолго выйдет огромный железнодорожный перегон — вся линия, питающая вражеские фронты живой силой, техникой, вооружением. Фашисты сейчас рвутся к Волге, и разрушенный мост станет для них оптимой помехой...

Мачульский достал из планшета карту, присел на кочку, рядом примостился Пущин. Молча всматривались в топографические знаки, припоминая план операции, предложенный штабом: внезапным ударом подавить охрану, одновременно отсечь станцию и поселок с гарнизоном, а затем взорвать мост...

— Сколько времени уйдет на минирование? — тихо спросил Мачульский.

— Больше часа, даже с необходимым количеством подрывников.

Больше часа... А за это время гарнизон свяжется с соседними. Из Мышанки, что в семи километрах восточнее моста, а затем с запада, из Муляровки и Копцевичей, сюда нагрянут гитлеровцы, да и в спину ударят два гарнизона, а третий — из Копаткевичей. К тому же, если погода летная, фашисты вызовут авиацию.

Долго думал Роман Наумович, склонясь над картой. Значит, так: в первую очередь отсечь все пути, по которым к гитлеровцам может подойти помощь. По проселкам не сунутся — слишком разбиты осенней хлябью. Единственный путь — железнодорожный. Следовательно, его нужно перерезать восточнее и западнее моста, взорвать и удерживать магистраль, пока минеры не справятся.

— Так сколько нужно тола для этого красавца?

Пущин достал тетрадку.

— Вот подсчитали... Триста двадцать пять килограммов. Ну и с полкилометра детонирующего шнуря.

Такого запаса тола во всем соединении ни за что не наскребешь. А детонирующего шнуря и десятка метров не сыщешь. Это уж точно... Правда, теплилась одна надежда. Привозя Козлова в Москву, Роман Наумович просил его поговорить в ЦШПД о переброске сюда взрывчатки, капсюлей, шнуря. Надо срочно связаться с Москвой...

О готовности радиорвали в Москву. Ответ пришел за подпись первого секретаря ЦК КП(б)Б, начальника ЦШПД П. К. Пономаренко. Он сообщал, что «Эхо на Полесье» (кодовое название операции) одобрено и что самолет с грузом будет. Ночью 30 октября 1942 года на партизанском аэродроме принимали ящики с толом, взрывателями, детонирующим и бикфордовым шнуром, автоматами, патронами; в мешках были медикаменты и, конечно, свежие газеты. Такой бесценный груз, притом в большом количестве, получали впервые.

Может быть, именно поэтому всем казалось, даже самому Мачульскому, что операция должна пройти без сучка без задоринки. И тола достаточно, и на пункт сосредоточения 2 ноября группы прибыли в полном составе. Двинулись — и на тебе: не рассчитали. Но не это уже было главным, а то, что уставших на марше людей нельзя с ходу бросать в бой — у них не хватит физических сил выиграть его. Надо думать, как исправить ошибку. Притом на глазах у противника. Ведь наверняка в Копаткевичах и других гарнизонах уже знают, что партизаны большими силами подходят к Челющевичам...

«Думай, Роман, думай!» — приказал он себе. Он всегда приказывал себе, когда попадал в затруднительное положение, отчетливо сознавая, что он не только командир, но еще и секретарь подпольного обкома, на котором лежит во сто раз большая ответственность, чем на любом другом. Уже тод Мачульский действовал во вражеском тылу и убедился, что почти из каждой ошибки можно извлечь урок, но утешение наукой на будущее слишком слабый аргумент, когда нужно найти — в пух и прах разбиться, а найти — сиюминутный выход из создавшегося положения, чтобы облегчить задачу своим людям и в то же время обмануть хитрого и коварного врага...

И он нашел его. В Челющевичах по его приказу сделали большой привал. Снова собрались командиры и комиссары, и Роман Наумович изложил свои соображения: целый день оставаться здесь, на виду у большого гитлеровского гарнизона, для отвода глаз на окраине Копаткевичей периодически за-

вязывать стычки. А в сторону моста не посыпать даже разведки: пусть гитлеровцы думают, что цель партизан — копатекевичский гарнизон, и только он...

Весь день то в одном месте, то в другом партизаны заставляли перестрелку. Стоянку покинули вечером, когда стемнело. В четырех километрах от Птичи отряды рассредоточились, и каждый двинулся выполнять свою задачу.

Мачульский шел впереди штурмовой группы вместе с подрывниками.

Бесшумно вышли из поймы. Партизаны к штурму готовы, не шелохнутся. Зато слышно, как переговариваются на мосту часовые. От казармы с левого берега ни звука — видно, спят.

Но почему тишина и у Мышанки, и у Муляровки? Ребята уже должны прибыть на место... Мачульский снова достал часы: стрелки прямой линией сверху вниз перечеркнули циферблат.

И сразу же с запада донесся глухой взрыв, за ним — другой.

Пора! Он вырвал из-за пояса ракетницу. Красная ракета взметнулась над мостом. Мачульский не успел перезарядить толстый патрон, чтобы послать еще одну, как справа и слева донеслись возгласы:

— Вперед! За Родину! Ура-а!

Вторая ракета высветила из темноты железные переплетения моста и людей, уже карабкающихся по насыпи. И тут же автоматная трескотня приглушила все звуки. Но — только на время. Тотчас отозвался крупнокалиберный пулемет, ударили торопливыми очередями второй — красные нити трассировавших пуль ушли в пойму. Пулеметчики так и не пристрелялись: во вспышках ярко обозначились прямоугольники амбразур — в доты бросили гранаты штурмовики.

В траншеях и казарме схватка была короткой — в считанные минуты партизаны уничтожили охрану. Теперь, когда штурмовикам здесь делать было нечего, все бросились к насыпи и заняли оборону на откосах.

Владимир Шимченок и Казимир Пущин подняли группы подрывников и, достигнув моста, вместе с ними полезли на фермы. Сидя верхом на переплетениях, привязывали подготовленные заранее пакеты со взрывчаткой, обматывали их детонирующим шнуром. У главного заряда — на «быке», который поддерживал на середине реки массивные пролеты, — вместе с Пущиным проворно работало несколько партизан.

Глохнули взрывы где-то восточнее моста, и Мачульский с облегчением вздохнул: значит, и Павловский подорвал

«железку», отрезал Мышанку!.. А тем временем бой в поселке и на станции с каждой минутой разгорался сильнее. Поначалу, схваченный огненными клемцами партизан, гарнизон только огрызался; казалось, в панике гитлеровцы вот-вот побегут. Но уже через полчаса оттуда ударили минометы: противник понял, что настоящая цель партизан — мост. Мини дожились густо, звенели осколки, ударяясь в фермы. Положение оказалось не из легких, даже для них, кому и сам черт был не страшен. Пламя взрывов, треск металлического эха, звон балок — дрожат фермы, а внизу ледяная вода...

Мачульский не мог устоять на месте, решил подбодрить минеров и бросился на мост сам.

— Спокойно, хлопчики, спокойно! — кричал он, перебегая от фермы к ферме. Убедившись, что все идет нормально, вернулся на место.

Командир лежал на полотне, чутко прислушиваясь к гулу вокруг. Как и раньше, бой гремел у поселка, глохо громыхало и на востоке — похоже, что из Мышанки тоже стараются прорваться к мосту.

Медленно тянется время. И снова не утерпел, бросился к мосту.

— Ну что там, минеры?

— Закругляемся, Роман Наумович! — крикнул Пущин, а подоспевший Шимченок уже докладывал: фермы и перекрытия заминированы.

— Раз так — людей с моста! — приказал Мачульский и медленно пошел по насыпи.

Уже светало, и теперь мост четко проступал в утреннем полумраке. С него сбегали подрывники, некоторые без шапок, видимо, потеряли. На мосту оставались только двое, два темных силуэта метались на нем — Шимченок и Пущин...

Мачульский достал ракетницу, выбросил прежнюю гильзу, загнал новый патрон. Поднял руку, вздохнул с облегчением и нажал на спуск — белый шар поднялся высоко над мостом, рассыпая искры. Стало видно как днем. И так же отчетливо видны прежние двое... Мачульский послал вверх вторую ракету и шагнул к кустам. Едва погасла она, как на мосту блеснул огонек (это заискрился бикфордов шнур), а те двое метнулись с моста.

И вдруг огромный столб багрового огня густым, широким куполом взмыл над серединой моста. Вздрогнула земля под ногами, заложило уши. И те двое уже рядом. Он шагнул им навстречу и раскрыл объятия...

На целых 18 суток замерла железная дорога Брест — Калинковичи — Овруч. А ведь из Калинковичей одна ветка шла

через Гомель на Москву. По выверенным потом данным, оказалось, что за это время гитлеровцы не смогли переправить к фронту более 500 эшелонов.

Успешное проведение этой особо важной операции стало возможным благодаря большой подготовительной работе, которой руководил обком партии, членом, а затем и секретарем которого стал Р. Н. Мачульский.

Но как все это происходило, как случилось, что Роман Наумович стал одним из организаторов партизанского движения и партийного подполья в Белоруссии?

...Фашисты уже заняли четыре сельсовета Плещеницкого района, где Р. Н. Мачульский работал первым секретарем райкома партии. Части Красной Армии с трудом удерживали городок. Все, кто мог, уехали или ушли на восток. Эвакуировались и райкомовские работники. За чертой городка на западе зловеще полыхало небо от взрывов бомб и снарядов. Роман Наумович через каждый час пробовал связаться с обкомом — Минск молчал. Что предпринять?.. И вдруг звонок: секретарь соседнего райкома передал распоряжение — прибыть в Хлопеничи. А когда Мачульский вместе с другими явился туда, поступило новое распоряжение — возвратиться в свои районы: фашисты усилили удары под Борисовом... Поехал назад. Но так и не добрался: наши войска оставили Плещеницы...

Только через много долгих дней и бессонных ночей Мачульский отыскал обком в Могилевской области, в Горках.

— Как быть, что делать дальше? — спросил он у В. И. Козлова.

Василий Иванович поднял на него воспаленные глаза, проговорил:

— Мы — партийные работники, живем и трудимся во имя людей и для людей, значит, во время войны наше место там, на Минщине, среди оставшихся на оккупированной территории. ЦК КП(б)Б предложил обкому действовать в тылу врага. Я тебя хорошо знаю, вот и предлагаю работать вместе...

Василий Иванович протянул ему «Правду» с речью И. В. Сталина и положил рядом несколько машинописных листков с директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года. Мачульский в сутолоке военных дорог, пока добирался сюда, урывками слушал радио, читал газеты и с тем большей охотой принял читать теперь, неторопливо, вдумчиво, с каждой минутой все более убеждаясь в правильности слов своего давнего друга, Василия Ивановича. Да, в эти суровые дни он должен непременно быть на Минщине и уча-

ствовать во всенародной борьбе с оккупантами. Он согласился с предложением Козлова.

7 июля ЦК КП(б)Б принял постановление о создании Минского подпольного обкома партии, утвердив его состав и указав место штаб-квартиры в Мозыре. Через 10 дней все члены обкома покинули свое пристанище и двинулись в путь. Шли кружным путем, много раз попадали под обстрелы фашистских самолетов. Да, нелегким был путь.

Но каждого больше беспокоила не столько угроза и опасность с воздуха, сколько неотступная мысль: с чего начать, где найти ту ниточку, которая первой ляжет в основу, а затем — вторую, десятую, сотую, чтобы соткать прочную, разветвленную сеть подполья?

И вот эту первую ниточку обнаружили в поселке Сосны, центре совхоза «Жалы» Минской области. Его директор коммунист Александр Калганов, ни словом не обмолвясь, повел обкомовцев к топям и там, на сухом острове посреди огромного болота, указал надежное убежище. Ни телефона, ни посыльного. Один он, Калганов, может связать обком с местными жителями... Вечером он привел на островок председателя Любанского райисполкома А. С. Луферова и начальника райотдела милиции Н. Я. Ермаковича. Выяснилось, что они создали отряд и уже разгромили фашистский обоз, что в районе действует и группа А. Пашуна — члена бюро Слуцкого райкома партии. Она также сделала несколько удачных вылазок, а недавно появившаяся в этих местах группа А. Далидовича, присланная ЦК КП(б)Б из-за линии фронта, начала боевые вылазки. Это была уже основа для начала работы.

Ночью, когда устроились спать, Роман Наумович долго еще не мог сомкнуть глаз. Вспомнил первую недавнюю ночь в тылу врага в деревне Заболотье и разговор в пустой школе, когда помимо председателя колхоза, учителя и врача пришло человек 40 колхозников. Все хотели поговорить с партийным начальством.

Сидя за партами, высказывались по поводу речи И. В. Сталина в «Правде».

— Вот теперь ясно, как действовать, — промолвил пожилой колхозник.

— Это верно, что фашисту проклятому ничего оставлять не надо. А хлебушком своим, что зреет на корню, мы всем миром распорядимся, по-хозяйски, — деловито закончил второй колхозник.

— Да, я вижу, товарищ председатель, что люди ваши разбираются помаленьку в обстановке, — сказал Роман Наумович.

Председатель некоторое время молчал, затем твердо ответил:

— Сделаем так, чтобы фашистам ничего не досталось...

И вот теперь этот разговор с колхозниками долго не давал спать.

Утром 24 июля, когда весь актив собрался на небольшой поляне болотного островка, чтобы обсудить задачи борьбы с врагом, Роман Наумович попросил слова и рассказал о беседе с колхозниками деревни Заболотье. Наш партийный долг, говорил Мачульский, ознакомить советских людей в тылу врага с директивами нашей партии и правительства и призвать к беспощадной борьбе с оккупантами широкое партийно-комсомольское подполье, патриотические группы, партизанские отряды. И не только в селах — в каждом городе, mestечке, даже во вражеских гарнизонах оставлять надежных товарищей. В нашу задачу входит и экономический бойкот: ни килограмма зерна и мяса, ни пуда фураха не давать захватчикам.

На том и порешили единогласно. Через день Мачульский с товарищами перебрались в Старобинский район. Оказалось, что здесь уже есть партизанская группа, которой руководит Василий Тимофеевич Меркуль! Когда-то в Червепе они работали вместе: В. И. Козлов — первым секретарем райкома партии, Роман Наумович — вторым, а Василий Тимофеевич — заведующим райфо. Созданная группа переросла в отряд — о ней узнали в окружных деревнях, и люди потоком шли проситься к Меркулю, — поэтому возникла необходимость в укреплении группы партийным руководством.

По совету Мачульского местные коммунисты вскоре провели собрание и избрали подпольную тройку во главе с В. Т. Меркулем.

В последующие дни обком провел такие же собрания и в соседних районах.

— Теперь-то соткем прочное полотно, Василий Иванович! — говорил Роман Наумович первому секретарю обкома.

И — «ткали»: создавали партизанские группы, которые вскоре перерастали в отряды. Старобинская партийная тройка из разрозненных групп создала три партизанских отряда.

Секретарь обкома В. И. Козлов радовался:

— Вчера отряд Гавриила Степшица обстрелял на дороге три машины. Семеро фашистов приказали долго жить!

В начале ноября члены обкома собрались на Любапчине, где уже три с половиной месяца действовала партийная районная тройка. За короткий период отряд А. И. Далидовича вырос вдвое, а кроме того, было сформировано еще четыре

новых отряда. Деревни надежно охранялись партизанами, и население зоны жило по всем советским законам.

Правда, оккупантам все же удалось создать один гарнизон — в Любани, но и там были внедренные тройкой надежные подпольщики, ставшие «полицейскими». Судьба гарнизона была предрешена. В канун 24-й годовщины Великого Октября комендатура и 42 оккупанта гарнизона были уничтожены партизанами. Правда, не без помощи упомянутых «полицейских», чуть было не поплатившихся жизнью от рук самих же партизан. А произошло это так. Один из «полицаев» сообщил члену партийной тройки Е. Д. Горбачеву (по решению подпольного ОК КП(б)Б он готовил эту дерзкую операцию) важные сведения и получил конкретные задания — что делать во время боя. В решающую ночь на 7 ноября 95 партизан отряда А. И. Далидовича оседлали дороги и перерезали телефонную связь, но в комендатуре находилась радиация, по которой гитлеровцы могли вызвать подкрепление. Ее-то и надо было ликвидировать. В ту ночь Владимир Раменчик — так звали подпольщика, работавшего на партизан вместе с начальником полиции Гидроновичем, — стоял на посту. В два часа ночи он зашел к дежурному радисту, якобы выпить воды, затем попросил сигарету. Когда дежурный отлучился на минуту, Раменчик вывел из строя радиацию, а сам спрятался в сарай, довольный тем, что не пришлось применить силу, — это могло прежде времени вызвать тревогу. После боя Владимир Раменчик выбежал к партизанам. И тут-то произошел курьез.

Отряд направился на отдых в Редковичи. Партизан догнала группа, прикрывавшая отход. Она привела с собой порядком избитого полицейского. И вдруг к нему бросился Евстрат Денисович Горбачев, обнял его. Вскоре все выяснилось: это и был тот самый подпольщик, который работал у гитлеровцев по заданию партийной тройки.

— Да, досталось мне на орехи! — улыбнулся Владимир Раменчик. — Хорошо, что легко отделался.

Действительно, разгоряченные боем партизаны могли убить его, приняв за предателя.

Разбирая итоги операции, подпольный обком по предложению Мачульского принял решение — строжайше запретить всякие самосуды над пленными: судьбу их решает партизанское командование и районные тройки. Инициатива Мачульского была своевременной. Это помогло в дальнейшем избежать многих роковых ошибок.

По примеру Любанской успешно действовали и другие районные партийные тройки. Теперь партизаны удерживали

и контролировали значительную территорию, постепенно расширяя партизанскую зону, в которой действовало уже около 50 отрядов и групп. Чтобы удержать в своих руках такую площадь и лучше координировать борьбу, в конце ноября 1941 года обком решил создать для военного руководства единый штаб — штаб Минского партизанского соединения. Сюда вошли все работники подпольного обкома во главе с первым секретарем В. И. Козловым; его и назначили командиром соединения, а заместителем по оперативной части — Р. Н. Мачульского.

Вскоре радио принесло радостную весть: фашисты разбиты под Москвой! Областной комитет тут же послал во все деревни коммунистов-агитаторов, членов обкома. Ушел с поучением и Роман Наумович. Спустя годы в книге «Вечный огонь» он взволнованно расскажет о встрече в деревне Туров: «Началась летучая сходка, которую я не забуду никогда. Затаив дыхание, люди слушали сообщение Совинформбюро о победе под Москвой. В их глазах светилась радость, многие плакали, забывая смахивать крупные слезы. Когда я закончил чтение и провозгласил здравицу в честь любимой Родины и великой партии коммунистов, все дружно подхватили «Ура!».

— Видишь, как дело оборачивается! — радостно говорит высокий сухощавый крестьянин, который снял шапку-ушанку, да так и забыл ее надеть. — Немцы давно уже хвастались, что Москву взяли. А она, матушка, вон как плечи расправила. Гонит проклятых фашистов на запад.

— Это хорошо! — поддакивали крестьяне. — Знай наших.

— Чего же стоите вы, мужики? — вышла в круг женщина. — Нагрузили бы партизанам хоть пару мешков хлеба. Пусть примут наш подарок... В честь победы!»

Окрыленные победой на фронте, партизанские отряды и группы отметили это событие смелыми налетами на гитлеровские гарнизоны в деревнях Сарачи, Аточка, Языль, Таль, Белый Переезд, Новоселки и в городском поселке Копаткевичи.

Стало это возможным во многом благодаря единому штабу, разработавшему и возглавившему эти операции. Теперь соединение могло предпринять решительный рейд.

Три первые недели марта 1942 года партизаны громили вражеские гарнизоны, военные объекты гитлеровцев в боевом кольцевом марше — в Любанском, Старобинском, Ганцевичском, Краснослободском, Ленинском, Житковичском районах, то есть в трех областях к югу от Минска. За короткое время отряды пополнились людьми, вооружением, укрепили связь с населением, да и сами приобрели боевой опыт.

Весной и летом 1942 года партизанская борьба приняла поистине массовый характер, а руководили ею кадровые партийные работники — уполномоченные обкома, переброшенные из-за линии фронта парторганизаторы и уполномоченные ЦК КП(б)Б. Для большей увязки с действиями других партизанских соединений и операций, проводимых Ставкой Верховного Главнокомандования на фронте, была установлена связь и с самой Москвой. ЦШПД прислал радиостов. На острове Зыслав партизаны оборудовали собственный аэродром. 22 сентября для отчета о работе подпольного обкома в ЦК КП(б)Б вылетал В. И. Козлов.

— Как думаешь, Роман Наумович, «соткали» мы полотно подполья? — припомнил Василий Иванович давний разговор.

— Не только полотно «соткали», но и прочную броню отлили. Так и отчитывайся в Москве, — ответил Мачульский.

Он оставался командовать партизанским соединением и исполнять обязанности первого секретаря подпольного обкома партии.

Партизаны научились одерживать большие победы малой кровью. Такие результаты принесла, несомненно, талантливо поставленная работа и в подпольном обкоме и в партизанском соединении. Однако сам Мачульский не вполне был удовлетворен. С некоторых пор он ощущал, что можно добиться большего, если улучшить оперативность руководства. И вот во второй половине декабря 1942 года он внес на рассмотрение подпольного ОК КП(б)Б важный организационный вопрос — создание партизанских бригад. И на этот раз его поддержали.

За полтора месяца, объединив по три-четыре отряда, создали более 10 бригад. Но это лишь полдела. Надо было подобрать и правильно расставить кадры, строго определить места дислокации, районы боевых действий. Самые опытные и мужественные стали командирами и комиссарами формирований в тылу врага. Чтобы скрепить свое боевое товарищество, партизаны приняли присягу, а вскоре в свободные от боевых часов во всех подразделениях занялись боевой учебой — изучением уставов и наставлений Красной Армии, что, несомненно, помогало вырабатывать в себе качества, необходимые настоящим солдатам.

Новая весть — о победе советских войск под Сталинградом — вдохновила партизан и подпольщиков на решительные действия. То и дело к штабу соединения подлетали связные с докладом — то о подрыве эшелона, то об удачной засаде на

шоссе, то о разгроме вражеского гарнизона. В отряды потоком устремилась молодежь.

Фашисты всполошились не на шутку: у них в тылу оказалась огромная партизанская зона, население которой живет прежней своей жизнью, игнорируя «новый порядок»... Выход оставался один — блокировать зону и в огромном «котле» разгромить партизан. Из Западной Европы в Белоруссию срочно были переброшены свежие части с танками и артиллерией, подразделения СД, полевой полиции и жандармерии. Операция блокирования началась с двух противоположных сторон — с юга и с севера.

На земли Минской и Полесской областей накатывалась новая волна фашистского насилия и зверств — уничтожение деревень, расстрелы, пожары, виселицы.

Первой атаке гитлеровцев предшествовала получасовая артподготовка возле деревни Грабово. Партизаны ответили дружным огнем — атака захлебнулась. Снова ударили орудия, снова атака...

Через несколько дней фашисты ворвались в деревню Ветчин и зверски расправились с жителями, заманив их обманом из леса, где они прятались, в село. Как только жители вошли в Ветчин, фашисты прикладами загнали их в колхозный коровник, облили его бензином и подожгли. Более тысячи человек погибло.

В те дни пылали деревни многих районов. Свыше 5 тысяч человек сожгли фашисты в 28 деревнях.

В Селютицах гитлеровские бандиты хватали женщин и детей, бросали в колодцы, затем подрывали гранатами.

Альбинск, Живунь, Загалье, Зеленковичи, Осовец и многие другие деревни были стерты с лица земли фашистскими захватчиками. Гитлеровцы мстили за свои неудачи на фронтах и в борьбе с партизанами...

В течение месяца фашисты предпринимали наступление то на одном, то на другом фланге, но повсюду наталкивались на организованный отпор и несли большие потери. Контратаки партизан не давали им ни сна, ни покоя. Все дальнейшие попытки гитлеровцев изменить положение в свою пользу оказались тщетны, и они вынуждены были покинуть партизанскую зону.

Будто в награду за стойкость, на Полесье наступили погожие апрельские дни. Снег быстро таял, уже появились первые цветы — сон-трава называют их здесь. Роман Наумович, донельзя усталый от хлопот и тревог осадных дней, тоже раздевался им, но именно в эти дни всеобщей оттепели и облегчения на него свалилась новая напасть — тиф. Часами лежал

он недалеко от штабной землянки на солнышке. Его старались не беспокоить, но он сам то и дело подзывал ординарца, спрашивая о новостях, на что бывалый парень, глядя прямо в глаза, неизменно отвечал, что, дескать, все идет нормально, сегодня то же, что и вчера.

— И где ты только врать научился?! — сердился Мачульский. Смягчившись, просил: — Позови-ка начштаба Куксова...

Вдруг высоко в небе Роман Наумович увидел журавлиный клин. Он приближался, навевая на душу отраду и грусть. Журавушки... Может, они летят в то болото, что под Кривоносами, где стоит отцовская хата? Несколько десятков километров от этой лесной землянки до нее, той деревеньки в Стародорожском районе. Который месяц все собирается, да времени так и не нашел — не выбрался навестить ни отца, ни могилу матери... Нет, не обиделся на отца в ту первую встречу. Не обиду, а сыновью гордость почувствовал он, когда отец, не протягивая руки, строго спросил:

— И ты, Роман, в кусты? Уж и форму променял на крестьянское... Эх, сыночек, а я-то думал, что ты у меня путевый...

Роман Наумович тянул еще несколько минут, не признаваясь, кто он теперь и зачем пожаловал в отчие края. Когда же сказал, отец помедлил, недоверчиво покачал седой головой, промолвил глухо:

— Там, — кивнул на восток, — надо воевать. А тут — что толку?

Позже, когда партизанский рейд всколыхнул окрестные районы, Мачульский-старший попросился в отряд. Его не взяли: годы не те, сказали, лучше вам, Петрович, быть нашим разведчиком и связным. Наум Петрович согласился.

Как он там?.. Что бы он теперь сказал?..

Не-ет, Роман, отцовского ремня нету на тебя, да так отхлестать, чтобы на всю жизнь запомнил, как забывать старика...

От штабной землянки послышался вдруг грузный топот, прервавший мысли. Роман Наумович повернул голову. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить — с радостной вестью бежит.

— Сегодня ночью будет самолет! — почти крикнул начальник штаба. — Груз что надо: оружие, боеприпасы, тол!

Как они ждали этот самолет! Мачульский запретил радиовать о своей болезни, в эфир пошло другое — срочно нужен тол. Он так и сказал на заседании обкома: не улечу в госпиталь, пока не прогремит на все Полесье еще один взрыв, — уже был разработан план подрыва шестидесятисемиметрово-

го моста через Орессу, на участке Слуцк — Осиповичи. Теперь на короткое мгновение ему почудилось даже, что болезнь отступила и он здоров, как и прежде, но его тут же снова бросило в жар.

Партизаны отрядов имени М. М. Громова и «Железняк», на которые Мачульский возложил выполнение операции, через несколько дней блестяще справились с заданием — 25 суток стояли вражеские эшелоны, теперь уже у Орессы.

А Мачульский, улетая в госпиталь, вез отчет в ЦК КП(б)Б и ЦШПД. За полгода с небольшим на важных стратегических направлениях взорваны три больших железнодорожных моста! С октября 1942 года по апрель 1943 года партизаны соединения Минской и Полесской областей спустили под откос 241 эшелон, разрушили 19 небольших железнодорожных и 29 мостов на шоссе и проселках, разгромили 10 крупных гарнизонов, уничтожили много живой силы противника.

После госпиталя Мачульского с особым заданием направили снова на Минщину, только не на юг, а на север. Ему, секретарю обкома, поручалось возглавить партизанское движение в Борисовско-Бегомльской зоне. Партизанского соединения здесь фактически еще не существовало, предпринимались лишь первые шаги к объединению бригад и отрядов. В Москве он даже бегло не ознакомился с материалами, поступившими из зоны; после беседы в ЦК Компартии республики до отправления самолета оставалось два часа — время лишь на то, чтобы собрать чемодан и доехать до аэродрома. Поэтому Роман Наумович решил по приезде в зону побывать в каждой бригаде и отряде. «На месте виднее» — такого принципа он держался всегда. Летел не один — с заместителем начальника Белорусского штаба партизанского движения И. П. Ганенко.

И вот снова тревожное фронтовое небо, борющаяся земля Белоруссии под крылом, передряги дорог, глухомань лесов. Утомительно длинные поездки. Наконец кое-что удалось. Созвал партизанских командиров и секретарей подпольных райкомов партии. Первым на совещании выступил И. П. Ганенко. Познакомив собравшихся с обстановкой на фронтах, он рассказал о главном в своей миссии — налаживании активной помощи и четкого согласования действий партизанского тыла с фронтом. ЦК республики и БШПД, говорил он, всматриваясь в лица коммунистов, решили продолжить в широких масштабах «рельсовую войну», чтобы теперь, когда Со-

ветская Армия подошла вплотную к границам Белоруссии, сорвать переброску живой силы, техники, боеприпасов и продовольствия гитлеровской группе армий «Центр». Затем он остановился на задачах.

Выступая на совещании, Мачульский сказал: «Политическая работа и боевая деятельность неразрывны. Постоянно поддерживать боевой дух каждого — значит вручить бойцу самое надежное оружие. Бой — это итог политко-воспитательной работы. Бой — это зеркало: посмотрите на бой со стороны и вы увидите, каковы на самом деле вы, командиры и политработники», — подчеркнул Роман Наумович и тут же привел живой пример недавней операции бригады «Народные мстители» (командир В. Т. Воронянский, комиссар В. В. Семенов), разгромившей сильно укрепленный гарнизон в Плещеницах... Совещание постановило создать в каждом отряде группы агитаторов. По настоянию Мачульского в припятом решении особо подчеркивалось, что редакциям подпольных и партизанских газет следует широко рассказывать о том, как сражаются на фронтах воины Советской Армии, что делают для победы наши люди в советском тылу и здесь.

— Чтобы печатное слово, — сказал Роман Наумович, — так же метко разило врага, как и партизанская пуля.

Тотчас по окончании совещания без промедления начали подготовку широкомасштабной «рельсовой войны» под кодовым названием «Концерт». А началась «рельсовая война» еще летом. 24 июня 1943 года бюро ЦК КП(б) Белоруссии одобрило план первого этапа ее проведения. Только за полтора месяца — с 3 августа до середины сентября — белорусские партизаны уничтожили более 120 тысяч рельсов. В сентябре ЦК КП(б) Белоруссии дал указание начать второй виток «рельсовой войны».

Жаркие это были дни для Романа Наумовича. Жаркими эти дни были для всех коммунистов. Мачульский шутя говорил: «Если на первом этапе не ударили в грязь лицом (партизаны Минской области подорвали около тридцати тысяч рельсов!), значит, и на «Концерте» обязаны выглядеть не хуже». Почти каждую ночь партизанский аэродром под Бергомлем принимал самолеты со взрывчаткой, оружием и боеприпасами.

Уже 24 сентября Мачульский радиовал в Москву: подготовка к операции завершена, все бригады и отдельные отряды стоят у железных дорог, ведущих к Минску. А 25 сентября начался «Концерт», отзвук которого прокатился по всей Белоруссии. Дирижером его на одном из участков был Роман Наумович.

Больше месяца гремела «рельсовая война». Отчаянные попытки гитлеровцев восстановить движение не имели успеха. Это вынудило фашистов усилить автомобильные перевозки, однако и тут их постигла неудача — борисовский подпольщик Семен Книга подорвал двухсотдвадцатиметровый мост через Березину.

Обстановка потребовала от Р. Н. Мачульского уделить особое внимание активизации городского подполья в Минске и Борисове, значительно расширить там сеть разведывательных и диверсионных групп. Дело в том, что фашисты уже начали минировать фабрики и заводы, и надо было следить за каждым их шагом, рискуя жизнью, доставать схемы минирования и при возможности тут же, по горячим следам, разминировать. Верным помощником Мачульского в этом был его заместитель Константин Ильич Доморад, с которым он хлебнул не один фунт лиха: вместе делили ночь над картами штабистов, уступая друг другу оставшиеся полчаса ночного времени для сна; вместе ходили на рекогносцировку перед предстоящим боем и вместе прокладывали маршрут, по которому потом двигались партизаны; вместе начинали особенно тщательно бриться и пришивать воротнички, когда после очередной неудачи надо было выйти из землянки к бойцам бравее бравого, без тени уныния; вместе отстреливались, если натыкались на вражеские засады, а такое было не однажды; вместе интенсивно работали над вариантами путей спасения тех тысяч людей, над которыми нависла почти неизбежная угроза гибели или угона в фашистское рабство; вместе, наконец, определяли места для новых поселений спасенных и вместе отправлялись на первую раскорчевку площадки для посадки самолета. Будили они друг в друге хорошие, чистые чувства и работали, понимая один другого с полуслова, как отлаженные заранее две шестерни. Теперь Доморад, которого командир в шутку называл «вожак», опять был рядом, ибо не менее хлопотным и трудным делом было спасение горожан, ради жизни которых подпольщики работали в немецких учреждениях, на хлебозаводах и складах, снабжали многих минчан продовольственными карточками, доставали фиктивные пропуска, находили проводников и выводили спасенных в партизанскую зону.

Мачульский был своего рода идейным вдохновителем всех планов, всех акций, всех операций. О нем, бесстрашном командире, секретаре подпольного обкома, уже ходили легенды, щедро приукрашенные фантазией. К нему тянулись не только боевые товарищи, но и местные жители, впрочем передко жалуясь «главному советскому начальнику» на деревенских

командантов, которые «поступали не по совести». Роман Наумович тут же обстоятельно разбирался, строго взыскивал с виновных и помогал пострадавшему.

Так случилось и со старушкой из Амнишева. Низенькая, сгорблена, в овчинной шубе и в больших, явно не по ноге валенках, она вошла в хатенку.

— Мне бы главного советского начальника. Пожаловаться пришла. Двадцать верст шла — все пехом, пехом...

Роман Наумович помог ей раздеться, усадил на табуретку. Она долго всматривалась в его лицо, затем живо заговорила:

— Так ты и есть Советская власть? Вот и хорошо!

И начала рассказывать: живет с сестрой, тоже старушкой. Была у них корова, так комендант отвел ее к партизанам. А корова-то кормила их обеих: на молоко и кусочек хлеба, и картошку выменивали.

— Теперь хоть зубы на полку. — Она замолкла и грустно улыбнулась: — Да и зубов тех у нас почти не осталось...

Роман Наумович тут же написал записку командиру и комиссару отряда, передал ее нарочному, а старушке сказал:

— Отдохните у нас, потом вас подвезет попутная подвода. Ну, а к приезду, глядишь, и ваша кормилица будет в хлеву.

Возвратилась в Амнишево старушка — действительно, буренка во дворе, да еще полвоза сена лежит у забора. Это в порядке извинения от коменданта. А по деревне только и разговора: вот что такое она, Советская власть, — не давала до войны человека в обиду и сейчас за него горой. Ну, а благая весть далеко катится.

Пока шла война, испытаниям и трудностям не было конца.

На долю Мачульского выпала еще одна блокада — весной 1944 года. И в какой момент?! Подпольный обком и штаб соединения дали директиву райкомам, партизанским командирам и комиссарам направить в деревни людей, помочь привести сев яровых. Бойцы немедля отправились на посевную. А через неделю из Москвы депеша: готовится небывалая по размерам карательная экспедиция — 80 тысяч гитлеровцев: несколько дивизий из резерва группы армий «Центр», дивизии бомбардировщиков, танковые, артиллерийские части, эсэсовские подразделения.

Было над чем задуматься. Но в какие бы переплеты Роман Наумович ни попадал, он никогда не терял самообладания. На совещании командиров и комиссаров он предложил

единственно возможную тактику: оборону держать в боевой готовности, прибывших из других зон партизан подчинить штабу соединения. Райкомы партии и комсомола обязывались любой ценой закончить посевную. Одновременно увеличивалось количество групп для диверсий на «железке» и шоссе.

И вот 22 мая, едва взошло солнце, по всей западной границе партизанской зоны тяжело загрохотали пушки и минометы. После часовой подготовки фашисты ринулись в атаку. Партизаны ударили в упор, положили цепи на землю; каратели попятались.

Атака следовала за атакой. Теперь с удвоенной яростью все дрались на второй линии. И все же в начале июня каратели оседлали шоссе Минск — Плещеницы, а затем и перерезали его севернее Плещениц. 6 июня Мачульский провел экстренное совещание и отдал приказ: нанести удар всеми силами между деревнями Жердяжье и Оково и выйти из окружения. Ночью штурмовые группы стремительной атакой обеспечили проходы, и бригады, выйдя на прежние базы, тут же стали совершать налеты на внешнее кольцо блокады.

Положение стало особенно критическим, когда командование «Центр» ввело в бой авиацию и танки. Они упорно теснили партизан к озеру Палик, в сильно заболоченную местность, где невозможно ни маневрировать, ни сосредоточиться для удара. Мачульский решил прорвать кольцо, проскочить в прежние районы дислокаций и тем самым свести к нулю усилия карателей.

Прорыв не удался: люди были вконец измотаны, недоставало боеприпасов. Прорвался лишь один отряд да несколько групп. Операцию повторили — прорвались еще две бригады и три отряда. Но в плотном кольце окружения остались три бригады, несколько отрядов и все партизаны, прибывшие на север Минщины из других соединений, да еще гражданское население, находящееся под их защитой. Сюда вела лишь одна дорога — Селецкая гать. На нее и наседали каратели. На высотках у дороги насмерть встал отряд «Буря», которым командовал Ф. А. Феденко. Пять дней фашисты рвались к гати — пять дней отряд удерживал дорогу. Его бомбили с воздуха, его атаковали танки, но на подходе замирали, сраженные бронебойщиками или связками гранат. Отошли защитники дороги только по приказу комбрига П. Г. Лопатина.

Теперь партизаны оказались окружеными в болоте радиусом не более чем семь километров. Вокруг него гитлеровцы установили пулеметы, зарылись в землю автоматы, чуть поодаль от них — пушки и минометы. Самолеты-развед-

чики кружили над болотом, разбрасывая листовки: сдавайтесь! А утром 18 июня больше часа болотную топь месили бомбы. Затем до полуночи рвались снаряды и мины. Несколько угодило в островок, где находился Мачульский со своим штабом...

Очнулся он, когда уже был перевязан и лежал на ольховой коряге. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть, плохо слушался язык. С трудом спросил, что случилось. Оказывается, совсем рядом разорвалась бомба, многие работники штаба ранены и контужены... Сознание то покидало его, то возвращалось.

Следующим утром было то же — налетели 48 бомбардировщиков, затем громыхали снаряды и мины. И вдруг нависла тишина — ни выстрела, ни разрыва. Недалеко послышались гортанные команды, чавканье сапог. Значит, пошли на проческу...

— Ну так что, хлопцы? — спросил он уже почти обычным голосом.

— Бить гадов! — ответили ему.

Кто-то лег рядом, положил пулемет на корягу, заменил диск. Незнакомый автоматчик пристроился с другой стороны. Мачульский достал гранату, вставил запал... Чавканье сапог все ближе и ближе. Гитлеровцы шли большой группой, забыв об осторожности.

— Огонь!

Партизаны ударили в упор — некоторые солдаты упали, остальные бросились назад.

— Давай вперед и вправо, — тихо скомандовал Роман Наумович, партизаны подхватили его, прошли вперед, свернули в сторону и залегли. Когда, опомнясь, каратели возвратились, на островке уже никого не было, зато их встретил огонь с соседнего островка.

Тактику маневрирования перехватили остальные, оказавшиеся в окружении. Фашисты стреляли, не зная точно, где находятся партизаны. А они, кто мог еще передвигаться, разили врагов то с фронта, то с тыла, нагоняя на них животный страх. Как выжили партизаны после таких бомбажек и артобстрелов? Может, воскресли из мертвых?.. Именно так и спросил взятый в плен фашист:

— Вы — оттуда? — он показал рукой вверх, затем, получше рассмотрев перепачканных в болотной тине партизан, переспросил, тыча рукой вниз: — Или оттуда?

Под вечер Роман Наумович дал радиограмму в ЦК КП(б) и БШПД. В ней он просил об одном — нанести удар по карателям с воздуха. Ночью вокруг болота зависли освещ

тительный ракеты, и бомбовые разрывы долго гремели на позициях гитлеровцев.

А вскоре огромная радость наполнила партизанские сердца: на Березину вышли танки с красными звездами на башнях! И не стерпели партизаны — подбросили раненого Мачульского и раз, и второй, и третий. А он и боли не почувствовал. Видно, перед большой радостью отступает боль...

В глубине души он был сугубо штатским человеком, хотя на третьем году пребывания в тылу врага и посыпал погоны полковника. Он был вынужден взять в руки оружие. Более того, возглавить тысячи людей, вооруженных для священной борьбы с фашизмом. Этого требовали время и партия коммунистов. А коль коммунисту ленинская партия дает задание, он выполняет его беспрекословно. И Родина увенчала его по достоинству Звездой Героя.

Более пятидесяти из прожитых лет он в великом строю коммунистов, а это для него значит быть всегда на передовой, если даже тебе под восемьдесят.

О. П. Ошкали

ПАРТИЗАНЫ
НАЗЫВАЛИ
ЕГО ОТЦОМ

В конце 1942 года Особый латышский партизанский отряд, командиром которого был Вилис Самсон (ныне Герой Советского Союза, академик АН Латвийской ССР), а комиссаром — Отомар Ошкали, направился в оккупированную Латвию. Никому не удалось лучше, образнее и лаконичнее охарактеризовать личность Отомара Ошкална, чем Вилису Самсону. В своих воспоминаниях об этом рейде партизанского отряда он рассказывает:

«Старик, или Батька, как в штабе стали читать комиссара, сидит в углу, слушает, молчит. Не потому, что тогда он не был под Москвой (имеются в виду бои в декабре 1941 года на подступах к Москве, в которых участвовала 201-я Латышская стрелковая дивизия.— П. Б.). Комиссар что-то обдумывает, добродушное лицо стало серьезным, взгляд устремлен вдаль, рука с толстой, слегка дымящейся самокруткой описывает в воздухе круги. Такая уж у него привычка.

— Старик снова чертит,— слегка толкнув меня в плечо, шепчет Большой Вилис (Вилхелм Лайвиныш). Он-то слабинку комиссара знает лучше всех и не упустит случая, чтобы сострить. В штабе едва ли кто-нибудь от него отставал на этот счет. Все остры на язык, воинская серьезность не в почете. Не знаю, можно ли уже это назвать традицией, но с тех пор, как в отряде появился Ошкали, официальный тон в штабе изжит. Меткое слово, тонкая ирония и даже юмор с перцем — это комиссар признает. Его дородный стан — самая благодарная мишень для острот. Но комиссар эти шуточки воспринимает с удивительным добродушием и ловко отражает их. По отношению к Батьке это позволительно — он столь же прост, как и остальные, не выделяет себя среди других, мол, я ваш начальник. Возможно, именно в этом кроется секрет загадки, почему Ошкали стал любимцем всех партизан, другом и даже отцом. Большой патриот, страстный глашатай партийной правды, глубоко человечный, настоящий боевой товарищ — таков Отомар Ошкали».

Какие простые и вместе с тем возвышенные слова! Под ними могли бы подписатьсь все, кто сражался плечом к плечу с Отомаром Ошканом. А таких было множество, ведь он еще до войны два десятка лет находился в рядах мужественных борцов рабочего класса.

Родился Отомар Ошкан 12 апреля 1904 года в батрацкой семье, в Скуенской волости Цесисского уезда. Неутолимая жажда знаний, стремление получить образование заставляли его паниматься к богатым владельцам усадеб на самые тяжелые работы, чтобы добыть средства на учение. Сколько требовалось силы воли, упорства, выдержки, чтобы, осмотрительно расходуя скучный летний заработок, шаг за шагом приближаться к намеченной цели — получению учительского диплома. Преодолев все материальные препоны, осложнившие трудовому человеку путь к образованию, Отомар Ошкан в 1925 году окончил Рижский учительский институт.

Суровая школа жизни сблизила молодого батрака с рабочим революционным движением. В 1921 году Отомар Ошкан вступил в нелегальную комсомольскую организацию и легально занимался активной деятельностью в левых рабочих профсоюзах. Это не прошло незамеченным для политохраники буржуазной Латвии, и Отомару Ошкану довелось испытать как скрытое, так и явное преследование со стороны властей. Ему не давали долго работать в одной школе, порой просто отстраняли от преподавания. Тогда хлеб насущный опять приходилось добывать тяжелым физическим трудом.

В 1934 году Отомара Ошканна арестовали и заключили в концлагерь. Там он окончательно утвердился в мысли, что истинное освобождение угнетенных буржуазией классов способна обеспечить лишь реализация программы Коммунистической партии. В 1939 году Отомар Ошкан вступил в Компартию Латвии.

Летом 1940 года в Латвии произошла социалистическая революция. Отомара Ошканна избрали депутатом в Народный сейм. На историческом заседании Народного сейма 21 июля он от всего сердца выполнил волю трудящихся всей республики, и в том числе своих избирателей: голосовал за восстановление Советской власти в Латвии. Затем его избрали вторым секретарем Екабпилсского укома КП(б) Латвии.

Таков вкратце жизненный путь Отомара Ошканна до Великой Отечественной войны, сделавший его настоящим коммунистом и пламенным советским патриотом.

* * *

*

Советская Латвия уже более двух лет находилась под игом гитлеровской оккупации. И хотя за это время оккупанты, стремясь сломить сопротивление местных жителей, проливали потоки крови патриотов, гноили их в тюрьмах и концентрационных лагерях, пытаясь с помощью предателей втереться в доверие к латышскому народу, ни жестокий террор, ни коварный обман не оправдали их ожиданий: дух протеста и борьбы в народе все креп.

Центральный Комитет КП(б) Латвии в качестве главной задачи данного периода выдвинул создание на всей оккупированной территории Латвии, во всех уездах и городах подпольных партийных центров, способных организовать и возглавить борьбу широких народных масс против немецко-фашистских захватчиков. И в 1943 году были созданы подпольные укомы партии в Абренском, Валкском, Мадонском, Лудзенском, Резекненском, Даугавпилсском и Екабпилсском уездах. Партийные организации помогли также в создании на местах комсомольских и антифашистских комитетов. Руководство укомов партии было подчинено соответствующим подпольным обкомам. Так, в апреле 1943 года возник подпольный Латгальский обком КП(б)Л (секретарь Л. Авдюкевич), а в конце того же года — Видземский обком КП(б)Л (секретарь Ф. Берг). Тогда же приступил к руководству Земгальским подпольным обкомом КП(б)Л прошедший закалку в партизанской борьбе Отомар Ошкалн. Все, кто знал его, считали, что лучшей кандидатуры для столь ответственного дела не найти. Он обладал всеми необходимыми качествами партийного деятеля, а также опытом партизанской борьбы и знаниями, которые требовались для руководства подпольной работой в Земгале, где он работал вторым секретарем укома партии. Проводя в жизнь аграрную реформу, выполняя другие важные партийные обязанности, Ошкалн хорошо познакомился с населением уезда. Это помогало ему в установлении контактов с надежными сторонниками Советской власти.

На территории Земгальской области было несколько крупных лесных массивов, большая часть которых находилась в Екабпилсском уезде. Их Отомар Ошкалн знал особенно хорошо. В первые дни войны он во главе уездной рабочей гвардии перехватывал там фашистских парашютистов и вел бои с вооруженными группами местных националистов, спешившими всячески поддержать гитлеровских захватчиков. Потом сражался в рядах Красной Армии и партизанских от-

рядах, с оружием в руках отстаивал советский строй, за который боролся еще в революционном подполье буржуазной Латвии.

Теперь опыт Отомара Ошкална мог оказаться очень полезным при выборе партизанской базы для подпольного обкома партии, а также для маневрирования в схватках с карательными экспедициями гитлеровцев.

Латышские партизаны неоднократно пытались выйти на левый берег Даугавы, в лесные массивы, чтобы оттуда организовывать борьбу против фашистских оккупантов, однако безуспешно. Для охраны этого района гитлеровцы сконцентрировали крупные полицейские и воинские силы, поскольку вдоль берегов Даугавы проходили важные коммуникации — железнодорожные линии и шоссе, интенсивно использовавшиеся оккупантами для снабжения фронта. Здесь находилась также крупнейшая в Прибалтике Кегумская гидроэлектростанция.

Вступая в обязанности секретаря Земгальского подпольного обкома партии, Отомар Ошкалн отчетливо представлял себе, какие опасности подстерегают партизан, прежде чем они доберутся до левобережья Даугавы и создадут там базу. Однако именно это обстоятельство и побудило его просить ЦК КП(б) Латвии, чтобы такое задание было доверено ему.

6 октября сорок третьего года группа из 17 человек под руководством Отомара Ошкална направилась из Себежско-Опочской партизанской зоны к границе Латвии. Ей предстояло совершить рейд протяженностью несколько сот километров по оккупированной территории, чтобы проникнуть в район Бирзгальских лесов, где намечалось разбить первый лагерь этого партизанского отряда.

После нескольких вооруженных столкновений с фашистскими постами и патрулями, неоднократно отбиваясь от преследователей, группа Отомара Ошкална в конце октября достигла Даугавы. Под Кокнессе ей удалось на лодке благополучно переправиться на левый берег. В начале ноября группа без потерь вышла в район Бирзгальских лесов и немедленно развернула интенсивную военно-политическую деятельность в окрестностях Екабпилса, Риги и Бауски.

Коммунисты, комсомольцы, беспартийные бойцы отряда Отомара Ошкална информировали местных жителей о положении на фронтах Великой Отечественной войны, разоблачали политику фашистов, призывали население саботировать приказы оккупантов.

Партизанам удалось найти общий язык с широкими слоями населения. Позднее в отчете о начальном периоде этой

деятельности Отомар Ошканн писал: «По большей части местные жители о наших посещениях официальным охранным отделениям не доносили, а своим друзьям и знакомым весьма подробно пересказывали увиденное и услышанное. То же происходило и на молокозаводах, на мельницах, в других местах, где собираются люди,— всюду шептались про нас, к тому же все происшествия преувеличивали, приукрашивали, добавляли от себя. Крестьяне обычно держали про запас две-три ковриги хлеба и с наступлением темноты приносили продукты в избу, где останавливались партизаны, и состязались в угощении, обижались, если мы не ели или не могли ждать, пока приготовят ужин.

Так, например, на хуторе Андри Тауркалинской волости нас хозяин с хозяйкой долго не впускали, а потом, когда мы уходили от них, прощаясь, говорили: «Славные какие люди, на душе стало спокойней да светлей». Конечно, были и исключения, когда хозяева немедленно доносили охранникам».

Осенью сорок третьего года Земгальский подпольный обком партии окреп и развернул свою деятельность вширь. Отомар Ошканн знал многих жителей этой местности, которых можно было вовлечь в борьбу против гитлеровцев. Благодаря этому обком установил широкие связи с трудовыми крестьянами, лесорубами, учителями. Наладились контакты с подпольными группами, организациями и отдельными борцами, действовавшими с начала войны. «Здесь мы установили широкие связи с местными жителями, договорились со многими, и они систематически сообщали нам ценные сведения о замыслах противника и тем самым давали возможность маневрировать»,— докладывал позднее Латвийскому штабу партизанского движения Отомар Ошканн.

А маневрировать отряду приходилось часто. Гитлеровцы поняли, насколько опасный неприятель появился у них в тылу. Против небольшой партизанской группы Ошканна почти непрерывно высыпались отряды полиции и солдат. Однако благодаря информации, получаемой от местных подпольщиков, Отомару Ошканну, избегавшему вооруженных столкновений с превосходящими силами противника, удавалось своевременно перебазироваться в другой лесной массив или, молниеносно напав на разрозненные группы карателей, разгромить их и бесследно скрыться. Врагу снова требовалось время, пока он нащупывал местонахождение партизан.

И все же партизанам Отомара Ошканна случалось попадать в очень опасные ситуации. Особенно тяжело пришлось отряду в декабре. Одежда и обувь вконец износились, не хватало продовольствия, не было медикаментов, связь с Лат-

вийским штабом партизанского движения прервалась. Возможности передвижения стали крайне ограниченными, на снегу оставались следы. Кое-кто из партизан уже поговаривал о возвращении на правый берег Даугавы. Положение было очень трудное. Однако Отомар Ошкалн считал, что для коммунистов нет непреодолимых преград. Партизаны взвесили ситуацию, обсудили возможные выходы и решили оставаться на своих позициях. Пришлось на время укрыться в землянках, подтянуть потуже ремни, обходясь скучными нормами картошки. Выдержали!

В феврале 1944 года в деятельности партизанской группы Отомара Ошкална стал намечаться новый этап. Связи партизан с местными жителями стремительно расширялись. Оккупационные власти объявили очередную мобилизацию. Однако разъяснительная работа, проведенная Земгальским обкомом партии, сыграла свою роль. Люди не хотели служить оккупантам, старались избежать мобилизации, они сами искали связей с партизанами, приглашали их на совещания, просили совета, как успешней сопротивляться гитлеровцам. Быстро росло число желающих вступить в партизаны. Появилась возможность не только пополнить существующий партизанский отряд, но и создавать новые. Так, за один день — 13 февраля — к партизанам Отомара Ошкална присоединились 16 человек. Они прибыли с двумя возами продовольствия. Через несколько дней в отряде насчитывалось уже 60 бойцов.

В начале марта 1944 года партизанам Отомара Ошкална было доставлено на самолете оружие с Большой земли. Прибыло также несколько офицеров, направленных Латвийским штабом партизанского движения. Шла интенсивная боевая и политическая подготовка. Основное внимание уделялось освоению автоматического оружия, несению караула, разведке и тактике партизанской борьбы. Занятия проводили опытные партизаны и вновь прибывшие офицеры. На левом берегу Даугавы образовывался мощный военный кулак, способный нанести противнику чувствительный удар в спину.

В то же время Земгальский подпольный обком КП(б)Л развернул массово-политическую работу. Партизаны устанавливали связи с дезертирами из гитлеровской армии и с теми, кто укрывался от мобилизации в латышский легион, с военнопленными, находившимися в лагерях в Валенбурге, Плесах и Даудзеве. Из первых двух партизанам удалось освободить более 30 узников.

На Ленинградском и Волховском фронтах Советская Армия наносила гитлеровцам все более сокрушительные удары.

В связи с этим передвижение немецких частей по железным и шоссейным дорогам вдоль обоих берегов Даугавы усилилось. Для партизан настало время приступать к диверсиям. И в апреле на железнодорожных участках Нерета — Виесите и Елгава — Крустпилс подорвались вражеские военные эшелоны, спешившие с подкреплением к своему отступающему фронту. Были уничтожены сотни гитлеровцев, вооружение и продовольствие, выведены из строя паровоз и вагоны.

Партизанский отряд Отомара Ошкална подвергался постоянным преследованиям врага. Облава следовала за облавой. Одна из самых ожесточенных карательных экспедиций состоялась 31 марта 1944 года.

Отомар Ошкалн позже писал: «31 марта противник неожиданно напал на нас. Местным шуцманам и полицейским сообщили об этой операции только перед самым ее началом, потому наши связные ничего не знали о подготовке к ней.

В этой операции участвовали значительные силы врага — местные полицейские, шуцманы, штурмовики, один учебный полк полицейских из Елгавы, батальон легионеров, части немецкого гарнизона, подразделения немецкой жандармерии, украинские националисты и т. д. (всего тысяча человек. — П. Б.). Со стороны Лоне прибыло 32 автомашины, из Залве — 46, из Залаки — 11, много машин из Виесите (гарнизон Биржского аэродрома) и самая большая колонна со стороны Даудзева — Виеситская корчма.

Наш партизан Кришьянис Калнынь накануне вечером ушел к себе домой — на хутор Межаритес. Туда из Риги вернулся его брат Петерис, которого мы посыпали на задание. В 6.30 он заметил, что к дому приближается большая вражеская колонна. Не успев даже одеться, он выбежал из дома, успел в лагерь и рассказал нам об опасности...

Я, капитан Браслис и еще 5 партизан ушли в район Дзегужгала за шоссе Лоне — Лиелзалве, в Аси, Какиши и другие хутора достать продовольствие и произвести разведку. В лагерь возвратились 31 марта только в 8.00, когда была уже объявлена тревога и фашистские разведчики вошли в бараки лесных рабочих в Яунземьи. Подошедшими партизанам пришлось немедленно вступить в бой. Завязались схватки с группами, которые шли со стороны Даудзева и Залве, а также из района Яунземьи. Мы пустили в ход все пулеметы. Бой, то и дело переходивший в жестокие схватки, продолжался на обширной территории три с половиной часа.

В этом бою особенно проявили себя командир группы Петерис Красовский, Янис Бинат, Михаил Филиппов, пулеметчик Д. Цибуревкин и другие.

Наши потери: погиб Янис Малинь. Потери противника: 8 убитых и 27 раненых. Мы оставили свой лагерь. Противник также спешно отступил. Из задуманной акции по «чистке» леса ничего не вышло».

Разъяренные провалом этой крупной карательной экспедиции, своим бессилием в борьбе с партизанами, фашисты усилили кровавые репрессии против мирных жителей. Начались массовые аресты, пытки и расстрелы. В руки гитлеровцев попались несколько активных подпольщиков и связных партизан. Напрасно враги пытались вырвать какие-нибудь сведения о партизанах у этих советских патриотов. Они молча вынесли нечеловеческие муки, пошли на смерть, но своих боевых товарищей не выдали. Геройски погиб в это время один из руководителей опорного пункта партизан отряда Отомара Ошкална — Андрей Эвелитис. Гитлеровцы его арестовали, зверски пытали и, ничего не добившись, расстреляли.

Кровавый фашистский террор вызвал панику среди мирных жителей. Наиболее запуганные стали избегать партизан. Партизанским агитаторам во главе с командиром пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить людей. Поднять дух населения помогало и геройство самих партизан, сила их оружия в борьбе с фашистами.

Связи между местными жителями и партизанами вскоре снова окрепли. Хотя репрессии против населения продолжались, да и выслеживание партизан не прекращалось, люди все решительней поддерживали партизан, в их ряды стекалось все больше новых борцов.

Наступило лето сорок четвертого года, близился час освобождения Советской Латвии. Из прежней небольшой партизанской группы Отомара Ошкална, которая прибыла на левобережье Даугавы, вырос сильный боевой отряд, насчитывавший 400 человек. Появилась возможность создать 3-ю Латвийскую партизанскую бригаду, командиром и комиссаром которой стал секретарь Земгальского подпольного обкома партии Отомар Ошкалн. Бригада действовала в Екабпилсском, Бауском и Рижском уездах.

5 июля сорок четвертого года партизаны Советской Латвии получили директиву ЦК КП(б)Л и Латвийского штаба партизанского движения. «Близится час освобождения Латвии, — говорилось в ней. — Будьте готовы к последнему, решительному удару... Не допускайте угона людей, уничтожения народного добра. Выдвигайте кандидатов на руководящие посты...» Эта директива определила основное направление борьбы латышских партизан.

События на фронтах также говорили о приближении решающего удара для освобождения Советской Латвии. Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов уже находились в Литве и вышли к границе Латвии в районе Даугавпилса. 10 июля наступление начали войска 2-го Прибалтийского фронта, а через неделю пошли в наступление и силы 3-го Прибалтийского фронта. 18 июля с востока, в районе ІЦКЛУНЕ, границу Латвии перешел 130-й Латышский стрелковый корпус.

Противник упорно сопротивлялся. Чтобы воспрепятствовать перемещению гитлеровских войск и доставке военных грузов на фронт, 3-я Латвийская партизанская бригада развернула диверсионную деятельность. Главными объектами диверсии стали железнодорожные участки Рига — Даугавпилс и Елгава — Крустпилс. Опять взлетели на воздух вражеские военные эшелоны, направлявшиеся на фронт. Было уничтожено 180 гитлеровцев, выведен из строя паровоз, разбиты три платформы с танками, несколько вагонов с военной техникой и боеприпасами. Это произошло ночью. А на другой день к полудню, когда гитлеровцы поспешно закончили восстановление железнодорожного полотна и движение возобновилось, первый же военный эшелон, двинувшийся к фронту, напоролся на партизанскую мину. Был взорван паровоз, четыре платформы с противотанковыми орудиями слетели под откос, убито 130 вражеских солдат.

По железной дороге наносился удар за ударом. Ранним утром 18 июля вблизи станции Мента мчался гитлеровский военный эшелон. Внезапно его ход прервали два мощных взрыва. 17 вагонов и три цистерны с горючим с оглушительным грохотом покатились вниз под откос. Вырвались огромные языки пламени, в воздух взметнулся столб черного дыма. Гитлеровцы окружили место катастрофы и никого туда не подпускали. Что там произошло, не позволялось знать даже охране моста и железнодорожникам. Лишь позднее удалось выяснить, что было убито более 300 солдат.

Прошло еще несколько дней, и в районе той же станции опять подорвались на партизанских минах один за другим два вражеских военных эшелона. Эти диверсии также нанесли противнику большие потери в живой силе и технике.

Советская Армия обрушилась все новые мощные удары на фашистскую группировку «Север» и вынуждала ее отступать на запад. Бойцы уже шли по территории Восточной и Северо-Восточной Латвии. В конце июля воинские части 1-го Прибалтийского фронта начали наступление на земгальском направлении со стороны Литвы.

Взяв штурмом Елгаву и Тукумс, советские войска прорвались к берегу Рижского залива у поселка Клапкалнциемс. Это означало, что началось освобождение и левобережья Даугавы.

В это время 3-я Латвийская партизанская бригада развернула действия против фашистов на земгальских дорогах. Поблизости от них в удобных местах устраивались засады, откуда партизаны совершили внезапные падеты на противника, минировали дороги, взрывали мосты. Деятельность бригадных отрядов чрезвычайно ожила, иные группы выходили на боевые задания по три раза в сутки.

Гитлеровцы были вынуждены выделять на охрану дорог крупные силы. В стратегически важных местах — на перекрестках, узлах — они рыли траншеи, устанавливали в них пулеметы и размещали воинские подразделения. В конце концов для борьбы с партизанами вдоль дорог фашисты возвели такую укрепленную полосу, что прорваться к ним без боя стало невозможно. Однако преследование партизан в лесу противник прекратил.

Во исполнение директивы ЦК КП(б)Л и Латвийского штаба партизанского движения партизаны под командованием Отомара Ошкална проводили большую работу, помогая населению уклоняться от угона в Германию. С помощью партизан местные жители все ценное имущество закапывали в землю, а сами с лошадьми, коровами и инвентарем отправлялись в леса. Так возникло несколько лагерей под непосредственной охраной партизан.

Последние два дня перед приходом Советской Армии в район действий партизанской бригады Отомара Ошкална вражеские войсковые части отступали по всем лесным просекам. Партизаны неотступно преследовали противника, обстреливали всюду, где бы он ни продвигался. Местами в лесах разгорались настоящие сражения: гитлеровцы, отбиваясь от партизан, пускали в ход артиллерию и минометы. Это были последние боевые удары, нанесенные партизанами 3-й Латвийской бригады по врагу.

9 августа 1944 года Отомар Ошкалн и партизаны из его бригады встретились с первыми частями Советской Армии, которые теснили противника. Это было одно из тех счастливых мгновений, при воспоминании о которых даже у закаленных бойцов появляются слезы. Завидев партизан, солдаты первыми бросились к ним. Они по-братьски обнялись, долго жали друг другу руки. На дороге войны сошлись верные соратники, братья по оружию. Они понимали друг друга без слов, знали, каких жертв потребовал этот долгожданный миг.

Отомар Ошканн встретился с командиром полка. Партизаны получили приказ помочь 31-й стрелковой дивизии в проведении разведки. Они хорошо разбирались в местности, им были известны все тропы, незаметные подступы к нужным пунктам, поэтому успешно выполняли задания, доставляли точные сведения штабам, помогали армейским разведчикам пересекать линию фронта.

Фронт продолжал продвигаться на запад. Наконец и Земгале была очищена от оккупантов. 3-я Латвийская партизанская бригада завершила свою боевую деятельность. Каков был ее вклад в победу над гитлеризмом? За полгода партизаны бригады Отомара Ошканна взорвали 18 военных эшелонов противника, уничтожили 62 автомашины с живой силой и военными грузами, вывели из строя 2800 фашистских солдат. И это совершила партизанская бригада численностью 400 человек!

После войны бывший командующий 1-м Прибалтийским фронтом Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал: «В эти памятные для фронта дни... войскам оказали большую помощь латышские партизаны, которыми командовал славный сын латышского народа Отомар Ошканн. Партизаны своевременно сообщали нам о всех передвижениях врага, нарушали управление его войсками, задерживали выдвижение резервов и затрудняли подвоз боеприпасов к линии фронта. Отважный командир 3-й партизанской бригады не раз сам добирался до штаба фронта, чтобы согласовать свои действия с нами. За оказанную им помощь представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский от имени Верховного Главнокомандования объявил партизанам Ошканна благодарность. А на других участках не менее мужественно действовали партизанские бригады под командованием В. Самсона и П. Ратыня»¹.

* * *

*

Стояла на редкость теплая, солнечная осень. Люди выходили из лесов и принимались снова за свои мирные дела.

Из Даугавпилса, где тогда находились ЦК КП(б)Л и правительство Советской Латвии, в Екабпилс прибыла Оперативная группа партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Ей предстояло восстановить в уезде Советскую власть. Незаменимыми помощниками укома партии, руководившего этой работой, стали партизаны. Они уча-

¹ На правый бой, на смертный бой. Рига, 1972, т. 2, с. 12.

ствовали в организации местных органов власти: зная людей, выдержавших труднейшие испытания оккупации, они советовали, кому какую работу доверить. С энтузиазмом партизаны чинили дороги в уезде, строили мосты, помогали местным жителям убирать урожай. Иные из них вступали в ряды Советской Армии и продолжали борьбу с оружием в руках до полной победы над фашистскими захватчиками.

Земгальский подпольный обком КП(б)Л свою миссию с честью выполнил. Отомару Ошкалну ЦК КП(б) Латвии доверил новое задание — его выдвинули первым секретарем Рижского укома КП(б)Л. И уже 13 октября, как только стало известно об освобождении столицы республики, Отомар Ошкалн направился в Ригу, чтобы приступить к исполнению новых обязанностей. Легче ли они были? Трудность или легкость задания в большой мере зависит от чувства ответственности самого исполнителя. Отомару Ошкалну его было не занимать. Поэтому новое поле деятельности стало для него новым сектором фронта. Восстановить и повести в гору жизнь уезда, залечить раны, нанесенные оккупацией, — задача не из легких. Но ведь трудные дела доверяют не каждому. Отомар Ошкалн был одним из тех, кому их можно было доверить.

Вскоре после войны, в 1945 году, Отомар Ошкалн был удостоен звания Героя Советского Союза, а многих из его боевых товарищей наградили орденами и медалями.

В 1946 году Отомара Ошкална назначили министром технических культур Латвийской ССР. Предстояла огромная работа. Однако слишком много сил уже было отдано. 1 сентября 1947 года перестало биться пламенное сердце борца за Советскую власть Отомара Ошкална.

*Перевела с латышского
Людмила ЛУБЕЙ*

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой
Советского Союза

Н. Н. Попудренко

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Было это в лесах под Ковелем в июле 1943 года. Начальник нашей партизанской радиостанции Толя Маслаков привнес радиограмму, полученную из Москвы: «В ночь на 7 июля в бою, при выходе из окружения, погиб командир Черниговского партизанского соединения и первый секретарь Черниговского подпольного обкома КП(б)У Николай Никитич Попудренко».

Ох, Николай, Никитич! Вот ведь знаешь — война, любого из нас завтра, а может, и сегодня настигнет пуля, бомба, снаряд. Знаешь, а в смерть не веришь.

В смерть Попудренко как-то уж очень не хотелось верить. До того он был живой, до того счастливый в бою!

Подробностей его гибели мы еще долго не знали. «Погиб в бою...» А как же иначе? И представить себе невозможно было, чтобы Попудренко умер в постели. Как только я прочитал радиограмму, в моем воображении сразу же возникли вздыбленный вороной конь и Николай Никитич верхом с пашкой наголо.

Вошел в палатку Дружинин. Я дал ему листок с радиограммой. Рука комиссара задрожала. Рванов, самый молодой из нас, прочитав радиограмму, выбежал из штабной палатки. Пришлось за ним посыпать — дела не ждали.

Хоть и разделились мы с Попудренко уже четыре месяца назад, но до сих пор было такое чувство, будто он по-прежнему воюет вместе с нами. Дня не проходило, чтобы не вспомнили мы о том или другом из наших черниговских товарищей.

О Попудренко же не только вспоминали. Когда обсуждали в штабе предстоящую операцию, кто-нибудь из «стариков» обязательно говорил: «А вот Николай Никитич предложил бы такой вариант...» Мы как бы советовались с ним.

Наш хирург Тимофей Гнедыш неожиданно спросил:

— А как в Черниговском соединении, хорошо поставлена медслужба? Хирурги серьезные есть?

Я понял, о чём подумал Гнедыш, горько усмехнулся и махнул рукой... Если уж Попудренко ввязался в бой, то, конечно, он был на самом опасном участке, в самой гуще. Вряд ли санитары могли его вынести. Когда я был его командиром, мне постоянно приходилось удерживать Николая Никитича от излишнего риска.

В Гордеевке он ворвался с тремя партизанами в немецкую комендатуру. Комендант выстрелил в него на расстоянии нескольких шагов и промазал. Попудренко выбил у него пистолет. Тот выхватил из ножен кортик, но слишком поздно... Когда мы с Николаем Никитичем расстались, этот кортик висел у него на поясе.

Гордеевская операция!..

23 сентября 1942 года вечером группа партизан человек в 300 вышла из лагеря с задачей разгромить вражеский гарнизон в районном центре Гордеевка. Кроме того, предстояло уничтожить спиртозавод в поселке Творишино. Руководить операцией было поручено Попудренко. На спиртозавод отправлялась рота из Злынковского отряда во главе с Марковым.

Основной удар по райцентру наносили 1-я и 2-я рота Черниговского областного отряда. Несколько групп Щорсовского отряда залегли у дороги. К четырем часам 24 сентября подразделения вышли на исходные позиции. Зазвенела пила, и телеграфные столбы повалились на землю. Связь была прервана. Щорсовцы разошлись по засадам. Оставалось еще два часа до начала операции, поэтому почти все бойцы улеглись в придорожную канаву, чтобы отдохнуть и хоть немного укрыться от холодного ветра. Командиры собирались около Попудренко, который давал последние указания.

Скоро командиры начали поднимать свои подразделения, чтобы принять боевой порядок. Все, ежась от холода и стараясь не шуметь, занимали свои места.

На правом фланге была 1-я рота, на левом — 2-я. Вытянувшись в шеренгу, пошли, зорко взглядываясь в улицы поселка.

В шесть часов ударили наш батальонный миномёт. Это был сигнал к атаке. Мина просвистела, и утреннюю тишину разорвал резкий взрыв. Все бросились бегом к домам, бежали по улицам. Вот треснуло окно, и из него выскоцил полицейский, пробежал немного и упал, настигнутый партизанской пулевой. Подбежали к дому начальника полиции. Он в одном белье выпрыгнул в окно и огородами решил уйти от партизан.

Один из партизан крикнул: «Стой, не стрелять, ребята,

я его догоню», — и бросился со всех ног за перепуганным начальником.

Предатель был пойман и после допроса расстрелян.

1-я рота подошла к комендатуре. Гитлеровцы, спрятавшись за кирпичный гараж, стали бросать гранаты, не давая партизанам подойти. Тогда минометчик Сережа Мазепов, изловчившись, убил фашиста, который метал гранаты, и крикнул:

— Ребята, не дадим удрать фашистам, за мной, бегом!

И комендатура была занята. Несколько гитлеровцев побежали на мельницу, но их догнали партизаны.

Партизаны ворвались в центр Гордеевки. Бой в основном прекратился, только по огородам и окраинам они вылавливали поодиночке гитлеровцев и их прислужников. Был пойман также бургомистр.

Освободили арестованных. Среди них оказался учитель. Он по приказу оккупантов собрал на районное совещание учителей и там вдруг завел патефон и начал проигрывать пластинки с советскими песнями.

Население, не ожидая окончания боя, вышло почти все на улицы. Нас жадно расспрашивали о фронте, о жизни в советском тылу, о Красной Армии. Охотно помогали нам вылавливать попрятавшихся врагов. Один житель нашупал вилами в копне сена фашистского следователя.

Хлопцы разыскали и принесли мне немецкую листовку. В ней за голову Попудренко обещали 30 тысяч деньгами. За средний комсостав — по 10 тысяч. За рядового партизана — 5 тысяч да еще в придачу соль, спички и керосин.

Попудренко приказал открыть склады и раздать населению соль, спички и другие необходимые товары...

В другой раз Попудренко с четырьмя автоматчиками на тройке, запряженной в рессорную коляску, днем ворвался в село, где было не меньше 300 гитлеровцев. На улице шло учение. Попудренко и его автоматчики обстреляли ряды солдат и совершенно невредимыми ускакали из села...

Такие лихие налеты в боевой биографии Николая Никитича не редкость. А ведь он занимал в то время должность заместителя командира соединения, был вторым секретарем обкома. По своей должности и званию он не должен был совершать подобные действия. Но Николай Никитич был убежден, что командир, как бы высоко он ни стоял, обязан показывать подчиненным пример личного героизма и презрения к смерти. Чем ближе он сходился с противником, тем яростнее становился. Больше всего его увлекал рукопашный

бой, горячая схватка. Случалось, попадало ему и от обкома, и от меня лично.

Но могу ли я сказать, что у Николая Никитича не хватало дисциплинированности?

В наступлении он был в высшей степени дисциплинированным, если дисциплиной считать добросовестное и точное выполнение боевого приказа.

Но вот когда надо было сдержать себя, когда требовалось отступить — Николай Никитич этого не умел. А точнее, не мог.

— Признаю, — говоривал он мне, — большой это мой недостаток. Я «петух» драчливый... Учтите, буду и лавировать и отступать. Но трудно, ох трудно мне эта наука достается!

Если обсуждался в штабе план предстоящей операции, Николай Никитич предлагал всегда самый дерзкий и чаще всего лобовой удар. Он понимал, конечно, что партизанам нужно уметь и ускользать от врага, и совершать обходный маневр, но это было ему уж очень не по душе...

Мы любили Николая Никитича за кристальную честность, за глубокую преданность Коммунистической партии, за страстность, за беззаветную храбрость.

Я приведу несколько записей из его партизанского дневника. Может быть, они лучше, чем мои слова, объяснят читателю, каков был наш Николай Никитич, как он был предан Родине и любил людей.

«25 февраля 1942 года. Ровно шесть месяцев, как выехал из Чернигова в Гулино. Полгода в тылу врага. Это легко сказать! А прожил это время интересно и поучительно. За это время было очень много различных острых, простых и сложных событий, но всегда было так: чем сложнее и острее стоит проблема, тем больше появляется энергии, острее становится разум, больше интереса к жизни. За полгода есть о чем вспомнить и что осмыслить.

Характерно одно, о чем никогда не следует забывать: партизаны держали власть в своих руках на территории двух районов около четырех месяцев. В это время проходили сессии районных и сельских Советов. В повестке дня: текущий момент и задачи партизан. К дню октябрьских праздников корюковские партизаны отремонтировали радиоузел и транслировали Москву по всему райцентру. И это в то время, когда немцы лезли из кожи вон, доказывая, что Москва ими взята. Партизаны организовали торговлю, восстановили порядок в колхозах и т. д.

Немцы появлялись, но, узнав, что тут были партизаны, немедленно исчезали.

Это было время, когда не немцы гонялись за нами, а мы за ними. Это не значит, что мы были большой силой. Но такой факт был. Дело в том, что партизаны находились одновременно в нескольких селах, и казалось, что их очень много. Немцы утверждали, что, мол, придет зима и партизанам «капут». Но пришла зима, а отряды выросли в два-три раза...

28 февраля 1942 года. Самолеты прилетали. Причем раньше времени. Первый прибыл в 2 часа 24 минуты и к 3 часам груз скинул. Другой прибыл в 3 часа 35 минут и до четырех закончил работу. Все сделано отлично. Сбросили двух радиостов и одного разведчика, четыре миномета, 400 мин, 20 тысяч патронов.

За все это надо очень поблагодарить. Это событие подняло боевой дух наших бойцов. Достать бы еще станковых пулеметов и автоматов — и у нас тысячная армия!

Днем приняли радостную весть из штаба Юго-Западного Фронта: уведомление о том, что список товарищей, представленных нами к награде, подписан Военным советом Фронта. Есть надежда, что и правительство наградит. Трудно представить себе ту минуту, когда это будет объявлено. Уж кое-кто пустит слезу... А в общем это будет историческим событием!.. Прощай, февраль, да здравствует март!

1 марта 1942 года. За последние три дня приняли в отряд 78 человек из сел Хоромное и Елино. Полгода как мы живем и боремся в тылу врага. Восемь месяцев идет война. С точки зрения истории — время небольшое. Но история очень богатая. Вести войну одной стране против сильной Германии и ее союзников, причем, по сути, без помощи других держав, — это дело нелегкое. Но как бы тяжело ни было, сколько времени ни продолжалась бы война, все равно победа будет за нами.

Мы в тылу убедились, что народ, который отведал немецко-фашистской власти, никогда при этой власти жить не будет. Одно лишь то, что число народных мстителей день ото дня увеличивается, уже говорит само за себя. Во многих селах немецкой власти нет. Люди имеют о ней представление лишь со слов жителей других сел — и уже недовольны этой властью. Но как только власть устанавливается в данном селе, мужчины ищут партизан, женщины и дети, бросая свое имущество, переходят в то село, где нет немецкой власти.

А надо сказать, что это только цветочки, а ягодки будут впереди. Иногда говорят, что всяких мерзавцев у нас много. Правда, их выявилось более, чем можно было предполагать. Но нам хорошо известны методы вербовки и организации полиции. Во-первых, распространяется брехня, будто нет боль-

ше Советской власти. Во-вторых, кто не записывается в полицию, тому угрожают, считают партизаном. В-третьих, недостаточно еще количество партизанских отрядов, куда можно было бы обратиться и вступить. И вот результат — полиция существует.

К этому надо добавить, что руководители полиции — страсты и старшины, как правило, махровые враги: кулаки, уголовники, бандиты в прошлом, петлюровцы, националисты и т. д. При помощи оружия они держат немало народа в своих руках, но стоит только появиться нашему отряду в селе, как много полицаяев просится в отряд (некоторых приняли). А там, где отряды бывают постоянно, нет таких, чтобы желали вступить в полицию. Народ встречает нас всегда радостно и просит разогнать полицию. Все это можно видеть на примерах сел Рейментаровки, Елино, Савенок, Холмов, Хоромного, Ивановки, Тополевки, Лосевки, Погорельцев и т. д. За последние четыре дня приняли сто человек. Немцы встревожены: «Большевики проводят мобилизацию».

Хочу развить свою мысль о войне и власти. Около четырех месяцев в Холменском и Корюковском районах была Советская власть. По многим вопросам мы проводили собрания колхозников, проводили сессии районных и сельских Советов. Всюду алели красные знамена, висели портреты вождей. Молодежь вечерами гуляла, танцевала под гармошку. Народ не знал ни непосильных налогов, ни экзекуций немецкой власти. Во всех селах и хуторах пели патриотические песни. Помню, как 6 ноября партизаны проводили в Холмах районную сессию Совета депутатов трудящихся: в зале клуба — сотни людей, молодежь поет песни, потом гармонист играет польку и все танцуют... А в это время на дорогах, которые ведут в районный центр, несут караул партизаны с винтовками в руках. В общем, про все это надо будет написать более обстоятельно.

Так было везде, где партизаны держали власть в своих руках.

После этого нетрудно себе представить, могут ли люди мириться с немецкой грабительской властью!..

Так — везде. И фашисты боятся партизан как огня!..»

* * *
*

Обстоятельства гибели Попудренко я узнал только в конце войны, когда встретился с Новиковым, Еременко, Коротковым, Капрановым и другими участниками боя 6 июля. Сохранилась фотография, сделанная за несколько часов до ги-

бели Николая Никитича. Командиры совещаются у карты, все внимательно слушают, он спокоен, и все командиры спокойны.

А ведь лагерь, в котором шло совещание, уже вторые сутки был под артиллерийским огнем противника. Карательные части окружали Черниговское соединение. И кольцо окружения сжималось с каждым днем.

Вырваться ночью из кольца или погибнуть — вот как ставился вопрос на этом совещании.

Позже в Киеве, получив последнюю фотографию Попудренко, я долго вглядывался в черты лица так хорошо знакомого и дорогого мне человека. Я знал его десять лет. Знал тогда, когда его только что выдвинули с комсомольской на партийную работу, сначала агитпропом Городнянского райкома партии, потом первым секретарем райкома, передвойной работал вместе с ним в Черниговском обкоме, а когда пришли на землю Украины войска оккупантов, мы вместе партизанили более полутора лет. Много ли может сказать фотоснимок, да еще сделанный в такой обстановке, в такой момент? Но я видел во всей его фигуре командирскую властность, уверенность и решительность. Четыре месяца отделяло Николая Никитича, которого я видел на этом снимке, от того дня, когда мы прощались...

Никогда не забуду нашего прощания. Ранним мартовским утром 1943 года в старой партизанской землянке в Елинских лесах собралось несколько человек — члены Черниговского подпольного обкома, начальник штаба, два или три командира. Минуту назад было очень шумно, товарищи переговаривались, перебивали друг друга, да и за дверью тоже изрядно шумели: приходили и уходили партизаны, разносчики по лагерю новости. Но стоило мне вытащить из планшета, положить у лампы и разгладить ладонью листки приказа о разделении нашего соединения, как воцарилась мертвая тишина.

Невольно припомнился мне июльский вечер 1941 года, когда так же вот собирались члены бюро обкома. Я тогда приехал из Киева. Война только началась. Я привез директиву — создавать подполье, организовывать партизанские отряды.

Как раз против меня сидел Николай Никитич Попудренко. В тот далекий вечер он первым поднял руку, когда я задал вопрос, кто изъявит согласие остаться во вражеском тылу. Следом за ним согласились Семен Михайлович Новиков — он тоже был тогда среди нас, — и Василий Логвинович Капранов, и Василий Емельянович Еременко, и Никита Алексеевич Петрик.

Директива, которую дала нам тогда партия, выполнена. Отряды партизан, созданные, организованные обкомом, подпольные организации городов и сел действуют.

И снова, как тогда, привез я товарищам директиву Центрального Комитета нашей партии...

— Что это ты медлишь, Алексей Федорович? — спросил Попудренко. — А то давай я почитаю, — и он потянулся за приказом.

— Подожди, Николай Никитич... раньше чем начать, хочу тебя и Василия Логвиновича, и товарища Короткова — всех, кто остается, предупредить о том, что Центральный Комитет назначил новый состав Черниговского обкома и руководящих командиров... Все. Теперь зачитаю вам приказ.

Минуты две все молчали. Попудренко вскочил, взмахнул рукой, опять сел. Лицо покраснело. Причина его волнения была мне понятна. Потому я его и предупредил. Конечно же при его темпераменте, при постоянной тяге к риску, к наступательным действиям захотелось ему пойти в рейд. Он понимал, разумеется, что, оставляя его командиром отряда и секретарем Черниговского обкома, партия оказывает ему огромное доверие.

— Николай Никитич, — начал Дружинин, — ЦК, как видишь, оставляет коренных черниговцев. Как только подойдет Красная Армия, область будет освобождена. Кому поручить восстановление народного хозяйства? Кто лучше тебя, Новикова, Еременко, Капранова, Короткова знает людей, здешние места, обстановку?

— Ты что, никак, взялся меня агитировать? — прервал Дружинина Николай Никитич. — Что такое приказ, мне известно. Не захотели меня брать... молчу, молчу... терять времени не приходится.

Теперь разделимся... товарищ Рванов! Ах, Рванов с тобой идет! Кто ж у меня теперь будет начальником штаба? Давайте так, товарищи: рассядемся по разным сторонам стола и начнем спор.

Никогда я не видел Попудренко таким раздраженным, но понимал его состояние.

Он побежал к двери, крикнул кому-то:

— Вызови Василия Ростальского!

— Какие могут быть споры? — заговорил я.

— Как это какие? Нет, я буду спорить! Я с тобой, товарищ Федоров, за каждого человека, за каждый пулемет буду драться. Я тебе ни одного автомата без спору не отдам. Ты что на приказ киваешь? Никто его нарушать не собирается. Но мои немцы не хуже твоих, твоих, ты считаешь, надо быть

из автоматического оружия, а моих можно из одних винтовок? Да мой прифронтовой немец, если хочешь знать, требует устроенной плотности огня!

Дав ему немного побушевать, зная его отходчивый характер, я, пока он говорил, вместе с Дружининым и Рвановым сел писать приказ по соединению. Выходить в рейд решили не позднее чем через три-четыре дня. Работы предстояло — пропасть. Споры и дележки имущества, распределение людей — это хоть и займет время, но главное сейчас в другом: надо готовить сани, перековывать лошадей, запасать фураж. Бойцам, хотя мы и приняли решение всех посадить на сани (пока не форсируют Днепр — ни одного пешего), нужно тоже проверить одежду, обувь...

Попудренко пошумел немного и подсел к нам.

— Лошадей, черт с вами, берите самых лучших...

Я посмотрел на него с благодарностью. Он вдруг прослезился:

— Эх, Алексей Федорович, значит, навсегда расстаемся!

— Брось каркать! Почему навсегда, до Победы!

— Я так и говорю: до конца войны воевать вместе больше не будем... Ладно,— прервал он сам себя,— хватит, приказ нам нужно писать вместе. Учесть каждого человека и все остальное.

Приказ мы писали до вечера. Хоть и сдерживался Николай Никитич, хоть и старался быть великодушным, но то и дело вскакивал и хватался за голову:

— По живому месту режете. Не отдам Авксентьева! И Балицкий пусть останется... Мало ли, что он упомянут в приказе. Там сказано, что он вместе с вами вылетел из Москвы, а насчет рейда нет ничего. Вы думаете, мы тут поезда не будем взрывать?! Вы его спросите, он и сам, я уверен, захочет остаться. Остаешься, Гриша? — Балицкий отрицательно покачал головой.— Ах, так, значит, дружба врозь?!

В том, что Балицкий хотел идти в рейд на запад, не было ничего удивительного. Зная, что нам предстоит развернуть на коммуникациях противника подрывную работу невиданных масштабов, Балицкий, Клоков, Павлов, Вася Коробко — вообще, все наши подрывники — требовали, чтобы их взяли в рейд. Другое дело — рядовые бойцы. Я, между прочим, полагал, что многие из них не захотят покидать родные края. Приказу подчиняются, но в душе будут против. Какое там! Подавляющее большинство партизан — а среди них и женщины, и старики, и подростки — начали осаждать и меня, и Дружинина, и Рванова. Просто отбою не было. Пришлось специально объявить, что заявлений разбирать не будем.

Общий приказ я зачитал на митинге, где собралось все соединение — более двух с половиной тысяч человек.

Сперва выстроились в несколько рядов на большой заснеженной поляне. В торжественной обстановке я вручил Николаю Никитичу от имени ЦК КП(б)У знамя Черниговского обкома. Принимая его, он опустился на колено, поцеловал край знамени. После этой церемонии я вручил награжденным ордена от имени Президиума Верховного Совета СССР. Ряды на некоторое время расстроились. Товарищи поздравляли друг друга, обнимались, целовались. Потом снова воцарилась строгая тишина. Дружинин прочитал приказ о разделе соединения и о выходе в рейд таких-то и таких-то подразделений.

В первом часу дня 11 марта наша колонна тронулась в путь.

Прошло четыре месяца, и отряд в 400 человек под руководством Н. Н. Попудренко вырос до партизанского соединения в 2 тысячи человек. За это время Черниговское соединение в тяжчайших прифронтовых условиях провело несколько больших рейдов и не один раз прорывало кольцо окружения. Десятки карательных отрядов были разгромлены молодым соединением, больше 20 эшелонов врага пущено под откос.

Я смотрю на фотографию, о которой уже говорил, и думаю: сможет ли человек сторонний, незнакомый с партизанской жизнью, представить себе, что эти спокойные люди, на лицах которых нет ни тени страха или хотя бы волнения в ту минуту, когда запечатлев их объектив фотоаппарата, ищут ответ на вопрос: быть или не быть партизанскому соединению и в конечном счете быть или не быть им самим?..

Конечно, фотография не очень точно передает душевное состояние людей. Вряд ли товарищи были так уж спокойны в тот день. В предыдущую ночь никто из них не спал, и уже трети сутки люди не разжигали костров, а значит, не ели горячей пищи, даже кипятка не пили. И хотя шел июль, день за днем лил холодный дождь — все промокли и озябли.

Что же произошло? Почему соединение под командованием Попудренко оказалось в таком тяжелейшем положении?

Вот краткий перечень боевых операций соединения за время с 1 по 19 июня 1943 года.

1 июня разгромлен гарнизон в райцентре Добрянка. Уничтожено 30 немцев и полицейских, захвачено много пленных и оружия.

9 июня проведена крупная операция, в результате которой уничтожены полицейские участки в селах Постовбийца и Присторонь и полицейский стан в селе Петруши.

15 июня соединение ворвалось в райцентр Тупичев, разогнало немцев и полицию, захватило крупные склады, оружие, боеприпасы.

19 июня разгромлена железнодорожная станция Низковка, уничтожено два эшелона с танками, следовавшие на фронт. Железная дорога на несколько дней вышла из строя.

Могло ли гитлеровское командование терпеть у себя, в ближайшем фронтовом тылу, да еще в разгар летних боев, такую грозную партизансскую силу?

Начиная с 23 июня соединение Попудренко непрерывно преследуют крупные силы врага. С 29 июня противник устанавливает над партизанами непрерывное наблюдение с воздуха.

3 июля, на другой день после того, как соединение вступило в Злынковские леса и расположилось под деревней Ново-Сергеевкой, оно было со всех сторон окружено крупными силами врага. Двое суток шли непрерывные бои, а на третий Николай Никитич Попудренко решил во что бы то ни стало вырваться из кольца.

И вот вечером, перед тем как начать прорыв, Попудренко собрал бюро подпольного обкома партии...

На совещании, как потом рассказывали мне Новиков, Еременко, Коротков, Петрик, решили также, что во время прорыва вражеского кольца командный пункт будет находиться в центре колонны. Товарищи по обкому предупредили Николая Никитича: «Не рвись вперед, не увлекайся! Командиры отрядов должны в любую минуту знать, где ты!» Попудренко молча кивнул головой. Потом он подписал приказ.

В 17 часов приказ получили все командиры отрядов, а в 22 часа, с наступлением темноты, партизаны начали прорывать вражеское кольцо.

Первая группа прошла благополучно. Когда же двинулась основная колонна, противник ударили пулеметным огнем с флангов.

Наступило временное замешательство, колонна дрогнула, попятилась. И в ту же минуту Попудренко, пришпорив коня, помчался в темноту, в самую гущу боя.

— Вперед! — крикнул он, — за Роди... — и тут голоса его не стало слышно.

Он был убит и упал под ноги своего коня...

Теперь, когда я стою у обелиска, воздвигнутого над его могилой на площади Куйбышева в Чернигове, не могу не вспоминать, навертываются слезы.

А. ПАЛАЖЧЕНКО

КОМИССАР
НЕЗРИМЫХ
БАРИКАД

И. В. Сергиенко

— Миша... Браток! — вбежал в дом запыхавшийся Василий Витыщенко.— Меня высledили гестаповцы. Спрячь это в тайник, в такой, чтобы, кроме тебя, никто не знал.— Он подал брату два тугу обтянутых брезентом свертка.

Это случилось во второй половине января 1943 года.

Скрываясь от гитлеровцев, Василий Витыщенко некоторое время жил у знакомых, потом ушел навстречу наступающим советским войскам. С оружием в руках освобождал родную землю, братскую Польшу. Весной 1945 года пал смертью храбрых в бою.

Пятнадцатилетний комсомолец Михаил Витыщенко, во время оккупации активно помогавший подпольщикам, выполнил поручение брата. Спрятав надежно документы, он ушел из Кагарлыка к родственникам в Ржищевский район.

И все же в ту суровую пору паренька, как и многих его сверстников, не минула горькая доля. Летом 1943 года гитлеровцы угнали Мишу в Германию. Там он сполна испытал муки фашистского рабства. Вернувшись после войны в родное Приднепровье, Михаил Витыщенко работал в колхозе, потом окончил педагогическое училище.

Прошли годы. Учитель Ржищевской средней школы Михаил Леонтьевич Витыщенко послал в Киевский обком партии письмо, в котором рассказал о своем тайнике, указал дом, где когда-то спрятал переданные братом свертки.

И вот 28 мая шестьдесят третьего года из ниши чердачного перекрытия полуразрушенного здания школы в Кагарлыке извлекли документы. Пожелевшие от времени, истлевшие во многих местах листы, крохотные, размером в спичечную коробку, записные книжки, отпечатанные в типографии план партийно-политической работы среди населения в тылу врага и изложение доклада И. В. Сталина на торжественном заседании в Москве по случаю 25-й годовщины Октябрьской революции, написанные от руки и печатные листовки, переписка отдельных членов подполья, записанные убористым

бисерным почерком тексты радиопередач из Москвы и сводки Совинформбюро, наброски плана вооруженного восстания...

Просматриваю документ за документом. Их нельзя читать без волнения. Нельзя не преклоняться перед смелостью и мужеством, стойкостью и находчивостью подпольщиков. Сердце преисполняется чувством глубокого уважения и гордости за верных сынов ленинской партии, не покорившихся врагу и создавших в тяжелую для Родины годину поистине непреодолимый незримый фронт борьбы в тылу захватчиков.

Документы, извлеченные из тайника, неопровержимо свидетельствуют, что в сентябре 1942 года в селе Ставы, недалеко от Кагарлыка, был создан и активно действовал Киевский подпольный обком КП(б)У. Его организовал и возглавил сельский учитель коммунист Иван Васильевич Сергиенко.

* * *

...Осенью 1938 года Ивана Сергиенко призвали на действительную службу. И в армии, окончив курсы политработников, он делал то же, начатое на Полесье, благородное дело воспитания людей — был политруком в подразделении связистов. Только там у него были не мальчики и девочки, а крепкие взрослые парни, которых он учил быть отважными и преданными защитниками социалистической Родины. Прививая подчиненным лучшие качества красных бойцов, изо дня в день готовя их к любым испытаниям, молодой политрук и сам мужал и рос вместе с ними, закалялся духовно и физически.

Ранней весной 1940 года Сергиенко вернулся домой с медалью «За боевые заслуги» за участие в жестоких боях на линии Маннергейма. И уже тогда односельчане поняли, что в ничем особенным не примечательном их земляке живет ботырский дух, а в груди бьется пламенное сердце, способное своим огнем зажигать сердца других... А он, тихий и сдержанный, как и прежде, стал заведовать начальной школой в родном селе Ханев (ныне село Подгайное), женился на такой же простой и скромной, как он сам, молодой учительнице из соседнего села Крапивна Нине Отрощенко, снова занялся любимой работой.

Но не только о школе, об учениках пекся коммунист Иван Сергиенко. Он всегда был на людях — в сельсовете, на колхозном дворе, в сельском клубе, в поле, в бригадном стане. И везде до всего было ему дело. Люди на селе уважали моло-

дого учителя, а коммунисты незадолго до войны избрали его секретарем партийной организации колхоза.

...В первый же день войны Сергиенко собрался на фронт. Положил в принесенный из армии солдатский мешок необходимые вещи, думал вот-вот последует вызов из военкомата. Но шли дни, фашисты рвались в глубь страны. По дорогам на восток потянулись беженцы из Ровно, Луцка, Коростеня, Овруч... Сергиенко провожал на фронт своих сверстников, выступал на митингах, призывая воевать мужественно и стойко. Сам рвался в действующую армию, а его не вызывали...

— В чем дело? — тревожился учитель. — Может быть, застялся в списках? — Решил пойти в райком партии.

— Не волнуйтесь, товарищ Сергиенко, — выслушав коммуниста, успокоил секретарь райкома. — Вы нам нужны здесь, в районе. Подождите немного. Придет и ваш черед.

Прошло еще несколько дней, и Сергиенко вызвали в Киев, в обком партии. Там все выяснилось. То, что он услышал, было для него ошеломляющей неожиданностью: вместо армии, куда он стремился, ему предложили остаться на оккупированной территории и организовать народную борьбу с захватчиками.

Потом с ним разговаривали в Центральном Комитете Компартии Украины. Секретарь ЦК М. А. Бурмистенко сообщил Сергиенко, что он назначается секретарем Розважевского подпольного райкома и одновременно секретарем запасного состава Киевского подпольного обкома партии. Бурмистенко учил его конспирации, советовал, как организовать работу подполья, подпольных партийных организаций.

— Людей своего района вы знаете, — говорил секретарь ЦК, — а как действовать на первых порах, подскажет обстановка. Ждите связных от подпольного обкома. Если случится провал и будет установлено, что обком не существует, не ожидая указаний, создавайте новый. Подпольная партийная организация должна жить, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы работа остановилась... Нужно, чтобы люди знали, что партия с ними, что ее сыны всегда с народом.

На другой день Сергиенко был уже в Розважеве и сразу же горячо взялся за порученное дело. Нужны были надежные помощники, и он нашел их. В состав подпольного райкома кроме Ивана Васильевича вошли М. П. Бутковский, П. А. Ковальчук, Г. С. Петренко. При райкоме была создана группа коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. Подобрали руководителей диверсионных групп, связных, явочных квартиры.

Подпольный райком партии разместился в селе Крапивна, в доме отца жены Сергиенко — колхозного кузнеца Дмитрия Ивановича Отрощенко, согласившегося помочь подпольщикам. Здесь спрятали личное оружие, два радиоприемника, пишущую машинку, запас бумаги. Сюда приехал с женой и Иван Васильевич Сергиенко...

24 августа 1941 года в Розважевский район ворвались фашисты. В населенных пунктах один за другим стали появляться грозящие смертью за невыполнение приказы гитлеровской комендатуры о регистрации всех жителей, о сдаче оружия, скота, хлеба и других продуктов, о выплате налогов...

Подпольный райком партии незамедлительно принял меры, чтобы помешать грабежу, Сергиенко пишет листовку:

«Товарищи!

Не сдавайте хлеб в общественные кладовые. Это подлый обман. Не о населении пекутся гитлеровские изверги. Хлеб нужен фашистским захватчикам.

Розважевский райком КП(б)У».

Это первое краткое воззвание подпольного райкома партии напечатали на машинке в нескольких сотнях экземпляров Нина Дмитриевна и ее сестра, шестнадцатилетняя комсомолка Оля Отрощенко. По селам и лесным хуторам его разнесли связные райкома Леонид Пархоменко, Захар Тищенко, Ирина Фещенко, Григорий Петренко, Сергей Сергиенко.

Листовки подпольного райкома с призывами не сдавать хлеб, саботировать все приказы и распоряжения оккупационных властей, а также со сводками Совинформбюро пошли по рукам. Они появились и в районном центре на заборах и столбах рядом с приказами немецкого коменданта.

Вскоре связные сообщили Сергиенко, что вывоз хлеба на ссыпные пункты стал срываться. Зерно незаметно упывало с полей и токов во время обмолота. А по ночам горели необмолоченные скирды. Люди подальше и понадежнее прятали свое добро от оккупантов. Благодаря агитации подпольщиков провалилось и другое мероприятие фашистов — отправка молодежи в Германию.

На первом же заседании подпольного райкома Сергиенко обратился к присутствующим:

— Нам надо не только призывать людей срывать мероприятия оккупантов, но и перейти к диверсиям, поднимать народ на борьбу с фашистскими поработителями.

Сергиенко и другие члены подпольного райкома направились в села. Они побывали в Зарудье, Кухарях, Оливе, Хане-

ве, Розважеве. И вскоре там начали действовать боевые группы.

По заданию райкома подпольщики во главе с И. А. Евтушенко напали на немецкую автоколонну и уничтожили 12 автомашин с гитлеровцами. Потом взорвали мост под Иванковом, остановили движение по большаку Овруч — Киев. В селе Дымерка разоружили полицейскую охрану. Бывший бухгалтер районной конторы «Заготскот» подпольщик Мейдек по совету Сергиенко устроился следователем в полицию и заранее извещал подпольный райком о замыслах оккупантов.

Саботаж, диверсии, каждая новая листовка подпольщиков приводили оккупантов в бешенство. Начались облавы, аресты и расстрелы заложников. Среди арестованных оказался предатель. По его доносу фашисты арестовали несколько коммунистов, работавших в районе до войны, в том числе И. В. Сергиенко и Г. С. Петренко. Но гитлеровцам не удалось ничего узнать об их подпольной деятельности и о подпольном райкоме.

Через несколько недель Сергиенко, как бывшего учителя, не попавшего на фронт по болезни (у него была справка об инвалидности, выданная райвоенкоматом), а теперь лояльного к немецким властям гражданина, оправдал и выпустил на волю следователь полиции Мейдек. После почти трехмесячного заключения благодаря тому же Мейдеку освободили и Г. С. Петренко.

Вырвавшись на волю, Сергиенко с еще большей энергией принялся за дело. Весной 1942 года он начал создавать партизанский отряд. Под видом празднования пасхи в селе Ханев райком созвал совещание подпольщиков. В день сбора началось половодье, многочисленные в этих местах речушки вышли из берегов. Несмотря на это, до Ханева добрались 14 человек — костяк подполья. На совещании решили установить связи и наладить совместные боевые действия с подпольщиками и партизанами соседних районов. Но хозяин конспиративной квартиры, где проходило совещание, А. Руденко, был завербован гитлеровцами. Он сообщил жандармам фамилии всех участников совещания.

По селам района прошла очередная волна арестов. Фашисты схватили и расстреляли шестерых руководителей подпольных групп, а также отца Сергиенко — Василия Ефимовича и подпольщика Мейдека, работавшего в полиции.

Секретарю подпольного райкома удалось скрыться. Сергиенко обошел несколько сел, предупредил товарищей об опасности, советовал, как вести себя и действовать в создавшейся обстановке, затем ушел в Киев, надеясь связаться с

подпольным обкомом. Пробыв в Киеве 10 дней, он не нашел никого, кто бы связал его с подпольным обкомом. Возвратившись в начале мая в свой район, Иван Васильевич не смог побывать дома — ему сообщили, что в его квартире устроена засада. Он убедился, что дальше оставаться в этих местах нельзя — погубишь и себя и товарищей.

«Что же делать? — думал Сергиенко. — Может, попробовать пробраться в Ставы? Это большое степное село. В нем спиртоводочный завод, там работают люди со всей округи. Среди рабочих должны быть подпольщики, оттуда можно будет продолжать поиски обкома в южной части области». Передав руководство подпольным райкомом своему заместителю Г. С. Петренко, он направился в Ставы.

* * *

Предположения Сергиенко оправдались. Прошло немного времени, и он встретил на заводе нужных ему людей. Среди рабочих было немало бывших военных, вышедших из окружения или бежавших из плена.

По рекомендации Павла Устиновича Чернобая, главного бухгалтера спиртозавода, Сергиенко приняли на работу ветсовщиком-приемщиком сырья. На новом месте Сергиенко подружился с комсомольцем Прокофием Рыбаком. Почти одногодки по возрасту, братья по убеждениям и устремлениям, они при первой же встрече за селом в воскресный день открылись друг другу. Весной 1941 года Рыбак был уволен из армии в запас по болезни, приехал к родителям. Когда в Ставах появились гитлеровцы, Прокофий, будучи радиолюбителем, смастерил радиоприемник, который фашисты отобрали, а его чуть не расстреляли. Но Рыбак собрал другой приемник. На этот раз спрятал его на чердаке. Сергиенко радовался, что нашел такого друга.

— Приходи сегодня попознее, — пригласил Ивана Васильевича Прокофий, — только не удивляйся, если у меня застанешь Колю Майоренко.

— Это который ездовым работает?

— Да, ему шестнадцать исполнилось, — улыбнулся Прокофий, — но я его и на двух взрослых не променяю. Смелый и верный парень. Он же меня радиодеталями, лампами и батареями снабжает.

После этой встречи Иван Сергиенко и Прокофий Рыбак почти каждый вечер слушали и записывали радиопередачи из Москвы.

Близко сошелся Сергиенко с бывшими военными — ком-

мунистами Иваном Андреевичем Ковальчуком и Владимиром Георгиевичем Бердниковым, оказавшимися в Ставах после выхода из окружения, и бежавшим из плена Василием Алексеевичем Ефремовым. Они конечно же работали на спиртозаводе временно, чтобы не угодить в концлагерь или не быть отправленными в Германию.

Новые товарищи Сергиенко оказались надежными людьми. На одной из встреч Иван Васильевич рассказал Бердникову и Ковальчуку о том, что он оставлен ЦК КП(б) Украины для подпольной работы на Киевщине и что инструкции и наставления, как действовать, ему давал лично секретарь ЦК.

«Признаюсь, что я сначала не поверил этому,— пишет В. Г. Бердников в своих воспоминаниях.— Такого же мнения, мне кажется, был и Ковальчук. Для уточнения мы обращались к Ивану Васильевичу с проверочными вопросами: «А что вам советовал секретарь ЦК?», «Какие основные задачи онставил перед вами?». Его ясные ответы постепенно рассеяли наши сомнения, и в лице Сергиенко мы увидели своего вожака, внешне почти ничем не отличающегося от других, но обладающего какой-то внутренней силой, которая, словно магнит, притягивала к нему, заставляла прислушиваться к каждому его слову».

В ночь на 22 июня 1942 года Иван Сергиенко и Прокофий Рыбак сидели на чердаке около радиоприемника. Сергиенко был задумчив и молчалив. Его сильно тревожило то, что вот уже почти месяц он живет в Ставах, а путей к организованному подполью все еще не нашел. Надо действовать сме-лее...

— Ты что, Иван, такой суровый сегодня? — спросил Прокофий и тем самым как бы подтолкнул товарища к откровенному разговору.

— Знаешь что, Прокоша,— сказал Сергиенко,— я должен выполнить порученное мне задание, поэтому и пришел в Ставы, чтобы установить связь с местными подпольщиками. Ты здесь всех знаешь. Помоги мне... Мы ведь друзья...

— Ладно,— ответил Рыбак,— подожди до субботы, сведу тебя с нужными людьми.— И, спохватившись, бросился к приемнику.— Так и передачу можно прозевать, бери скорее наушники!

Москва передавала «Политические и военные итоги года Отечественной войны». Передача закончилась только к рассвету.

— Будем действовать, как договорились,— сказал Сергиенко.

— Хорошо,— ответил Прокофий, провожая друга за ворота.— Только раньше субботы нужного человека увидеть не смогу.

Нужным человеком для Сергиенко оказался отец Прокофия — Трофим Петрович Рыбак. Он работал учителем черчения в школе в Кагарлыке, в 12 километрах от Ставов. Там снимал квартиру и домой наведывался только в выходные дни. Обычно он приезжал в субботу вечером, а на этот раз, к радости домашних, появился в полдень. После обеда Прокофий сказал отцу о Сергиенко и его просьбе. В тот же день Трофим Петрович встретился с ним, а на другой день, в воскресенье, Иван Васильевич уже знакомился с кагарлыкскими подпольщиками. Рассказал, кто он, как оказался в тылу врага, с какой целью прибыл в Кагарлык. Особый интерес вызвало сообщение Сергиенко о действиях розважевских подпольщиков.

Потом о своих делах поведали кагарлыкские товарищи. Перед Сергиенко постепенно вырисовывалась картина деятельности местного подполья, его промахи и возможности.

В первое время подпольщики принимали по радио и в небольших количествах размножали от руки сводки Совинформбюро. Потом с помощью Прокофия Рыбака радиоприемники были установлены в Ставах, в Кагарлыке и в Липовце. Подпольщики стали регулярно выпускать листовки, информировать население о положении на фронтах Отечественной войны и жизни советского тыла, о событиях за рубежом. Работа заметно оживилась, когда в группе появился Степан Логвинович Ковальский.

До войны Ковальский работал учителем в Кагарлыке. Осенью 1939 года он был призван в Красную Армию. Там окончил курсы политработников, вступил в партию. Воинская часть, куда его направили политруком саперного подразделения, стояла недалеко от Брестской крепости, и ей пришлось принять на себя первые удары гитлеровцев. А потом — бои в окружении, скитания по захваченной фашистами территории.

В Кагарлыке, куда к жене и сыну пробрался Ковальский, немецкие прислужники — украинские националисты, подозрительно относившиеся ко всем окруженым, не смогли сбратить о нем каких-либо компрометирующих сведений. О том же, что он в армии стал коммунистом, никто не знал. Все это помогло Степану Логвиновичу войти в доверие к местным оккупационным чинам, обзавестись необходимыми документами и обезопасить себя от подозрений.

С первых же дней Ковальскому повезло и в налаживании связей с подпольщиками. Почти всех членов руководящей

группы он хорошо знал еще с дооценного времени и быстро сблизился с ними.

Сообщение Ковальского на встрече особенно заинтересовало Сергиенко. Степан Логвинович говорил о том, как организовано кагарлыкское подполье, давал характеристики многим подпольщикам.

Для Сергиенко становилось ясным, что по своей организационной структуре и по масштабам работы кагарлыкская группа, вернее говоря, ее руководящее ядро, фактически выполняет функции подпольного райкома партии.

— А вы разве не получали указаний от подпольного обкома партии? — поинтересовался Сергиенко.

— Нет, не получал, — ответил Ковальский. — Все время действуем по своему усмотрению.

— Вряд ли есть где-либо подпольный обком, — высказал сомнение Витыщенко, — он любым способом дал бы о себе знать. По-видимому, погибли те люди, которым поручено было руководить обкомом.

— Могло случиться и такое, — не стал возражать Сергиенко. — Однако с выводами торопиться не будем. На Киевщине, как и по всей Украине, Центральным Комитетом КП(б)У оставлено в подполье много партийных и комсомольских работников, и нам нужно обязательно найти их. Тогда окончательно выяснится вопрос насчет обкома.

— Что ж, для этого люди у нас найдутся, — подумав, произнес Ковальский.

— Вот и хорошо! — улыбнулся Сергиенко. — Я полностью одобряю действия тройками и засылку верных людей в учреждения оккупантов. — И тут он рассказал о Мейдеке, который выполнял задания Розважевского подпольного райкома до самой своей гибели.

— У нас, Иван Васильевич, тоже есть кое-что на примете, — сказал Ковальский. — Главарь наших местных националистов, начальник районной полиции Сыч-Висоцкий ищет себе заместителя. Только сомневаюсь, согласится ли кто-нибудь из наших товарищ пойти к нему в «подручные»...

— Степан Логвинович, — обратился к нему Т. П. Рыбак, — а почему бы вам не пойти на эту должность? Вы же с Сыч-Висоцким до войны работали в одной школе.

— Да вы что, Трофим Петрович! — горячо запротестовал Ковальский. — Советскому учителю напяливать на себя фашистский мундир? Да не только родная мать, а дети и внуки проклянут!..

— Ничего, Степан Логвинович, история разберется, — мягко и в то же время настойчиво поддержал Рыбака Иван

Васильевич.— Нам сейчас необходимо, чтобы там были наши люди. Считаю, вам надо согласиться.

— Да что тут сомневаться,— вступил в разговор Витышенко.— Другой более подходящей кандидатуры на эту должность я не вижу.

Наступила пауза.

— Да, ошеломили вы меня,— ответил Ковальский,— уж больно позорное занятие-то. Но понимаю — это необходимо. Все же дайте подумать...

— Уверен, что у вас это получится,— ободряюще улыбнулся Сергиенко.

Через некоторое время С. Л. Ковальский стал заместителем у Сыч-Висоцкого. А Т. П. Рыбак устроился бухгалтером-ревизором в райуправу по общим хозяйствам.

По поручению Сергиенко Ковальский ездил в город Черкассы. Около двух недель ходила по селам Черкасского района Вера Куян. Возвратились связные, побывавшие в Ханеве, Белой Церкви, Богуславе, Фастове, Ракитном, Звенигородке. Все они сообщили, что на местах действуют небольшие подпольные организации и группы, но никакой помощи или указаний из руководящего центра не получали.

«Значит, подпольного обкома нет,— пришел Сергиенко к окончательному убеждению.— А раз нет, его необходимо создать».

20 сентября 1942 года в доме Т. П. Рыбака в Ставах состоялось организационное собрание инициативной тройки в лице И. В. Сергиенко, И. А. Ковальчука и В. А. Ефремова.

Сохранился протокол организационного собрания.

«Протокол № 1

заседания 3 членов ВКП(б) от 20 сентября 1942 года.

Повестка дня:

1. Выборы областного комитета ВКП(б).

2. Утверждение плана партийно-политической работы в глубоком подполье в тылу врага.

Слушали: Выборы ОК КП(б)У.

Постановили:

Для ведения партийно-политической работы среди масс в тылу кровавого врага, а также для создания новых партизанских отрядов... по борьбе с врагом необходимо в первую очередь создать обком».

«Слушали: Выборы первого секретаря ОК КП(б)У.

Постановили:

Первым секретарем избрать Сергиенко Ивана Васильевича, 1918 года рождения, члена ВКП(б), партийный билет № 3125520, образование незаконченное высшее, профессия —

учитель-историк, военное звание — политрук, последнее место работы — первый секретарь Розважевского райкома партии. Оставлен ЦК КП(б)У для проведения партийной работы в подполье. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Вторым секретарем избрали Ивана Андреевича Ковальчука, третьим — Василия Алексеевича Ефремова. Затем обсудили план партийно-политической работы.

В плане ставилась задача: повсеместно выявлять и вовлекать в активную подпольную работу оставшихся на временно оккупированной территории коммунистов, воссоздать во всех районах Киевской области подпольные райкомы и оперативно осуществлять руководство ими, создать сеть низовых подпольных организаций. План ориентировал подпольщиков на проведение широкой массово-политической работы среди населения и подготовку вооруженного восстания в Киевской и прилегающих к ней областях...

«Постановили:

План партийно-политической работы коммунистов Киевской области... утвердить».

Под протоколом подписались Сергиенко, Ковальчук, Ефремов.

Сразу встал вопрос о кадрах. В районах области надо было укреплять подпольные райкомы партии, создавать новые, устанавливать связи с подпольщиками и партизанами соседних областей. Требовались партийные организаторы. И они нашлись.

Уже на втором заседании обкома в члены партии был принят вышедший из окружения кандидат в члены ВКП(б) П. К. Сироткин и в октябре направлен в Полесье секретарем Чернобыльского подпольного райкома партии.

На последующих заседаниях в члены партии были приняты связная Н. П. Кулиш, руководитель ржищевского подполья Е. И. Стеценко, кагарлыкские подпольщики В. Л. Витыщенко, Т. П. Рыбак, А. И. Стрельченко, кандидатом в члены ВКП(б) — Н. А. Майоренко.

В тайнике, найденном в руинах здания Кагарлыкской школы, сохранилась записка, написанная И. В. Сергиенко: «Товарищу Витыщенко! Прошу вас рассмотреть и решить вопрос о приеме в члены партии тов. Рыбака Прокофия Трофимовича. Он комсомолец, предан великому делу Ленина...»

На основании этой записки бюро Днепропетровского обкома КП Украины в июле 1964 года приняло решение утвердить партийный стаж П. Т. Рыбака (он работал в то время инженером на одном из предприятий Днепропетровска) с сентября 1942 года.

9 октября 1942 года каждый член обкома дал клятву, написанную Сергиенко. «Немецкий фашизм осмелился посягнуть на священные завоевания великого Октября, ступил своими грязными сапогами на советскую землю,— говорилось в клятве.— Вступая в смертельную схватку с врагами социалистической Родины, мы, коммунисты Киевщины, даем великую клятву нашей партии, что будем бороться с врагом до полного его уничтожения».

16 октября на заседании обкома был утвержден Кагарлыкский подпольный райком, 2 ноября — Черкасский, 7 ноября, в день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции,— Ржищевский, Макаровский, Барышевский, Звенигородский, Ивановский и Дымерский подпольные райкомы.

За время своего существования подпольный обком подобрал коммунистов и направил их на руководящую партийную работу в эти и другие подпольные райкомы, всего в 20 районов. А для связи и координации действий с соседними областями в Житомир и Днепропетровск были посланы организаторы подполья.

7 ноября 1942 года по предложению И. В. Сергиенко подпольный обком создал комиссию по выработке плана вооруженного восстания на Киевщине. Его разработал бывший командир артиллерийского дивизиона майор Д. Т. Яковец, бежавший из фашистского плена в Ставы, где жила его семья. 13 ноября обком утвердил этот план.

Вот его главные пункты: подбор, подготовка командиров повстанческих полков и дивизий, реорганизация обкома в штаб восстания, координация времени и планов восстания с выступлениями подпольщиков и партизан соседних областей, организация агентурной разведки, распределение оружия, мобилизация людей, организация питания повстанцев и населения, организация санитарно-медицинского обслуживания повстанческих подразделений, захват важнейших военных объектов, складов, железнодорожных узлов, мостов, заводов, выработка воззвания к народу, восстановление органов Советской власти.

На том же заседании обкома, 13 ноября, было принято решение всем членам обкома выехать в районы. С. Л. Ковальский должен был побывать в Каневе, Черкасах, Смеле и Большом железнодорожном узле Шевченково. И. А. Ковальчуку предстояло пробраться на Полесье и изучить положение в Малинском, Радомышльском, Базарском и других районах Житомирской области. В. Г. Бердникову — продолжать работу среди населения в Бендюгивке, Яновке и Гороховат-

ке. В. С. Полторадько — в Василькове, Обухове, Белой Церкви. Сам И. В. Сергиенко готовился к поездке в Киев.

Среди документов, найденных на чердаке школы в Кагарлыке, сохранился исписанный от руки лист бумаги, представляющий собой часть готовившегося Иваном Васильевичем Сергиенко и Василием Леонтьевичем Витыщенко воззвания к населению оккупированной гитлеровцами Киевщины.

Вот несколько строк из этого воззвания:

«Наша территория была временно оставлена Советской Армией и захвачена немецкими оккупантами. Фашистские варвары, как голодные псы, набросились на нашу богатую страну и начали ее хищнически грабить. Они хотели... захватить в свои руки все природные богатства Украины и всего Советского Союза. Но это им не удалось...»

Воззвание призывало советских людей взяться за оружие и в назначенный час выступить против фашистских порабочителей. Согласно решению подпольного обкома листовки с текстом воззвания следовало раздать секретарям райкомов партии, командирам и комиссарам повстанческих батальонов и полков, накануне восстания их нужно было распространить во всех селах и городах Киевской области.

В районах, куда подпольный обком направил своих представителей, были созданы новые подпольные организации, диверсионные группы и партизанские отряды. Борьба с фашистскими завоевателями с каждым днем ширилась и разгоралась. Связные подпольного обкома приносили Сергиенко волнующие сообщения.

Секретари Ржищевского подпольного райкома партии Е. И. Стеценко и Н. И. Мазур сообщали о массовых диверсиях на территории района. Почти каждую ночь на токах горели скирды с необмолоченным хлебом. В селе Пневцы во время обмолота подпольщики из группы К. И. Коваленко так отрегулировали молотилку, что половина зерна ушла в полову, которую разобрали крестьяне.

Подпольщики из села Пыи Тузик и Голенко по заданию подпольного райкома сели в железнодорожный эшелон, в котором гитлеровцы отправляли в Германию около 200 юношей и девушек, схваченных во время облав. Около Шепетовки Тузик убил часовых и освободил 75 человек. В другом конце эшелона в неравной схватке с охранниками погиб коммунист Голенко. Ценой своей жизни он спас 60 юношей и девушек от фашистской каторги.

Активизировали диверсионно-боевую работу подпольные группы в Черняхове, Мировке, Бендюгивке, Яновке, Гороховатке и в других селах Кагарлыкского района.

Взволновали и обрадовали Ивана Васильевича вести, которые принес И. А. Ковальчук, ходивший по решению обкома в Полесье и побывавший в Розважевском районе. Ковальчук проведал мать Сергиенко Оксану Устимовну и жену Нину Дмитриевну.

Как и советовал Сергиенко, на конспиративной квартире Гальчевской в селе Олива Ковальчук встретился с секретарем Розважевского подпольного райкома партии Г. С. Петренко. Гавриил Семенович благодарил обком за помошь литературой и деловые советы, информировал о работе после ухода из района Сергиенко. Райком распространял среди населения десятки рукописных листовок и сообщение Совинформбюро. В селах Кухари, Воровск, Зарудье созданы новые боевые группы. Подпольщики систематически выводят из строя линию связи с Киевом, подрывают мосты, наносят большой урон оккупантам.

О нарастании народной борьбы против гитлеровских захватчиков шли вести и из других районов Киевщины. Борьба усилилась еще более, когда люди узнали о переходе Красной Армии в наступление под Сталинградом. Подпольный обком партии напечатал и распространял сообщение Совинформбюро со следующей сопроводительной листовкой:

«Прочти и передай товарищу!

К населению оккупированной территории Киевской области!

Дорогие братья и сестры! Радио нашей Родины принесло радостную весть о победных боях советских войск на Волге. Это начало разгрома фашистской армии, которую гитлеровская пропаганда расхваливала как непобедимую. Красная Армия разгромит черные силы фашизма. Победа будет за нами! Пусть каждый советский человек, который находится на временно оккупированной врагом территории, чувствует себя бойцом великой армии освобождения. Собирайтесь в боевые отряды! Уничтожайте врага и его пособников! Смерть немецким оккупантам!

Киевский областной комитет КП(б)У».

В конце декабря 1942 года по командировке администрации спиртзавода И. В. Сергиенко находился в Киеве, где больше всего занимался делами подполья. Несколько суток, а точнее, ночей он провел на конспиративной квартире Любвиных, находившейся на втором этаже дома № 22 по Степановской улице, в полукилометре от вокзала. Днем он проби-

рался в Лукьянковку и на Подол, в рабочую Демиевку и Шулявку, налаживал связи, а длинными вечерами, после комендантского часа, когда небезопасно было появляться на улицах, обдумывал и подытоживал сделанное за день, намечал первостепенные дела на завтра.

На квартире Любвиных состоялось заседание Киевского подпольного обкома партии. На нем присутствовали члены обкома И. В. Сергиенко, А. С. Полторадяcko, В. Г. Ефимов, подпольщики А. А. Любвин, З. А. Венник, Н. Н. Оловаренко и другие руководители подполья. Обсуждали вопросы об установлении деловых связей с киевскими подпольными организациями, о создании городского и районных подпольных партийных комитетов в Киеве, об усилении разведки военных объектов и воинских частей врага...

— Время не ждет, товарищи,— говорил, подводя итоги, Сергиенко.— На фронте обстановка складывается благоприятно, Красная Армия бьет немцев под Сталинградом. Нужно и нам на всех участках подпольной борьбы максимально усилить работу...

Одним из важных событий, завершивших пребывание Сергиенко в столице Украины, была его встреча с секретарем Железнодорожного подпольного райкома партии Киева Александром Сидоровичем Пироговским. Хотя эта встреча была короткой, Сергиенко радовало, что Пироговский, которого он видел на приеме в ЦК КП(б)У летом 1941 года, узнал его и назначил свидание в своей квартире на Тарасовской улице.

Искусный конспиратор, Пироговский рассказывал мало, старался побольше выспросить у собеседника, однако даже из его кратких сообщений Сергиенко понял: здесь, в Киеве, где гестаповцы разгромили подпольный горком партии, уже сейчас действует сеть нелегальных партийных и комсомольских организаций, возглавляемых районными комитетами партии. И это больше всего радовало и обнадеживало секретаря обкома.

* * *

*

Подпольщики продолжали вооружаться. Об этом постоянно заботился Степан Логинович Ковальский, руководивший по поручению обкома сбором и хранением оружия. Склады с оружием и боеприпасами появились в Кагарлыке, Ставах, Мировке, Бендингивке, Ракитном, Черняхове, Стайках.

В один из январских дней 1943 года, ранним утром, когда Иван Васильевич еще не успел уйти на завод, Ковальский подъехал на санках к дому Чернобая.

Поздоровавшись с Сергиенко, Степан Логвинович, немногого помолчав, начал разговор:

— Я, собственно, приехал, Иван Васильевич, чтобы предупредить вас и весь обком об опасности. На прошлой неделе в Ржищеве полиция арестовала врача Семенову. А она больше года работала в подполье и спасла от угона в Германию десятки людей... Вчера гестаповцы схватили напу подпольщицу, тоже врача, Ульяну Чухрай. И вы понимаете, я не мог ничего сделать, чтобы ее выручить.

— Неужели какая-то сволочь затесалась в подполье? — в раздумье произнес Сергиенко.

— Вполне возможно. В обоих случаях чувствуется рука предателя, — проговорил Ковальский. — Я вот не могу поручиться за Демченко, не доверяю ему. Не преждевременно ли мы ввели его в состав обкома?

Степан Логвинович рассказал далее, что, когда Сергиенко находился в Киеве, в Кагарлык приезжала группа подпольщиков из Василькова. На встрече с ними, состоявшейся в доме Валентина Сергеевича Полторадько, были Ковальский и Демченко. Последний без всякой надобности назвал приехавшим фамилию первого секретаря обкома. Васильковские же подпольщики требовали изложить планы обкома, добивались встречи с Сергиенко.

— Не посоветовавшись с вами, — заключил свой рассказ Ковальский, — я не стал решать с ними деловых вопросов, а предложил через неделю приехать для продолжения разговора.

— Правильно сделали, — одобрил Сергиенко.

— Да вот, Иван Васильевич, неделя уже прошла, а от них ни слуху ни духу, — волновался Ковальский.

Вечером состоялось экстренное заседание обкома. Сергиенко проинформировал товарищей о сложившемся положении, призвал всех повысить бдительность, усилить конспирацию.

Тревожные предчувствия Ковальского и меры предосторожности, принятые обкомом, были не напрасными. Гитлеровцы догадывались о существовании подпольного центра и начали усиленно искать к нему пути. Заполучив при помощи провокатора сведения о существовании подпольного обкома партии, васильковские гестаповцы сколотили лжеподпольную организацию. Ее члены по заданию гестапо и приезжали в Кагарлык на встречу.

...Прошло несколько дней. Морозным январским вечером в Ставы пришла посланная Витыченко связная Кагарлыкского райкома Вера Куйн и рассказала Ивану Васильевичу,

что утром по вызову васильковского шефа жандармерии вся Кагарлыкская полиция вместе с Сыч-Висоцким и его заместителем Ковальским на подводах выехала в Васильков.

Как выяснилось впоследствии, вызов всей полиции под предлогом операции против партизан был коварной уловкой гестаповцев. Выданные и опознанные провокаторами, С. Л. Ковальский и его боевые помощники Иван Торяник и Максим Гребельник были расстреляны в Василькове.

А в ночь на 18 января 1943 года были схвачены и после жестоких пыток расстреляны И. В. Сергиенко, Т. П. Рыбак, В. С. Полторадяcko, Вера Куян и другие товарищи.

Из арестованных вернулся в Кагарлык один Демченко — заместитель механика Кагарлыкского сахарного завода, подло предавший Киевский подпольный обком партии. Вскоре, завербовавшись агентом гестапо, он выехал в Киев, где продолжал свое черное дело. Но предатель не избежал кары. В мае 1946 года Военный трибунал Киевского военного округа приговорил разоблаченного гестаповского агента Ф. И. Демченко к расстрелу.

* * *

Прошли годы, но Родина не забыла своих героев. 8 мая 1965 года в канун 20-й годовщины Победы над гитлеровской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР Ивану Васильевичу Сергиенко было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Высокими правительственные наградами отмечены погибшие и оставшиеся в живых его боевые соратники.

В одном из районов Киева, в рабочей Дарнице, от Ленинградской площади к новому жилому массиву протянулась красивая улица. На стене дома, начинающего улицу, прикреплена мраморная мемориальная доска, на ней надпись:

«Эта улица носит имя
Сергиенко Ивана Васильевича,
Героя Советского Союза,
первого секретаря Киевского
подпольного обкома КП Украины».

Первый этаж дома занимает музей истории Дарницы. В нем собрано много экспонатов, рассказывающих о советских патриотах, мужественно боровшихся в годы Отечественной войны под руководством Киевского подпольного обкома партии.

Д. СВЕРКУНОВ,
А. ЩЕРБАКОВ

С. И. Сикорский

НЕ УШЛА ВОЙНА ИЗ ПРИГРАНИЧЬЯ

Разговоры в селах ходили долго.

— Надо же! Так смело двигаться — белым днем через деревню!

— А силы-то!.. Даже пушка! Такой силе и прятаться ни к чему!

— Красная Армия вот-вот подойдет. Партизаны — отсюда... И одолеют фашиста...

Марш партизан действительно выглядел впечатительно. Шли в открытую, деревнями, далеко видными дорогами. Старались держать четкий строй, показывали народу и что оружием обзавелись подходящим для серьезной войны, и что бойцы в себе уверены, и что в обозах порядок.

Получилось так, как и хотел Сикорский: марш на новую базу соединения в уроцище Хованщина совершили и что-то вроде парада партизанского провели, чтобы населению веры в Советскую власть и в ее защитников прибавить.

Сикорский понимал: был в его замысле известный риск. Но риск, по его убеждению, оправданный, потому что война, и особенно в этих краях, в западных областях Белоруссии, шла не только за освобождение территории, но и за людей, за их убеждения, за их готовность бесповоротно принять советский образ жизни и отстаивать его, защищать.

Предлагая в штабе переход на новую базу днем в противовес предложениям двигаться ночью, скрытно, Сикорский вспоминал другой «марш».

Ранней весной 1943 года самолет перебросил группу во главе с Сергеем Ивановичем Сикорским на партизанский аэродром Минского соединения. Отсюда группе предстояло прошагать сотни километров на запад, в Брестскую область, чтобы выполнить задание Центрального Комитета Компартии Белоруссии и Центрального штаба партизанского движения: наладить в глубоком немецком тылу деятельность Брестского подпольного обкома партии и создать штаб Брестского соединения партизан.

В Москве задачу сформулировали коротко и ясно: подпольный обком должен связать в единую сеть — крепкую, надежную, дееспособную — партийные организации, всех коммунистов, объединившихся в антифашистском подполье и в партизанских отрядах; отряды собрать и все это нацелить на борьбу с оккупантами, ускорить тем самым освобождение белорусской земли.

Длинная дорога из Минской области в Брестскую дала возможность Сикорскому не спеша подумать обо всем, что стояло за скучными формулировками задания. И когда шагал по бесконечной, казалось, весенней снежной хляби, и когда наслаждался коротким отдыхом в теплых, пахнущих невоенной жизнью хатах, размыщляя о новой своей роли. Он пытался представить ее весомость и ответственность в соответствии с тем опытом, что накопил за тридцать с лишним лет не очень будто бы сложной и вместе с тем хорошо закалившей его жизни.

Рабочий, председатель колхоза, директор МТС, потом инструктор ЦК Компартии Белоруссии и в 1939 году — секретарь Брестского областного комитета партии. Это до войны. А в войну — курсы усовершенствования политсостава, затем работа в северо-западной группе ЦК КП(б) Белоруссии, а вот сейчас — уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения по Брестской области и секретарь Брестского подпольного обкома партии.

Работать с людьми, словом и делом партии сплачивать их и вести к победе, которая в сорок третьем, после великой битвы под Сталинградом, уже обозначилась явственно и определенно, — вот что нужно прежде всего, думал Сикорский.

Работать с людьми... Сергей Иванович примерно знал обстановку в западных районах Белоруссии. Знал, что там существует партизанское движение, есть отряды, воюющие с сорок первого года, есть деятельные антифашистские группы, возглавляемые, как правило, старыми подпольщиками, членами Коммунистической партии Западной Белоруссии. Словом, опора реальная и прочная. Но он отдавал себе отчет в том, что кроме привычных уже военных трудностей его группу ждут трудности дополнительные, так сказать, своеобразные для края и сложившейся там обстановки.

Дело в том, что Советская власть, вернувшаяся в западные области Белоруссии осенью тридцать девятого, не успела до июня сорок первого раскрыть полностью свои преимущества. Многое сложностей возникало в связи с разбросанностью крестьянских хозяйств по хуторам, с очень сильным влиянием католической церкви. Да и теперь, на втором году войны,

несомненно, осталось еще много таких людей, кто старается стоять в стороне от борьбы, выжидать. Значит, понадобятся терпение, убедительность агитации, чтобы завоевать нейтральных, привести в свой лагерь выжидавших и колеблющихся.

Что же касается партизанских отрядов, то, судя по данным Белорусского штаба партизанского движения, в некоторых сразу поселился и жил дух местничества, мешающий действовать всем сообща, и уполномоченному Белорусского штаба предстояло добиться перелома и подчинить отряды единой воле и цели. Конечно, и тут могут возникнуть осложнения. Что ж, в конце концов, его и послали затем, чтобы выполнять эту трудную работу.

Несколько месяцев прошло с тех пор, как группа Сикорского — Сергея обосновалась на брестской земле. Да, да, обосновалась. Сергей Иванович уже имел право говорить так, потому что появились результаты, политические и военные, стало ясно, что группа нашла себя, и гитлеровские оккупанты чувствуют это на собственной шкуре.

... — Я думаю, — сказал Сикорский на совещании актива группы, — что обстановку надо изучать на месте. Своими глазами поглядеть, своими ушами послушать. Тогда точнее определим и как силы использовать, и какую тактику где применять. Конечно, в первую очередь — контакты с нашими людьми, контакты с партизанскими отрядами.... Постарайтесь обернуться побыстрее, чтобы нам не медлить с развертыванием партийной, военной и иной работы.

В южные районы области отправлялся старый большевик Захар Филимонович Поплавский, под Брест — Сумбат Арзумянц, в областной центр — Александра Ивановна Хромова.

Когда определили маршруты, Сергей Иванович сказал Хромовой:

— У меня к тебе личная просьба... Знаю, что неподходящее сейчас для такого времея, но ты меня поймешь... семьято моя в Бресте осталась. Почти два года ничего о них не знаю. Может, появится какая-нибудь возможность хоть что-то выяснить...

Хромова вернулась через несколько дней. Измученная дальней дорогой, увиденным, она прежде всего, забыв про отдых, заглянула в землянку Сикорского.

— Сразу обрадую, Сергей Иванович: семья ваша жива, здоровы и теперь в безопасности — с помощью подпольщиков и своих людей в полиции ее вместе с другими семьями удалось переправить в лес.

Сикорский не мог скрыть своей радости и взволнованно

благодарил Александру Ивановну за добрые вести, а она молчала, ожидая, пока он справится с нахлынувшими чувствами.

Немного погодя она сказала:

- А теперь я вам расскажу, что делается в городе.
- Да, конечно, а потом — отдохнуть.

Брест сражался с оккупантами. Хромова передала Сикорскому сведения о деятельности подпольных групп, которые устраивали диверсии и вели постоянную разведку, и карту, где условными знаками указывались военные объекты гитлеровцев, расположение их частей, коммуникаций.

— Хорошо! Замечательно! — подытожил сообщение Хромовой Сикорский. — Переправим все это на Большую землю. Наши бомбардировщики позаботятся, чтобы «зачеркнуть» то, что нарисовано на карте.

Вскоре вернулись Поплавский и Арзуманян из других районов области. Обстановку уточнили. Наступило время создать руководящее ядро областной военной организации и развернуть боевые действия.

Руководящее ядро. Люди. Сикорский не сомневался, что от них зависит успех предпринятого, и считал, что ему повезло. В самом деле, на кого он теперь опирался, были товарищами надежными. Иван Иванович Бобров — секретарь обкома, опытный партийный работник, завидных способностей организатор; комсомольский вожак Федор Дмитриевич Ромма — энергичный, инициативный; умеющий быстро подбирать ключи к людям батальонный комиссар Сергей Егорович Егоров; волевой и дисциплинирующий всех своей собрannостью подполковник госбезопасности Александр Николаевич Дроздов. И еще — Иван Павлович Мариняка, Александра Ивановна Федосюк, Степан Филиппович Потеруха. Они, как пальцы на руке, все нужны, все незаменимы.

Добрым чувством Сикорский проникся к Павлу Васильевичу Пронягину. Знал еще до встречи с ним, что тот кадровый военный, лейтенант, в сорок первом командовал стрелковым взводом. В боях находился с самого начала войны. Попал в окружение, быстро сплотил вокруг себя группу бойцов. Весной сорок второго эта группа соединилась с другими такими же боевыми группами, был создан партизанский отряд имени Щорса, его командиром стал Пронягин.

Начали с нападения на мелкие гарнизоны оккупантов. Потом вышли на железную дорогу. Девять крушений вражеских эшелонов с апреля по июль придали партизанам уверенность в своих силах, а гитлеровцев заставили считаться с

ними. В отряд вливались все новые и новые бойцы из числа попавших в окружение или бежавших из плена. Устанавливалась связь с патриотами из окрестных деревень, местечек, хуторов.

Во второй половине 1942 года в отряде насчитывалось более 500 штыков, были две сорокапятимиллиметровые пушки, около 40 пулеметов, автоматы, гранаты, взрывчатка. В конце августа отряд после длительных боев с карательями вышел в Пинскую область, а в конце апреля сорок третьего вместе с организаторской группой Сикорского возвратился в Брестскую область.

Сергей Иванович сразу оценил военные знания Пронягина, его партизанский опыт и авторитет в отряде. Некоторое время, правда, в душе жило сомнение: как отнесется командир отряда к пришедшим к ним людям... Конечно, задание Москвы есть задание Москвы, но, с другой стороны, есть и такой мотив — бередить себя мыслью, что пришли, мол, на все готовенько, хотя к чужой славе примазаться...

Но опытом партийного работника, житейской споровкой Сикорский скоро понял, что Пронягин все воспринял и оценил правильно. И верно поступил он, Сикорский, предложив Павлу Васильевичу стать начальником штаба соединения.

День ото дня все яснее становилась картина и все четче вырисовывались планы на ближайшее время. Мысленно уже набросав их, Сикорский не переставал задавать своим ближайшим соратникам вопросы: «Как думаешь, за сколько времени удастся сформировать бригады?», «Как, по-твоему, добиться, чтобы немцы сократили количество своих гарнизонов?», «Возьмешься подумать, как воспрепятствовать фашистам вербовать молодежь в Германию?».

Спрашивал, просил подумать, давал поручения, интересовался последними донесениями разведки, приказывал послать то в один, то в другой район связных, запрашивал сведения о поступлении оружия, снаряжения, продуктов.

К июню подпольный обком партии установил связи со всеми отрядами, действовавшими на территории области, организовал 10 подпольных райкомов партии, паладил прочную связь с областным антифашистским комитетом.

«Одновременно, — вспоминал позднее Сергей Иванович, — мы начали формирование бригад. 19 июня была создана первая партизанская бригада. (А к моменту освобождения области было уже 11 бригад и 11 отдельных партизанских отрядов, в которых насчитывалось более 12 тысяч бойцов и командиров.) Вся жизнь и боевая деятельность отрядов — боевые операции, подготовка личного состава, партийная ра-

бота — строились по планам, выполнение которых контролировалось обкомом и штабом соединения.

В связи с массовым притоком в партизанские отряды новых людей из местного населения перед партийно-комсомольскими организациями и командованием отрядов и бригад особенно остро встала задача повышения уровня политической работы.

В партизанских отрядах регулярно выпускались стенные газеты. Всего их было выпущено 832 номера. Они отражали боевую жизнь отрядов, призывали партизан к активной борьбе с заклятым врагом. В отделениях, взводах и ротах выходили боевые листки.

С мая 1943 года начала выходить областная газета «Заря».

Сикорский много делал для укрепления боеспособности отрядов. В конечном счете ведь отряды определяли успех всего соединения. А это значит, каждый надо сделать организованным, сильным, выполняющим одно из первейших требований — единство цели и действий. И тут возникали осложнения. Конечно, не в таких отрядах, как отряд имени Щорса. Собственно, большинство отрядов уже успешно воевали. С лета 1941 года активно сражался отряд имени Михаила Чернака. Ядро отряда составляли военнослужащие 125-го стрелкового полка, дислоцировавшегося ранее в районе Бреста, и пограничники. Командовал отрядом до ранения лейтенант Сергей Шиканов. Партизаны не давали покоя гарнизонам оккупантов в Малорите, Радваничах, Новоселках, Ходосах, Ракитнице, Чернянах, Великорите. Уничтожили полицай-президента, посетившего по поручению Берлина Брестскую область, пускали под откос вражеские железнодорожные эшелоны, уничтожали автоколонны. Не отставали от него отряд имени Димитрова, отряд имени Тельмана и другие.

Однако, принимая сообщения об удачных операциях большинства отрядов, Сикорский не мог не обратить внимания на донесения, где говорилось, что в некоторых отрядах о подчинении единому командованию и слышать не хотят, предпочитают «партизанскую автономию», полную свободу действий. А есть и такие, которые хотя и соблюдали дисциплину, но стремились к изоляции, опасаясь фашистских лазутчиков. В одном отряде посланцев Сикорского встретили настороженно.

— От командира соединения? — переспросил командир отряда Постовалов. — Что-то не знаю такого! Почему я должен ему подчиняться?

Связные вернулись ни с чем. Сикорский внимательно выслушал их. Потом позвал Ромму.

— Послушай, Федор, надо убедить руководителей отряда в том, что они не правы. Отправляйся к ним, пожалуйста. У них комиссаром бывший политрук из части, которая до войны в Бресте стояла. Бойко его фамилия. Скорее всего, он тебя по Бресту знает... Людей с собой возьми.

— Хорошо. Бойко, если тот, что был членом обкома комсомола, помню. Думаю, договоримся.

Знакомство с отрядом началось с неожиданностей. У Роммы и пришедших с ним партизан отобрали оружие.

— Прошу доложить командиру о нашем прибытии,— Ромма держался спокойно.

Его проводили в землянку, где находились командир и комиссар. Бойко, увидев Ромму, узнал его.

— Федя! Какими судьбами?!

— Москва прислала.

— Прямо из Москвы?! Невероятно! А мы здесь вот окопались.

— Окопались и так зажили, что ни чужих, ни своих не признаете...

— Так ведь обстановка заставляет. Кругом враги, шпионы, провокаторы. Попробуй определи, какому богу кто молится! — вставил в разговор командир отряда.

— Давайте разбираться, а то война кончится, а вы здесь останетесь, подумаете, что неправда это! — улыбнулся Ромма.

Помолчав, добавил:

— Командира отряда и комиссара лично хочет видеть Сергей Иванович Сикорский. Ты,— обратился Ромма к Бойко,— конечно, по Бресту его помнишь. Москва утвердила его секретарем подпольного обкома партии и командиром Брестского партизанского соединения, уполномоченным Центрального штаба партизанского движения в нашей области. Встретиться надо как можно быстрее — время не терпит, вовать следует серьезно и вместе.

— Коль так, явимся к Сергею Ивановичу,— ответил Бойко и посмотрел на Постовалова. Тот согласно кивнул головой.

Сикорский принял их, будто ничего не слышал о произошедшем недоразумении. Подробно рассказал о деятельности Центрального Комитета Компартии Белоруссии, Центрального штаба партизанского движения, о положении на фронтах, борьбе партизан Белоруссии. Потом сказал:

— Ну, вот и просветил я вас. Броде бы на первый раз

достаточно. Бойцам вашего отряда Федор Ромма все это изложит. Теперь расскажите, как тут жили, что делали?

Когда Постовалов и Бойко доложили о делах отряда, о соседях, Сикорский поделился планами о предстоящих совместных действиях.

— Ваш отряд войдет в состав бригады, — говорил он, заканчивая беседу. — Партийно-политическую работу в отряде мы вам поможем наладить. Об укреплении дисциплины позаботьтесь сами, и безотлагательно. Насколько нам известно, с ней у вас не все благополучно. Дальше, с местным населением постарайтесь установить надежные связи, без них так и будете всех бояться и вокруг своих землянок топтаться. И еще одно: продукты добывайте у врага! У крестьян просить в самом крайнем случае. Думаю объяснять не требуется. Вражеские обозы и поезда с продовольствием не должны мимо вас проходить.

Что касается оружия, то Москва прислала нам новые автоматы. С вашим отрядом поделимся. И противотанковое ружье с патронами дадим. Операции предстоят серьезные.

Сикорский тепло попрощался с Постоваловым и Бойко, пожелал им новых боевых успехов.

Отряд имени Чапаева хорошо воевал в соединении брестских партизан. Впоследствии его преобразовали в бригаду, один из ее отрядов получил имя Василия Постовалова, погибшего в бою. Сложил голову в схватке с врагами и партизанский комиссар Виктор Бойко.

Бригады формировались быстро. Сказывались продуманность организационной работы, опыт, накопленный отрядами, а главное, пожалуй, то, что в распоряжении обкома партии и командования областного соединения было достаточно опытных членов Компартии Западной Белоруссии, прошедших в свое время основательную школу подполья, и что чрезвычайно радовало и обнадеживало Сикорского — местных крестьян, служащих, интеллигентов, окончательно убедившихся, что за Советскую власть надо драться честно и упорно, не жалея себя.

Скоро стало ясно, что создание единого командования, укрупнение сил, ликвидация раздробленности — меры абсолютно необходимые, продиктованные ходом событий — завершены.

Сикорский торопил штаб закончить организационные дела к лету, не сомневаясь, что скоро должны развернуться большие события. И не ошибся. Москва прислала директиву готовиться к «рельсовой войне» и направила в соединение опытного сапера.

Гитлеровцы питали фронт в основном через железные дороги. Колossalная машина, буксовавшая на Восточном фронте, требовала несметного количества людей, техники, боеприпасов, снаряжения. Эшелоны шли чуть ли не впритык друг к другу, и нарушить этот поток значило серьезно повлиять на всю оперативную обстановку в гитлеровском стане.

Брестские партизаны имели возможность «наступить» на две «руки» сразу. Магистраль Брест — Гомель спабжала немецкую группу войск армий «Центр» и группу армий «Юг», а дорога Брест — Москва имела, пожалуй, ключевое значение для всего Восточного фронта. Было решено использовать эту возможность максимально.

Взвесили все, распределили зоны действия бригад и отрядов, проверили оснащенность диверсионных групп. Но и после этого Сикорский предложил Пронягину:

— Давай снова пройдемся по всему полотну, что предстоит перекрыть, может, что-то упустили — как будто ничего... Основные участки, куда намечен самый массовый выход: Брест — Барановичи, Брест — Пинск, Брест — Малорита, Свислочь — Гайновка... Так-так... Люди проинструктированы, местные жители должны подключиться тоже... Со взрывчаткой туговато... Где не хватит, придется обходиться другими средствами. Чего не осилим сразу, завершим потом...

Сигнала к началу операции ждали, и он поступил из Москвы. В ночь к железнодорожному полотну вышли сотни партизан. Удар был внезапный. Завязалась перестрелка. Местами доходило до рукопашной, спешило поднятое по тревоге фашистское подкрепление. 2040 рельсов, говорилось в донесении, вывели из строя партизаны Брестчины за первый же выход всем боевым составом соединения на «железку». Движение поездов задержалось в общей сложности на несколько суток...

«Рельсовая война», нападения на вражеские гарнизоны, схватки на шоссейных дорогах, агитация среди гитлеровских войск... Ратные будни... Заботы подпольного обкома и командования соединения по установленной самой войной закономерности распределялись так, чтобы ничего не выпало из поля зрения, ничего не оказалось забытым.

В то же время, чем больше росла уверенность в близости грядущей победы, тем чаще задумывался Сергей Иванович о послевоенном времени, тем усерднее искал возможности готовить это будущее здесь, в Брестской области. А оно определялось для него прежде всего людьми, которые после войны возьмутся восстанавливать сожженные города и села, выращивать хлеб, строить новые дороги, осушать болота,

создавать умные машины, шить красивую одежду. Поэтому старались особой заботой окружить детей, растиль их, воспитывать, учить, чтобы передать им эстафету старших поколений. Понятно, почему так близко к сердцу принимал Сергей Иванович героические поступки молодых патриотов.

Шестнадцатилетний парнишка из партизанской семьи Коля Гойщик бросился с миной под вражеский эшелон и взорвал его. Узнав о его подвиге, Сергей Иванович собрал политработников:

— О юном бойце должны знать все в отрядах, в деревнях, во всех семейных лагерях. Вечная ему слава и благодарность от всех нас,— закончил свое краткое сообщение Сикорский.

Когда в штаб соединения пришли вести о братьях-комсомольцах Геннадии и Дмитрии Дудко, которые совершали бесстрашные диверсии на железной дороге, Сикорский приказал комсомольскому секретарю Федору Ромме найти возможности и широко оповестить молодежь Брестчины о подвигах братьев Дудко.

В Бресте погибла комсомолка Галя Аржанова, создавшая в оккупированном городе подпольную комсомольскую организацию. Она добывала для партизан медикаменты и медицинские инструменты, бинты и вату и, кроме того, выполняла обязанности связной отряда имени Чернавки. Сергей Иванович, встречаясь с партизанами, с гражданским населением в семейных лагерях, подробно рассказывал об отважной комсомолке.

Сикорский часто бывал в лагерях для гражданского населения. Убежавших от фашистов в лес женщины с детищками, стариков он не считал обузой для партизан, хотя немало хлопот и забот доставляли партизанам эти лагеря, их обеспечение, устройство, и уже совсем сложно обстояло дело с защитой, когда гитлеровские каратели наваливались крупными силами на партизанские зоны, вынуждали быстро сниматься с места, тайными тропами под огнем уходить в более безопасные районы.

Сикорский делал все, чтобы жизнь там шла по военным понятиям нормально. А под понятием «нормально» подразумевал непременно лесные школы, рекомендованные Центральным Комитетом комсомола Белоруссии.

— Не могут же дети ждать, когда кончится война,—убеждал он своих помощников.— Дети не виноваты. Значит, нужны школы.

...Весь истертый, в чернильных пятнах, учебник для средней школы «Арифметика». Знакомые задачки: «В бассейн

проведены две трубы»... «Из пункта «А» в пункт «Б»... Как-то странно все здесь, в лесу. Под деревьями рядками тихо сидят ребята. Пахнет дымом костров, скошенной, чуть подвявшей травой, смолой от нагретых за день сосен... Война совсем не далеко, она может очутиться здесь в любую минуту, и тогда зашумит, засуетится лагерь, и кто знает, что станет с ним, если... Но пока тихо. В лесной школе идут обычные занятия.

Любовь Грицова и Мария Шляхтенко организовали в отряде имени Кирова настоящие уроки — учат стихи Пушкина, разбирают законы физики и биологии, с помощью старенькой карты путешествуют по странам мира. Трудно с книжками. Всех, кто уходит из леса на задания, учительницы просят: поинтересуйтесь при случае, где можно достать учебники, тетради, карандаши.

С бумагой особенно плохо — исписали все, что подвернулось под руку, — амбарные книги, разные плакаты, немецкие бланки. Теперь приходится писать на бересте.

Но война вмешивается в наладившуюся было жизнь лесной школы. Немецкий самолет разбомбил лесное поселение. Есть жертвы. Среди них — обе учительницы.

...С востока на белорусскую землю вступила Красная Армия. Началось освобождение республики. Партизаны, наращивая боевую активность, парализовали тылы и коммуникации гитлеровцев. Обстановка диктовала новые условия и задачи. В начале весны сорок четвертого года оккупационные власти объявили мобилизацию мужчин в так называемую добровольческую армию. Партизанские разведчики сумели узнать об этом заранее. Сикорский поручил штабу, своим помощникам по обкому, комсомольским активистам найти меры, противодействующие гитлеровской кампании. Был выработан четкий план ее срыва.

В деревнях распространялась листовка, призывающая не являться на сборные пункты, а уходить в лес. Лучшие агитаторы обращались к населению с убедительным, правдивым словом; боевые подразделения тем временем усилили наступление на противника, осаждали вражеские гарнизоны.

В своих записках Сергей Иванович Сикорский писал после войны: «В результате этих мер ни один человек не явился на сборные пункты. Мужчины призывающего возраста Ивановского, Дрогичинского, Антошпольского, Кобринского, Березовского, Коссовского и Ружанского районов ушли в лес. Только в бригаду имени Свердлова за 20 дней пришли 3500 крестьян. Такой же приток людей был и в бригады «Совет-

ская Белоруссия», имени Дзержинского, в отряды имени Кирова, имени Буденного, «345-й» и другие».

В марте 1944 года до южных районов области уже отчетливо доносилось дыхание фронта. Чем ближе он подходил, тем массированнее, масштабнее партизаны атаковывали гитлеровские части. Схватки с ними становились кровопролитнее, злее. Штабу партизанского соединения приходилось, учитывая обстановку, менять тактику, на ходу учиться более оперативно маневрировать силами, резко менять направление ударов, вводить в бой сразу несколько бригад на сравнительно небольшом участке.

В те дни бригада имени Чапаева точно рассчитанным ударом оседлала шоссе Брест — Москва и вместе с наступающими частями Советской Армии окружила в дахловских лесах довольно крупную группировку противника, а затем ликвидировала ее. Бригада «Советская Белоруссия» решила соединиться с армейскими частями. Ее партизаны захватили мост через Ясельду и ускорили в этой полосе успех наступления войск 1-го Белорусского фронта. Бригада имени Ленина шесть суток вела бои в районе Буга, форсировала реку, способствовала успешному продвижению на запад 70-й армии. Бригада имени Гуляева вместе с подразделениями 48-й стрелковой дивизии овладели районным центром Телеханы.

Это были трудные бои, но командование Брестского соединения оказалось на высоте. Положительную роль сыграли накопленный опыт партизанской и подпольной борьбы, подъем народного движения против фашистов. Изгнание гитлеровских оккупантов из Брестской области, с белорусской земли завершилось.

В январе 1944 года Сергею Ивановичу Сикорскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

В июле 1944 года война ушла из Белоруссии на запад, чтобы закончиться меньше чем через год в логове врага.

Н. И. Сташков

ЖИЛ
КОММУНИСТОМ
И УМЕР
КОММУНИСТОМ

Фронт приближался к Днепропетровску, и сердце противилось мысли, что город скоро придется оставить. В здании обкома партии жизнь не замирала ни на час, ни на минуту — надо было максимально воспользоваться оставшимся временем, чтобы уточнить планы возможной эвакуации людей, учреждений и организаций, промышленного оборудования и ценностей.

Далеко за полночь в одной из комнат собирались секретари обкома К. С. Грушевой, Г. Г. Дементьев, М. М. Кучмий и еще несколько работников — люди, наделенные выдержкой и умением разбираться в человеческих душах, обладающие умом и мужеством, способные трезво оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Был среди них и Николай Иванович Сташков.

Разговор шел о подготовке и работе партийного подполья в условиях немецко-фашистской оккупации области. Нужно было оставить надежных, стойких людей, энергия и опыт которых привели бы в движение все силы и резервы для борьбы с гитлеровцами в их тылу. Накануне Константина Степановича Грушевой разговаривал со Сташковым. Предложил ему возглавить руководство подпольного обкома партии.

Николай Иванович согласился. Центральный Комитет Коммунистической партии Украины одобрил кандидатуру. В состав подпольного обкома решили ввести троих: Н. И. Сташкова (секретарь обкома), Д. Г. Садовниченко (заместитель секретаря обкома) и Д. С. Сытника (член обкома).

Решили, что подпольный обком будет находиться не в Днепропетровске, а в Павлограде, куда Сташкову и следовало переехать. Павлоград — небольшой город, да и Сташкова там знали немногие. Постоянным местом пребывания Д. Г. Садовниченко определялся Петропавловский район, соседний с Павлоградом. Что касается Д. С. Сытника, то ему

рекомендовалось оставаться в Юрьевском районе, где он до сих пор работал, и в будущем создать там свою подпольную организацию.

— Вы, Николай Иванович, будете отныне Мысовым Василием Ивановичем, привыкайте к новой своей биографии, — сказали ему в заключение разговора в обкоме...

25 августа 1941 года в Днепропетровск вошли гитлеровцы...

Сташков пока остался в городе, он перешел жить на Керосинную улицу, на квартиру комсомолки Вали Алексеевой, которая не смогла эвакуироваться и осталась в городе с большой матерью и младшим братом. Деловая и осмотрительная всегда, она стала сейчас еще более сосредоточенной и осторожной. Присутствие в доме Николая Ивановича ничуть не тяготило ее, напротив, с ним она чувствовала себя увереннее и спокойнее.

Валя Алексеева стала верным помощником Николая Ивановича и потому ничуть не удивилась, получив от него первое ответственное задание — пойти в город на связь с секретарем подпольного горкома партии В. И. Дудусовым. На явке никого не оказалось, а в городе только и говорили об арестах, облавах, расстрелях. Кажется, теперь впервые Сташков по-настоящему понял всю необычность и сложность своего положения: они, связанные с Родиной лишь тонкой нитью доверенного им задания, должны выполнять свой долг в полную меру своих сил и без всякого промедления. Ему не терпелось поскорее встретиться с другими руководителями подполья, оставленными в Днепропетровске. Второй выход Вали в город оказался более удачен. Домой она вернулась с Валей Давыдовской, оставленной в подполье для связи секретаря обкома с горкомом. Давыдовская была старше и опытнее Алексеевой, к тому же хорошо знала немецкий язык. Она продолжила поиск Дудусова. По адресу, где он должен был проживать, его не оказалось. Давыдовская побывала на нескольких явочных квартирах, но и там его не нашла. Неудача с поисками преподнесла Николаю Ивановичу весьма ценный урок, из которого он понял, что при организации подполья допущены были серьезные просчеты. Мысль эта теперь, задним числом, остро и мучительно сверлила его мозг. В руках В. И. Дудусова как секретаря горкома были сосредоточены связи с подпольными группами четырех районов Днепропетровска — Октябрьского, Кировского, Красногвардейского и Амур-Нижнеднепровского, ему были известны пароли и руководители всех групп. И вот теперь, когда попытки связаться с Дудусовым оказались

тщетными, исчезли все шапсы найти хоть кого-нибудь из руководителей группы.

— Что же теперь делать? — перешептываясь спросила Валя помрачневшего Сташкова.

— Прошла уже неделя, больше ждать нельзя, — ответил Николай Иванович, — пойду в город сам.

Он направился на встречу один, надеясь увидеть кого-нибудь из тех, кто знал, где находятся оставленные Дудусову оружие, продовольствие, рация и гектограф, без которых дальнейшее бездеятельное ожидание становилось преступным. Была очередная пятница, выбранная для встреч со связанными, но в условленном месте возле городского почтамта никто так и не появился.

Продефилировав до обеда по улицам и едва не патинувшись на патрулей, Сташков вернулся домой ни с чем, приписав свою неудачу слишком густому туману, упавшему на город накануне вечером.

На следующий день он с нескрываемым изумлением узнал от Давыдовской, прибежавшей чуть свет, что именно в тот день в городе была повальная облава и многие коммунисты арестованы, а сам он чудом избежал той же участи.

А через несколько дней Давыдовская сообщила ему еще одну неприятную новость: гестапо напало на след секретаря Днепропетровского подпольного горкома В. И. Дудусова, и ему пришлось уйти за линию фронта. Продолжать поиски дальше не имело смысла...

«Да, случилось непредвиденное, — размышлял Сташков. — Случай — как сирота: может попасть к мачехе, а может и в добрые, заботливые руки. Нам нет дела до случая, надо пока оставаться в Днепропетровске, восстановить связи, собрать все имеющиеся силы и бороться». Решение было твердым. От слов он перешел к делу.

Прежде всего Сташков отправился на 12-ю Переможную, где жил его отец (несколько часами раньше сюда приходила Валя Алексеева и установила, что за домом наблюдения пока не было), и встретился с рабочим завода «Спартак» И. А. Мороженко, обучавшим в свое время Николая Сташкова слесарному делу, и П. И. Новичуком — тоже слесарем, поступившим с приходом немцев на работу кладовщиком на завод «Мясомолмаш». Оба ветерана давно были готовы помочь подпольщикам, да не знали, с чего начать. Встреча эта всколыхнула в них воспоминания далекой революционной молодости и воодушевила к действию. Затем Сташков побывал на Новокайдакской улице у И. Х. Успенского — отчима своего друга Степана Масалыгина, который

сформировал первый партизанский отряд, расположившийся в лесах. Дом Успенского ремонтировался и оказался очень удобным для встреч подпольщиков. Хозяин этому обрадовался несказанно — одиночество для него было страшнее, чем тревожные слухи и облавы.

— Встречайтесь, когда нужно, — гостеприимно пригласил он.

Николай Иванович с радостью принял это предложение. Его связи с подпольщикамиширились и укреплялись.

Вскоре на заводе «Мясомолмаш» была создана первая боевая группа (руководителем ее стал директор завода Л. А. Берестов), а следом за ней в рабочем поселке Чечеловка еще одна — патриотическая молодежно-комсомольская группа во главе с В. А. Ларионовым и Юрием Антоновым.

Чтобы активизировать их работу, а население извещать о событиях на фронте, в те же дни Сташков позаботился наладить информацию. Валя Алексеева достала где-то старенький «Ундервуд» и Николай Иванович сразу же написал листовку. Ее напечатали в 50 экземплярах, и Юрий Антонов с товарищами ночью распространили ее в городе.

А вскоре партизаны через своего связного Тихона Маслова попросили Сташкова о следующем: пусть подпольщики организуют пожар около моста через Днепр, чтобы сорвать нашу авиацию.

16 сентября у самого въезда на понтонный мост факелом вспыхнула хата. Две бомбы, сброшенные с самолета, в мост, правда, не попали, зато основательно разворотили подъездные пути.

Спустя три дня, 19 сентября, подпольщики Чечеловки повторили диверсию. В условленное время они зажгли у реки костры. Появившиеся в ночном небе советские самолеты сбросили бомбы на понтоны. Над рекой взметнулись хрустальные столбы воды, и понтоны пошли на дно. А ночью подпольщики пробрались на завод имени Бабушкина, где немцы монтировали фермы для восстановления железнодорожного моста, и подожгли электросварочный цех. Хорошо освещенная цель подверглась бомбажке. Цех был разрушен, и немцы уже его не восстанавливали.

В конце сентября 1941 года обстановка на фронте изменилась. Гул артиллерийской канонады отдалился и затих. Стало известно, что немецким войскам удалось расширить плацдарм наступления и военные действия развернулись теперь на подступах к Павлограду.

Отсутствие связи, беспокойство за судьбу других подпольных горкомов и райкомов области тревожило Сташкова

и его помощников. Нить, соединявшая их с армией, с Большой землей, обрывалась. Первым вызвался идти в разведку Тихон Маслов.

— Ты меня не держи. Я человек незаметный, прoberусь в Павлоград, узнаю, что к чему...

28 сентября Маслов ушел, упося с собой зашитое в подкладку кепки письмо Сташкова к родным. В нем он писал: «Катенька! Сын Валерий!

Пишу последнее письмо, больше писать не смогу до нашей встречи. Катенька, не плачь, не горюй, смотри за детьми. Материально ты обеспечена, если что будет нужно, обращайся в обком партии. Тебе помогут.

Детей воспитай в духе беззаветной преданности партии Ленина, в духе преданности Советской власти и народу. Валерий вырастет, если меня не будет, расскажи ему обо мне. Аллочка — та знает все, пусть учится...

До свидания. Целую крепко...»

— Письмо пусть перешлют жене, — сказал Николай Иванович, провожая связного. — А в горкоме скажи, кому следует: пусть подполье готовят надежнее.

В первых числах октября в Павлоград подался и сам Сташков — ему надо было знать лично, как обстояло дело с подготовкой подполья на месте.

...Советские учреждения покидали Павлоград. К. С. Грушевой и секретарь горкома партии Ф. Б. Зацарин днем руководили эвакуацией, а ночью спешно готовили будущее подполье. Во главе подпольного горкома партии оставались Л. П. Караванченко и его заместитель С. С. Прибер.

На рассвете 4 октября Н. И. Сташков, обессиленный, с ввалившимися глазами и нездоровым румянцем на лице, осунувшийся за несколько дней перехода через линию фронта по лесным дорогам и заболоченным тропам, вошел в кабинет Зацарина.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он, стараясь улыбкой скрыть свою усталость. — Я, кажется, вовремя пришел.

Грушевой и Зацарин обняли Сташкова...

Николай Иванович стал рассказывать о положении в Днепропетровске.

— Там, — заговорил он негромко, едва сдерживая гнев, — лучших из наших товарищей схватили и бросили в фашистские застенки, их истязают и пытают. Мы что-то недосмотрели, упустили. — И он подробно остановился на недостатках и ошибках в организации подполья.

Сообщения Сташкова заставили немедленно внести в план подготовки и действий павлоградского подполья необходимые корректизы.

В оставшиеся до прихода оккупантов дни Сташков старался как можно прочнее легализоваться. Запомнив адреса явочных квартир и пароли, он рас прощался с Грушевым и попросил его переслать письмо жене.

Оно уместилось на двух листках из ученической тетради и вскоре дошло до адресата.

«Остаюсь работать без страха, без принуждения,— писал Николай Иванович.— Буду жив — встретимся, расскажу. Если умру, пусть дети знают, что их отец был не трус и отдал жизнь за дело партии Ленина, за дело Родины... Вас я любил так же, как свою Родину-мать. Умру за Родину,— значит, умру за ваше счастье».

Сташков поселился на улице Горького в полупустом домике «своего дяди» Грушко. Это местоказалось ему вполне подходящим для жилья — в случае опасности отсюда можно было легко уйти и скрыться. Оставив скромные пожитки, сходил на станцию железной дороги, устроился на работу слесарем и сразу почувствовал себя увереннее.

9 октября в Павлоград вошли немецкие войска. Второй раз Николай Иванович увидел врага, второй раз оставался с ним лицом к лицу...

На станции в бараке, где производилась регистрация железнодорожных рабочих, он — слесарь Мысов — встретился с Караванченко — дядькой Андреем, сапожником. Их разговор ни у кого не вызвал подозрений.

Подпольный горком в составе девяти человек приступил к работе. Каждый из членов горкома руководил только одной тройкой. Караванченко указал Сташкову людей, назначенных для связи, передал пароли и разрешение Павлоградской городской управы «господину В. И. Мысову» на выезд в сельскую местность для обмена вещей на продукты...

— Здорово сделано,— похвалил Сташков, разглядывая документ.

— Не думай, что подделка,— пояснил Караванченко.— Тут и печать и подпись подлинные. Для тебя постарались. Все удовольствие — два кило сахара.

— Берут, значит?

— И берут, и грабят.

— Надо обязательно устроить своих людей в полицию,— сказал Сташков.

Они разошлись, договорившись о следующей встрече. Караванченко направился в сапожную мастерскую, открытую

при немцах на одной из центральных улиц Павлограда, Сташков — на базар, продавать зажигалки. Там, согласно договоренности, были назначены встречи Сташкова с армейскими разведчиками. Кроме того, на базаре можно было узнать последние новости.

Через несколько дней Сташков вернулся в Днепропетровск.

На этот раз он ехал в поезде и мог убедиться в «силе» своих документов. Ночевал у Петра Новичука. Увидев на столе хлеб, чай, картошку на сковородке, Сташков почувствовал, что на душе у него повеселело:

— У вас здесь, оказывается, все есть, — заметил он.

— Не каждый день, — ответил хозяин.

До утра проговорили. Больше всего порадовало Николая Ивановича сообщение Новичука о том, что борьба подпольщиков, несмотря на жестокие репрессии гитлеровцев, не только не заглохла, а, напротив, ожила, в их ряды вступали новые патриоты.

«Диву даешься, — думал Сташков, слушая рассказ своего старшего товарища, — как велика в наших советских людях сила духа».

С помощью того же Петра Новичука и Вали Алексеевой, удачно курсировавшей между городами и явочными квартирами, Сташков установил в последующие дни связь с Я. А. Самарским, А. И. Веривским, А. Н. Кравченко. Самарский работал заведующим отделом в городской управе и обеспечивал подпольщиков бланками паспортов. А. Н. Кравченко — слесарем на паровозостроительном заводе. По заданию Николая Ивановича он быстро наладил печатание листовок на гектографе. Текст листовок Сташков писал сам. Гневные слова протesta против злодеяний фашистов поднимали на борьбу всех честных людей.

У Николая Ивановича давно созрела мысль, что наступила пора дать гитлеровцам ощутимо почувствовать силу народного сопротивления. Сташков решил податься к партизанам. А. И. Веривский, которого он знал еще до войны, проводил его до Новомосковска, города, находящегося в 30 километрах от Днепропетровска.

Днепропетровщина небогата лесами. Только в долинах немногочисленных рек — притоков Днепра — тянутся левады, да в верховьях балок встречаются заросли из ольхи, тополя и ивы. Поэтому, когда в обкоме партии решался вопрос о будущем партизанском движении, базой для него, по

единодушному мнению, были выбраны лесные пущи бассейна реки Самары. Оружие и продовольствие были заброшены туда заранее.

Здесь, в Самарском лесу, после оккупации фашистами Новомосковского района, обосновался партизанский отряд под командованием П. Я. Жученко и Г. С. Мазниченко, известных своими подвигами в партизанской борьбе еще в годы гражданской войны, а также небольшие партизанские отряды С. Д. Масалыгина, В. А. Шахновича, П. К. Кабака, сформированные в Днепропетровске и Павлограде.

«Н. И. Сташков прибыл к нам в партизанский отряд по чью, — вспоминает П. Я. Жученко. — Партизаны отдыхали, некоторые были на боевых операциях. Меня разбудил комиссар отряда Г. С. Мазниченко. Рядом с ним стоял Сташков. Все мы очень обрадовались его приходу. Куда и сон девался... Подошел наш начальник штаба Г. Ф. Павлов, и мы подробно и обстоятельно доложили секретарю обкома партии о партизанских делах отряда».

Сташков слушал партизанских командиров и невольно улавливал в их докладах один главный мотив — всех их тревожила разобщенность боевых действий отрядов, некая стихийность. Николай Иванович был рад, что так вовремя появился у партизан — вопрос требовал безотлагательного решения. Только совместные, концентрированные действия объединенных сил партизан могли нанести фашистам сильный удар. На второй день он отправился в отряд Шахновича, а затем Масалыгина, своего старого товарища по двадцатым годам, бывшего рабочего завода «Спартак». Хотелось поскорее повидаться, поговорить, передать сердечный привет Степану Дмитриевичу от родных — от матери Анны Терентьевны, маленькой дочурки Ларисы, от отчима Иосифа Хрисанфовича Успенского; всего два дня назад этот семидесятилетний старик, выполняя очередное боевое поручение подполья, перевез Сташкова через Днепр к партизанам. Теперь, сидя в землянке, они вспоминали о нем добрым словом.

4 ноября 1941 года в глубине Самарского леса состоялось общее партийное собрание. Местом его проведения избрали базу отряда П. Я. Жученко. Секретарь подпольного обкома держал большой совет с партизанами.

Казалось, по этому случаю и день выдался исключительный, словно чья-то могучая рука сдернула с неба серый полог и на землю хлынул яркий солнечный свет.

Собралось около 40 коммунистов. Из «далнего» — Павлоградского отряда прибыли командир П. К. Кабак и его ко-

миссар Г. Д. Ковнат. Степан Масалыгин пришел со своим комиссаром Д. З. Сметаной. Дмитрия Зосимовича Сметану многие знали по его отчаянной смелости еще в годы гражданской войны. Пришла большая группа коммунистов Новомосковского района, представитель отряда Д. А. Кривули из Петропавловского района, партизаны которого прославились тем, что под носом у фашистов взорвали мост через реку Бык.

Речь Н. И. Сташкова на собрании захватила всех. Секретарь подпольного обкома партии предельно кратко говорил о смертельной опасности, нависшей над Родиной, о мужественной борьбе советских людей с коричневой чумой и роли партизан и подпольщиков в этой борьбе. «По дороге в Павлоград, — продолжал Николай Иванович, — фашисты установили щит с надписью: «Осторожно! Партизаны!» Это, конечно, хорошо, что гитлеровцы боятся партизан. Но этого мало. Наша задача — не давать врагам отсиживаться за этими щитами, не давать оккупантам спокойно ходить по советской земле».

Собрание единодушно приняло предложенный Сташковым проект решения о создании единого командования партизан Самарского леса. В его объединенный штаб вошли: П. Я. Жученко (командир объединенного отряда), Г. С. Мазниченко (комиссар), Г. Ф. Павлов (начальник штаба, он же секретарь Новомосковского подпольного горкома партии), И. П. Калиниченко (секретарь Новомосковского райкома партии) и командиры партизанских отрядов — С. Д. Масалыгин и В. А. Шахнович. Собрание обратилось ко всем партизанам области с призывом: «Открыть личный счет уничтожения фашистских захватчиков!»

9 ноября партизаны напали на немецкий гарнизон в селе Знаменовка, в центре которого, в огороженной колючей проволокой церкви, находился лагерь советских военнопленных. Короткое донесение об этой операции впоследствии вошло в хронику Великой Отечественной войны:

«Партизанский отряд Новомосковского района Днепропетровской области под командованием П. Я. Жученко, имея в своем составе 173 человека, в том числе 104 коммуниста и 8 комсомольцев, совершил нападение на концлагерь и освободил 300 советских военнопленных».

Собрался было в дорогу Н. И. Сташков, да задержался. Слег комиссар Мазниченко. Как и Сташкова, его мучил туберкулез легких. Бледный, одолеваемый периодическими приступами раздирающего грудь кашля, он лежал неподвижно. Сташков добровольно заменил его на время болезни

и активно взялся за партийно-политическую работу, объем которой возрос в связи с пополнением отряда военнопленными. Кроме того, Сташкову хотелось самому участвовать в операциях партизан — в захвате совхоза Вольное, где находилась пемецкая продовольственная база, и села Андреевки.

Этот период жизни Николая Ивановича нашел отражение в краткой записи командира отряда Самарского леса.

«Товарищ Сташков был у нас длительное время, — вспоминает П. Я. Жученко. — Жил со мной и комиссаром Мазниченко в одной землянке. Делили на всех радость и горе. Кроме оперативного плана, составленного при личном участии Сташкова, говорили и о будущих действиях отряда. В январе — феврале 1942 года намечали осуществить налет на г. Новомосковск. Затем установить связь с днепропетровским подпольем... Примерно в конце ноября 1941 года я проводил Николая Ивановича до села Вольное. Там на явочной квартире мы почевали. Сташков ушел с квартиры днем — один, я ушел в отряд ночью. Больше Николая Ивановича я не видел...»

Кончался декабрь сорок первого года. На фронте было тяжело. Шла битва под Москвой. Люди на оккупированной территории жадно ловили каждое слово о судьбе столицы.

Трудной жизнью жил и Павлоград.

Прикованный к постели новым приступом болезни, Сташков пристально наблюдал за действиями товарищеской, писал и распространял через связных листовки, информируя население об истинном положении дел на фронтах и под Москвой. Листовки извещали население о том, что Москва выстояла, что начался сокрушительный разгром немецко-фашистских войск на подступах к столице.

Болезнь тяготила Сташкова, но в то же время позволяла собраться с мыслями, подвести итоги работы подполья. Он подготовил для ЦК КП(б)У свой первый отчет и адреса новых явочных квартир. Изложение и того и другого уместилось на одной странице. Этот текст был выучен комсомолкой Таисией Белой, а затем уничтожен. Основная задача подпольщицы состояла в том, чтобы под видом беженки, проирающейся в родное село, дойти до Ворошиловграда, где находился ЦК КП(б)У, и там слово в слово повторить отчет Сташкова. Это была рискованная операция. С той же задачей, но иным маршрутом, ушла другая связная — Аня Москаленко. Обе смелые комсомолки охотно остались в под-

полье специально для связи с ЦК КП(б)У. Их Сташков инструментировал лично.

В начале января 1942 года Сташков, оправившись кое-как от болезни, первым делом отправился на Первомайскую улицу, где на явочной квартире у него должна была состояться встреча с Караванченко.

Оба нескромно обрадовались встрече. Нужно было о многом рассказать друг другу. Караванченко принес с собой пачку листовок с новогодней речью Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, видимо сброшенную специально советским самолетом и найденную на поле под Павлоградом. Обращение к народу Всесоюзного старосты нужно было как можно скорее довести до населения. Сташков запомнил только что прочитанные строки: «У нас ни в народе, ни в армии ни на одну минуту не было сомнения в том, что враг будет разбит... Мы уверены в победе...»

— Надо активизировать подпольные группы по всей области,— взволнованно говорил Николай Иванович, обращаясь к Караванченко.— Давайте побываем на местах и посвещаемся с руководителями, пошлем туда лучших пропагандистов.

План Сташкова Караванченко поддержал. Нашли и опытных пропагандистов. Первой ушла в Днепропетровск М. Лубянская, за ней с нехитрым скарбом сапожника, чинившего обувь населению за «выменянный» кусок хлеба,— Яков Садовниченко. Яков направлялся с особым заданием — побывать в Синельникове, Юрьевке, Петропавловке и информировать обо всех новостях и планах заместителя секретаря обкома партии Дмитрия Гавриловича Садовниченко — своего старшего брата. В южные районы области направили комсомольцев Георгия Осьмиченко и Ольгу Куликову. Как ни коротка была встреча подпольщиков, каждый из них, возвращаясь назад, испытывал прилив новых сил и удовлетворение от того, что у него есть настоящие, верные товарищи.

В те же дни у Н. И. Сташкова состоялась встреча со связным ЦК КП(б)У В. Я. Портянко.

Полученные через него установки и новые рекомендации вполне соответствовали планам, которые Сташков уже начал осуществлять, и теперь он нескромно радовался такому совпадению. Радовало его и оборудование, привезенное для организации типографии. В конце января 1942 года на улицах Павлограда было шумно. Советские войска овладели важным железнодорожным узлом Лозовая. В связи с этим

штаб 17-й немецкой армии срочно переехал из района Павлограда. Меньше стало военных патрулей.

Учитывая обстановку, Сташков собрал совещание руководителей подполья 26 января. В этот день на Интернациональной улице, в доме № 133, у родителей Караванченко по случаю именин собрались все «родственники». Помимо Сташкова, Садовниченко и Караванченко присутствовали Маслов и еще четверо представителей из Днепродзержинска, Кривого Рога, Юрьевки и других городов и районов области.

От выступления к выступлению все рельефнее вырисовывалась структура подполья, все шире и масштабнее возникала захватывающая своим героизмом картина борьбы — в фактах, цифрах, совершенных вылазках, диверсиях. Для большей надежности все руководство горкома было раздelenо на тройки. Таким образом, в случае провала одной из них другая могла стать заменой.

Возглавили тройки товарищи Прибер, Яценко и сам секретарь горкома Караванченко. В городе действовало 19 подпольно-диверсионных групп. Они неустанно вели агитационно-пропагандистскую работу среди населения, организовывали и разрабатывали диверсионные акции, распространяли сводки Совинформбюро и листовки.

В одном только Павлограде за три месяца оккупации по городу было расклеено более тысячи листовок, извещавших население о победах советских войск под Москвой и Ростовом-на-Дону.

Подпольщикам из Сивельникова, а также Петропавловки, где на постоянное жительство обосновался заместитель Сташкова Дмитрий Садовниченко, удалось организовать масштабный саботаж на перевалочных пунктах, в парках городского транспорта.

Пример смелости являли сплотившиеся вокруг местного подполья железнодорожники Сивельникова. И под неусыпным надзором оккупантов они ухитрялись срывать под различными предлогами перевозки, выводили из строя локомотивы и вагоны, устраивали аварийные ситуации на дорогах и длительные пробки на перегонах, а то и просто пускали, рискуя своей жизнью, под откос целые составы, груженные военной техникой и живой силой противника.

Тихон Маслов, выступивший после Садовниченко, рассказал о работе наших людей в оккупационных учреждениях.

— Одного вы знаете, — воодушевляясь, рассказывал Маслов. — Это — Лука Берестов, умный и тонкий конспиратор.

Он ловко организует срыв заказов оккупантов на заводе, да еще ухитряется помогать подполью деньгами. У него есть радиоприемник, пищущая машинка, работают они очень активно, делают вид самых прытких исполнителей, усыпляя бдительность гитлеровцев, а улучив удобный момент, слушают Москву и печатают листовки. А чем хуже работают папиры подпольные группы в межрайонной больнице и Днепропетровской инфекционной больнице под руководством ее главврача Евгении Георгиевны Попковой? Ей удалось выпустить на волю многих военнопленных, часть из них влилась в нашу подпольную работу.

На совещании выступили представители всех подпольных организаций, и каждый дополнял общую картину новым фактом, примером, показывающим, что проявление патриотизма советских людей столь многогранно, что едва ли можно представить даже при самом большом воображении. Достаточно было напомнить, что в результате действий подпольщиков в Днепродзержинске гитлеровцам не удалось полностью восстановить ни одного предприятия, а в Кривом Роге — ни одного рудника.

В конце совещания выступил секретарь подпольного обкома Николай Иванович Сташков. Пожалуй, ему впервые удалось так убедительно и ясно показать авангардную роль коммунистов подполья, сумевших организовать борьбу советских патриотов и возглавить ее. Он говорил о широких перспективах этой борьбы, так как предполагалось в будущем проводить диверсии по самому широкому фронту — на железной дороге, на предприятиях, во вражеских гарнизонах. Он призывал проникать во все вражеские карательные органы, парализовывать их работу, наладить выпуск сообщений Совинформбюро, ежедневно пестри в массы большевистскую правду.

Протокола совещания по понятным причинам не велось. На словах было принято и решение. Однако основные установки совещания все-таки нашли свое отражение в ряде листовок, отпечатанных подпольщиками Павлограда и Днепропетровска.

В феврале 1942 года подпольный обком обратился к населению области с новым возвзванием. В нем говорилось:

«Товарищи коммунисты, товарищи непартийные большевики! Организовывайте отряды и группы, налаживайте связь между ними, но делайте это тщательно, остерегайтесь предателей. Замечайте места, минированные немцами, сообщайте о них подходящим частям Красной Армии. Не очищайте дорог, занесенных снегом, рвите мосты и переходы,

разрушайте связь между гитлеровскими частями и гарнизонами.

Все силы на борьбу с коричневой чумой — гитлеризмом!»

Сташков вернулся из поездки по области усталый, но довольный. Несмотря на опасности в пути, он все же повидал руководителей подполья Кривого Рога и Верхнеднепровска.

В Павлограде его уже ждали Валя Алексеева, приехавшая из Днепропетровска, и Давыдовская. За то время, что Николай Иванович отсутствовал, девушки проявили инициативу и успели повидать Юрия Савченко и теперь наперебой рассказывали ему, какой это замечательный человек, хотя еще молодой, и как велик его авторитет среди подпольщиков. Вскоре они встретились. Савченко долго рассказывал о своих приключениях в плену и во время побега, Сташков же, слушая его, снова и снова ловил себя на мысли, что возвращение Юрия в Днепропетровск было связано не только с тягой к родным местам, но и с твердым намерением продолжать борьбу против фашистов. Действовал он осторожно: обошел довоенных друзей, которых у него и в оккупации оказалось немало, наладил связи, а окружив себя надежными людьми, начал действовать.

Вначале Савченко жил неприметно в своем полуподвале, а затем выбрался из него и поселился в глубине двора в маленьком домике Самарского на Баррикадной, а скоро стал обитателем явочных квартир.

Постепенно вокруг Савченко группировалась молодежь, интересная, деятельная. Были здесь и кандидат в члены партии Е. И. Кулакова, и комсомольцы Игорь Дементьев, Игорь Клюев, Николай Токмаков, Борис Сондак, Вера Хитко, Махмуд Калинкин. Своим помощником Юрий выбрал человека с большим жизненным опытом — коммуниста Захара Ефимовича Демьянченко (до войны он работал в Новомосковске). Сначала слушали советское радио, потом решили писать от руки листовки. Со временем, накопив опыт, взялись за более трудные дела.

Сташкову понравились сдержанность Савченко, его скромность, умение давать точные характеристики своим товарищам, высказывать интересные мысли об укреплении и активизации деятельности организации. Чем больше Сташков говорил с Савченко, тем более убеждался в его преданности общему делу, смелости, находчивости.

Невольно подумал: «Вот из кого может получиться секретарь Днепропетровского подпольного горкома».

Станков был старше Савченко лет на десять. Но Николай Иванович как-то сразу стал относиться к Юрию на равных, и это наложило тотчас отпечаток на их беседу, непринужденную, откровенную. Вспомнили свои семьи. Станков только в январе через В. Я. Портянко получил весточку от родных: живы, здоровы, Валерка после болезни поправился, вытянулся, похудел, все время бредит отцом:

«А когда наш папка приедет?» Алла по-взрослому отвечает: «Приедет, когда всех фашистов разобьют».

— А у тебя, говорят, тоже дочка есть,— обратился к Юрию Станков.

— Есть, да только я не видел ее: родилась вскоре после моего ухода в армию, а там война, фронт, плен, вернулся в Днепропетровск, а дома — пусто, эвакуировались...

А затем также долго и тщательно обсуждали план дальнейших действий. Николай Иванович дал адрес москвича Кравченко, проживавшего теперь на Тесной улице, и порекомендовал испробовать его на задании, поторопил установить связь с группой Берестова, с главным врачом больницы имени Мечникова Бережным, главным врачом инфекционной больницы Понковой, чтобы с их помощью доставать необходимые документы и освобождать из больниц военно-пленных.

К весне 1942 года подпольная борьба против оккупантов развернулась по всей области. В Днепропетровскую, Павлоградскую, Синельниковскую и другие управы проникли и работали по заданию подпольных организаций десятки советских патриотов. Благодаря им подпольный обком незамедлительно узнавал о готовящихся карательных акциях фашистских властей против населения и своевременно принимал контрмеры, мог координировать свои планы и действия, точнее определить объекты и выиграть средства борьбы.

На счету подпольщиков был уже не один взорванный склад с боеприпасами и горючим, а также много эшелонов, взорванных непосредственно на железнодорожных станциях. Однако главным итогом их деятельности был многократно организованный саботаж рабочих и служащих: несмотря на все усилия, предпринимаемые новыми властями, ни один большой завод в области на гитлеровцев не работал. Борьба набирала силу.

12 мая советские войска Юго-Западного и Южного фронтов перешли в наступление на харьковском направлении. ЦК партии по своим каналам ориентировал, что, в случае успеха, после освобождения Харькова удар будет нанесен в направлении Днепропетровска, и требовал от подпольных

партийных комитетов организовать и подготовить лучшим образом вооруженное восстание в тылу врага.

Получив это указание ЦК, Караванченко тотчас передал его через связного Сташкову в Днепропетровск. Тот отправился сюда накануне, чтобы лично познакомиться со связной ЦК КП(б)У Н. А. Сараной, представить руководителям местного подполья Савченко и утвердить его секретарем подпольного горкома. Сташков должен был также передать ему оборудование для организации типографии, которое получил от связного ЦК В. Я. Портянко, и согласовать действия подпольщиков Днепропетровска и Павлограда на ближайший период.

Свой маршрут Сташков намеревался продолжить затем до Никополя, а оттуда до Кривого Рога, по Караванченко просил не рисковать и не лезть «к черту в зубы». Вторая встреча Сташкова с Савченко состоялась на улице Тесной, в доме № 14, в квартире Марии Даниловны Саенко. Разговор получился обстоятельным, из которого Николай Иванович с удовольствием узнал, что молодой руководитель не только отлично выполнял свои обязанности и прежние задания, но и успешно организовал спасение военнопленных из больниц. Он установил, что помимо названных Сташковым в прошлую их встречу группы действовала также группа патриотов и в Диевской больнице, созданная А. Н. Тихоновым при активной помощи В. М. Мараховского — коммуниста, офицера-танкиста, недавно бежавшего из плена. Помимо всего, в Диевске у него организована мастерская по производству различных бланков, справок, удостоверений и прочих документов для снабжения ими освобожденных военнопленных. Савченко сам поддерживал с ними связь и направлял работу. Все в порядке было и по другой части — своевременной перестройки подполья и налаживания конспирации.

— Надо сказать, что это было сделано как пельзя вовремя, — заметил Савченко, — так как гитлеровцы заинтересовались саботажем на заводе имени Петровского. Подбираются и к другим подпольщикам, вербуют провокаторов. Нам удалось предупредить наших людей.

— Что же, действовали правильно, — заключил разговор Николай Иванович, — а теперь пойдем знакомиться со связной ЦК. Она ждет нас у Алексеевой. Надо доложить ей, как у нас обстоят дела, выполняются поставленные перед нами задачи.

Надежда Сарана, связная ЦК, чернобровая девушка, встретила их настороженно. Сказались опасная дорога, по-

стоянная бдительность, пребывание в оккупированном городе. Уверившись постепенно в «гостях», узнав, с кем разговаривает, она успокоилась, повеселела и скоро прониклась полным доверием. Впрочем, оно было обоюдным.

Много позднее Н. А. Сарана, припоминая ту далекую встречу с Николаем Ивановичем Сташковым в мае 1942 года, напишет так:

«Я рассказала ему о положении на фронтах, передала указания ЦК. Говорила, а он слушал. Долго меня испытывал, пока не поверил».

В один из вечеров решено было провести совещание актива днепропетровских подпольщиков, ради которого, собственно, и приехал Сташков. 29 мая 1942 года в тесной комнатке Вали Алексеевой собрались подпольщики. Далее Н. Сарана вспоминает:

«Там были: Юрий Савченко, Игорь Дементьев, Игорь Клюев, Захар Демьянченко, Дуся Кулакова, Тихон Маслов, Лука Берестов, Петр Новичук. Последними подошли Сташков, Давыдовская и я.

— Не будем терять времени,— сказал секретарь обкома.— Первое слово предоставим связной Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Надежде Саране.

Вначале я волновалась, рассказывая о первомайском приказе Верховного Главнокомандующего. Но, посмотрев вокруг, увидела, что большинство из них такого же возраста, как и я, сидят тихо, дружески улыбаются. Я осмелела и стала излагать директивы Центрального Комитета, передавая почти слово в слово указания, которые я получила от секретаря ЦК партии Демьяна Сергеевича Коротченко. После моего сообщения посыпались вопросы о жизни на Большой земле. Времени было мало, и Сташков вскоре дал слово Савченко.

Савченко говорил о координации действий всех подпольных организаций города. Он особенно подчеркнул, что опорой подпольного горкома партии являются рабочие заводов имени Петровского, имени Артема и других предприятий, на которых необычайно быстро растут и крепнут подпольные группы.

О планах дальнейшей борьбы с врагом говорили и другие товарищи. Чувствовалось, речь шла о большом, хорошо организованном подпольном движении, что обкому партии удалось объединить вокруг себя сотни бесстрашных патриотов.

На совещании был утвержден новый состав Днепропет-

ровского подпольного горкома партии во главе с Георгием Петровичем Савченко, его заместителем стал Захар Ефимович Демьянченко.

— Днепропетровские подпольщики,— сказал в связи с этим Николай Иванович,— имеют на своем счету много славных дел, но впереди стоят еще более крупные задачи. Предстоит открытая схватка с сильным врагом. Для этого нужна большая организованность. Берегите и укрепляйте организацию!

Расходились по одному, и только Сташков ушел вместе с Савченко. Им надо было еще о многом переговорить...

Наступление советских войск на харьковском направлении приостановилось. Гитлеровцы перебросили на этот участок фронта резервные войска и, создав сильную группировку, перешли в контрнаступление. Войска Юго-Западного и Южного фронтов были вынуждены отойти за Северный Донец.

В связи с неудачей под Харьковом возникла новая ситуация на Днепропетровщине. Сташков неоднократно говорил тогда руководителям городского подполья, что нужно исходить из реального соотношения сил, действовать смело, решительно, но гибко, бить врага по самым чувствительным местам: транспортным артериям, складам с горючим и боеприпасами; сабotировать приказы и постановления оккупантов, сохранять кадры, собирать новые силы.

— Сейчас перо подпольщика приравнивается к штыку воина,— объяснял Сташков секретарю горкома Савченко.— Прежде всего надо развернуть массово-политическую работу с населением. Противостоять лживой фашистской пропаганде правдивое советское слово. Листовки в ваших руках — сильное оружие. Но теперь уже мало пишущих машинок, нужна типография.

Савченко предложил свой план. Купить на окраине города небольшой домик, поселить туда подпольщиков под видом молодоженов — молодых коммерсантов, а в подвале дома устроить типографию. Самарский обещал с помощью денег уладить все дела в полиции. План был одобрен Сташковым.

И вот в июне 1942 года состоялась «свадьба». Подпольщица Вера Хитко выходила замуж за подпольщика Николая Токмакова. В разгар веселья со свадебного вечера тихонько ушли Сташков и Савченко, а потом еще несколько подпольщиков. Вскоре все встретились в другом месте.

Сташков дал конкретные задания товарищам: найти под-

ходящею место для типографии, достать шрифт, организовать нелегальную покупку бумаги и типографского оборудования, подобрать надежных людей, знающих типографское дело, продумать пути распространения газеты и листовок. Газету решили назвать «Заря», редактором утвердили Г. П. Савченко.

Весной 1942 года, почувствовав растущую мощь партизанского и подпольного движения, гитлеровцы все силы СД и специальных охранных отрядов бросили на поиски руководителей подполья.

По всем каналам вербовались и внедрялись провокаторы. Одному из фашистских агентов удалось проникнуть в организацию. Вначале под подозрение попали В. Давыдовская и И. Дементьев, затем еще несколько человек. Начались аресты. Одной из первых 6 июля 1942 года была арестована Давыдовская, которая, как выяснилось, в последнее время не раз нарушала правила конспирации. При обыске под матрацем ее постели гитлеровцы нашли список руководителей подполья. Теперь беда подстерегала каждого в любой день, в любой час. Нелепый, неосторожный шаг мог привести к гибели.

Давыдовская не выдержала допросов. После соответствующей «обработки» она назвала несколько фамилий подпольщиков. В ночь на 9 июля начались массовые аресты. Сташков находился в постоянной тревоге и напряжении, но по-прежнему ни на минуту не терял присутствия духа и хладнокровия.

В Днепропетровске временно отменили все виды пропусков на выезд из города. Награда тому, кто укажет место пребывания «важного государственного преступника» Мысова, была увеличена с 10 до 25 тысяч марок. Агентура начальника СД майора Мульде хватала всех, кто хотя бы немного походил по описанию внешности на Мысова.

Сам же Мысов, не теряя времени, принял ряд необходимых экстренных мер по сохранению подполья и поспешил в Павлоград, чтобы передать связной ЦК КП(б)У добывшие важные военные сведения и поставить в известность о событиях истекшей недели.

«Последний раз,— рассказывала Н. А. Сарапа,— я видела Николая Ивановича 7 июля 1942 года в Павлограде. Он довел меня до окраины города, пожелал успешно перейти через линию фронта и как можно скорее сообщить ЦК КП(б)У сведения о готовящемся наступлении немецко-фашистских войск. Прощаясь, он просил меня:

— Обязательно навести мою семью. Скажи им, как я

живу и работаю. Пусть ребята мои знают, что от них ждет отец в будущем...»

Вскоре Сташков получил известие о новых арестах в Днепропетровске. Он сразу же сменил квартиру. Теперь его адрес знали только А. П. Караванченко, его заместитель С. С. Прибер и связной П. И. Зуев.

Как тяжело было отсиживаться, когда он был так нужен товарищам по борьбе! Наступил срок очередной встречи с представителем войсковой разведки. Николай Иванович решил пойти на явку — павлоградский базар. У знакомой палатки его никто не окликнул. Пришлось возвращаться ни с чем.

Через несколько дней снова пошел на явку, ибо бездействовать, по его мнению, означало перестать бороться. А возвращаясь, он лицом к лицу столкнулся с Давыдовской. Вид у нее был изнуренный, взгляд затравленный. За ее спиной маячил высокий мужчина, Сташков спокойно прошел мимо, но почувствовал, что мужчина двинулся за ним. Завернув за угол, Николай Иванович побежал. Пуля дрогнула его у детского парка... Пробежав по инерции еще несколько метров, он упал на пыльную мостовую. Сознание вернулось к нему уже в тюрьме...

Вскоре после его ареста в Павлоград приехал начальник СД штурмбанфюрер Мульде и под усиленной охраной увез Николая Ивановича Сташкова в Днепропетровск, в гестаповскую тюрьму. Это было 28 июля 1942 года.

В первые дни Сташкова не тревожили. Он почти все время находился в забытьи, стонал, метался во сне. А когда приходил в сознание, думал об одном: «Почему произошел провал? Кто выдал?» Снова и снова прослеживал он день за днем, час за часом жизнь последнего времени. Он не мог упрекнуть себя ни в чем. И опять анализировал происшедшее...

Как-то к нему пожаловал генерал Клостерман. Он громко, так, чтобы слышал Сташков, отругал сопровождавших его тюремщиков за то, что арестованного держат в темной и сырой камере, плохо проветривают помещение, не следят за чистотой. Распорядился помыть в камере пол, улучшить питание, затем, обратившись к Николаю Ивановичу, сказал:

— Положение советских войск на фронте безнадежное, наши войска продвинулись так далеко, что завязали бои на улицах Сталинграда и продвигаются уже к Каспийскому морю. Теперь у вас выход один, и я его предлагаю. Давайте заключим мирное и почетное соглашение: мы сохраним вам жизнь, дадим работу, достойную умного человека, а вы при-

зовете своих сторонников прекратить бессмысленную борьбу против германских вооруженных сил, призовете сотрудничать с нами на заводах, в учебных заведениях, в учреждениях.

Предлагалось предательство, и Сташков ответил прямо:

— Вы очень плохо знаете вообще советских людей, а коммунистов в особенности! Вот в чем ваш роковой просчет, господин генерал. Я глубоко убежден: пройдет немного времени, и ваши войска будут разбиты, попомните мои слова. Пытаетесь хоряйничать на нашей земле, а до сих пор не сумели пустить в ход ни один завод, ни одну порядочную шахту. Не так ли?

Сташков закашлялся, не в силах сдержать боль в груди и боку, но все же закончил свою мысль:

— Не от хорошей жизни пришли вы ко мне. Горит под вами земля.

Генерал встал. Лицо его подергивалось от нервного тика. С гневом проговорил:

— Вы, коммунисты, за все ответите. И лично вы, господин Сташков. Я даю сутки на размышление: за этот срок можете изложить свои условия на бумаге. Я распоряжусь, чтобы вам дали бумагу и карандаш.

Но Сташков не выполнил требований Клостермана. Он воспользовался бумагой и карандашом, чтобы передать записку товарищам по тюрьме, предупреждая их об опасности. С помощью одной из арестованных женщин, разносившей по камерам хлеб, записка была передана подпольщикам.

Сташков писал:

«Товарищи! Тюрьма переполнена провокаторами. Знайте, что уколы не страшны. Делается это так: агент сидит с вами, задает вам вопросы. Слабые люди заводят разговор. В болтовне выдают тайны. Агент фиксирует и передает следователю. Когда вы приходите к следователю, он задает вам вопрос. Если вы не отвечаете, тогда делают уколы. Очень болезненно проводится эта пытка. После того как вы приходите в нормальное состояние, вам говорят: под влиянием уколов вы говорили то-то и то-то. На самом деле это записи провокатора. Со мной сидели провокаторы: Кулиш С. и еще один, Осипенко из Васильковского района, его жена — Зина. Эти трое — бывшие парашютисты, но сейчас работают провокаторами. Не одну сотню людей они выдали. Сидели и провоцировали Берестова Л.— директора завода «Мясомолмаш», Новиччука П., моего отца, Быковского В., Шохова Ю., Токмакова Н., Александра Кравченко, Калинкина М.,

Юру Савченко. Жена Осипенко обрабатывала Веру Хитко, Харитину Журавлеву, Алексееву Валю... Прощайте, товарищи!

Будет возможность вынести или передать на волю эту записку, передайте или сохраните до прихода Советской власти.

24.XI.1942 г.

Ваш Н. Сташков».

Записка Сташкова явилась партийной директивой, принятой всеми подпольщиками к исполнению.

К нему в камеру стали подсаживать провокаторов.

...Для Николая Ивановича начались новые испытания. Он часами стоял перед столом следователей, которые допрашивали, сменяя друг друга, а он еле держался на ногах.

Под рукой у Лунде лежала пачка листовок. Сташков попросил их посмотреть. Лунде протянул всю пачку.

— Пожалуйста. Это все вещественные доказательства. Припомните, где они печатались? Кто писал листовки?

Сташков внимательно разглядывал воззвания и листовки. Многие из них писал он сам. Писал кровью сердца. Они призывали людей к борьбе. Несли правду... Сташков любовно разгладил одну из листовок. Да. Это его труд, и он гордится им. Он улыбнулся своим мыслям. А вот листовка уже новая, ему неизвестная. Значит, товарищи продолжают бороться...

Лунде перехватил взгляд Сташкова на листовку.

— Не радуйтесь, и типографию найдем, и всех ваших людей. Скоро им будет капут.

— Моих людей двести миллионов, и среди них миллионы коммунистов, так что не справитесь, надорветесь,— с гордостью произнес Сташков...

В тюрьму просочились известия об успехах советских войск на Волге, фашисты не только не взяли Сталинград, но и несли там огромные потери. И снова силы бодрости вливались в измученных заключенных.

Гитлеровцы же неистовствовали. В ночь на 10 декабря 1942 года в тюрьму нагрянули эсэсовцы и расстреляли большую группу арестованных. Немногим более чем через полтора месяца — 27 января — были расстреляны Николай Иванович Сташков и Георгий Петрович Савченко. Перед расстрелом Николай Иванович крикнул палачам:

— Стреляйте не в затылок, а в грудь! Я жил коммунистом и умру коммунистом!

За это же время были убиты или замучены многие активные участники Днепропетровской подпольной организа-

ции, всего около 80 человек, в том числе отец Сташкова — Иван Васильевич, Игорь Дементьев, Игорь Клюев, Захар Демьянченко, Дуся Кулакова, Вера Хитко, Николай Токмаков...

Гибель лучших из лучших сплотила еще больше оставшихся в живых — подпольщики поклялись отомстить врагам за гибель товарищей. Подпольный обком возглавил Д. Г. Садовниченко, который продолжал активно действовать.

В октябре 1943 года, когда к Днепропетровску подошли советские войска, патриоты вышли из подполья и с оружием в руках ударили по врагу с тыла. Город был освобожден 25 октября 1943 года. Наши войска продолжали наступление...

За несколько дней до Победы — 2 мая 1945 года — Указом Президиума Верховного Совета СССР секретарю Днепропетровского подпольного обкома партии Николаю Ивановичу Сташкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В мае 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Георгий (Юрий) Петрович Савченко был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени. Всего же за подпольную и партизанскую деятельность на Днепропетровщине орденами и медалями были отмечены 1113 человек!

Благодарные потомки к 20-летию Победы над гитлеровской Германией высекли на глыбе гранита, что стоит на берегу Днепра, на набережной Днепропетровска, такие слова:

«Жил коммунистом и умер коммунистом.

Аллея имени Сташкова Николая Ивановича,

Героя Советского Союза, секретаря Днепропетровского подпольного обкома партии.

Замучен гестапо в январе 1943 года».

А над Днепром возвышается величественный обелиск, воздвигнутый в честь советских воинов, партизан и подпольщиков, павших в борьбе с врагами нашей великой Родины. Их подвиги вечно будут жить в сердце народном.

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

А. Ф. Федоров

ГЕНЕРАЛ
ОРЛЕНКО

Операция подходила к концу. Реже и реже раздавались выстрелы. Догорали подожженные в бою строения. К командному пункту на берегу мелкой и узкой речки Ревна, что протекает по самой окраине Перељуба, неторопливо стягивался партизанский обоз. Глухо постукивали на бревенчатом мостице колеса пулеметных тачанок. Негромко, сквозь зубы, стонали раненые на повозках. Партизаны, еще не остывшие после боя, возбужденно обсуждали события минувшей ночи, нетерпеливо поглядывая на полоску леса, синевшую на горизонте.

И вдруг издалека донесся звук, похожий на гудение шмеля. Звук приближался, нарастал, перешел в гул, затем в рев.

Кто-то отчаянно закричал:

— Танки!

Этот неожиданный вскрик искрой проскочил меж партизан, заставил вздрогнуть самых смелых, тех, кто всего час назад без страха смотрели в глаза смерти.

Страшен танк для нашего брата партизана, когда мы в открытом поле, далеко от леса. Кажется, нет спасения от железного зверя. Ляжешь — вдавит в землю гусеницами. Побежишь — прошьет огнем.

Но паника — враг пострашней танков. И он уже сутился среди нас, этот враг, сжимал сердца, мутил разум животным страхом, подзуживал бросить все, бежать без оглядки, спасаться.

Все сбились, перемешалось на берегу Ревны. Заметались ездовые, разворачивая коней. Сталкивались и опрокидывались повозки. Кричали люди. Кое-кто, послабей духом, пригибаясь, кинулся прочь, напрямик через поле.

И тут прогремел властный голос:

— Стой!.. Ложись!.. Занимай оборону!

И мы остановились: столько было уверенности и силы в этом голосе.

— Обоз, санчасть, вытягиваться на дорогу, к лесу! —
раздалась новая команда. — Быстрей!..

А на перелюбской улице, сбегавшей к речке, уже появились два немецких танка. Вслед за ними меж хатами замелькали гитлеровские солдаты. Не осмеливаясь въехать на мостик, танки двинулись вдоль Ревны, поливая наш берег пулеметным огнем. Где-то за селом сухо кашлянули минометы. Над головами пропели мины. Перелет. Второй залп взметнул воду в речке.

— В вилку берут! — крикнул кто-то.

— Слушай мою команду! Бить по пехоте!

Грянули партизанские пулеметные и автоматные очереди. Гитлеровская пехота остановилась, прижалась к земле, залегла в огородах, укрываясь за хатами. Но что танкам пулеметы и автоматы? Один из них повернул и осторожно, будто пробуя, не холодна ли вода, двинулся через речку. В этот момент резко хлопнул выстрел противотанкового ружья. Еще один. На броне мигнула яркая звездочка. Танк задымил, попятился, выбрался на берег. Вдруг внутри у него что-то гулко рвануло, и он вспыхнул шумным примусным пламенем. Вторая машина круто развернулась на месте и откатилась назад.

— Ага, не нравится!

Партизанская цепь повеселела. Появилось то радостное чувство уверенности, которое всегда предшествует победе.

С командного пункта, пригибаясь, в разные стороны побежали связные. Одна из партизанских рот спешно снялась с правого фланга и скрылась в зарослях тальника. Вскоре за вражескими позициями раздались взрывы. Огонь гитлеровцев сник, а затем и вовсе прекратился. Было видно, как, торопливо перебегая от хаты к хате, отходили они к противоположной окраине Перелюба, к бугру, за которым, густо чадя, догорали грузовики. Те самые, что привезли гитлеровцев.

И тогда зашевелились кусты, из них поднялся невысокий, кряжистый человек в гимнастерке, перекрещенной на груди ремнями. Усталое его лицо с упрямым подбородком было черно от пыли. На высоком лбу под слипшимися от пота волосами розовел кривой, похожий на запятую, шрам.

Это был Алексей Федорович Федоров.

Коновод подвел ему коня. Но Федоров покачал головой.

— Нет, верхом не поеду, — медленно и тихо проговорил он. — Подгони тачанку.

И тут мы поняли, что спокойствие и хладнокровие, с ко-

торыми сн только что командовал в бою, которые уберегли нас от паники, ободрили, даются не легко.

Было это весной 1942 года...

* * *

Кто же он такой, Алексей Федорович Федоров? Профессиональный военный, окончивший академию? Известный военачальник? Знаменитый полководец? Нет, в академии он не учился и к военной науке не имел отношения.

И родился он поздновато, для того чтобы стать подпольщиком с дореволюционным стажем. В год Октябрьской революции ему исполнилось 16 лет. Родителей Федоров не знал: его оставили на лестнице приюта в Днепропетровске, в котором он затем воспитывался, пока не забрал и не усыновил его днепровский лоцман Максим Трофимович Костыря из пригородного села Лоцманская Каменка. Закончил четырехклассную школу, а дальше учиться не пришлось: платить было нечем. И пошел Алеша в батраки...

Но пороху Алексей Федорович все-таки понюхал, участвовал в гражданской войне. Сначала рядовым конником, потом недолго командовал взводом. Более крупных подразделений водить в те годы ему не пришлось, и, ежели говорить откровенно, ни большого фронтового опыта, ни опыта партизанской борьбы он из гражданской не вынес. Зато приобрел ту особую солдатскую споровку, без которой не обойдешься ни в какой войне.

Конечно, одной солдатской споровки для организации и руководства действиями подпольщиков и партизан в тылу гитлеровских войск было очень и очень мало. Это Алексей Федорович Федоров, первый секретарь Черниговского обкома партии, хорошо понял уже в первые дни войны, когда по призыву партии в захваченных врагом районах должны были создаваться подпольные организации и партизанские отряды.

Сразу встали перед ним неотложные вопросы: какова должна быть структура подполья и партизанских отрядов? Каким оружием они должны быть вооружены и где его взять? Конкретно кто останется на оккупированной Черниговщине и кто персонально возглавит борьбу с оккупантами? И, наконец, сумеет ли он сам, Федоров, в тылу врага руководить областной партийной организацией, по уже в иных условиях — скрыто, постоянно рискуя жизнью?

На последний вопрос Федоров ответил сам себе сразу: должен суметь! И он решил остаться в тылу врага. Но для

этого надо было получить разрешение ЦК КП(б) Украины.

Секретарь ЦК Михаил Алексеевич Бурмистенко, по вызову которого Федоров приехал в Киев, неко^торое время внимательно смотрел Алексею Федоровичу в глаза. Потом спросил:

— Сколько вам лет, товарищ Федоров?

— Сорок. Исполнилось в марте.

— А вы хорошо обдумали свое решение? Ясно представите, в каких условиях придется работать?

— Обдумал!

— Хорошо. Позже вы получите ответ. А пока выполняйте директиву ЦК. В ней даны все основные указания.

13 июля поздним вечером Алексей Федорович Федоров, только что вернувшийся из Киева, из ЦК КП(б)У, срочно созвал членов бюро. Он сказал собравшимся:

— Теперь, товарищи, нам предстоит определить все, что требуется сделать и провести в жизнь до момента оккупации нашей области врагом...

— Неужели уйдем с Черниговщины? — спросил кто-то дрогнувшим голосом.

— Да, товарищи, Черниговщины нам не удержать. Но это не значит, что мы бросим нашу область на произвол судьбы... Тут будут действовать партизаны, начнут работу подпольщики. И тех, кто станет поднимать и направлять эту борьбу, предстоит отобрать нам с вами. Но прежде всего, товарищи... — Федоров помолчал, — прежде всего нужно знать, кто из вас останется в тылу врага? Кто чувствует в себе силу уйти в подполье, стать партизаном? Имейте в виду — никого обязывать не будем, дело добровольное...

Первым поднял руку Н. Н. Попудренко. Следом за ним подняли руки все члены бюро.

— А вы, Алексей Федорович?

— ЦК утвердил меня первым секретарем подпольного обкома и начальником областного штаба по руководству партизанским движением. Так что будем продолжать работу, товарищи...

В состав подпольного обкома партии вошли: А. Ф. Федоров (первый секретарь), Н. Н. Попудренко (второй секретарь), Н. А. Петрик, С. М. Новиков, В. Л. Капранов, В. Е. Яременко, секретари райкомов партии И. М. Курочки, Ф. И. Коротков, М. И. Стратилат. Началась напряженная работа по организации подполья и областного партизанского отряда.

Выполняя директиву ЦК КП(б)У, обком еще до оккупации области создал в городах Чернигове, Нежине, Прилу-

ках, во всех 39 районах подпольные горкомы и райкомы партии, а также сеть подпольных организаций и групп. Лагерь областного партизанского отряда решили разместить в Корюковском районе, в лесном урочище Гулино...

23 августа Чернигов бомбили немецкие самолеты. Вышла из строя электростанция. Сгорели почта и телеграф, была уничтожена телефонная станция.

На другой день, 24 августа, обком выехал в пригородное село Лукашевку. Здесь в последний раз бюро собралось в легальных условиях. Заседание бюро было коротким. Фронт быстро приближался к Чернигову.

Подпольный обком решил разделиться. Одна группа во главе с А. Ф. Федоровым направилась в южные районы области: там еще оставалось имущество, которое надо было обязательно отправить на восток. Кроме того, Алексей Федорович хотел лично проверить, как начнет действовать подполье в районах, наиболее отдаленных от Гулино, где должен был расположиться подпольный обком и областной партизанский отряд.

— А ты, Николай Никитич, — обратился Федоров к Попудренко, — поезжай с Новиковым и Яременко в Гулино. Пока принимай командование областным отрядом. Поддерживай связь с подпольем. О нас не беспокойтесь — дней через десять и мы будем в Гулино.

Но получилось иначе. Скоро вся Черниговская область была занята врагом. При переходе линии фронта под Пирятином Федоров и его товарищи вместе с выходившими из окружения красноармейцами натолкнулись на гитлеровцев и вступили в бой. Но силы были неравны, группа обкомовских работников рассеялась. Начались тяжелейшие испытания.

Находясь уже в тылу врага, Алексей Федорович с семью красноармейцами пробирался в северные лесные районы. Питались чем придется, голодали. Однажды вечером решили войти в село. Но в нем оказались немцы. Началась перестрелка. Отстреливаясь из пистолета, Федоров побежал огородами к лесу и неожиданно (было уже темно) упал в реку. Фашисты при свете ракет заметили плывущего человека и открыли автоматный огонь.

«Река эта... узкая, — вспоминал потом Алексей Федорович, — но довольно глубокая. Плыть в пальто и сапогах ужасно трудно. Подплыв к противоположному берегу, я не вылез, а пошел водой, в тени кустов. Голову держу над самой поверхностью реки. Один сапог сам снялся: завяз в глинистом дне, другой я скинул... воткнул палку в глину, повесил на

пое пальто... а сам ползком, ползком, по-пластунски, к кустам.

Уселся я под кустом, ноги поджал, дышу. А стрельба идет по моему пальто. Как ракета взовьется, так его дырявят. Минуту спустя, оно упало в реку и поплыло.

Сижу под кустом и, верите ли, смеюсь. Представил себя со стороны: толстый человек, с орденом на гимнастерке, без сапог, без пальто, без фуражки, весь мокрый, скорчился в три погибели. «Ну-ну,— думаю,— секретарь обкома, давай, руководи тут под кустом».

Проведя ночь в поле, в скирде пшеницы, Алексей Федорович на другой день добыл солдатские ботинки и присоединился к другой группе вышедших из окружения красноармейцев. И опять чуть не погиб, на этот раз от руки предателя. «За всю войну я не был так близок к гибели, как в те дни»,— писал А. Ф. Федоров в своей книге «Подпольный обком действует». Однако впереди было еще немало опаснейших ситуаций...

В первые же дни в тылу врага Федоров обратил внимание на то обстоятельство, что советские люди с ненавистью относились к оккупантам. И это радовало. Организация полиции, начатая гитлеровцами, старания подобрать старост и бургомистров в селах наталкивались на глухое сопротивление. Никто не желал быть пособником «нового порядка». Добровольно шли на службу к врагу лишь бывшие националисты да кулаки, которые решили, что настал час свести счеты с Советской властью, и уголовники, оказавшиеся на свободе.

* * *

*

Алексей Федорович отыскал верных людей и через них узнал, что в Холмском, Остерском, Добрянском, Корюковском, Гремячском районах хоть и робко, но все же начали действовать небольшие партизанские отряды и подпольные организации. Однако действия их были очень слабы. Связь оказалась нарушенной во многих звеньях, а с областным отрядом вообще не поддерживалась.

Федоров побывал в шести районах области, встречался с коммунистами, проводил собрания. Вокруг него образовался актив из верных людей. В Малодевицком районе в этот актив вошли Василий Зубко, который некоторое время был секретарем райкома комсомола, Павел Логинович Плевако, раньше работавший в Остерском районе уполномоченным комитета

заготовок, работник Черновицкого обкома партии Павел Васильевич Днепровский и инструктор Малодевицкого райкома партии Надя Белявская, которую Алексей Федорович хорошо знал до войны.

До встречи с Федоровым они пробирались в Корюковский район, в областной отряд.

— Одни вы, конечно, быстрее дойдете, — сказал им Алексей Федорович, — но если хотите помочь мне — оставайтесь, будем как бы передвижным обкомом.

Все остались с Федоровым, а потом к ним присоединились и другие товарищи. Дальнейшие события показали, что в новых помощниках Алексей Федорович не ошибся.

Секретарь подпольного обкома опирался теперь на большой актив. В разные концы области уходили связные с директивами руководителям подпольных организаций и командирам партизанских отрядов. Это трудное и опасное дело поручалось самым надежным. В первое время, например, связным обкома был первый секретарь Корюковского райкома партии Федор Иванович Коротков. Впоследствии он стал командиром большого отряда и не раз говорил, что за 19 суток, в течение которых ходил на связь, пережил больше, чем за три года партизанской борьбы.

Коротков побывал в нескольких районах и, возвратившись, отчитался перед обкомом. В резолюции по его отчету было записано: «Признать, что товарищ Коротков с заданием обкома справился хорошо. Учитывая, что в процессе выполнения задания товарищ Коротков накопил некоторый опыт, направить его для установления связи с подпольными большевистскими организациями в город Чернигов».

Ночью 31 октября в небольшом домике Каменского лесничества состоялось собрание партактива Малодевицкого района. При свете коптилки Федоров прочитал и разъяснил директивы обкома партии. Затем он объявил приказ областного штаба партизанского движения о создании единого Малодевицкого районного партизанского отряда и его первоочередных задачах.

Приказ подписал начальник штаба Федор Орлов — таков был один из подпольных псевдонимов Федорова. Обращения же к населению и листовки Алексей Федорович подписывал: «Командующий партизанским движением на Черниговщине генерал-лейтенант Орленко».

Быть может, по этой причине первой осенью на Черниговщине распространилась легенда, будто областной

партийный секретарь Алексей Федоров живет в Черниговской области, руководит подпольем, поднимает на борьбу людей. И фашисты, мол, никак не могут его поймать. А партизанами командует другой человек — опытный военный, генерал-лейтенант Орленко.

В эту легенду верили даже осведомители гитлеровской службы безопасности и абвера. И это неудивительно: написанных от руки листовок с подписью «генерал-лейтенант Орленко» было заготовлено немало. А Надежда Белявская и Василий Зубков усердно распространяли их, расклеивая на заборах и стенах хат во всех селах, где им приходилось бывать.

Гитлеровцы хватали всех подозрительных, похожих на Федорова или Орленко. И всякий раз объявляли, что тот или другой повешены на центральной площади Чернигова. Каких-то двух неизвестных оккупанты действительно повесили в Чернигове, прикрепив к груди каждого дощечку с надписью «Федоров» и «Орленко».

А Федоров тем временем шел от села к селу, не раз появлялся на сходах, на которые гитлеровцы сгоняли людей, чтобы объявить разные приказы. Однажды вместе с Днепровским он присутствовал даже на собрании старост.

Конечно, все это было сопряжено с огромным риском. Зато вселяло в людей уверенность, что партия, Советская власть вместе с ними, что победа будет завоевана непременно.

* * * *

В областном отряде, перебравшемся из Корюковского района в Холменский, Алексея Федоровича давно ждали. Исполняющий обязанности командира отряда Н. Н. Попудренко писал в своем дневнике:

«14 ноября... Працун принес известие, что т. Федоров А. Ф. в области. Это очень хорошо. Надо послать к нему связных, есть надежда встретиться.

18 ноября. Утром 17 ноября прибыл т. Федоров, как и следовало ожидать. Я его не сразу узнал: небритый... в рваных сапогах, усы, как у Тараса Бульбы. С ним прибыли тт. Днепровский, раньше работал в Черновицком обкоме КП(б)У, Плевако — из Малодевицкого района, Зубко — работник НКВД, Шуплик¹ — заместитель директора МТС, Поярко — работник штаба 21-й армии, Белявская — инструктор Малодевицкого РК КП(б)У.

¹ Степан Максимович Шуплик — партизанский поэт. После войны издал сборник стихов «Песни партизана деда Степана».

Думаю, что жизнь будет более полнокровной.

19 ноября 1941 г... А. Ф. Федоров принял командование отрядом».

Алексею Федоровичу казалось, что он пришел домой, в родную семью. Собственно, так оно и было: разве не он, Федоров, подбирал членов этого партизанского братства! Он с интересом приглядывался к людям. Как изменила их партизанская жизнь! Даже внешне можно было это заметить. Одни подтянулись, приобрели кое-какую выпреку. Другие, может быть считая, что на войне, да еще в партизанах, без этого нельзя, заламывали шапки, отпускали чубы, всячески старались показать свою лихость. Третьи, наоборот, притихли, перестали бриться, следить за своим внешним видом...

Вскоре состоялось заседание подпольного обкома партии впервые в полном составе. На нем обсудили очень важный вопрос: как действовать дальше? Уже из первых разговоров с Попудренко, Новиковым и другими членами обкома Алексей Федорович знал о серьезных ограхах в организации действий партизан, он поделился своими соображениями, накопленными за время двухмесячного похода по районам области.

В настоящее время, говорил Федоров, действия партизанских отрядов разрознены. Если не считать самых общих директив, которые дает им областной штаб, каждый отряд предоставлен сам себе... Тут убют фашиста, там машину опрокинут... Все это комариные укусы. Надо создать объединенный областной отряд, способный осуществлять крупные операции и направлять борьбу других отрядов и групп, которые непременно будут создаваться. Вот тогда можно обрушить на врага сильные удары. А если будем воевать порознь, не пополним наши ряды, разобьют нас поодиночке. И Алексей Федорович внес предложение объединить мелкие партизанские отряды, действующие в северных районах, в областной отряд.

— Вы здесь учились, я — в пути, — сказал он, — а теперь давайте воевать вместе с другими отрядами, вместе со всем нашим народом, вместе с Красной Армией.

Подпольный обком принял предложение Алексея Федоровича. В объединенный отряд под командованием Федорова вошли (кроме областного) Корюковский, Холменский, Перелюбский и Рейментаровский отряды. На том же заседании по рекомендации А. Ф. Федорова в состав подпольного обкома ввели Павла Васильевича Днепровского, который был назначен редактором газеты областного комитета партии «Большевик».

Объединенный партизанский отряд насчитывал около 400 человек. Пришло время начать серьезные боевые операции.

Первой пробой сил объединенного отряда стал бой в Погорельцах в ночь на 2 декабря. Принимая решение напасть на Погорельцы, Федоров знал, что идет на риск: неудача могла обернуться не столько военным, сколько тяжелым моральным поражением. Надо провести операцию так, чтобы не обстрелянны еще в настоящих боях партизаны не утратили уверенности в своих силах. Надо, чтобы в партизанскую силу поверило и местное население.

Федоров знал также, что вражеский гарнизон в Погорельцах превосходил объединенный партизанский отряд и по численности, и по вооружению. Но враг имел и слабые стороны, и Федоров использовал их. Гитлеровцы, не веря в силы партизан, вели себя беспечно. Федорову стали известны места расположения вражеских постов и пулеметных гнезд, время смены караулов, дома, в которых находился штаб батальона и квартировали фашистские офицеры. Все эти сведения он получил от погорельских подпольщиков комсомольцев Сергея Помаза и пионера Вели Коробко, которым по заданию партизан удалось пристроиться при немецком штабе. Фашисты использовались услугами шустрых хлопчиков для выполнения мелких поручений.

Располагая точными сведениями, партизаны внезапно напали на вражеский гарнизон, полностью разгромили его и захватили крупные трофеи. Гитлеровцы неистовствовали. Шутка ли сказать, целый батальон регулярной армии был истреблен!

Из всех трофеев самыми ценными для Федорова были они. Отряд должен быть подвижным. Бои на заставах показывали: вот-вот следует ожидать решительных действий противника, гитлеровцы постараются рассчитаться за бой в Погорельцах.

Глухой ночью 22 декабря лагерь пришлось покинуть. Накануне подпольщики через связных сообщили, что целый эсэсовский полк с артиллерией и шестистрельными минометами на рассвете готовится начать наступление на партизанский лагерь. Федоров поднял людей по тревоге, отвел отряд километров за тридцать и расположил его в селах Майбутнее, Журавлево, Буда и Ласочки. Все партизаны ехали на санях.

Прошло немного времени, и руководству отряда пришлось вновь перебазироваться. Гитлеровское командование узпало новое месторасположение отряда. На партизан обрушился огонь артиллерии. Несколько раз села бомбили враже-

ские самолеты. И областной отряд двинулся в Елинские леса, к границе Орловской области.

Елинский лес на некоторое время стал главной базой объединенного областного отряда. Именно в эти леса с Большой земли впервые прилетели самолеты. Случилось это в ночь на 12 февраля. Накануне партизаны подготовили аэродром.

Но самолеты не приземлились. Покружив над поляной, на которой вовсю полыхали сигнальные костры, они сбросили много парашютов с грузом и двух радиостов. В сброшенных мешках были боеприпасы, оружие, взрывчатка (в ней особенно нуждались), две рации новейшей системы и питание к ним и даже немножко деликатесов: копченой колбасы, икры, фруктовых консервов, папирос. В мешках были газеты. На другой же день номера «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», порядком потертые, после того как обошли весь партизанский лагерь, были переданы в ближние села. Партизаны и жители сел почувствовали: страна помнит и заботится о них.

Алексей Федорович выезжал в села и выступал на собраниях крестьян. Об одном таком собрании он подробно рассказал в своей книге «Подпольный обком действует».

«Во исполнение решения обкома о необходимости более тесного контакта с населением и усиления агитационно-масовой работы,— пишет Алексей Федорович,— группа товарищей выехала однажды вечером в село Савенки. Я тоже поехал...»

Крестьяне собрались в школе. Открывая собрание, комиссар отряда В. Е. Яременко сказал: «Сейчас я предоставлю слово командиру партизанского отряда и секретарю подпольного обкома... фамилию не стану называть по причинам конспирации, иначе говоря, тайны...

Я поднялся,— пишет Алексей Федорович,— хотел начать, но в зале раздался смешок. Что такое, почему?

— Да це Федоров.

— Ну да, Федоров.

— Яка така тайпа, это Федоров! — крикнул кто-то из задних рядов.

Яременко нахмурился, а я рассмеялся. Ощущение натянутости, связывавшее меня, исчезло. Я рассказал, кто такие партизаны, как и за что они воюют. Передал содержание последних сводок Совинформбюро. Слушали очень жадно...»

Выступившие на собрании колхозники поблагодарили Федорова за выступление и заявили, что они собрали хороший урожай и хранят хлеб, который должны сдать государству.

«...Вот мы и постановили,— говорил один,— кто есть теперь наша власть... Наша держава, наша Червона Армия? Ясно — партизаны, значит, и хлеб, что державе следует, партизанский хлеб».

«Стало ясно,— вспоминает Алексей Федорович,— что правление артели подготовило к нашему приезду очень ценный подарок... Впервые в условиях оккупации я принимал участие в собрании крестьян. Вероятно, потому оно и запомнилось так хорошо. Позднее мне часто приходилось выступать на подобных собраниях, но в то время все было внове».

Вполне понятно, что подпольный обком не мог быстро откликаться на события, происходящие в отдалении от областного партизанского отряда, помогать советом, людьми, оружием. Обком и отряд вынуждены были то и дело менять место своего расположения.

Вот и в Елинских лесах жить партизанам тоже пришлось недолго. Гитлеровцы активизировались, узнав о том, что прилетали советские самолеты. К тому же партизаны усилили удары по врагу: они взорвали склад, устроили засаду, в которую попали машины с солдатами и офицерами, разгромили гарнизон... Раздались первые взрывы на железных дорогах.

Фашисты решили окружить и уничтожить партизанский лагерь. Все села, расположенные близко к лесу, были заняты вражескими войсками. На станциях Сновск, Новгород-Северский, Корюковка, Новозыбков, Климово разгружались новые и новые подразделения гитлеровцев. Над лесом, сменяя друг друга, непрерывно кружили самолеты-разведчики.

От подпольщиков А. Ф. Федоров знал: гитлеровцы начнут наступление на рассвете 23 марта. На совещании командиров было решено не ждать выступления главных сил, а самим перейти к активным действиям: уничтожать их по частям, нападая на гарнизоны. И самим как можно скорее выбраться из леса.

8 марта партизаны разгромили гарнизон оккупантов в селе Гута Студенецкая. 11 марта — вражеский батальон в селе Ивановка, который насчитывал 400 человек. У гитлеровцев было много пулеметов и минометов и двухорудийная полевая батарея. Однако партизанские роты под командованием Н. Н. Попудренко подошли к Ивановке скрытно и обрушились на врага внезапно и стремительно. Гитлеровцы проснулись, когда на улицах гремело «Ура!».

Враг бежал, оставив в Ивановке 153 убитых. Партизаны захватили четыре станковых и восемь ручных пулеметов, много винтовок, автоматов, патронов и большой обоз с продовольствием.

Да, победа в Ивановке была полной... Но и партизаны понесли потери.

В план, принятый на совете командиров, пришлось внести некоторые поправки. Накануне вражеского наступления с Большой земли пришло сообщение, что в ночь на 23 марта к партизанам прилетят самолеты с оружием и боеприпасами. Федоров решил ждать их и, приняв бой, продержаться до вечера, а когда стемнеет, отойти.

Но перевес в живой силе и технике гитлеровцев оказался немалый. В бою партизаны потеряли несколько человек убитыми и ранеными.

Но им удалось уйти из Елинских лесов. Люди были страшно утомлены, промерзли и изголодались. На коротких привалах командирам приходилось силой поднимать уснувших. С большим трудом добрались черниговцы до заснеженных землянок в Гулино...

Да, невероятно тяжелыми были истекшие сутки. Никогда раньше гитлеровцы не наступали такими крупными силами. В эти сутки судьба отряда висела на волоске. Все, чему научились партизаны за полгода войны в тылу врага, подверглось испытанию: стойкость, выдержка, умение биться с пре-восходящими силами врага, смекалка и хитрость.

Однако Алексей Федорович, хоть и был удовлетворен результатами боя, извлек для себя урок: стоило ли оставаться на месте в ожидании самолетов? Если б отряд своевременно снялся перед самым наступлением гитлеровцев, возможно, удалось бы избежать тяжелого боя. На будущее Алексей Федорович решил подобного не повторять. Однако, как говорят, нет худа без добра: опыт оборонительного боя пригодился в ближайшее же время и рядовым партизанам и командирам.

* * *

*

В мае 1942 года радисты отряда приняли радиограмму: Указом Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Федорову присвоено звание Героя Советского Союза. Партизаны искренне радовались за своего командира.

К лету 1942 года под командованием А. Ф. Федорова находилось уже около тысячи партизан. 28 июля на заседании подпольного обкома партии с участием всех командиров было принято решение об организации соединения партизанских отрядов. Командиром соединения обком утвердил А. Ф. Федорова, комиссаром — В. Н. Дружинина, который до войны работал в Черниговском обкоме партии, а в отряде был политруком кавалерийской группы.

В июле Черниговское соединение после попытки прорваться через Десну в лесные партизанские массивы Брянщины вынуждено было вернуться назад, в мелкие черниговские перелески.

Это было тяжелое время. Днем приходилось драться с фашистскими карательными отрядами, преследовавшими партизан, ночью совершать длинные и утомительные марши к следующему леску. Как только партизаны добирались до первых кустиков, они наскоро готовили еду и засыпали мертвым сном. Но сон был недолог. Следы в поле скрыть не легко, враг скоро находил партизанский лагерь...

В середине августа соединение добралось до Софиевских лесных дач. Здесь Федоров надеялся принять самолеты с Большой земли с оружием, боеприпасами, питанием к «Северкам» — партизанским рациям, медикаментами, письмами. Надеялся отправить раненых товарищей. Партизаны облегченно вздохнули, думая, что в этих лесах они смогут немногого отдохнуть. Никто не знал, что фашисты готовят ловушку.

Дело в том, что на сей раз гитлеровцы умело замаскировали готовящуюся операцию. Части 308-й пехотной дивизии, предназначеннной для борьбы с партизанами, были расквартированы в ближайших городах — Чернигове, Новозыбкове, Злынке, Клинове. Командир этой дивизии ждал сигнала о том, что подразделения, преследовавшие партизанское соединение и выполнявшие роль загонщика, «довели» его до Софиевских дач...

Возможно, если бы в это время Федоров имел связь с подпольщиками, врагу не удалось бы даже начать осуществление своего замысла. Однако, пока соединение совершало рейд к Десне и возвращалось обратно, связь с подпольщиками временно прервалась.

Для Алексея Федоровича, для штаба соединения и для всех партизанских командиров такое ЧП послужило суро-вым уроком. В последующих рейдах Федоров предварительно высыпал дальнюю разведку, которая заранее связывалась с местными партизанскими отрядами и подпольщиками и в какой-то мере гарантировала главные силы партизан от подобных неожиданностей. А в тот раз, в августе сорок второго, соединение попало в最难нейшее положение.

Вокруг партизанского лагеря, расположившегося между селами Софиевка и Великие Ляды, сомкнулось вражеское кольцо. Ночью Федоров предпринял попытку прорваться через небольшой, затерянный в лесу поселок Новый Путь.

Правда, по сведениям разведки, здесь было далёко не самое слабое место вражеской обороны. Путь через соседнее болото был куда более надежен, чем через поселок, в котором фашисты отрыли окопы, установили артиллерию, тяжелые минометы и держали в боевой готовности несколько танков и тяжелых бронемашин, готовых в любой момент взять под контроль лесную проселочную дорогу. Из-за этой-то дороги командир соединения и решил пробиваться через поселок.

Когда совсем стемнело, группе прорыва удалось выбить врага из окопов и зацепиться за дома поселка. Но обоз еще не подошел к опушке, как фашисты обрушили на горстку партизан огненный шквал. В бой пошли танки. Кольцо окружения, разорванное с таким трудом, вновь сомкнулось. Прорыв не удался...

И тогда по колонне побежал новый приказ: «Бросить повозки, перейти на выюки. Раненых нести на руках».

В кромешной тьме партизаны кое-как смастерили выюки, сделали носилки из жердей, плащ-палаток, одеял и домотканых крестьянских ряден. И незадолго до рассвета головная походная застава осторожно ступила в болотную трясину. Следом за ней двигался взвод прикрытия, а дальше — 60 носилок с ранеными, каждые из которых несли четверо. Вот так соединение и перешло болото. Может, задержись оно на сутки в Софиевских дачах, «болотный марш» закончился бы трагически.

Рассвет застал соединение в мелком орешнике, километрах в десяти от места ночного боя. Опасность ничуть не уменьшилась: враг был близко.

Мокрые, выбившиеся из сил партизаны повалились там, где их застала команда «Привал!». Не спали только часовые. И еще один человек — Алексей Федорович Федоров.

Может быть, такие минуты и есть самые трудные в жизни командира, и тем более секретаря обкома? Предстояло принять решение, от которого зависело, быть или не быть партизанскому соединению. И зависела от этого решения не только судьба партизан, но и многих тысяч советских людей — жителей обширного района, в котором Черниговское соединение было в то время островком Советской власти.

Скоро проснулись все партизаны, слишком напряженны были нервы. Медленно тянулись бесконечные минуты этого дня. Минуты, проведенные лежа (стоя могли заметить) и молча.

В этот день партизанам не пришлось отбивать вражеских атак, не пришлось ходить в атаки. В этот день никого не убили, никого не ранили. И все-таки, если Алексея Федоро-

вича спрашивают о самом страшном на войне, он неизменно вспоминает низкие кусты орешника, неподвижно лежащих людей, разъедающее душу ожидание...

Около одиннадцати часов гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. Они стреляли по тому месту, где соединение располагалось накануне. Стреляли долго, рассчитывая, видимо, без боя ворваться в лагерь и взять в плен оставшихся в живых партизан. Артподготовка, которую начал враг, обрадовала Федорова: это означало, что ночной бросок через болото оккупанты прозевали.

Но вот смолкли орудия. А потом — сквозь ветки это было хорошо видно — по дорогам начали рыскать взад и вперед фашистские танки: они прощупывали каждую рощицу. Но ночной дождь смыл следы. А низкие кустики, служившие убежищем партизанам, не привлекли внимания врага. И когда наступил вечер, все, в том числе и те, кто роптал, кто считал эти жалкие кустики местом последнего привала, поняли, каким мудрым был командирский выбор...

Невыносимо тяжким был этот долгий день. Но вечер оказался еще хуже.

Среди партизан разнеслась весть: принято решение уходить без раненых. Разумеется, все понимали, что с носилками далеко не уйдешь. И все-таки никому не приходило в голову оставить боевых товарищей на произвол судьбы. Тем не менее приказ командира соединения был ясен: оставить раненых с небольшой охраной на месте, остальным — немедленно выступать.

Только человек, пользующийся абсолютным доверием среди партизан и в то же время уверенный в правильности своего решения, чистый перед своей совестью и людьми, — только такой человек мог отдать этот приказ.

Алексей Федорович Федоров был именно таким человеком. Еще раз, обращаясь к партизанам, сгрудившимся вокруг носилок, он негромко повторил:

— Да, раненые остаются. Но ненадолго, мы скоро вернемся. Товарищи, не падайте духом.

Лицо командира бледно. А глаза, запрятанные под сурово сведенными бровями, в сумерках невозможно разглядеть...

Совершая по пути налеты на фашистские гарнизоны и диверсии на железных дорогах, партизаны с боями пересекли железную дорогу Гомель — Брянск, вдоль которой чуть ли не через каждые 100 метров стояли немецкие посты, форсировали реки Ипуть и Беседь и укрылись в чащобах Клетнянского леса.

Расчет командира полностью оправдался: гитлеровские каратели ринулись следом за ними. Как птица уводит лису от гнезда, так командир соединения увел карателей от места, где расположились раненые, и враг так и не обнаружил их. Все оставшиеся дожили до того времени, когда их разыскали разведчики соединения. Больше того, разведчики привели отряд, в котором за зиму собралось 350 человек (вместе с бывшими ранеными и вводом охраны).

Лагерь партизан в Клетнянском лесу раскинулся на высоком берегу светлого ручейка, неподалеку от сожженою гитлеровцами деревни Мамаевки. Федорову понравилось это место не только тем, что тут протекал ручеек, который сразу разрешил проблему водоснабжения, одну из сложнейших в партизанском быту, но и высокими сосновыми и елями, отлично маскирующими лагерь с воздуха, и сухим, песчаным грунтом. Партизаны начали рыть землянки и обживаться на зиму.

1942 год подошел к концу. Начальник партизанской «авиационной службы» Павел Володин отыскал около села Николаевка подходящее поле, на которое вскоре приземлились первые самолеты с Большой земли. На одном из них 16 января 1943 года улетели А. Ф. Федоров и В. Н. Дружинин, вызванные в Москву для отчета о боевой деятельности черниговских партизан и для получения новых заданий. Обязанности командира соединения были возложены на Н. Н. Попудренко.

* * *
*

В марте 1943 года, когда после упорных боев партизанское соединение вырвалось из вражеского кольца, добралось до родной Черниговщины и стало вновь лагерем в Елинских лесах, Федоров и Дружинин вернулись из Москвы. Они привезли с собой приказ о разделении соединения на две части. Меньшая, около 300 человек, под командованием Н. Н. Попудренко оставалась на Черниговщине. Другая во главе с А. Ф. Федоровым должна была отправиться в западные области Украины, на Волынь.

«Основная задача командования отрядов,— говорилось в приказе,— вывести отряды на правый берег до разлива Днепра». Далее в приказе указывалось, что по прибытии на Волынь требуется: организовать систематические крушения поездов на магистралях Брест — Ковель — Луцк, Холм — Ковель и уничтожать живую силу и технику противника на шоссе Брест — Ковель, установить связь с партизанскими от-

рядами, действующими на территории Волынской области, проводить работу по разложению националистических формирований, организовать партизанские отряды.

11 марта сорок третьего года партизанское соединение под командованием А. Ф. Федорова, насчитывавшее более 2 тысяч человек, выступило в рейд на Правобережную Украину и накануне вскрытия Днепра перешло на правый берег...

28—29 мая на берегу Уборти состоялось совещание командиров и комиссаров партизанских соединений и отрядов под руководством секретаря ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. На этом совещании были конкретизированы и уточнены боевые задачи партизанских соединений. Теперь речь шла уже не о двух линиях, проходящих через Ковель, а обо всем Ковельском узле, и сама операция, которую предстояло осуществить соединению генерал-майора А. Ф. Федорова (это звание ему было присвоено в апреле сорок третьего года), получила неофициальное название «Ковельский узел».

Грузы, о получении которых Алексей Федорович договарился еще в Москве, стали прибывать на партизанский аэродром. В иную ночь над Убортью появлялось по три-четыре самолета сразу. Новенькие, в заводской смазке автоматы, противотанковые ружья, специальные винтовки с насадками для бесшумной стрельбы, пулеметы, минометы и легкие пушки, патроны, снаряды, обмундирование, снаряжение, соль и табак — все посыпала партизанам Родина перед далеким и опасным рейдом.

Больше всего получили взрывчатки — 4 тонны 200 килограммов тола и другого подрывного материала, среди которого особое место занимали 500 штук мин замедленного действия («МЗД-5»).

Теперь требовалось решить еще один важный вопрос — подготовить необходимое число подрывников.

А. Ф. Федоров собрал бюро подпольного Волынского обкома партии¹, на котором было решено открыть краткосрочные курсы. Партизаны окрестили эти курсы «лесной академией». Ее начальником стал старший лейтенант Алексей Семенович Егоров, заместитель командира соединения по диверсионной работе. Занятия проходили на небольшой поляне, на которой был выложен участок железной дороги с настоящими шпалами и рельсами. Здесь будущие подрывни-

¹ Решением ЦК КП(б)У от 23 июня 1943 г. бюро подпольного Волынского обкома партии было утверждено в следующем составе: А. Ф. Федоров (первый секретарь обкома), В. Н. Дружинин, А. З. Михайлов, Ф. И. Лысенко, С. Д. Герасименко.

ки учились готовить, устанавливать и маскировать мины. Егоров оказался требовательным преподавателем. После окончания курсов комиссия во главе с командиром соединения пришла у выпускников экзамен. Всего подготовили 312 подрывников. В каждом отряде соединения был создан подрывной взвод.

В начале июля соединение остановилось километрах в восемьдесят от Ковеля, в лесу, недалеко от села Лобное. Здесь Федоров приказал оборудовать лагерь. Пока рыли землянки, в подрывных взводах шла напряженная работа: готовили мины, заряды, отбирали взрыватели и прочие принадлежности, необходимые для диверсий.

Задание установить первую мину «МЗД-5» на линии Ковель — Сарны было поручено одному из опытнейших подрывников Всеволоду Клюкову, а также Владимиру Павлову.

На следующий день 7 июля около десяти утра на этой мине у станции Маневичи подорвался вражеский поезд, груженный продовольствием. Следующей ночью подрывники вышли на массовую установку мин. Операция, которой руководил Егоров, прошла удачно, хотя и не без осложнений: в последний момент группу Егорова обнаружил патруль, и автоматчикам командира кавэскадрона Карпуши (они держали охранение) пришлось вступить в бой. Тем не менее Егорову и его подрывникам удалось одновременно установить 20 мин с разными сроками действия.

Вскоре на этом участке сработали две мины: одна сбросила под откос эшелон с гитлеровцами, двигавшийся в сторону фронта, другая взорвалась под поездом, восстановившим путь. Мины рвались каждый день. Движение по железной дороге почти прекратилось. Лишь редким эшелонам удавалось проскочить невредимыми.

После того как батальоны ушли на задание и от них начали поступать первые сообщения о диверсиях на линиях Ковельского узла, Федоров мог бы возложить контроль за ходом операции на штаб соединения, на начальника диверсионной службы. Ведь, как ни важны были операции, у секретаря подпольного обкома хватало и других неотложных дел. Однако он лично знакомился с боевыми действиями подрывников и лучшее из их опыта переносил в другие батальоны.

Операция «Ковельский узел» была одной из лучших операций генерала Федорова, вершиной его партизанского искусства.

Результаты операции превзошли все ожидания. С июля 1943 года по апрель 1944 года, то есть за период боевой дея-

тельности на Волыни, партизаны соединения под руководством А. Ф. Федорова подорвали 611 вражеских эшелонов и уничтожили 3947 вагонов. По неполным данным, было убито 16 980 вражеских офицеров и солдат и 2530 — ранено.

За успехи в операции «Ковельский узел» Алексей Федорович Федоров был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены комиссар соединения В. Н. Дружинин, начальник диверсионной службы А. С. Егоров, командир 3-го батальона П. А. Марков, командир отдельного отряда имени Богуна Ф. И. Кравченко и пять подрывников — В. И. Бондаренко (посмертно), В. И. Клоков, Б. Ф. Калач, Д. М. Резуто и автор этих строк.

* * *

С первых же дней после прибытия в леса под Ковель политработники и разведчики по заданию Алексея Федоровича занялись поисками надежных людей, на которых можно было опереться в борьбе с оккупантами. В некоторых селах и городах действовали подпольные организации, возглавляемые коммунистами. Федоров от местных партизан и через штаб партизанского движения получил пароли и явки.

Опыт, приобретенный Алексеем Федоровичем в первые дни скитаний по Черниговщине, сослужил ему хорошую службу и здесь, на Волыни. Бывая в батальонах, секретарь обкома не раз останавливался в селах, встречался с нужными людьми. Вскоре поблизости от лагеря соединения не осталось ни одного населенного пункта, где бы не было связанный с обкомом подпольной партийной или комсомольской организации или своего человека — подпольщика.

Группы патриотов были созданы в селах Городок, Карасин, Словатичи, Градеск, в Повурске и Стеблине, в Ковеле, в Любешове, в Камне Каширском и во многих других населенных пунктах Волыни. Через подпольную группу Василия Бега и через отряд Д. Н. Медведева Федоров связался и с подпольной организацией, действовавшей в областном центре — Луцке.

Подпольный обком создал 11 подпольных райкомов партии и 67 антифашистских групп. Деятельность подпольщиков здесь в принципе мало чем отличалась от той, что была на Черниговщине, правда, они активно участвовали также и в операции «Ковельский узел».

Однако методы руководства подпольем со стороны обкома и самого Алексея Федоровича сообразно с обстановкой в об-

ласти и требованиями операции «Ковельский узел» претерпели кое-какие изменения. Прежде всего, связи стали короче. Ведь батальоны партизанского соединения, перекрывая линии Ковельского узла, располагались в разных концах области. Алексей Федорович вменил в обязанность командирам и комиссарам организовать конспиративные квартиры и «почтовые ящики» и поддерживать регулярную связь с подпольщиками в районе, где они действовали. Система подпольной связи теперь упростилась. В каждом батальоне имелась своя рация — надежный «Северок».

Алексей Федорович нередко сам встречался с руководителями подпольных групп. Словом, обком имел возможность руководить подпольем на Волыни более оперативно.

В лагере под Лобным была оборудована типография, машины и шрифты для которой доставили с Большой земли. По поручению ЦК КП(б)У Алексей Федорович наладил издание подпольной республиканской газеты «Радянська Україна». Тираж ее составлял 800—1000 экземпляров.

* * *

В то время, когда мы дрались с немецко-фашистскими захватчиками по ту сторону фронта, не было учебников по тактике и стратегии партизан. Этот раздел военной науки создавала партия, ее люди, оставленные для борьбы в тылу врага. Среди них был Алексей Федорович Федоров.

Выучке, жестокости и мощному вооружению врага Федоров — партизанский генерал — противопоставлял изобретательность и находчивость. А с лживой гитлеровской пропагандой Федоров — секретарь обкома — сражался пламенным, правдивым словом большевистского агитатора, умением повести за собой людей, подсказать, что надо делать в лихую годину. Алексей Федорович не упускал ни одного случая поговорить с народом, помочь, объяснить, посоветовать. С открытым сердцем, с великой убежденностью в правоте дела партии шел он к людям. И люди понимали и верили ему. И там, где проходило соединение Федорова, вырастали новые партизанские отряды, новые подпольные ячейки и группы, и ярче разгорался огонь всенародной войны во вражеском тылу.

Быть может, в этом и заключена наиболее важная часть деятельности Алексея Федоровича Федорова — партийного руководителя, народного героя.

В. З. Царюк

В ОГНЕ
БОРЬБЫ

Накануне выпал снег, припорошил подмерзшую землю, кружевной бахромой разукрасил деревья. Темно-вишневый «Москвич» весело бежал по Брестскому шоссе. Мы спешили в Еремичи на торжества по случаю восьмидесятилетия Владимира Зеноновича Царюка.

А за рулем автомобиля Александр Царюк, старший сын Владимира Зеноновича. В овчинном полушубке, в меховой ушанке — на дворе морозец довольно знатный. Ему бы на окольыш шапки красную ленточку наискосок, на грудь автомат — и ни дать ни взять партизан времен Великой Отечественной войны.

Да он и был им тогда. Как только создали отряд, юноша-подросток одним из первых вступил в партизаны, сражался с врагом...

Ныне Александр Владимирович — кандидат исторических наук, преподает в Белорусском госуниверситете. Как хорошо, что он пригласил меня с собой! Будет кому рассказать о боевых делах Владимира Зеноновича, провести по партизанским тропам...

...Из-под колес автомобиля разбегалась земля, взрастившая и вскормившая моего героя. Малолетний Володя пас на ней панские стада, батрачил на богатеев, мыкал безысходное горе бедняка. В своей родной хате хозяином был не он, а нищета, нужда, голод. Позже Владимир Зенонович напишет: «Все «богатство» моего отца составляла земля, которой было менее одной десятины. Сколько я помню, отец с утра до ночи, не зная ни минуты покоя, ходил вокруг этой десятины, трудился, не чувствуя усталости, но никак не мог выйти из нужды...»

Таков был «порядок», заведенный помещиками: работай от зари до зари, рви на них жилы, а получай — гроши!

Несправедливость заставляла задумываться над происходящим и в поисках ответа обращаться к книгам. Он много

читает, а позже знакомится с революционно настроенными солдатами (линия фронта в первую мировую войну проходила недалеко от его родных мест) и узнает от них о Ленине, о большевиках, о том, как они борются против буржуев, за интересы рабочих и крестьян. За Ленина и большевиков он потом агитировал и сам, словом и сердцем. Победила Октябрьская революция. Для Царюка это был праздник. В его 18 лет ему, деревенскому книгочею, земляки оказывают высокую честь — избирают секретарем деревенского ревкома. Шутка ли — ревкома!

Потом гражданская война, словно вихрь подхватила, закрутила, унесла и бросила его, простого хлопца из западно-белорусского села, в окопы. В предчувствии своего конца класс имущих порой люто сопротивляется, порой даже переходит в наступление. Завоевания революции необходимо защищать. И молодой Царюк становится красноармейцем, а позже — политруком 72-го стрелкового полка. И славно показывает себя на военной стезе.

Горячая весна 1920 года, очередной поход Антанты. Западные границы молодой Советской республики снова в огне — в ее пределы вторглись войска буржуазно-помещичьей Польши. С горечью и болью узнал Царюк, что его родные места снова попали под власть шляхетских панов.

— Оставайся, Царюк, — сказал командир Владимиру, когда окончился срок службы. — Учиться пошлем. Станешь красивым командиром. Оставайся!

— Спасибо, друг! — Царюк порывисто встал, крепко сжал руку командира. — Спасибо! Да только, сам понимаешь, если не я, если не мои товарищи, то кто же там, — Царюк кивнул в сторону границы, — кто же там будет устанавливать власть рабочих и крестьян? На моей родине мы должны сделать это сами.

— Пожалуй, ты прав, — согласился командир. — Желаю удачи! Не посрами чести родного полка!

Они обнялись, попрощались.

Вернувшись в отчий край, Царюк весь отдался революционной работе: установил связь с подпольной Компартией Западной Белоруссии (КПЗБ), а вскоре стал ее членом. Охваченные энтузиазмом тех удивительных лет, молодой коммунист и его товарищи создают 25 нелегальных кружков. Царюка избирают секретарем Мирского райкома.

Дефензива — тайная политическая полиция буржуазной Польши — неотступно следует за подпольщиками. Царюка выслеживают и арестовывают. Ему и его товарищам Павлу Железняковичу, Семену Носу и другим предъявлено обвинение

ние в принадлежности к КПЗБ и убийстве провокатора. Приговор суда беспощаден и жесток: пожизненное заключение.

Целых 13 лет Царюк провел в белопанских тюрьмах. Три года из них — в одиночной камере чудовищно жестокой тюрьмы с фарисейским названием «Свенты кшыж» — «Святой крест», где испытал на себе в полной мере иезуитство поклонников символа распятия. Чтобы сломить узников морально и физически, их пытали, зверски избивали, бросали в карцер, заковывали в кандалы, морили голодом. Царюка пытались и подкупить: обещали выпустить на свободу, если он отречется от своих идеалов, предаст партийное дело, за которое боролся.

— Убирайтесь и не смейте приставать с вашими гнусными предложениями, — крикнул он коменданту тюрьмы, самолично явившемуся в одиночку упрямого узника. — Мы умеем хранить тайну и постоять за нее, чего бы это ни стоило.

— В карцер его! — Звякнув шпорами, комендант выскочил в коридор.

Силы сопротивления ударам судьбы черпал Владимир Царюк из книг. Ему по листочкам передавали «Капитал» Карла Маркса, труды В. И. Ленина, книги по истории партии. Все прочитанное, изученное им врезалось в память на всю жизнь. А. Е. Андреев, бывший комиссар партизанской бригады, ныне министр автомобильного транспорта республики, Герой Социалистического Труда, рассказывал как-то, что однажды, во время войны, живя в гостинице «Москва» и ожидая отправки за линию фронта, он невольно открыл для себя, что Царюк обладает феноменальной памятью. Чтобы скоротить время, Владимир Зенонович протягивал ему учебник по истории партии, просил открыть на любой странице, прочесть последнюю строчку абзаца и тут же, без запинки, слово в слово он воспроизводил наизусть весь текст до конца.

Дочь Царюка, Людмила Владимировна, рассказывала: отец говорил, что если бы не книги, то он сопел бы с ума...

1 сентября 1939 года Царюк с товарищами вырвался на свободу из мрачных застенков Равичской тюрьмы. Узнав о начале войны (гитлеровская Германия напала на Польшу), тюремщики трусливо разбежались, оставив заключенных на произвол судьбы.

После тюрьмы Царюк появился в Большой Обрине, родной деревне, его встретили здесь как героя. Еще бы! Беспримерное мужество Владимира Зеноновича служило для его земляков вдохновенным примером в нелегкой борьбе с белопольскими оккупантами, после изгнания которых в принеманском крае наступили поистине исторические перемены.

Ломаются вековечные устои рабства, лютой эксплуатации человека человеком. Царюк и на этот раз на переднем крае борьбы. Его избирают депутатом в Народное собрание Западной Белоруссии. В составе полномочной комиссии он едет в Москву, где сессия Верховного Совета СССР принимает историческое решение о включении Западной Белоруссии в состав Советского Союза и воссоединении ее с Белорусской ССР.

Теперь у него в руках два одинаково высоких мандата — депутата Верховного Совета БССР и представителя Советской власти — председателя Столбцовского райисполкома. На этом посту его и застает Великая Отечественная война.

* * *

*

Горькие дороги отступления привели Царюка на Тамбовщину, где ему пришлось временно исполнять обязанности директора Больше-Липовицкой МТС. Однако всеми помыслами, всем сердцем своим Владимир Зенонович был там, на захваченной врагом Столбцовщине, вместе со своими земляками. Строки, написанные Царюком позже, помогают лучше понять ход его мыслей и душевный настрой: «Слушая призыв товарища Сталина по радио 3 июля 1941 года, я решил, что именно в тылу врага, в знакомой мне местности в Белоруссии я смогу под руководством большевистской партии выполнить свой долг советского человека, патриота, коммуниста...»

Письмо за письмом посыпает Царюк в ЦК Компартии Белоруссии, просит отправить его за линию фронта. Наконец его просьбу удовлетворили. Царюка посыпают, но не во вражеский тыл, а в северо-западную оперативную группу ЦК КП(б)Б на Калининском фронте, где он получает назначение на должность начальника базы вооружения, занимающегося обеспечением белорусских партизан.

Создается Белорусский штаб партизанского движения. Царюк и тут зарекомендовал себя знающим и исполнительным работником. Его награждают орденом Красной Звезды. Но он продолжает добиваться своего. Наконец, вняв его просьбам и доводам, начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко соглашается включить Владимира Зеноновича в группу Барановичского подпольного обкома партии, готовящуюся к заброске в тыл врага, в помощь уполномоченному ЦШПД и ЦК КП(б)Б Василию Ефимовичу Чернышеву.

Царюк улетел, а вскоре пришло подтверждение:

«...Планерами 17—19 марта переброшены в Бегомль и благополучно приземлились группы... Чернышева, Армянина, Царюка — 10 человек», — сообщал начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин начальнику ЦШПД П. К. Пономаренко.

В донесении, конечно, не сообщалось о том, что составляет будни войны и что для Владимира Зеноновича явилось первым боевым крещением...

...Едва вышли они, посланцы Большой земли, из Бегомльской партизанской зоны, как гитлеровцы стали их преследовать. Под Бахметовкой, в районе Заславля, партизан взяли в кольцо. Царюк укрылся в глубокой ложбине за пнем. Бой завязался не на шутку: от пня только летели острые щепки, а над головой противно свистели пули.

— Ничего, браточек, проблемся! — глядя на побледневшее лицо безусого партизана, промолвил Царюк. — Бывает и похуже, давай, ползи ко мне, все равно прорвемся! Главное, подпускай немцев ближе и бей.

Стрельба вдруг стихла. Царюк осторожно выглянул из укрытия. Меж стволами мелькали фигуры в серо-зеленых пинелях: фашисты делали перебежку.

— Бей! — крикнул Царюк и, вскинув автомат, короткой очередью прострочил пространство впереди. Открыл огонь и сосед. Он начинал на деле постигать тактику Царюка: подпускай врага ближе и бей! Бей наверняка.

Только с наступлением сумерек партизаны прорвали кольцо и двинулись дальше к заветной Налибокской пуще, где, по донесениям разведки, уже осело несколько партизанских отрядов.

Вскоре в ЦШПД полетела телеграмма:

«...На место прибыли. Подпольный обком к работе приступил», — докладывал Платон — В. Е. Чернышев.

Прибывший в марте сорок третьего года подпольный обком обосновался в глубине Налибокской пущи, среди густого, почти непроходимого леса, под сенью вековых сосен, надежно маскировавших партизанский лагерь сверху. Царюк — помощник секретаря подпольного обкома, его правая рука, на нем вся тяжесть первых шагов партизанской жизни, организаторской работы. Он сам задавал во всем тон. Хорошо зная местность, людей, владея тремя языками — белорусским, русским и польским, Царюк в сопровождении нескольких партизан отправляется на разведку, чтобы самому изучить обстановку, встретиться, по душам потолковать с земляками, привлечь их на свою сторону.

А эти встречи — удивительные, волнующие, непредвиден-

ные! В отряде имени Чапаева Владимир Зенонович буквально столкнулся со своим старшим сыном Шурой — оказывается, и он уже партизан. Да что Шура! Партизанила вся семья, укрывшись от немецких ищущих, охотившихся за семьями партийных и советских работников, на хуторе Березинка, глухом и заброшенном, где хозяйствовал его старый друг Ясь Васильевич Балабанович. Земляки и все, знаяшие Царюка, диву давались, как он, председатель Столбцовского райисполкома, их избранник в Верховном Совете Белоруссии, вот так запросто, как ни в чем не бывало разъезжает по всей округе в глубоком вражеском тылу. Встречаясь с земляками, Царюк щедро угощал их «Беломором», раздавал листовки, московские газеты и журналы, рассказывал о разгроме гитлеровцев под Сталинградом, о положении на фронте и, конечно, о работе советского тыла. Подчас одно его появление действовало сильнее самых убедительных слов.

— Володя появился неспроста! Значит, скоро Красная Армия придет! — догадывались земляки...

...Приближалась весна, посевная. Медленно покачиваясь в седле, Царюк ехал к лесному хутору. Жил на нем хозяин — «крепкий» мужичок. Как-то раз, еще до войны, Царюк заглянул к нему и увидел, как этот «крепкий» мужичок бьется в тисках нужды. Советская власть помогла ему. Однако вступить в колхоз он отказался. Царюк не настаивал. В конце концов, считал он, сама жизнь подскажет — в одиночку нужду не одолеть. «Как он сейчас? С кем? — спрашивал он себя.— С ними? Или с нами?»

Посланный вперед дозор сообщил: ни оккупантов, ни полицейских на хуторе нет.

Владимир Зенонович проворно слез с лошади, привязал повод к коповязи, вошел в хату. Навстречу ему, со скамьи поднялся полный сил и здоровья хозяин.

— Ты в-ведаешь, кто я такой? — поздоровавшись и немного заикаясь, спросил Царюк.

— Ведаю, — хмуро отозвался хозяин.— Володька Царюк, кто же еще!

— Точно! Ты з-за меня г-голосовал, когда были выборы в Верховный Совет?

— Голосовал.

— Советская власть тебе землю дала?

— Ну, дала...

— И к-коней дала?

— И коней...

— И деток твоих малых об-була, одела и в п-школу по-слала?

— Да, так было... А как же!

— А чего это ты на печи отсиживаешься? В партизаны не идешь? Как ты людям в очи глянешь, когда наша родная Красная Армия придет! А она и-придет! Слыхал небось, как немцев под Сталинградом разгромили? А может, ты с гитлеровцами снюхался?

— Да что ты, Володя! — отпрянул хозяин.— Да я зараз готов! Я и винтовку припас!

— Вот, б-братка, это другой разговор. Надо Красной Армии помочь. Если не мы сами, то кто же будет бороться с фашистами? Ну, бывай! До в-встречи в лесу,— закончил Царюк разговор и вышел из хаты...

Так, минуя населенные пункты, где обосновались крупные вражеские гарнизоны, от хутора к хутору, от деревни к деревне, от отряда к отряду Владимир Зенонович разъезжал несколько дней, изучая обстановку. А она была сложная. Если в восточных областях Белоруссии партизанская война полыхала негасимым огнем, то на западе республики она, по существу, только набирала силу. Причин к тому было немало. Советская власть в западных областях Белоруссии не просуществовала и двух лет, как гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Царюк хорошо помнил те суровые, трагические дни. Из-за быстрого продвижения вражеских войск здесь не успели оставить партийного подполья, организаторов партизанского движения. Этим не преминули воспользоваться белорусские националисты и развернули рьяную агитацию за «новый порядок», который гитлеровцы привнесли на своих штыках. Одновременно оккупанты повели лживую пропаганду о разгроме Красной Армии, а Советская власть будто бы прекратила свое существование.

Тех, кто отказывался верить, кто вступал на путь борьбы, ставили к стенке, вешали, сжигали живьем. Гитлеровцы надеялись огнем и мечом запугать, морально сломить, физически уничтожить непокорную часть населения на оккупированной территории.

Однако, как ни зверствовали оккупанты, народ не встал на колени, ибо жить на коленях для него означало не жить вообще. Он брался за оружие, чтобы отстоять Советскую власть.

Уже летом сорок первого года в Барановичской области возникают первые подпольные группы, весной и летом сорок второго создаются первые партизанские отряды.

К моменту же образования подпольного обкома партии здесь уже действовало пять партизанских бригад и несколько самостоятельных отрядов и групп, насчитывавших многие

сотни бойцов. Одно время было даже создано особое соединение партизанских отрядов — ОСПО.

Теперь предстояло идти дальше — добиться того, чтобы партизанское движение стало массовым. Что для этого нужно сделать? Царюку невольно припомнилось, как с помощью подпольных организаций КПЗБ он поднимал народ на борьбу против помещиков и капиталистов. Вот и теперь в подпольных группах, отрядах немало коммунистов. Значит, начинать надо с самого главного — когда существует обком, этот своего рода идейный и организационный штаб, — важно в единый кулак собрать партийные силы, создать первичные партийные организации, затем подпольные райкомы партии. Без их помощи и без их активного участия не разжечь всенародной партизанской войны.

Все эти соображения Царюк высказал Чернышеву.

— Да, но в массовые организации легче проникнуть вражеским агентам, — возразил секретарь обкома.

— А конспирация на что? Группы будут состоять из трех-четырех человек, связь — по цепочке. И тогда нам не страшен ни один агент, — отвечал Царюк. — Одновременно нужно лучше разъяснить задачи борьбы всему населению.

— Правильно, Зеноныч, — согласился Чернышев. — Добро! — Они всегда находили общий язык, во многом удачно дополняя друг друга (в отличие от своего руководителя, уравновешенного, подчас медлительного, Царюк был живым, горячим, увлекающимся человеком), и это часто помогало им принимать наиболее правильные решения, чтобы успешно выполнять задание партии.

В начале апреля подпольный обком провел совещание командиров и комиссаров бригад и отрядов. Выполняя указания ЦК КП(б)Б, обком создает межрайонные партийные центры. Ивенецкий межрайонпартцентр возглавляет член подпольного обкома Г. А. Сидорок, Лидский — Е. Д. Гапеев, Слонимский — М. Т. Анищик, Щучинский — С. П. Шупеня. Они в свою очередь организуют подпольные райкомы партии. За сравнительно короткое время их было создано 22. Образован Барановичский подпольный горком партии.

В рядах областной подпольной партийной организации в те дни насчитывалось более 2200 коммунистов и кандидатов в члены партии. Причем почти полторы тысячи из них вступили в партию, будучи партизанами. Коммунисты сплачивали ряды лесных бойцов, первыми шли в атаку, воодушевляли людей, вели за собой. Почти 240 из них отдали свою жизнь за освобождение Родины.

Увеличилось число подпольных антифашистских органи-

заций и боевых дружин. Строго соблюдались правила конспирации. Члены одной группы не знали тех, кто состоит в другой. Связь осуществлялась через специально выделенных лиц. Вступая в антифашистскую организацию, каждый партиот давал клятву белорусского партизана.

В центре всех этих дел — тот же Царюк. Он тщательно отбирает людей, инструктирует их, учит конспирации. В. Е. Чернышев скажет потом много лет спустя так:

«...Самым опытным, а вернее сказать, единственным по-настоящему опытным был среди нас Владимир Зенонович Царюк. ...Есть люди, взглянув на которых, подумаешь: «Вот человек, рожденный для своего дела...»

* * *

*

В нелегких трудах и бесконечных хлопотах миновала весна сорок третьего года, наступило тревожное, наполненное предгрозовой тишиной лето. Гитлер пытался по-прежнему держать мир в тревоге, хотя «империя» его начала трещать по всем швам. Фашистские армии готовились вступить в решающее сражение на Курской дуге.

Однако для гитлеровского командования начало операции осложнялось тем, что в глубоком тылу его войск действовала многочисленная партизанская армия. Барановичское соединение заявляло о себе смело и дерзко. Что ни день под откос один за другим летели идущие на восток эшелоны с живой силой и техникой, взрывались мосты, обрывались линии связи, а для защиты гарнизонов от налетов партизан приходилось отвлекать регулярные воинские части, которые могли быть использованы на фронте.

Гитлеровское командование в который уже раз решает покончить с партизанами и для этой цели разрабатывает план крупной карательной операции «Герман». Против нескольких тысяч партизан гитлеровцы бросили четыре группировки регулярных войск общей численностью более 60 тысяч солдат и офицеров. Подготовка к операции проводилась в глубокой тайне, но, как верно гласит поговорка, «ничего нет на свете тайного, что бы скоро не стало явным», особенно на войне.

Вскоре все «секреты» врага выплыли наружу. В подпольный обком, в штаб соединения стали поступать донесения одно тревожнее другого — на дальних подступах к Налибокской пуще сосредоточиваются гитлеровские войска. Царюк приказал усилить разведку. И тут — какая удача! — парти-

заны, которыми командовал начальник штаба отряда «Большевик» Афанасий Гавриш, устроив засаду на шоссе Поллорожье — Ивенец, основательно потрепали одно из подразделений особого карательного батальона подполковника Дирлингера, известного своим зверством в Хатыни. Фашисты попали впросак. У одного убитого гитлеровского офицера разведчики захватили портфель с документами, среди которых обнаружили план операции «Герман». Чернышев, Царюк, Армянинов и другие партизанские руководители немедленно засели за изучение трофейных документов. Стало ясно: против них готовится страшный и беспощадный удар. План операции, разработанный с размахом, по всем канонам германского военного искусства, предусматривал многократное превосходство в живой силе и боевой технике, насыщенность огнем. Стрелы и условные знаки, даты, часы и даже минуты указывали, куда, когда и сколько войск будет направлено против партизан. По всему было видно — в успехе операции гитлеровцы не сомневались.

Через два часа Царюк был у Чернышева.

— Давай, Зеноныч, докладывай, какие у тебя соображения? — нетерпеливо спросил командир.

— Лучший метод обороны — наступление, — подумав, начал Царюк. — Надо противника упредить, ударить раньше. Но в открытом бою они нас сомнут, у них сил поболее наших... И потому, я думаю, для начала надо ударить по коммуникациям. — Карандашом в нескольких местах он перечеркнул на карте линии железных и шоссейных дорог. — Попшлем подрывников.

Чернышев рассуждения Царюка слушал со все возрастающим интересом. Молодец, Царюк, мыслит, как заправский командир, хотя генштабовских академий не оканчивал! Еще одну грань его самобытного, незаурядного характера открыл для себя Василий Ефимович — грань тонкого тактика партизанской войны.

Вот так, тихо, мирно беседуя над развернутой картой, обмениваясь негромкими репликами со своими соратниками, они наметили, как лучше действовать в условиях вражеской блокады.

Зная, по каким районам собираются ударить каратели, подпольный обком и штаб соединения решили вывести из них всех партизан. Пусть фашисты бьют по пустому месту! Приказали запастись и сигнальными ракетами. Когда прилетят геринговские асы, лесные бойцы покажут им, где надо бомбить... Теперь партизанам сам черт не страшен! Операция

«Герман» для их руководителей перестала быть тайной, а это, можно считать, половина успеха.

Исходя из реальной обстановки, подпольные райкомы, командиры бригад и отрядов, начальники их штабов принимают необходимые меры, чтобы сорвать планы врага. Десятки диверсионных групп отправляются на «железку» подрывать полотно, мосты, пускать под откос вражеские эшелоны. Отпор готовился решительный и суровый.

В те дни, в начале июля сорок третьего года, в жизни Царюка происходит еще одно важное событие. Учитывая опыт Владимира Зеноновича, Чернышев вводит его в члены подпольного обкома. Этого высокого доверия был удостоен также и Д. М. Армянинов.

Операция «Герман» между тем началась. Пикирующие бомбардировщики обрушаивают на Налибокскую пущу свой смертоносный груз. Бьет дальнобойная артиллерия. Но этот огненный смерч не страшен партизанам. Выполняя приказ командира соединения, они вовремя покинули лесные лагеря и базы и укрылись в недоступных для гитлеровских ищек местах. То и дело в небо взлетали разноцветные ракеты, направляя карателей по ложным маршрутам.

Разгорелись упорные, жестокие бои. Этим небывалым сражением руководили подпольный обком и штаб соединения. Чернышев, Царюк, Армянинов, другие товарищи не только анализировали обстановку, давали указания бригадам и отрядам, но и сами нередко выезжали в горячие точки боя.

На участке Добрич — Занемань оборону стойко держал отдельный казачий партизанский отряд под командованием Дмитрия Денисенко. На других участках мужественно дрались бойцы и командиры бригад имени Чкалова, Жукова, Кирова, имени 1 Мая и другие... И все же силы были неравны. Прорвав партизанскую оборону, гитлеровцы устремились в пущу.

И тогда штаб приказал бригадам и отрядам рассредоточиться и, сохранив свободу маневра, бить врага по фронту, с флангов и тыла. Ставка делалась на «стихию партизан» — засады, особенно двойные, когда можно использовать скрытые огневые точки, особенно если они ударят ночью. Засады спереди, сзади, пулеметный огонь с флангов — все это создаст впечатление, что фашисты сами попали в окружение. Прорвавшиеся же сквозь цепи гитлеровцев партизаны повернут оружие и смело ударят им в тыл. Умелые действия партизан расстроили боевые порядки карателей, заставили их дрогнуть и отступить.

Операция «Герман» не принесла фашистскому командованию ожидаемых результатов. По существу, она провалилась, потерпела крах.

И тем не менее ее руководители опубликовали «победную» реляцию: «Все партизаны уничтожены. Командующий партизанами, в прошлом крупный партработник Платон, с группой своих приближенных прорвался из окружения на танках, но был настигнут нашими доблестными войсками СС и убит».

— Вот так да! Врут и не краснеют! — весело смеялся Василий Ефимович, узнав об этом. — Чего-чего, а вот танков у партизан не было. — Став серьезным, добавил: — А теперь сами подсчитаем, сколько фашисты потеряли и сколько мы...

Соединение нанесло оккупантам ощутимый урон. Партизаны взорвали несколько десятков вражеских грузовиков, танков и бронемашин, уничтожили немало гитлеровских солдат и офицеров. Кроме того, подрывники за это время пустили под откос 37 вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой. Были захвачены значительные трофеи.

Тем временем и в Налибокскую пущу долетела радостная весть — Красная Армия разгромила гитлеровцев на Курской дуге, освободила Орел и Белгород и перешла в победоносное летнее наступление. Царюк и его товарищи были взволнованы до глубины души: это партизаны, их соединения, отвлекая на себя крупные силы врага, пуская под откос эшелоны, помогли советским войскам одержать еще одну историческую победу.

* * *

*

После прорыва вражеской блокады партизаны приводили в порядок разбитые фашистской авиацией и артиллерией лесные лагеря и базы, пополняли свои ряды и, как прежде, отправлялись на боевые задания. И в обкоме партии, и в штабе соединения много дел.

— Зеноныч, ты войну-то где встретил? — однажды, как бы невзначай, спросил Василий Ефимович своего помощника.

— В Столбцах! Был п-председателем райисполкома, — ответил Царюк, озадаченно глядя на Чернышева: зачем это ему понадобились анкетные данные? Будто и сам не знает, где его, Царюка, застала война.

— Отлично! Пора тебе опять на самостоятельную работу, — неожиданно сказал Василий Ефимович. — Ты сам видишь, сколько народу хлынуло в партизаны. Будем формировать новые отряды и бригады. А руководить ими из одного

центра становится все труднее. Одним словом, надо создавать межрайпартцентр, а заодно и партизанское соединение на востоке области, а еще точнее — на Столбцовщине. Руководителем центра и командиром соединения хочу рекомендовать тебя. Это тебе новое партийное поручение, как члену подпольного обкома. Не возражаешь? — Платон испытующе посмотрел на своего боевого помощника.

Владимир Зенонович отлично понимал заботы секретаря: жизнь выдвигала новые задачи более широкого масштаба. Не случайно 22 июня 1943 года, в двухлетнюю годовщину начала Великой Отечественной войны, в Москве состоялось очередное заседание бюро ЦК КП(б)Б, рассмотревшее вопросы дальнейшего развертывания партизанского движения в западных областях Белоруссии. Было подготовлено специальное письмо ЦК Компартии республики подпольным обкомам и райкомам партии «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР». И хотя речь шла о развитии партизанского движения на Брестчине и Белостокщине, все сказанное в документах Центрального Комитета имело прямое отношение и к Барановичской области. Более того, ЦК обязал Барановичский обком оказать помощь и содействие в формировании партизанских отрядов для районов Брестской и Белостокской областей.

В первых числах октября сорок третьего года В. Е. Чернышев подписал приказ: «Считать приступившим к исполнению своих обязанностей уполномоченного ЦК КП(б)Б и БШПД по Столбцовскому межрайпартцентру товарища Царюка В. З.». Тем же приказом в состав межрайпартцентра включались Столбцовский, Мирский, Кореличский, Городищенский и Новомышский районы. Их подпольные райкомы также подчинялись межрайпартцентру. В оперативном отношении Столбцовскому межрайпартцентру подчинялись партизанские бригады имени Жукова, имени 1 Мая и особый казачий отряд Денисенко. Создавалось партизанское соединение Столбцовской зоны. Его командиром был назначен Царюк, заместителем по оперативной работе стал А. Л. Степченко.

В середине октября по решению обкома организуется Столбцовский подпольный райком партии. Первым секретарем утверждают В. З. Царюка, при этом он остается руководителем межрайпартцентра. А это означало прежде всего, что одновременно надо было решать десятки неотложных вопросов. Один из них — база дислокации межрайпартцентра. Перебрав бригады и отряды своей зоны, Царюк остановил выбор на отряде «Комсомольский» — он, пожалуй, самый боевой. Командиром в нем Андрей Саятевич, бывший председа-

тель сельсовета деревни Перетоки, а комиссаром старый друг Владимира Зеноновича — Павел Железнякович.

Приступив к своим обязанностям, изучив обстановку, людей, Царюк укрепляет командный состав бригад, отрядов, производит ряд перестановок, наводит в соединении воинскую дисциплину и порядок, требует организовать боевую подготовку, повысить активность партизан. Владимир Зенонович укрепляет работоспособными кадрами подпольные райкомы партии, командный и политический состав партизанских формирований. По его рекомендации комиссара бригады имени Жукова А. З. Гайсарова утверждают вторым секретарем Столбцовского подпольного райкома партии. Кроме него в состав райкома Царюк рекомендовал А. Л. Степченко, С. И. Казачкова, а несколько позже П. В. Дудковского. Каждому находит место, где наиболее полно могли бы раскрыться их способности, где с наибольшей отдачей они могут служить делу, которое им доверили.

Чтобы усилить работу среди комсомольцев и молодежи, Царюк назначил уполномоченным Бараповичского подпольного обкома комсомола по Столбцовскому межрайпартцентру Григория Мороховича, освободив его от должности комиссара бригады имени 1 Мая.

Налаживается регулярный выпуск районной столбцовской газеты. Как и в довоенное время, она называется «Голос селянина». Газеты выпускаются во всех райкомах, подчиненных Столбцовскому межрайпартцентру.

* * *

*

Наступил сорок четвертый год. Год особенный, знаменательный — 1 января исполнилось 25 лет Советской Белоруссии. В честь этого события партизаны устроили фейерверк на вражеских коммуникациях, взорвав несколько эшелонов; из засады в тот день подбили до десятка гитлеровских машин. Были подарки и другого рода — по предложению Царюка в соединении создали новую бригаду, присвоив ей имя «25 лет БССР». Командиром назначили Бориса Мичурина, бывшего начальника штаба одной из бригад. Вскоре он доносил: «На счету нашей молодой бригады три спущенных эшелона с живой силой... Рост партизанских отрядов за счет местного населения проходит успешно... Бойцы питают ненависть к немецким оккупантам и горят желанием бороться с фашистами».

В эти же новогодние дни волнующую новость передало московское радио,

...В землянке малиново светилась раскаленная «буржуйка»; березовые поленья с треском выбрасывали снопы искр. В углу, расточая зацах свежей хвои, стояла маленькая елочка, увешанная начищенными до блеска гильзами вместо украшений. Вдруг дверь распахнулась, и в землянку влетел посыльный с листком в руке.

— Что случилось? — удивленно спросил Царюк, отрывая усталый взгляд от пачки донесений, присланных из бригад и отрядов.

— Радиограмма! Читайте! — радостно воскликнул паренек и протянул листок Царюку. Москва сообщала, что В. Е. Чернышеву присвоено звание Героя Советского Союза. А Владимир Зенонович награжден орденом Красного Знамени. Орденами и медалями отмечены также многие партизаны. Это было признание Родиной выдающихся заслуг бойцов и командиров Барановичского соединения.

В новогоднем номере «Голоса селянина» была опубликована статья Царюка. «К оружию, братья и сестры! — призывал Владимир Зенонович земляков. — Час победы близок!» Статья подписана: «В. Ц., депутат Верховного Совета БССР».

Штаб соединения разработал план операции по разгрому крупного вражеского гарнизона, сосредоточенного в местечке Мир. Гитлеровцы открыли там учебный центр и дом отдыха для своих асов. По этим объектам и решено ударить в первую очередь. Штурмовую группу возглавляет сам Царюк. Вместе с ним сын Шура. На него возложены обязанности связного, и он ни на шаг не отстает от отца.

...Хрустит под ногами подмерзший к почам мартовский снег. Выходят из леса все 60, все как на подбор, самые ловкие парни из отрядов «Комсомольский» и имени Воронова. Каждый в бою стоит дюжины.

В считанные минуты проникли в местечко, окружили дома, в которых расположились гитлеровские летчики, и по команде открыли ураганный огонь — из автоматов, винтовок, метали гранаты. «Доблестные» пилоты люфтваффе высекали в одном белье и тут же приземлялись навек, склоненные свинцовым дождем.

Анатолий Цобкало и еще несколько человек бросились к дому, где проживал немецкий комендант. Разбуженный ночным боем, комендант выскочил во двор... и прямо в руки партизан.

Партизаны уничтожили управу, сожгли списки людей,

предназначенных к угону в Германию. У аптеки стояли подводы — грузили медикаменты, так необходимые партизанам. По пути Цобкало докладывал Царюку о ходе боя: «Разгромлен гарнизон, захвачены богатые трофеи, партизаны возвращаются в лагерь!»

— Ты м-молодец, Толя! — по-отечески похвалил его Владимир Зенонович. — Со своей задачей справился на «отлично»!

Но Царюк не был бы Царюком, если бы рядом с серьезным делом не жили в его поступках и словах шутка, острое словцо, неожиданный поступок.

Слез как-то Владимир Зенонович со своей лошадки во время посещения бригады «25 лет БССР» и видит: адъютант командира бригады Петр Кащеев красавца коня чистит.

Заговорила в нем душа крестьянина, подошел.

— Нравится? — спрашивает Петька, а сам глазами на ППС Царюка целился.

— Нравится.

— Так берите его.

— А что ж я тебе подарю?

— А мне ничего не надо. Впрочем, — Петька снова покосился на автомат, — когда появится возможность, дайте мне ППС.

— А, вот ты о чем!.. — засмеялся Царюк. — Добро, я твою просьбу не забуду.

Петька отдал коня Царюку, и стал тот на нем ездить. И впрямь исправный, добрый конь был.

Прошел месяц, другой. С Большой земли поступило оружие. И как назло, ни одного ППС. Петька терпеливо ждал, но, увидев снова Царюка, припомнил.

— Где же обещанный ППС?

— Эх, браточек, приходи после войны, — батарею дам, — вырвалось у Царюка.

Окружающие засмеялись. Петька надулся.

— Не обижайся, бери мой автомат, — Царюк снял без раздумий свой ППС и протянул Петьке.

У того глаза засияли, протянул руку, но тут же отдернулся:

— Не возьму.

— Тогда коня забирай!

— И коня не возьму.

— Что так? — удивился Царюк.

— Вы командир соединения. А у командира и автомат должен быть надежный и конь добрый...

Междуд тем горячее дыхание фронта долетало и до Рудь-

мянской пущи, где стояли лагерем подпольный райком и штаб соединения.

В командирскую землянку быстро вошел Михаил Новицкий, заместитель Царюка по разведке.

— Владимир Зенонович, в деревнях нашей зоны — «гости»! — голубоглазый, светловолосый богатырь, ростом чуть ли не в полтора раза выше Царюка, встревожен. — Непрошеные «гости»! Народ вербуют. И знаете куда? В гитлеровскую армию.

— Мерзавцы! Доигрались! Своих не хватает, так предателей ищут? — Царюк стремительно встал, старенькая шинелишка соскользнула с его плеч — в землянке даже летом было сыро, прохладно, взглянул на Новицкого, произнес резко, решительно: — Народ за ними не пойдет! Это я, Царюк, говорю! Карандаш, бумагу! — вдруг потребовал он. — Мы этот ихнийшибко вредный замысел перечеркнем. Обращусь я к народу. А письмо будет называться так: «Слово депутата к своим избирателям».

Владимир Зенонович принялся за работу. Мысли опережают руку, торопятся, спешат вылиться на бумагу.

«Дорогие братья и сестры! — обращается к землякам Царюк. — Третий год уже наши родные города и села стонут под гитлеровским ярмом. Все ваши муки и страдания, все зверства гитлеровских мерзавцев над вами мучают также и мою душу».

Секретарь подпольного райкома партии, командир партизанского соединения разоблачает подлые намерения гитлеровцев и их гнусных пособников — буржуазных, фашистующих националистов — поставить белорусский народ под ружье, втянуть в братоубийственную войну. «Берегитесь этих гитлеровских сетей!» — предупреждает Царюк.

«Братья и сестры! — зовет он. — Не ждите, пока вас вывезут в Германию на голодную смерть. Не ждите, пока вас Гитлер мобилизует и погонит проливать кровь за чужие пам интересы. Нельзя спокойно сидеть нам. Берите в руки оружие и идите в ряды народных мстителей — партизан и вместе с ними добивайте фашистскую гадину на нашей земле — тем самым помогайте Красной Армии быстрей освободить нашу Родину».

Обращение Владимир Зенонович заканчивает так: «Братья и сестры! Сожмем сильней в руках винтовки, не дадим покоя ворогам на нашей земле! Отомстим за наши муки, за наши раны, за наши слезы! За издевательства, за ужас рассчитаемся с врагом сполна и в расплате своей не поскупимся!

Пускай знают кровавые гитлеровцы, что нам дороги свобода, гордость и независимость нашей родной Советской Белоруссии».

Внизу поставил подпись: «Депутат Верховного Совета БССР В. Царюк». Пусть знают все, кто зовет народ на борьбу!

Обращение большим тиражом напечатали в подпольной типографии, и агитаторы разнесли его по селам и деревням, читали его, обсуждали, проводили беседы, собрания, митинги. Этот пламенный призыв дяди Володи нашел горячий отклик в сердцах патриотов. Крестьяне деревни Застодолье Столбцовского района писали В. З. Царюку: «Зачитав и обсудив Ваше письмо, письмо нашего депутата, который является представителем Советской власти, мы заверяем Вас, что примем все необходимые меры вместе с партизанами, чтобы спасти наш народ, особенно молодежь, от вывоза в немецкое рабство. Обещаем помогать всем, чем можем, партизанам и по первому зову Советской власти готовы встать в ряды нашей освободительницы Красной Армии».

Местные жители вступали в партизаны. Существующие отряды и бригады разрастались, превращаясь в целые соединения, и немалая заслуга в появлении их принадлежала Царюку и другим руководителям партийного подполья.

Как бы Владимир Зенонович ни был занят командирскими делами, он оставался партийным руководителем, первым секретарем Столбцовского подпольного райкома партии, членом обкома. И потому большое внимание всегда уделял партийно-политической работе, ибо она во многом определяла боевые успехи партизан. Свою партийную работу он держал под особым контролем совести, и случалось, что порой устраивал над собой суд чести, если вдруг где-то, в чем-то недоработал или упустил.

В начале мая сорок четвертого года Барановичский подпольный обком партии провел большое совещание первых секретарей райкомов партии, командиров и комиссаров бригад. В нем участвовали также комсомольские работники, начальники особых отделов бригад. Руководили совещанием представители обкома Г. А. Сидорок и В. З. Царюк.

Совещание длилось уже более трех часов, а Царюк с неослабным интересом слушал своих товарищей по оружию. Как выросли люди! Как прекрасно разбираются в обстановке! А какие изменения происходят вокруг! Владимиру Зеноновичу невольно вспомнились первые шаги подпольного обкома партии. Тогда в Барановичской области было всего пять бригад и несколько разрозненных отрядов. А теперь более

30 тысяч партизан, 26 бригад и восемь самостоятельно действующих отрядов. Огромная сила! И это за год с небольшим. Вот какой колоссальный сдвиг в партизанском движении!

В свой черед слова попросил и Владимир Зенонович. И конечно же он заговорил о том, что скоро придет Красная Армия. И нужно всеми силами ей помогать, еще крепче бить врага, приближать освобождение родной земли. А для этого следует укреплять боевое взаимодействие бригад, отряд должен помогать отряду.

— Д-дружно — не грузно, а в-врозь — хоть б-брось, — привел Царюк народную поговорку. — Так и мы. Красная Армия н-на н-немца навалится с фронта, а мы — с тыла. Тут и будет ему скорый к-конец.

Сказал Царюк и о работе с молодыми коммунистами, кандидатами в члены партии. Кое-где уповают на силу приказа, увлекаются администрированием, частенько наказывают партизан. Оно, конечно, наказать проще. Сложнее убедить, доказать, помочь молодому партизану разобраться в обстановке и еще лучше — не допустить, предупредить ошибку. Партийная работа прежде всего должна быть нацелена на воспитание людей, помогать им становиться идейно убежденными борцами за Советскую власть. Этому в немалой степени способствуют не одни ратные дела, а и мирный труд, это он знал и по собственному опыту, ведь не война вечна, а вечен мир!

Заговорила в Царюке душа хлебороба, крестьянина. И он не удержался, чтобы не сказать об извечном — о весне, севе, полевых работах. Кое-кто, услыхав эти слова, добродушно заулыбался. Вот, мол, дает дядя Володя! Война, скоро фронт покатится по этим местам, тут такая пашня будет, а он о севе говорит. Уловив настроение, Царюк поднял руку:

— Да, да, о севе! Это в-важнейшая партийная и политическая з-задача. Надо засеять все клочки свободной земли, изыскать с-семена. Крестьян охранять во в-время работ, самим не гнушаться взяться за п-плуг. Да, да, б-браточки мои; партизан — он и воин, он и пахарь. Винтовка и плуг рядом идут. И хлебушек-то — это г-голова всему. Надо не только самим сытым быть, но еще и армию кормить, н-народ кормить. Будет х-хлеб — будет и сила, а коль так, то держава наша будет сильна! Так в-вот, сев провести, а п-плуги — сховать, и поб пемец, злодень проклятый, засеянные поля не перепахал. Вот так я м-мыслю.

В заключение, как естественное продолжение разговора, обсудили вопрос о том, как выполняется директива

ЦК КП(б)Б о подборе партийных, советских и хозяйственных кадров для работы в освобожденных районах.

События между тем приобретали все более стремительный характер. 23 июня началась наступательная операция «Багратион». Сметая врага, Красная Армия стремительно продвигалась на запад.

А в это время белорусские партизаны громили гитлеровцев с тыла. По приказу Царюка бригады и отряды его соединения вышли из Налибокской пущи, заняли оборону на берегах Немана, Уши, Сулы и других рек, захватили переправы, оседлали все важнейшие железные и шоссейные дороги.

6 июля сорок четвертого года партизанская разведка встретилась с наступающими подразделениями Советской Армии.

* * *

...Вдали показалась Большая Обрина — родная деревня В. З. Царюка. Чем ближе к ней, тем больше машин на дороге. Люди спешат на восьмидесятилетие к дяде Володе. Едут в основном на машинах, хотя кое-кто запряг лошадей в легкие санки. И порошит под копытом, и задорно взвизгивает под полозьями декабрьский снежок. А вот, усердно нажимая на педали, мчит на велосипеде совсем еще бодрый, крепкий старик. Кто-то идет пешком. Спешат, спешат люди к дяде Володе. Из окрестных сел и деревень, из Кореличей, Турца, Мира, Налибок, Барановичей, Гродно, Минска — из всех тех мест, где проходили дороги жизни нашего героя.

Среди них вижу Василия Прокопьевича Бурака. Ветеран партии. Крепок, подвижен. У него отличная память, а потому он частый гость в колхозах и совхозах района, в сельских школах — вспоминает, рассказывает, какой ценой добывалось народное счастье.

И сейчас, вместе с гостями, Василий Прокопьевич неторопливо шагает к старому дому из почерневших отесанных бревен. Три каменных, стертых временем ступени к широкой двери — и уже слышен глуховатый голос Бурака. Он словно сбросил груз прожитых лет, видит себя молодым... видит, как, перемахнув через ступеньки, быстро входит в широкую дверь. Старый дом — бывшая сельская лавка в Еремичах. А продавцом здесь работал Царюк... И лишь товарищи по революционной борьбе знали: профессия продавца — это лишь «крыша» секретаря подпольного райкома КПЗБ, а сельская лавка — удобное место для нелегальных встреч. Сюда, к Володе, на огонек, часто заглядывали Бурак, Железнякович, их соратники.

Ныне Еремичи срослись с Большой Обриной. Все идут, однако, к хате, где жил Владимир Зенонович. Потемневший забор, широкое крестьянское подворье, бревенчатый сарай в глубине. В этой хате Володя работал, мечтал, растил сына, отсюда темной сентябрьской ночью его увезли в тюрьму... Сюда он вернулся с победой. Перед хатой — могучий, развесистый дуб. Ишь как вымахал! Его посадил Шура Царюк, когда отца увезли жандармы. В память о нем...

Пришли гости к хозяину, а его нет. Вот уже более 26 лет его нет среди нас... После войны Герой Советского Союза Владимир Зенонович Царюк работал заместителем председателя Барановичского облисполкома, а когда область упразднили — председателем горисполкома. Своих земляков достойно представлял в высших органах власти — нескольких созывах Верховного Совета СССР и республики. Как и в прежние годы, себя не щадил, восстанавливая разрушенное войной народное хозяйство. В январе 1957 года его не стало. Но живет в народе светлая память о нем, его славных делах, люди хранят его образ. Он чтим потомками! В его хате — музей, ему посвященный...

Двенадцать часов дня. На просторной сельской площади начинается митинг. Звучат взволнованные речи...

Взоры всех обращены к монументу, пока еще закрытому. Наконец лента перерезана. Спадает наземь покрывало, и перед собравшимися взметнувшийся ввысь Царюк, запечатленный в бронзе. Кажется, лукавая, чуть с грустинкой усмешка затаилась в уголках его рта. Дядя Володя, просто Володя, просто Зеноныч, как звали его в партизанах и в народе, вернулся на свою родину, к своим землякам.

Бронзовый бюст на высоком постаменте. И кажется — своим мудрым, проницательным взглядом Царюк окинул окружу и увидел: тропки, которые торил мальчишкой, окрестные поля и леса, родную землю, которую любил и защитил в лихую годину; увидел дорогих и близких ему людей, с которыми вместе жил и боролся, не щадя себя. И каждому почудился его живой голос: «Вот я и с вами навсегда! Помните те идеалы, о которых я мечтал в холодных застенках белопольских тюрем, за которые боролся, страдал, не раз смотрел смерти в глаза ради их торжества».

На просторной сельской площади, перед колхозным Дворцом культуры стоит в ореоле высоких дум о завтрашнем дне Родины бронзовый Царюк. И стоять ему тут вечно.

А. ЩЕРБАКОВ

В. Е. Чернышев

ЧТОБЫ ПРИБЛИЗИТЬ ПОБЕДУ

Дразнящий запах мясного бульона — как пытка. Мешает думать, курить, дремать. Какую надо иметь силу воли, чтобы вытерпеть, не кинуться к горячему котлу, откуда можно черпать котелком, кружкой, ложкой. И хлебать! До полного изнеможения, до обморока... Чернышев застегивает ворот гимнастерки и зовет ординарца:

— Передай от моего имени, чтобы людям дали по пол-кружки варева. Ни в коем случае не больше. Часа через два еще по стольку же... Потом еще... Чтобы доктор проследил. А то столько голодали, набросятся теперь — не спасешь.

Да, голодали долго, больше двух недель. И при этом не переставали отбиваться от карателей, все время двигались, уходя от преследования. Каково это, когда нечем восстановить силы!.. Хорошо, как раз стала черника поспевать. Ее собирали, жевали траву, хвою... Доктор говорит: если бы в обычной, не военной, не в критической обстановке, не вынесли бы. И сам он, Чернышев, не раз думал: все — это предел человеческих сил, больше нельзя. И тут же убеждался — можно! Отдавал распоряжения, и бойцы выполняли. Бились, пока не вырвались из блокадного кольца, не доказали гитлеровцам, что партизан им не одолеть.

Вспомнилось, как было. В штаб соединения разведка донесла: из Молодечно, Лиды, Барановичей, Воложина снялись гарнизоны и двинулись против партизанских формирований. Пятьдесят с лишним тысяч. Танки, артиллерия в придачу... А тут примерно по 80 патронов на винтовку, пулеметный запас — на два часа боя... Немцы рассчитали, что максимум за полтора месяца очистят всю зону и покончат с партизанским движением в Барановичской области. Наступали сплошной цепью, теснили в болота, прижимали к Неману...

Почти весь июль и половину августа.

Выстояли! Но какими неимоверно тяжелыми были эти недели лета сорок третьего года, ставшего для Василия Ефимовича Чернышева порой, когда жизнь, война спросили с

него так много и так строго, как до сих пор не спрашивали ни разу, хотя прожил он, по его счету, уже порядочно — 35 лет.

Цепочка тут же послушно выстроилась в памяти. Утверждение в Москве уполномоченным ЦК КП(б) Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения по Барановичской области, секретарем Барановичского подпольного обкома партии, полет с группой партийных организаторов в Белоруссию.

...Приземлились на партизанском аэродроме в Бегомле. Оттуда далекий переход в Барановичскую область, теперь, можно сказать, домой, в Налибокскую пущу, неподалеку от Ивенца. И работа. Боевая, партийная работа.

Впрочем, кто ее знает, можно ли уместить смысл его теперешней деятельности в понятие «работа»? Особенно если считать бои, переходы, бомбежки... Постоянное напряжение мысли. Даже сейчас, когда вырвались из блокады и одолевает желание отвлечься от всего, отдохнуть, не получается. Мысли приходят без спросу, теснятся, заставляют что-то оценивать, взвешивать, делать выводы, заглядывать в будущее.

Ординарец приносит ему мясного бульона — стакана полтора в плоском солдатском котелке (как хорошо, что тут догадались закопать на черный день солонины!). Он медленно, маленькими глотками пьет, потом привычным движением лезет в карман за куревом, но вспоминает, что в кисете осталось закрутки на две. «Потерплю до обеда, а там позволь себе свернуть потолще».

...В блокаде выстояли, сохранили боеспособность, а главное, не утратили ратного духа, который Чернышев считал важнейшим оружием и за который — так он понимал свое назначение сюда — больше всего отвечал перед партией. Помогло, конечно, то, что в начале блокады добыли немецкие документы, в том числе план, предусматривавший расчленение в ходе так называемой карательной экспедиции партизанских сил Барановичской зоны, а затем уничтожение их по частям. Помогло самой войной вынужденное умение поворачиваться без страха лицом к врагу и встречать его оружием, воинским мастерством, неуемно кипящей ненавистью. Вот это прежде всего и давало Чернышеву основание считать, что с партийным заданием он справляется и доверие Москвы оправдывает. Значит, все прежнее пройдено не зря и все накопленное — годится.

Пройденное, накопленное... Орловское пехотное училище, вечерний комвуз в Брянске, два курса Московского авиационного института... А до этого с 14 лет рабочий на заводе.

С апреля 1928-го член партии. Несколько лет на комсомольской работе, потом — на партийной. С 1939-го — секретарь Василишковского райкома, здесь, в Западной Белоруссии, с февраля 1941-го — секретарь Барановичского обкома Компартии Белоруссии.

Кажется, и опыта и навыков хватает. Однако назначение в Барановичскую область в сорок третьем Чернышев воспринял как необходимость (и возможность, разумеется) проявить качества партийного руководителя иного, чем прежде, масштаба и качества. Миссия предстояла весьма сложная, ответственная и необычная по своей новизне.

К сорок третьему году в западных областях Белоруссии партизаны представляли собой внушительную силу, с которой оккупанты вынуждены были серьезно считаться. Сложились уже крупные формирования — бригады; многие отдельные отряды и группы действовали полезно и смело; выросли хорошие командиры, умевшие и управлять вооруженными людьми и опираться на остававшихся при своем, крестьянском, или ином деле; существовало подполье. Так что организованное сопротивление врагу встречал изо дня в день. Но вместе с тем постоянно давала себя знать разобщенность; в некоторых отрядах и группах царил дух самостийности, партизанчины в самом худшем смысле этого слова, что, естественно, мешало, а порой и вредило движению.

Москва поставила задачу: подчинить все, что связано с сопротивлением врагу в области, единому центру, внести в партизанскую войну максимальную партийную и военную организованность, наладить координацию действий партизан с армиями, сражающимися на фронте. Ему, Платону (такую кличку привез из-за линии фронта Василий Ефимович Чернышев), нужно было суметь так использовать коммунистов, чтобы в любой операции — военной ли, пропагандистской ли, хозяйственной ли — им принадлежало первое и последнее слово, чтобы за ними без колебаний шли и чтобы политика партии принималась как единственно верная, гарантирующая победный исход войны.

Довоенный опыт служил Чернышеву надежно. Но он оказался бы неполноценным без той науки, которой пополнили его сорок первый год и начало сорок второго. Тогда ему тоже пришлось воевать в Белоруссии и в суворейших условиях постигать азбуку партизанской борьбы.

Еще жила в людях сковывающая ум и связывающая руки растерянность от горьких июньских и июльских неудач на фронте. На вопрос: «А что же дальше?» — не решались ответить иные даже умудренные большой жизнью. Партия

видела один выход — организованную и самоотверженную борьбу с гитлеровскими захватчиками и поручала коммунистам поднять дух людей, убедить их поверить в свои силы и повести в бой. И, само собой разумеется, помочь стать настоящими солдатами. Чернышев не сомневался, что сумеет их организовать и повести за собой. А вот научить воевать... Он так и сказал тем, с кем ему предстояло действовать по ту сторону фронта: будем и воевать, и учиться, другой возможности у нас нет.

И они воевали. И учились. Устраивали засады на дорогах и жгли вражеские автомашины, уничтожали мосты, взрывали железнодорожное полотно. Чернышев обычно всегда принимал участие в операциях, старался узнать повадки врага, понять его психологию, прочувствовать особенности партизанской войны, будто предвидел, что она для него продолжится, только в иных масштабах и с другой для него ответственностью.

К осени сорок первого года отряд, в который влилась группа Чернышева, насчитывал 96 человек. Одновременно увеличивался и размах его действий. Гитлеровцы уже почувствовали: им с партизанами войны не избежать. Чернышев — партийный вожак — постиг для себя главное. Узнал, как в огне переплавляется в подвиг настоящий патриотизм, как рождается ненависть к захватчикам, как от боя к бою крепче и увереннее держатся бойцы и как надежно поселяется в их душах вера в непременную и полную победу.

В марте сорок второго года Чернышева отзовали в Москву. Вскоре он начал готовиться к отправке в глубокий тыл противника, в знакомую и незнакомую Барановичскую область. Знакомую, потому что успел тогда, в тридцать девятом, сороковом, сорок первом, многое узнать и понять в том укладе жизни, какой существовал там, пока не была восстановлена Советская власть, и какой за несколько лет изменился, разумеется, никто не рассчитывал.

Обстановка совсем не та, что в восточных областях, — в деревне каждый занят на своем наделе, хутора усиливают, углубляют разобщенность людей; белорусы унижены, придавлены польской шляхтой; католическая церковь умело проповедует рабскую покорность судьбе... Советская власть только начала выводить население западных областей Белоруссии к светлой жизни, а тут война.

С первых же дней оккупации — Чернышев знал это по сведениям, поступавшим в Москву, — гитлеровцы где убеждениями, где силой заставляли местное население отвернуться от Советской власти, не поддерживать партизан и подполь-

щиков, если не помогать, то во всяком случае не сопротивляться «новому порядку». Этому нужно было противопоставить активную политическую работу. Поначалу Чернышев лишь в общих чертах представлял себе ее практическое содержание. Оттого и считал оккупированную фашистами Барановичскую область краем незнакомым.

Узнавать этот край приходилось только одним способом — в работе. Едва обосновались в пуще, Чернышев уже торонит подчиненных ему партийных руководителей, формировавших межрайонные партцентры, идти в деревни, на хутора, выяснять настроения, приобщать к сопротивлению, чтобы расширять и цементировать партизанский фронт. Возвратившись, обстоятельнейшим образом рассказывали Платону об увиденном и услышанном.

...В аккуратно прибранной, теплой хате Степан Шупеня, довоенный секретарь Щучинского райкома партии, и Александр Рыбаков, присланный Центральным Комитетом комсомола Белоруссии возглавить подпольный обком комсомола, разговорились с хозяйкой.

— Не очень, небось, сладкий германский-то порядок?

— Да уж какая тут сладость?! Не успели наобещать рай, уже разоряют...

— Худо, стало быть... А по Советской власти тужите?

— Тужи не тужи, она от этого не появится.

— А если уже появилась? Вот мы перед вами,— Рыбаков решительно шагнул от порога.— Я ваших деревенских почти всех помню. До войны тут рядом пионерский лагерь был, а я в обкоме комсомола работал, наезжал сюда. А этот товарищ...

Вошел хозяин, остановился, пристально посмотрел на Шупеню.

— Секретарь райкома, никак... Значит, Советская власть вернулась.

Когда передали Платону вот эти слова: «Советская власть вернулась», он радостно потер руки, провел ладонью по бритой голове и возбужденно, громко заговорил:

— О! Видите, крестьянин признал, что Советская власть вернулась. Надо, чтобы признали и поняли всюду. Надо доказать, что мы вернулись изгонять врага, что умеем его бить, надо убедить понявших это решительно стать на нашу сторону.

...В землянке полно людей. Того и гляди, погаснет от недостатка кислорода лампа, что смастерили из снарядной гильзы и полоски шинельного сукна. Платон специально созвал побольше народу — командиров, партийных организаторов,

помощников по обкому, чтобы обсудить самые главные вопросы.

— Создаем межрайонные комитеты партии, чтобы обеспечить монолитность, цельность наших рядов.— Он свел вместе крепко стиснутые кулаки и поднял их, показал всем.— Обстановку на фронтах вы примерно знаете. Гитлера под Сталинградом расколошматили, наши успешно наступают. Чем ближе будет подходить линия фронта к нам, тем крупнее и важнее наши задачи, а стало быть, тем выше должна быть партийная организованность и борьба с фашистами. Бригады, отряды действуют, а сплоченности не хватает. Поэтому теряем много. Там, где можно очень ощутимо ударить, другой раз только ущипнем. Есть, вы это не хуже меня знаете, отряды и группы, которые не столько воюют, сколько в своих лесных норах отсиживаются. Давайте приобщать их к настоящему делу, негоже бойцов-то терять...

Он говорил еще о том, что нужна постоянная, надежная связь между ячейками, отрядами, бригадами, чтоб, когда нужно, поднять одновременно и тех, кто под Лидой, и тех, кто под Воложином, и тех, кто под Козловщиной... Говорил о необходимости каждодневно вести работу среди местного населения.

— Чтоб в нас поверили, мы все время, гласно или негласно, в городах, в деревнях, на хуторах должны присутствовать, духом своим большевистским, правдой своей... Оккупанты зацепиться за так называемого нейтрального человека рассчитывают и рассчитывают, а наша задача доказать, что никаких нейтральных на этой земле не существует. Вот тогда будет ясно видно, на что коммунисты способны.

Межрайкомы возглавили опытные руководители: Лидский — Ефим Гапеев, Столбцовский — Владимир Царюк, Ивенецкий — Григорий Сидорок, Щучинский — Степан Шупеня. От них сразу потянулись живые нити — в партизанские лагеря, к подпольным явкам, в населенные пункты, во вражеские гарнизоны. Решения подпольного обкома партии и агитационные листовки, рассказы о подвигах партизан и призывы не подчиняться оккупационным властям, сообщения об успехах Красной Армии, о жизни советского тыла — все это доходило до людей, влияло на политический климат в области, помогало вести боевые действия.

Платон очень строго контролировал, как выполнялись указания обкома, его личные распоряжения. Был даже припрят в спрессе. Требовал, чтоб подчиненные всегда знали обстановку и подробнейшим образом информировали его. Часто садился верхом или, если зимой, в сани и ехал в лесные

гарнизоны, разбирался дотошно во всем, что считал важным для партийных и военных успехов.

Гладко получалось, понятно, не все. Возникали осложнения. Доходило до острых споров, до конфликтов. Он понимал, что преданность делу, опыт сами по себе вещи, конечно, ценнейшие, однако даже у опытных и преданных людей порой выходят наружу обычные человеческие слабости — самолюбие, обидчивость, нежелание подчиняться. «И если ты настоящий руководитель, — любил повторять он, — имей терпение и настойчивость разъяснять, переубеждать, если надо, переламывать даже стойкие характеры». И только так поступал.

Когда заметил, что некоторые секретари райкомов норовят рассматривать свои районы как свои в буквальном смысле слова — мои деревни, мои партизанские отряды, «мои» вражеские гарнизоны, — сразу дал понять: так не пойдет! Но надо было добиться, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в его правоте. Нередко случалось, что разговоры в его землянке длились часами.

— Ты ж пойми, — Чернышев пристально глядел в глаза собеседнику, — Москва прислала меня не удельными княжествами править, а руководить областной партийной организацией. Амбиция — штука цепкая, я согласен: Чернышев хочет забрать у меня бригады и перебросить в другой район, а я думаю, что он со мной считаться перестал, обиду мне наносит. Хотя Чернышев в уме такого и не держит, просто завтра бригада в другом месте нужнее. Ведь у противника автомашины. Когда им легче двигаться — когда препятствия одно от другого на сто верст или когда перед ними сплошная степь? То-то и оно!

На его стороне была жизнь. Она помогала ему убеждать людей и фактами, и логикой развития событий, и эмоциями, которые никогда не оставляли людей равнодушными. Все, кому приходилось общаться с Чернышевым, убеждались: в нем разумно, с завидной гармоничностью сочетаются те свойства характера, которые необходимы руководителю, — принципиальность, строгость, доброта, открытость, нетерпимость к показному, фальшивому, стремление к ясности во всем, последовательность, прямодушие. Временами он позволял себе расслабиться, потешить окружающих острой шуткой, заразительно похохотать по поводу какой-нибудь забавной истории, придумать что-то такое, что в суровой военной обстановке иным казалось странным, не очень уместным. Но в этом был весь он — Василий Чернышев, совсем не похожий на «теоретического», железного партийного деятеля.

До сих пор помнят его соратники историю с сапогами для

Сурганова. Обычная в общем-то история, но Чернышев раскрылся в ней удивительно красивой, простой и ясной человеческой мудростью. Оттого история и запомнилась.

Некоторое время в Барановичской области находился один из секретарей Центрального Комитета комсомола Белоруссии — Федор Сурганов. Они с Чернышевым жили в одной землянке, вместе ездили по районам. Когда Сурганова проводили на партизанский аэродром, Чернышев вызвал Александра Рыбакова:

— Я по секрету от Федора велел спить ему сапоги — у него-то на ногах только название что обувь. Возьми и жми на аэродром. Пускай переобутся. Начнет сопротивляться, прояви боевую настойчивость. Думаю, поручение посильное.

Рыбаков поспешил на аэродром. Случилась как раз задержка, самолет не прилетал, и Сурганов скучал в ожидании вылета. Увидел Рыбакова, обрадовался — авось поможет скрутить время. Но когда узнал про сапоги, возмутился:

— Фокусничает ваш Платон. Сам ни гу-гу — знал, что не возьму. Вам в лесу вон сколько народу-то обувать-одевать нужно, а он мне, видите ли, с нарочным сюрприз... Дипломат! Обратно понесешь!

— Да совсем не так, — изворачивался Рыбаков. — Не готовы были сапоги, когда вы уезжали из лагеря... А вернуться с ними туда я не имею права. Получится, что приказ не выполнил. Не хотите же вы меня подвести?!

Сурганов поворчал и принял мерить сапоги. Обул. Прешелся.

— Годятся?

— Еще бы!

Вдруг появился сам Чернышев.

— Что, решил проверить, как сработала твоя дипломатия?

Сурганов явно радовался лишней возможности побывать с Платоном.

— По радио сообщили: вызывают в Москву. Так что полетим вместе.

— Полетим-то полетим, а за сапоги...

Чернышев озорно улыбнулся и перебил Сурганова:

— Сто метров бежим наперегонки, вот от той березки до поворота дороги...

И, не дожидаясь ответа, стал снимать на ходу десантную куртку, которую носил с осени до весеннего тепла.

Хотел ли он просто убедиться, что сапоги пришли Сурганову впору, или забурлила в нем внезапно озорная радость от того, что сделал человеку добро, — наверное, это не так

важно было уточнить. Рыбаков видел перед собой человека, который знал цену жизни.

...Собираясь в тыл врага, Чернышев подолгу размышлял о том, как ему удастся сочетать партийное и военное руководство. Слишком мал был военный опыт, а операции предстояли большие, да и военные дела в Барановичской области уже развернулись широко. Как «вписаться» в этот масштаб? Взять вон партизан Бориса Булата... Кадровый командир Красной Армии сумел создать из окружёнцев настоящую боевую силу. Как действуют! Грамотно, отчаянно! Танкетка у них в строю. Выезжают прямо на шоссе и в упор расстреливают встречные немецкие машины, гарнизоны громят.

Василевич — отлично подготовленный командир, Ковалев со своими бойцами сколько сделал успел; о Павле Булаке и его партизанах чудеса рассказывают...

Так как же «вписаться»? Очень скоро Чернышев понял, что ему вовсе не нужно пытаться существовать в двух лицах. Он — партийный руководитель и тем успешнее оправдывает свое назначение, чем полнее и умнее сумеет проявить то, что знает и умеет, сплачивая, мобилизуя людей, используя их сильные, нужные в этой обстановке качества.

...И опять в землянке накурено до черного тумана. Разговор длится уже третий час. Чернышев собрал начальников штабов отрядов, чтобы обсудить директиву Центра о развертывании «рельсовой войны». Как всегда, он избегает многословия.

— Я не хочу давать вам чисто военные инструкции, в отрядах есть специалисты, которые на диверсиях, как говорится, собаку съели. Хочу напомнить только, что надо найти самые болевые точки, чтобы по возможности дольше оставался парализованным организм врага. Железные дороги — своеобразная нервная система, а она, как известно, во многом определяет состояние и фронта, и тыла. Вот это важно иметь в виду, планируя операции «рельсовой войны». И еще подчеркну необходимость безупречной отлаженности действий, единства усилий. В частности, два направления — Барановичи — Лида и Лида — Молодечно — мы должны попытаться закрыть наглухо и на срок возможно больший.

«Рельсовая война»... В ней воплотились, пожалуй, весь предыдущий опыт партизан, вся их ненависть к оккупантам.

Железнодорожные пути выводили из строя на больших пространствах в разных местах, — как правило, там, где попотно было трудно восстановить. Диверсионные группы действовали быстро и мобильно, чем могло, помогало население. Гитлеровцы не успевали ремонтировать нарушенную сеть,

движение задерживалось на долгие часы, иногда на несколько суток.

Сказалаась тщательнейшая подготовка. Как пример в документах приводилась бригада имени Чкалова. «В бригаде 44 диверсионные группы, в каждом отряде подрывная рота. Под руководством начальника подрывной службы бригады инженера-химика тов. Курзанова Владимира Александровича организована крупная мастерская... Освоено производство упрощенных взрывателей, делаются мины замедленного действия, в большом количестве плавится тол из снарядов...»

Некоторые итоги операций на рельсах отразила докладная записка Барановичского подпольного обкома партии.

«Партизанские бригады и отряды нанесли два массированных удара по железнодорожным коммуникациям в ночь на 19 и на 26 сентября 1943 года, в результате чего было перебито свыше 11 000 рельсов на участках Лида — Минск, Барановичи — Минск, Барановичи — Лида — Волковыск. Железная дорога Лида — Барановичи выведена из строя и не ремонтируется. Общая длина разрушенного участка до 60 километров. Было подавлено 12 железнодорожных гарнизонов».

Платон ходил именинником. Успехи в «рельсовой войне» ощутимо помогали Красной Армии. К тому же подтверждалась мысль о том, как важно уметь собрать силы в кулак, быть расчетливо, по самым болевым точкам.

— Теперь мы, пожалуй, больше хозяева на железной дороге, чем они. — У Платона были основания утверждать так.

— Пусть попробуют гитлеровцы соблюдать графики подвоза к фронту всего, без чего фронт задыхается. Не дадим!

Его захватывали новые и новые дела. Он брался за них с азартом, заражал всех своим оптимизмом. Казалось, нет предела его энергии, стремлению опередить события и мыслию и действием.

А дел все прибавлялось. Фронт подвинулся вплотную к Белоруссии. У оккупантов оставалось все меньшие «жизненно-го пространства», и они предпринимали возможное и невозможное, чтобы его удержать, не дать перенести войну на территорию самой Германии. Партизаны в свою очередь усиливали противодействие.

Подпольный обком партии требовал, в частности, предпринять максимум усилий, чтобы сорвать массовую отправку населения в Германию, как задумали власти рейха. В деревни, поселки, на хутора шли партизанские агитаторы, несли с собой листовки, газеты; подпольщики делали все, чтобы

сорвать затею оккупантов; партизаны блокировали пути, по которым намечался вывоз мобилизованных, как выражались гитлеровские чиновники, граждан.

Куда было уводить спасаемых от фашистской неволи? Конечно, в леса, в партизанские лагеря. Прибавлялась еще уйма работы. Платон искал в ней главное и на него ориентировал коммунистов: находите с людьми общий язык, разъясните нашу политику и того, кому с нами по пути, без колебаний зовите за собой!

— И оружие можно давать тем, кто изъявляет готовность пойти с партизанами?

— Да! Умейте доверять людям. Без этого работа в мас- сах — пустая говорильня! Опыт подскажет вам, кто достоин доверия, а приобретается он опять же только общением с на- родом.

И тактика оправдывала себя.

За счет местного населения росли партизанские отряды. Все чаще Платону поступали донесения, подобные вот этому: «Агитаторы-партизаны отряда имени Александра Невского регулярно проводят массово-политическую работу среди крестьян Юратишковского района. В результате этой работы крестьяне не сдают продукты немцам. Они собирают зерно, картофель и обеспечивают ими партизанские отряды. Крестьяне деревни Крупля собрали свыше 200 пудов ржи, 400 пудов картофеля, значительное количество сухарей и сдали отряду имени Невского».

Успехи побуждали торопиться сделать еще больше. И характерно: Чернышева все больше занимало будущее, пора возрождения — он верил, что она близка, пора устройства по- мирному той жизни, за которую бились с фашистами уже третий год. Платон утвердил «Временное наставление комендантом населенных пунктов», потому что кровно заботился об авторитете Советской власти. Он болел за будущий хлеб и, когда требовалось, распоряжался повернуть партизан к земле-кормилице, и не меньше, чем донесениям о ратных победах, радовался вестям, подобным вот этой, полученной из бригады имени П. К. Пономаренко весной 1944 года.

«В мае месяце бригадой в своем районе проведена большая работа по вопросам посевной. При движении на восток отрядами с баз были отвезены и розданы крестьянам вся лишняя сбруя, упряжь и повозки. Партизаны, имеющие свои хозяйства, работали дома от 4 до 8 дней. Бригадой было роздано для проведения посевной следующее количество лошадей: отряд им. Тимошенко обслужил деревень — 9, выделили лошадей — 34; отряд им. Воронова — 13 и 27; им. Пономаренко —

9 и 25; им. Буденного — 6 и 37; им. 25-летия БССР — 4 и 15; им. Василевского — 4 и 13».

Гитлеровских захватчиков изгоняли с белорусской земли. Партизаны все чаще и чаще подключались к наступательным операциям Красной Армии, действовали вместе с частями, завершающими освобождение советской земли от оккупантов. Можно было подводить итоги боевой деятельности Барановичского соединения, подпольного обкома партии.

«Главное внимание в работе обкома КП(б) Б, — сообщалось в докладной записке, — было обращено на установление связи с отрядами, расширение партизанского движения, организацию новых отрядов, групп, усиление партийного руководства партизанским движением, поднятие роли партийных организаций, создание партийных подпольных органов и боевой активизации отрядов...

С весны и летом 1943 г. партизанские отряды значительно пополнились. Кроме организованных 23 новых отрядов старые увеличились до 2500 человек, некоторые отряды увеличились вдвое-втрое.

На 1.10.43 г., по неполным данным, партизанские отряды и бригады сделали следующее:

спущено под откос вражеских эшелонов — 398; разбито и повреждено паровозов — 354; разбито вагонов, платформ и цистерн — 3042; взорвано железнодорожных мостов — 47; взорвано, сожжено мостов на шоссейных дорогах — 372; уничтожено автомашин — 633; тракторов и прицепов — 136; взорвано, сожжено разных складов — 13; разбито немецких гарнизонов — 14».

Летом сорок четвертого ушла из Белоруссии на запад измучившая ее землю, так безжалостно пытавшаяся лишить ее жизни война. Но не лишила. Выжила земля! Остались на ней люди — исстрадавшиеся, с тяжелыми ранами в душах, но с неистребимой волей бороться за право жить независимо и счастливо.

Теперь ум, опыт и энергия партийного работника Василия Ефимовича Чернышева обратились на то, чтобы утвердить делами, силами и верой людей, которых он поднимал на врача, несокрушимость Советской власти в новых испытаниях, на новых путях ее истории.

В сорок четвертом он — секретарь Барановичского, потом Брестского обкомов партии. Временами казалось, что не спрятаться с гигантской лавиной неотложных проблем. Налаживание работы предприятий и хлопоты о продовольствии; агитация за колхозы и помошь семьям, оставшимся без крова; борьба с бандитизмом; строительство школ; устройство вче-

рашних фронтовиков и партизан; восстановление дорог... Чернышев справлялся, хотя без конца упрекал себя за то, что где-то не успел побывать, кого-то не успел принять, задержал ответ на чье-то письмо...

Из Бреста Чернышева отзывают в Минск, избирают секретарем Минского обкома партии, а через некоторое время — секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В 1951 году он занимает пост первого секретаря Калининградского обкома партии, с 1959-го — первого секретаря Приморского крайкома. В 1969-м вступил в должность заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. В том же году его не стало. Он не успел сделать для будущего столько, сколько мечтал. Но сколько успел — сделал. И сделал достойно.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге и ее героях	1
<i>Н. Ельшин.</i> Верю беспредельно	4
<i>С. Аслёзов.</i> Поезда — под откос!	23
<i>А. Стась.</i> Товарищ Олекса	39
<i>Г. Денисенко.</i> По велению долга	54
<i>Г. Некрасов.</i> Право на бессмертие	76
<i>С. Родионов.</i> По заданию товарища Клима	94
<i>А. Суслов.</i> Всю жизнь — без остатка	114
<i>Н. Марушкевич.</i> Смысл его жизни	130
<i>А. Кейзаров.</i> Прочнее брони	152
<i>П. Баугис.</i> Партизаны называли его отцом	173
<i>А. Ф. Федоров, дважды Герой Советского Союза.</i> Горячее сердце коммуниста	185
<i>А. Палахченко.</i> Комиссар незримых баррикад	196
<i>Д. Сверкунов, А. Щербаков.</i> Не ушла война из приграничья	213
<i>З. Политов.</i> Жил коммунистом и умер коммунистом	225
<i>В. Павлов, Герой Советского Союза.</i> Генерал Орленко	248
<i>С. Аслёзов.</i> В огне борьбы	269
<i>А. Щербаков.</i> Чтобы приблизить победу	290

НАРОДНЫЕ ГЕРОИ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Д. И. Жеребкина*

Младшие редакторы *З. У. Устенова, С. В. Вершинская*

Художник *В. Б. Глебов*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 3218

Сдано в набор 31.01.83. Подписано в печать 10.05.83. А00395. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условия печ. л. 16,17. Условия кр.-отт. в бумажном переплете 17,22, в тканевом переплете 16,80. Учетно-изд. л. 18,59. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ 3117. Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

60000